

Николай СЕМЧЕНКО

ЛЯРВА

1.

Бабушка Чичуэ, подслеповато шурясь, пытливно разглядывала медные кружочки, привязанные к темному, обветшавшему ремню из лосиной кожи. С одной стороны они были гладкие, с другой — испещрены узорами. Именно такие вышивала на своих халатах бабушка Чичуэ; на её изделия музеи записывались в очередь.

Эта крошечная, сгорбленная старушка не признавала никаких швейных машинок, и потому всё делала медленно: кроила и шила халаты по выкройкам, которые ей от матери достались, и каждую строчку ладила кропотливо, одну к другой — ровной линией, а уж что касается орнаментов, то Чичуэ вышивала их в полном одиночестве, чтобы никто и ничто не отвлекало от кропотливой работы: один мелкий стежок, другой — особенным таким нахлестом, и чтобы нитка ложилась аккуратно, гладко. Когда она была молодой, то за год вышивала по три-четыре халата, теперь — дай Бог, чтобы один сделала.

Музейщики считали, что бабка всё делает в соответствии со старинными традициями, помнит заветы лучших мастериц, да и сами обычаи своего народа знает лучше всех в округе — к ней постоянно ездят музейщики и даже титулованные учёные. Собственно, некоторые из них и строили свои диссертации и монографии как раз на воспоминаниях таких древних бабушек, как Чичуэ. Потому Андрей и принёс на показ ей этот старый пояс, крепко пахнувший полуистлевшей кожей: реликвия несколько лет лежала в сараюшке одного местного рыбака, и, может, он бы о ней и не вспомнил, если бы Андрей не попросил его поискать что-нибудь настоящее, старинное. Мужик маялся похмельем, денег на водку взять ему было негде, а те мелкие поделки из меха, которые он пытался сбыть приезжим туристам, особого впечатления не производили. Такие тапочки и кулоны, сделанные из искусственной кожи и коленкора, можно было купить за меньшую цену в любой городской сувенирной лавке.

Когда Андрей спросил его, есть ли что-нибудь настоящее, старинное — ну, допустим, сэвен*1, посуда из бересты или какая-нибудь шаманская амуниция (на последнее, впрочем, он и не надеялся), мужичок засуетился: "Есть, есть! Только надо поискать. Дровами это старьё завалил. Кому оно нужно сейчас? А этот пояс я сам нашел — в лесу, там старая халабуда стояла, вокруг — идолы. Говорят, что в стародавние времена там святилище было, и этот пояс наверняка носил шаман. Сам я не понимаю в этом ничего, но пояс — старинный, с побрякушками. Подожди, сейчас пороюсь. Я живо!"

Это «живо» продолжалось, наверное, часа полтора. Вместе с другими туристами Андрей успел сходить на берег Амура, где их накормили ухой, сваренной по-походному над костром. Потом экскурсовод — маленькая, кругленькая, веселая женщина неопределенного возраста: то ли ей двадцать, то ли все сорок пять лет — повела всех смотреть валуны, на которых древние люди нацарапали рисунки. Андрей много чего слышал об этих петроглифах, и ему почему-то казалось, что они непременно должны произвести впечатление — хотя бы своей древностью: всё-таки, как говорится, послание из глубины веков. Кстати, именно эти банальности и произносила экскурсоводша:

— Древние люди оставили эти знаки на камнях, потому что хотели донести свои сокровенные знания до потомков, — вещала она в мегафон. — Мы относимся к ним как к археологическим памятникам, но для местного населения эти петроглифы, прежде всего, — культовое место их предков. Гасян — так они его называют. Потомки древних художников ищут здесь кэси — в переводе на русский значит "удача". Ни один местный житель ни за что не придёт сюда с пустыми руками — обязательно принесёт вино, водку

и сигареты, чтобы угостить добрых духов, охраняющих Гасян. Тут нельзя громко разговаривать, ругаться, передвигать камни с места на место...

В прибрежных зарослях ивняка как раз сидели три местных парня: перед ними на расстеленной газетке стояли банки с пивом и горкой лежали пластушкинки юколы*2. Уже опорожненная ими бутылка водки валялась рядышком. Троица, не обращая внимания на туристов, горланила:

— Шуми, Амур, шуми, наш батюшка...

Экскурсоводша, подобрав пухленькие губки, вздохнула:

— Каждый отдыхает, как привык. Но вы не обращайте внимания на них. Антирелигиозная пропаганда при советской власти сделала своё дело: люди стали стесняться истоков родной культуры, шаманизм высмеивался, а священные камни постепенно разрушались...

Она говорила монотонно и скучно, повторяя, видимо, заранее заученный текст. Андрей взглянул на камни, на которых слабо просматривались черепообразные личины, чем-то похожие на маску из фильма "Крик": там маньяк надевал её, чтобы напугать свою жертву, прежде чем пустить в ход нож.

Личины показались Андрею зловещими, недобрыми. Это, впрочем, подтвердила и экскурсоводша:

— В галерее петроглифов эти изображения занимают особое место, — продолжала она. — Считается, что личины в форме черепов источают отрицательную энергетику. Видимо, они символизируют злые силы природы. Совсем другое дело — вот этот валун со срезанной верхушкой: видите, на нем изображен лось? Посмотрите на него внимательно, откройте ему своё сердце — от этого петроглифа словно исходит лучистая энергия добра и справедливости. Чувствуете? Видите?

Но, как на грех, ярко светило солнце, и на камне трудно было разглядеть линии, складывавшиеся в образ какого-то большого животного.

— А вы наберите воды, — посоветовала экскурсоводша. — Лейте её на камень — влага проявит рисунок. Смотрите, как я делаю, — она брызнула водой на валун. — Этот лось — космический символ: в центре фигуры животного изображена спираль. Она прекрасна и бесконечна, как сама Вселенная! Уже в незапамятные времена человек представлял космос как нечто безмерное, беспредельное, и каждое существо, как этот лось, по мнению древних, несло в себе частичку этой безграничности...

— Но, может, они просто так выцарапали на камне беременную лосиху? — спросила Настя и засмушалась. — Ой, я, наверное, что-то не то брякнула...

— Если бы древний художник хотел изобразить бытовую картину, то в утробе лосихи он действительно нарисовал бы маленького лосёнка, — кивнула экскурсоводша. — А тут, глядите, просматривается явная спираль — вечный космический символ, который присутствует в архаическом искусстве многих народов Дальнего Востока и Сибири.

Настя не стала с ней спорить. Она лишь виновато взглянула на Андрея, которому явно наскучила вся эта вымученная экскурсия. Если бы не Настя, то он, скорее всего, лежал бы сейчас на пляже, купался, пил пиво, поиграл бы в волейбол, а вечером — на дискотеку, как приличный молодой человек. И плевать, что пока он безработный. Это даже хорошо, что кафе, в котором он был поваром, наконец-то закрылось: из-за удалённости от центра города народу сюда ходило мало, публика была не привередливой — максимум спиртного, желательно подешевле, да какая-нибудь незатейливая закуска. Работникам платили мало, кулинарные таланты Андрея оставались, в общем-то, невостребованными: приходилось готовить в основном салатики, бифштексы-ромштексы и куриные окорочка. Так что он уже и сам подумывал об увольнении. Хозяину кафе не приносило прибыли, на которую он рассчитывал, и потому, не дожидаясь полного фиаско, он продал помещение под зал игровых автоматов.

— Не нравится тебе тут? — спросила Настя. — Ну, не дуйся! В кой-то веки культурно отдыхаем, смотрим всякие древности...

— Всё хорошо, — улыбнулся Андрей. — Прикасаюсь, можно сказать, к праистории. И всё благодаря твоей фирме, — он сделал паузу и желчно продолжал, — которая организует для своих сотрудников такие полезные, содержательные уик-энды.

— Язва, — хмыкнула Настя. — Какой же ты язва! Лучше было бы, если бы мы всего этого не увидели? Пролежали бы на пляже, обгорели на солнце, надулись бы пива... Ну, чем лучше-то? А тут — простор, экзотика, уха на свежем воздухе, в конце концов, тебе полезно для здоровья.

— Ага, — иронично кивнул он. — Я прямо разваливаюсь, как столетний дед. Ты думаешь, что у меня не лёгкая простуда, а прямо чахотка уже, — он кашлянул. — А что касается уха, то если бы я такую сварганил в кафе, то ещё раньше безработным бы стал.

— Тебе же сказали, что уха сварена по рецепту кухни аборигенов, — не сдавалась Настя. — Так у них принято готовить.

— Ладно, — вздохнул Андрей. — У меня претензий нет. Лишь бы тебе, солнышко, всё это нравилось.

— Тебе тоже понравится, — пообещала Настя. — Сейчас нас поведут смотреть шаманские пляски. Говорят, что это — вообще, слов нет, какое зрелище!

Экскурсоводша, поглядев на часы, прокричала в мегафон:

— Господа туристы, нас ждёт культурная программа: древние танцы древней земли, камлание шамана, песни аборигенов. Поторопимся!

Она бодро засемила впереди группы, поминутно останавливаясь и оглядываясь, как наседка, считающая своих цыплят:

— Не отставать! — и, глуповато хихикнув, прокричала в мегафон речевку: Кто шагает дружно в ряд? Туристский наш отряд!

Вслед за ней все зашли под широкий деревянный навес над дощатой сценой, сооруженной среди кустов темно-зеленого орешника. Остро пахло горькой полынью и какой-то болотной травой, от комаров не было отбоя: эти проклятые твари, казалось, только и ждали, когда в село пожалуют городские — местных жителей, как заметил Андрей, они облетали стороной. Экскурсоводша велела всем намазаться "Дэтой", не преминув подчеркнуть, что эта "мазилка" — презент туристической компании, в калькуляцию за услуги не входит.

— Аборигенов комары не кусают: у них иммунитет против крососущих тысячелетиями вырабатывался, — пояснила экскурсоводша.

— Что, кровь у них другая? — наивно спросила Настя.

— Конечно, — не моргнув глазом, отвечала экскурсоводша. — И потом, они из каких-то травок сами делают настойку — намажутся, и никакие кровососущие им не страшны. Что и говорить, аборигенные народы Амура привыкли жить в единстве с природой, знают её тайны...

Врала она или нет насчет какой-то особенной травяной настойки — неясно, но местным жителям комары действительно почти не досаждали. Может быть, этим кровососущим тварям больше нравились изнеженные горожане — лакомее, так сказать. Не садились они и на артистов из здешних женщин: нарядившись в халаты, они старательно прыгали по сцене, изображая то чаек, то уток, гортанно вскрикивали, смешно вертели задами, приседали, усердно притопывали. Потом на сцену взобралась маленькая, сгорбленная в три погибели старушка. Ей подали бубен, и она, полуприкрыв глаза, что-то тихонько начала напевать на своём языке, ритмично постукивая колотушкой по деревянному ободу бубна. Привязанные к нему побрякушки отзывались негромким мелодичным звоном.

— Чикуюэ! — шепнула экскурсоводша и восхищенно закатила подкрашенные синей тушью глазки. — Самая большая их мастерица! У неё мать шаманкой была, любую болезнь лечила, и у Чикуюэ есть дар: говорят, что вещи, сшитые ею, обладают положительной биоэнергетикой. Ну, что вы ехидно так улыбаетесь? Молодой еще! Ничем, значит, серьёзно не болел. Потому и не верите, молодой человек.

Андрей хмыкнул, но отвечать ничего не стал. Его смешили эти модные нынче разговоры о биоэнергетике, ауре, чакрах и тому подобных вещах. По его наблюдениям, как правило, ими увлекались дамы серьёзного возраста, желающие, видимо, найти средство для возвращения былой привлекательности, а, может быть, им просто нечем заняться: дети живут сами по себе, муж, если он есть, не проявляет интереса, на работе — скучно, дома — одиноко, вот они и уходят в свои тонкие миры, выдумывают всякие несусветные вещи.

— А зря не верите, — не унималась экскурсоводша. — Мир гораздо сложнее, чем мы о нём думаем. Неужели тут, у этих священных древних камней, вы ничего не почувствовали? И неужели вас не волнует бубен Чикиуэ?

Бубен вообще-то волновал. Старушка, можно сказать, была виртуозом: бубен то рокотал как приближающийся гром, то шелестел ветром — будто невидимая ласковая рука проводила по прибрежному ивняку, сгибая тонкие стволы деревьев, и они, распрямляясь, шумели листвою. Иногда бубен замирал, и тогда слышался тоненький перезвон серебряных и медных бубенчиков и колокольчиков, подвешенных к его ободу. Чикиуэ смотрела прямо перед собой, и будто что-то видела: её лицо то омрачалось, то она удивленно приподнимала брови, то сердито поджимала сухие бледные губы, то радостно улыбалась — и согласно её настроению звонко пел, громко смеялся и тихонько плакал бубен.

Но от выступления Чикиуэ Андрея отвлек тот самый мужичок, который пообещал найти старинный пояс. Он внезапно появился в пыльных кустах лещины позади сцены и, не обращая внимания на бьющую в бубен старушку, принялся призывно размахивать рукой с зажатым в ней поясом. Подвешенные к нему медные кругляшки и другие висюльки зазвенели. Чикиуэ прекратила бить колотушкой в бубен и в недоумении оглянулась на пришельца. Зрители подумали, что устроителями представления так задумана какая-то особенная сценка и приготовились следить за дальнейшим развитием событий. Но мужичок лишь выразительно крутил в руке реликвию и не менее выразительно постукивал себя по горлу указательным пальцем.

— Иди, — подтолкнула Настя Андрея. — Иначе он представление сорвет, выпивоха несчастный!

Андрей, конфузясь, махнул мужику рукой, показывая направление, где будет его ждать. Тот пригнулся и моментально исчез в лещине — с веток только облачко серой пыли поднялось.

Пояс, хотя и было видно, что старинный, не понравился Андрею: ветхий, потёртый, изъеденный какими-то вредителями, он не производил никакого впечатления, разве что медные кругляшки интересные: на них темнела прихотливая вязь узоров, сквозь зеленоватый налет патины проступали изображения то ли ящериц, то ли драконов, а на одном диске была выцарапана толстая лягушка.

— Ну, и на что этот пояс годен? — поморщился Андрей. — Старьё какое-то! Я думал, что ты принесёшь что-нибудь экзотическое. То, что можно как украшение в квартире держать.

— Это настоящая вещь, — обиделся мужчина. — Может, она шаману принадлежала. Я бы мог её в музей продать, но говорят, что там за такие вещи платят копейки.

— А я тебе, что, больше заплачу? — хмыкнул Андрей. — Договорились же: на бутылку дам. Да эта ерундовина больше и не стоит. Кому она нужна?

— Ничего ты не понимаешь, — мужчина хлюпнул носом. — Вещь настоящая. Не подделка. И не отдал бы я тебе её, если бы не нужда...

— Ага! — иронично сказал Андрей. — Пусть бы она гнила в сараюшке под дровами.

— Всё равно кто-нибудь из музея бы приехал искать старые вещи — продал бы им, — упирался мужчина. — Не веришь, что пояс настоящий, старинный? Вон у бабки Чикиуэ спроси. Она подтвердит.

Старушка уже закончила выступление и спускалась по шаткой лесенке со сцены. Бубен у нее подхватили местные женщины, наряженные в яркие халаты с наклеенными на них узорами из коленкора.

— Вы, городские, ничего не понимаете, — продолжал обижаться мужичок. — Покупаете тут всякие сувениры, и не знаете, что все эти амулеты — хреновина, подделка: настоящего в них ничего нет — мех и кожа искусственные, орнаменты из плотной бумаги, коленкора или обоев вырезаны. Красиво, конечно, но чуть заденешь — всё и облетит, посыплется...

— Да мне похрену, — огрызнулся Андрей. — Просто у меня на стенке висит африканская маска — то ли шамана, то ли колдуна. На день рождения подарили. Игрушка такая. Наверно, в сувенирной лавке купили. Вот я и хотел что-нибудь в таком же стиле отсюда привезти. Для комплекта, так сказать.

— Ну, так и бери этот пояс, — не унимался мужичок. — Он точно шаманский, не обманываю — гадом буду! Трубы у меня горят, понимаешь?

— Ладно, — сказал Андрей. — Послушаем, что бабка скажет.

Чикуюэ не удивилась, что молодой русский парень хочет купить старинную вещичку. С тех пор, как в селе построили туристический комплекс, сюда зачастили гости. Приезжали не только из соседнего Хабаровска, но даже из-за границы — японцы, корейцы, китайцы, и несколько раз американцы были. Многих из них интересовали сувениры, и желательно, как они говорили, раритеты. Чикуюэ сначала не понимала, что значит это мудрёное слово, зато молодые быстро скумекали, что туристов интересуют древности: иностранцы за них платили долларами. Правда, потом оказалось: если перевести "зелененькие" на рубли, то получается даже меньше, чем обычно стоят самые простенькие поделки. Но пока это расчухали, из села уплыло немало старых халатов, вышивок, посуды, оберегов. Где-то сейчас всё это добро?

Бабушка взяла старинный пояс, чтобы внимательно его рассмотреть. Кажется, давным-давно, когда она была молодой, смешливой девчонкой, такой опояс видела на шамане Коя из рода Одзялов. Ох, великий был шаман! Человека насквозь видел: что и где у него болит, о чём думает и что скрывает — ничего от Кои нельзя было утаить. Люди шли к нему из самых дальних стойбищ — кто от недуга просил избавить, кто на удачу покамлать*3, кто хотел своё будущее узнать. И шаман никому не отказывал в помощи.

— Это ямха*4, — сказала Чикуюэ. — Настоящий омель-ямха*5, и кангора-ямха*6 тоже настоящие, выкованные из железа — это обычно сам шаман делал, никому не доверял делать кангора, только сам. Смотрите, их тут двадцать семь штук — значит, большому шаману принадлежал ямха. Колокольчиков тоже много. Они отгоняли злых духов, пугали их звоном. А вот это толи*7, — старуха тронула медные круги. — Обычно их на поясе не носили. Толи привешиваются к ремням, которые шаман надевает на шею. Они для него всё равно что щит: отражают стрелы, пущенные недобрыми духами. Наверное, тот, кому этот пояс принадлежал, великим воином был: смотрите, сколько в толи отверстий, — она провела пальцем по дырочкам в дисках. — Это следы от стрел, пущенных в шамана злыми духами.

— Да что ты, бабушка, за сказки рассказываешь? — вдруг рассмеялся мужичок. — Наука давно доказала: все эти духи — выдумка наших темных предков!

— Хочешь — верь, хочешь — нет, — отмахнулась Чикуюэ. — Рассказываю то, что знаю. Толи служили шаману зеркалами, в которых отражались все дела его сородичей. А еще они служили ему щитом. Когда шаман камлал, то на него набрасывались злые сеоны*8, пускали в него стрелы, метали копья — сколько ударов шаман принимал, столько потом дырочек в толи пробивал.

— Так, значит, пояс самый настоящий? — спросил Андрей.

Чикуюэ качнула головой, хмыкнула:

— Да, настоящий. Только тебе его брать не надо. В нём большая сила. Ты с ней не справишься. Этот омень-ямха должен принадлежать большому шаману.

— Вот и я ему говорю: настоящий пояс, старинный, — зачистил мужичок. — А он мне не верит. Такие ямха на дороге не лежат!

— Ага, зато в сараях они валяются, — Андрей иронично скривил губы. — Ну что, двух бутылок тебе хватит на опохмелку?

— Обижает, — отрицательно pokrutil головой селянин. — Отдаю тебе, можно сказать, родовую реликвию.

— Не боишься, что хала*9 рассердятся? — Чикуэ пристально посмотрела на мужика. — Этот пояс не только тебе принадлежит. Подумай над этим, Иван.

Так Андрей наконец узнал, как зовут этого мужика. На русского Ивана он вообще-то походил мало: лицом смугл, скуласт, нос приплюснут, в узких глазках — хитринка, в жгуче-чёрных, жёстких волосах пробивается седина.

— А я его нашел в лесу, — отмахнулся Иван. — Эму-хала*10 о поясе не в курсе. И вообще, бабушка, я не знаю, какой крови во мне больше — нанайской или русской. Я по паспорту специально нанайцем записался, чтобы нормовую рыбу иметь, и чтобы льготы были как у КМНС...

— Что? — не понял Андрей.

— Так нас городские чиновники называют: КМНС — значит, коренная малочисленная народность Севера, — рассмеялся мужичок. — Сократили всех нанайцев, ульчей, нивхов и других — до четырёх букв. Хорошо, что не до трёх. Кстати, ты мог бы считаться, к примеру, ВРН — великий русский народ, но себя-то вы не сокращаете. А я... Эх! — он лукаво улыбнулся. — Мать у меня нанайка, отец — русский. Правда, как меня мамане заделал, так и сбежал в город — отца не знаю, но то, что он был русским, все эму-хала подтвердят.

В конце концов, они сторговались: Андрей купил диковинный пояс за триста рублей. Радостный мужичок тут же нырнул в кусты лещины — только его и видели. Чикуэ вслед ему покачала головой, вздохнула:

— Совсем пропадет скоро. Как жену похоронил, так каждый день стал пить. Плохой дух в него вселился. Ивану хороший шаман нужен. Но нет теперь у нас шамана.

— Зато врачи есть, — подсказал Андрей. — Пусть к наркологу в город съездит. Прочистят, выведут всю гадость из организма, закодируют...

— Э! — Чикуэ растянула в улыбке узкую ленточку сухих губ. — Что ты такое говоришь? В городе сколько наших ни лечилось — всё равно пьют. Ничего врачи не понимают. Только шаман знает, как злого духа-пьяницу выгнать. Да где ж его найдёшь? Шамана чаще на сцене увидишь — ряженого, он и в бубен-то бить не умеет. А настоящих шаманов, считай, и нет. Осталась одна старушка, далеко отсюда живёт, слабая здоровьем, не может всем помочь. А молодых нет. Не годятся нынешние молодые в шаманы. Нет у них желания с сеонами сражаться...

Андрею не хотелось возвращаться на концертную площадку: подобные выступления он не раз видел и в Хабаровске, и по телевидению — вся эта доморощенная экзотика его не особенно-то и привлекала. А вот бабушка Чикуэ показалась ему забавной, особенно её воззрения на жизнь, потому он слушал её с интересом.

По её рассказу выходило, что сеоны наполняют всю природу, они — везде, просто мы не видим их. Особенно им нравится селиться около людей, поскольку духи любят получать от них жертвоприношения — пищу и питье, но не прочь и поразвлечься с людьми: сеоны бывают мужчинами и женщинами — плотские утехы, оказывается, им не чужды. Невидимые и неосязаемые, они постоянно носятся около жилищ и ждут, чтобы человек принес им жертву. Если же этого не сделать, то озлобленные духи начинают мучить людей, сосут их кровь, лакомятся внутренностями, а то и вовсе похищают душу и улетают с нею очень далеко: человека постигает недуг и, если не вернуть его душу, то он умрёт. Поэтому люди в старину старались задобрить сеонов. Но их так много, что на

всех не хватит никаких жертвоприношений. Вот тут-то народу и помогал шаман. Он отлично знал всех сеонов в округе, их особенности и вкусы, умел разговаривать с ними и, если надо, выгонять из стойбища, стравливать друг с другом, звать на помощь людям, если этого требовали обстоятельства.

Вообще, эти невидимые духи очень даже напоминали самих людей. Они были и добрыми, и злыми, и коварными, и жестокими, и мнительными. Так же, как и человек, дух-сеон любит хорошо поесть, побездельничать, предаться разврату. Сеон может принимать какой угодно вид, быстро переноситься через большие расстояния, знать будущее. И всё-таки духа можно обмануть, а то и осилить в битве: мэргены*11 не боялись их, выходили на битву со злобными духами и одерживали победу. Но мэргенов мало, а сеонов много. К тому же, ещё есть духи-бусеу, рангом, так сказать, пониже сеонов, — если люди обижали их, то они затаивались и обязательно улучали момент, когда можно без всякой опаски навредить человеку. Поэтому с ними следует быть настороже.

Бороться с сеонами и бусеу, оказывается, может не всякий человек, а только тот, у кого сильная и могучая душа. Ведь души у людей неодинаковые: у одних они слабые, робкие, бездарные, у других же — сильные, храбрые и добрые. Чикиуэ уверяла, что существуют такие люди, души которых способны покидать тела и принимать вид различных животных. Души таких людей так же могущественны, как духи. Поэтому такие люди могут проникать в страшный и таинственный мир сеонов, заставляя их служить человеку.

— Коя таким был, — сказала Чикиуэ. — Он давно ушел в Верхний мир, а люди до сих пор его помнят. И этот янгпан*12, наверное, ему принадлежал. Нельзя тебе его брать, — она покосилась на Андрея. — Это не игрушка. Ты не справишься с силой, которая скрыта в ямха.

— Сказки всё это! — воскликнул Андрей. — Шаманы вас дурачили, а вы, наивные, верили им. И никаких духов не существует. Сегодня любой школьник это знает.

Чикиуэ слушала его, устремив на Андрея пристальный и в то же время как бы отсутствующий взгляд. Она совсем как кошка, не мигая, смотрела в одну точку, но, кажется, видела что-то совсем-совсем иное, не то, что видели все.

— Бусеу смеются над тобой, — Чикиуэ отвела взгляд в сторону. — Ты их не слышишь, а я слышу.

— Это кукушка смеётся, — Андрей кивнул в сторону леса. — Слышите: ку-ку, а потом — этот смех, будто птица закашлялась. Никакие это не духи. Идите, бабушка, рассказывать сказки внукам. А я уже взрослый...

Пока он разговаривал с бабушкой Чикиуэ, представление на концертной площадке закончилось. Туристы высыпали на поляну. Экскурсоводша снова принялась руководить ими. Не отрывая от губ мегафона, она командовала:

— Посмотрите налево... Там стоит хурбу — так называется жилище аборигенов, а там — шалаш... В таких шалашах ... ля-ля-ля-ля... бум-бум-бум... А вот, справа, смотрите... аааа... бу-бу-бу...

Видимо, она спешила поскорее выполнить культурную программу экскурсии, и потому трещала как сорока. Туристы её скороговорку почти и не слушали. Многие приехали сюда ради того, чтобы купить у местных свежей или соленой рыбы, да и красная икра тут, говорят, стоила намного дешевле, чем в городе. Некоторые особенно предприимчивые женщины взяли в оборот артисток, только что певших и плясавших перед ними:

— У кого можно кету купить? Сколько хвост стоит? А копченая рыбка есть? Натуральным дымом коптили?

А экскурсоводша гнула своё:

— Бу-бу-бу... Посмотрите на сопку... вон туда... видите? ...аааа... ля-ля-ля... Народ! Вам будет дано время на беглый осмотр села... Послушайте меня... ля-ля-ля... Потом

договоритесь с местным населением... Не останетесь без покупок... Посмотрите, как чудесна эта сопка... с ней связана легенда... Бу-бу-бу....

Настя подошла к Андрею, вздохнула:

— Ну что? Всё ещё на меня сердиться? Ну, откуда же я знала, что экскурсия будет такой неинтересной. Зато хоть немного развеялись, вместе побыли...

— Всё нормально, — великодушно ответил Андрей. — Я даже купил тут шаманский пояс. Смотри, какой!

Настя провела мизинцем по темной шершавой коже пояса, позвякала одним из бубенчиков, потом поднесла ладонь к носу, понюхала:

— Чем это он пахнет? Кислятина какая-то...

— Со мной тут одна местная старушка беседовала, — Андрей кивнул вслед неспешно удаляющейся Чикуэ. — Она сказала, что пояс настоящий, старинный. И пахнет он временем, — он рассмеялся. — Можно сказать, в нём — тьма веков. Музейная вещичка!

— С ума сойти! — Настя уважительно покосилась на пояс. — Повесишь его рядом с маской? Ну, с той, которую Максим тебе подарил на день рождения.

— Может, я её вообще выброшу, — поморщился Андрей. — Максим — козел. Даже вспоминать его не хочу.

Бывает же так: дружат люди годами, ещё со школы, вроде как всё у них нормально — понимают один другого чуть ли не с полуслова, общие радости и беды вместе переживают, случись что — помогают, не бросают в беде. На Максима Андрей надеялся как на самого себя. Но однажды они возвращались с дискотеки: пока проводили своих девушек, попили пива в палаточном кафе — наступила глубокая ночь, часа три, наверное. Но они не обращали внимания ни на время, ни на шедших навстречу поздних прохожих — молодые, здоровые, кто и что с ними сделает? Так что особенно не заволновались, когда к ним подошла компания подвыпивших парней: «Закурить есть?» — «Есть, — ответил Андрей. — Вон, видите, в киоске торгуют сигаретами». — «Ты чо, пацан, издеваешься? — коренастый паренек растянул узкие губы в кривой усмешке. — Закурить дашь?» — «Да не курит он, — объяснил Максим. — Вот, возьми мои», — и протянул пачку «Золотой Явы». — «Такое говно не курим! — сощурился высокий красивый парень, чем-то похожий на Сергея Есенина: пшеничный чуб, пронзительные ласковые глаза. — За лохов нас держишь?» — «Ну, как хотите, — растерялся Максим. — Была бы, как говорится, честь оказана...» — «О, млять! — возмутился третий. — Интеллигенция, ёп твою мать в кисет! Ещё и издевается...» Четвёртый молча ударил Максима в плечо, и тот как-то враз обмяк, сник, а коренастый, не дожидаясь, пока он опомнится, саданул его в лоб — Максим чуть не упал, но сумел, крутанувшись на месте, развернуться и бросился бежать. Высокий в это время пнул Андрея между ног и, когда тот скорчился от резкой, пронзительной боли, обрушил на его спину град ударов кулаками. Ему помог третий: разогнавшись, он подпрыгнул и ударил Андрея ногами — от мгновенной, ошеломляющей боли в копчике паренек упал. Его пинали, стараясь попасть по лицу, но он сумел всё-таки вскочить, вцепился в шею коренастого, изо всех сил сжал её и заорал: «Задушу! Можете меня убить, но и этот вместе со мной уйдет. Суки позорные!»

Он, наверное, и в самом деле задавил бы этого подонка: мёртвой хваткой сдавил ему горло, мало того — прихватил ухо зубами и вгрызся в него как ротвейлер. Парень хрипел, вырывался, орал благим матом, но Андрей не разжимал одеревеневших пальцев. Он понимал, что если отпустит хулигана, то милости от этой компании ждать не придётся: забьют, затопчут.

Сначала дружбаны пытались коренастого, но, поняв, что Андрей не шутит, отступились: «Ну ты чо, пацан? Безбашенный, что ли? Да мы ничо не хотели, попросили закурить... Никита, ты как там? Отпусти его, пацан».

Он не отпускал, потому что знал: вся стая тут же накинется на него, и тогда точно несдобровать. Он молил бога, чтобы Максим вернулся, или хотя бы позвонил в

милицию. Но тот, оказывается, примчался домой и, перепуганный, потный, полез сразу под душ. Не подумал о друге.

Спасли Андрея проезжавшие мимо на машине вовсе незнакомые люди – пожилой мужчина и юная очаровашка с кудряшками. Её звали Настя. Но Андрей это узнал уже потом, когда позвонил по телефону оставленному мужчиной.

Машина остановилась рядом с Андреем, державшим хулигана за глотку, и водитель крикнул:

— Давай сюда! Быстрее!

Андрей, не отпуская коренастого, запрыгнул в раскрывшуюся дверцу, ребром ладони долбанул урода по шее и только после этого отпустил его; тот мешком шмякнулся на землю.

— Молодец, — похвалил его мужчина. – Я такой же бешеный, как ты: никого не трогаю, но если меня тронут, то горло перегрызу. Если у тебя какие-то осложнения будут – мало ли, свидетели понадобятся или что ещё, то вот наш телефон. Позвонишь, мы с дочкой всё подтвердим. Ты, наверное, этого охломона придушил. Но закон на твоей стороне: самооборона!

Слава богу, не придушил. А если даже и придушил, то никто Андрея не разыскивал. Но по тому телефону он всё-таки позвонил. Ответила Настя. Так и познакомились. А с Максимом Андрей разорвал все отношения. Вот только маска, подаренная бывшим другом, по-прежнему висела на стене.

— Но маска ни в чём не виновата, — сказала Настя. – Это просто сувенир. Не более того. К тому же, весьма занятная штучка. Колоритная такая, экзотичная.

— Это её и спасает, — усмехнулся Андрей. – Жалко выбрасывать. Но Максим тот ещё козел! Говорят, что он неплохо устроился. На дочери своего шефа вроде как женился. А шеф крутой: три компьютерных салона, игровой автомат в универмаге – бабок не меряно, и всё, конечно, Макс у переждёт: дочка-то у папы одна.

— Завидуешь?

— Да пошёл он!

Хотя, если честно, то немного завидовал. Как завидовал и другим, более удачливым своим одноклассникам. Но признаваться в этом Андрею не хотелось.

Тем временем туристы выполнили свои личные программы: кто-то вернулся к автобусу с рыбой, кто-то с ведерками грибов и ягод, а кто-то раздобыл у бабушек-рукодельниц модные нынче коврики, украшенные яркими северными орнаментами. Экскурсоводша прижимала к животу чучело большой совы.

— Это мой давний заказ, — щебетала она. – Тут есть самородок-таксидермист, такой мастер, просто класс. Ему даже музеи заказывают чучела. Посмотрите, совушка как живая. Нравится?

— Мне живые птицы нравятся, — буркнул Андрей.

— А она живая и есть, — вскинулась экскурсоводша. – Не искусственная! Натуральная. В лесу недавно летала.

— Вот-вот, — усмехнулся Андрей. – Долеталась, бедолага!

— А вы не иронизируйте, молодой человек, — поджала губы экскурсоводша. – Я у неё прощения попросила. По всем правилам. Как меня бабушка Чикуюэ учила. Кстати, о чём это вы с ней так долго беседовали?

— О разном, — уклончиво ответил Андрей. – В основном о жизни.

— А! – всколыхнулась экскурсоводша. – Чикуюэ любит пофилософствовать. Мудрая женщина!

Автобус тем временем тронулся. Экскурсоводша с умилением взглянула на пыльную дорогу, вдоль которой стояли невзрачные деревянные дома с запущенными палисадниками и заросшими травой огородами. По обочине, величественно переваливаясь, шествовала стайка важных гусей: впереди вожак с горделиво поднятой головой, за ним – три гусыни. Опасливо косясь на них, шёл чумазый парнишка лет

тринадцати, в руках он держал наперевес самодельную удочку-закидушку из тальника: приготовился, видно, обороняться от гусака, который уже начал вытягивать шею и воинственно гоготать. Симпатичная черноволосая девушка, сидевшая на лавочке у покосившегося забора, оторвала от уха мобильный телефон и что-то прокричала парнишке.

— Красота! – восхищённо вздохнула экскурсоводша. – Идиллия! Люблю сюда приезжать. Тут люди живут неспешно, так, как жили и пятьдесят, и сто лет назад – в единении с природой.

— Ну да, — саркастично поддакнул Андрей. – А чтобы это единение было крепче, они понаставили телевизионных антенн, обзавелись мобильниками, ездят на машинах, носят американские джинсы...

— Это им не мешает, — не сдавалась женщина. – Они умеют чувствовать природу, тут всё пронизано космическими излучениями – село стоит на особенном месте: здесь земля тёплая, видимо, проходит какой-то разлом, из него поступает поток положительной энергии. Тут нет недоброжелательных людей. Вы заметили это, молодой человек?

— Не успел, — Андрей решил отвечать односложно, чтобы не поддерживать разговора с экскурсоводшей. Ему хотелось подремать, а с этой говоруньей разве расслабишься?

— Местные жители в отличие от городских меньше испытывают стрессов, — продолжала экскурсоводша. — В последнее время мне довелось прочитать несколько научных книг, в которых развиваются мысли, изложенные ещё в древнейших рукописях. Например, о том, что человек, загнанный в угол или злой, недоброжелательный от роду, является разносчиком заразы, которая отравляет космос.

— Прямо-таки разносчики заразы? – спросила Настя, до этого хранившая полное молчание. Она знала привычку Андрея дремать в дальних поездках и потому не разговаривала, надеясь, что дама утратит интерес к молчаливым спутникам – тогда Андрей положил бы голову на плечо Насте, она обняла бы его, так – голубками! – и смежили бы веки.

— А вы не удивляйтесь, сударыня, — экскурсоводша оживилась. — Может, вы не догадываетесь, что человек формирует свою мысль в астрале. Там она находит свое воплощение, отражается, образуется идея, которая материализуется и возвращается на землю. Человек считает, что он думает сам, но на самом деле за него мыслит космос.

— Серьёзно? – удивилась Настя. – Получается, что человек – какая-то приёмная антенна, а не мыслящее существо.

— Ну, я же излагаю схематично, без всяких нюансов, чтобы вам понятнее было, — уклончиво ответила экскурсоводша. – Вот, к примеру, возьмём зло. Говорят, что зло порождает зло. Это уже вроде как законом считается. Так вот, когда злые мысли уходят в астрал, они формируются там в особые существа. Их называют лярвами.

— Лярвы? – удивилась Настя и прыснула в кулак. – А я всегда думала, что это бранное слово.

— Потому и бранное, что означает нечто злобное, низменное, — важно кивнула экскурсоводша. – Лярва – это порождение нашего зла. Она присасывается к тому, кто её невольно создал, — отравляет жизнь не только ему, но и всем окружающим. Лярва подпитывается только самыми низменными нашими инстинктами. Не случайно же многие люди испытывают недомогание, раздражение и усталость при контакте с её носителем. Мы живем в обществе, отравленном злом. А в этом селе люди чистые, искренние.

Она, смешно взмахивая руками, принялась самозабвенно рассуждать о засорении космоса негативной энергией: чем больше человек это делает, тем чаще он ему мстит. По её словам выходило, что о мщении вселенной знали еще древние язычники, потому они и поклонялись всему живому: дереву, солнцу, реке, лесу. Все древние цивилизации гибли,

когда разрушались нравственные установки. На людей обрушивались скопом все злые духи – на самом деле это, конечно же, были астральные существа. У коренных народов, живущих на Амуре, бытует поверье: мир людей и духов связан чем-то вроде тоннеля. По нему можно пройти из Среднего мира, где обитают люди, как в Верхний, так и в Нижний мир, населенный сеонами, бусеу, другими злобными существами и душами умерших предков. Граница между этими сферами якобы проходила как раз у камней с петроглифами. Недаром село называется Сакачи-Алян, что в переводе значит: граница между царством мёртвых и живых. «Сакачи» — значит, «знали, вызнали»; алян – «черта, грань двух миров».

По её словам, неподалёку от Сакачи-Альяна существуют природные каменные скульптуры: пожилая женщина и семеро ее дочерей. За спиной у старухи возвышается идол, а прямо перед ней лежит надгробная плита и стоит котел. Увидеть всё это можно лишь когда лучи солнца падают на эти камни под особым углом – тогда обычные валуны обращаются в сказочных персонажей.

Рядом с этими нерукотворными скульптурами находится небольшая пещера, которая и считается входом в царство мёртвых. Говорят, в ней можно узнать свою судьбу. Для этого человек забирался внутрь, и если своды, до того бывшие широкими, смыкались, и он мог их потрогать, то выходило: жизнь не обещает ему радостей и успеха, путь по ней будет трудным и недолгим. А если пролезешь в пещеру, не задев камней, да и внутри тебе покажется просторно, то всё в жизни получится как нельзя лучше.

Каменную старуху местные жители издавна величают не иначе как бабушкой. От неё и семерых дочерей якобы пошли местные роды. Прародительница и после своей кончины служит потомкам добрую службу: указывает дорогу в царство теней – трусливый туда сам не пойдёт, зато мэргены и шаманы, если надо, воспользуются подсказкой старухи. Простым людям не известна тайна этих её знаков, даже не догадываются, в чём они заключаются, но, тем не менее, верят: бабушка – их защитница. Потому, как оказываются в этих местах, непременно к причудливым валунам подойдут, поклонятся и оставят щедрые дары — продукты, какие с собой есть, спички, сигареты, водкой сбрызнут камни. Делается это особенным образом: зелье разбрызгивают кончиками пальцем в разные стороны – чектырить называется.

— А я в какой-то газете читала, что эту каменную старуху взорвали, — вступила в разговор сидевшая впереди женщина. — Какую-то дамбу там строили, понадобилась щебёнка – вот и взорвали.

— Не совсем так, — экскурсоводша изобразила на лице печаль. — Старуха-то целой осталась, а вот скульптуры четырех её дочерей разрушили. Камень, действительно, для строительства дамбы понадобился.

— Ужас! – всплеснула руками впередисидящая. — Что хотят, то и творят!

— Говорят, что строителям это просто так с рук не сошло, — продолжала экскурсоводша. — Дамбу-то построили, но, во-первых, на ней стали погибать люди, а во-вторых, пещера перестала предсказывать судьбу. Между прочим, там, в сопках, есть особый камень: в нем посередине дыра – если женщина была бесплодной, то стоило ей пролезть в то отверстие, как избавлялась от болезни. Считается, что бабушка помогала. Но как изображения ее дочерей уничтожили, так и перестала она приходить на помощь людям...

Андрей, внимая всем этим разглагольствованиям, незаметно задремал и даже не почувствовал, как Настя бережно положила себе на колени его голову. Её пальцы осторожно ворошили его волосы, гладили лоб, виски, щеки. Настя прикасалась к коже нежно, кончиками пальцем, почти неощутимо – так молодые мамы ласкают своих малышей.

Он не позвал Настю к себе, хотя ещё в Сакачи-Аляне думал о том, как хорошо бы сейчас уединиться с ней. Просто ему было скучно. Уж лучше целоваться-миловаться, чем слушать пронзительную трескотню экскурсоводши и глазеть по сторонам. Андрея не увлекали все эти камни с какими-то странными древними рисунками, не вызвали у него восторга и развлечения в виде песен-танцев под бубен и вой дучиэкен*13 – так, кажется, называется эта странная штукавина со струной.

Экскурсоводша, правда, пыталась сгладить впечатление: «У настоящего мастера дучиэкен поёт как струя в горном ручейке. Местные жители считают, что она умеет плакать и смеяться, как живая душа – это от мастерства исполнителя зависит. Просто девушки ещё не научились на этом инструменте играть, всё у них впереди. Главное: возрождается национальная культура...»

Но Андрея как-то мало волновало это возрождение. Всё, что им тут показывали и рассказывали, было далеко от его повседневных забот и проблем. А может быть, просто не было настроения. Поначалу он относился к своему временному ничегонеделанью как к чему-то несерьезному – подумаешь, кафе закрылось, зато выдали пособие, деньги пока есть, а работа... Ну, была бы шея, а хомут найдется. Однако работу ему никто предлагать не спешил, хотя, пока он был при деле, дважды звали в соседний ресторан: Андрей славился умением готовить терияки.

Вообще-то, это такой японский соус-маринад. Но говядину, приготовленную с его помощью, почему-то тоже называют терияки. Сам соус тоже надо уметь сделать. Андрей доставал через знакомых, которые бывали в Японии, сладкое рисовое вино мюрин – это основа для маринада. К нему в определенных пропорциях добавлялись соевый соус, сахар и молотый имбирь. Мюрин, конечно, можно было заменить сакэ или даже вермутом, но вкус терияки от этого становился совсем другим – грубоватым, без того особенного, сильного аромата, который пропитывает, кажется, каждую клеточку хорошей говяжьей вырезки. Жарить её надо было на углях – никаких барбекю и духовых плит, только – угли. Тогда говядина, покрывшись хрустящей корочкой, сохраняла сок, который придавал блюду особенную пикантность. А если маринад, в котором выдерживалось мясо, прокипятить минут пять, то он уже становился соусом: поливай им рис, овощи и подавай вместе с говядиной.

Возможно, этих тонкостей не знали кулинары из соседнего ресторана: Андрей специально ходил туда отведать терияки – ничего особенного, мясо как мясо, только обильно сдобренное кунжутным маслом, которое перебивает изысканно-нежный аромат мюрина. И, к тому же, повар забывал вынимать из надрезов в мясе дольки чеснока и поливал блюдо соевым соусом. Это уж совсем развеселило Андрея: у его коллеги не было никакого понятия о тонкостях приготовления особенно сочной говядины!

Городские гурманы специально приезжали на его терияки, хоть и стоило это блюдо прилично. Не часто, но всё же приезжали. Так что кафе с полудебильным названием «Ивушка» считалось заведением с изюминкой. Кстати, у входа в него действительно росла ива – высокая, раскидистая, она стояла тут ещё с советских времён, а в самом помещении была обыкновенная столовая. Потом, в перестройку, тут открыли забегаловку-закусочную, и все мужики округи говорили: «Пойдем к ивушке, пивка попьём...» Новый хозяин так и назвал кафе. Жаль, конечно, что продержались недолго. Но попробуй выдержать конкуренцию, когда на каждом углу ставят палатки с пивом, лотки с чебуреками-пирожками, да и новых кафе с ресторанчиками полным-полно.

Андрей попробовал сам походить по кафе, спрашивая работу, но обычно слышал вежливое: «Спасибо, но у нас нет вакансий». В одном месте, правда, сначала обрадовались, узнав, кто к ним наведется – слава о его терияки всё-таки бежала впереди него. Но он сглупил, наверное, потому что выдвинул условие: зарплата не меньше стольких-то тысяч рублей, два выходных, все социальные гарантии. Директор сразу поскутнел: «Знаешь, мы, пожалуй, обезьянничать не станем: все увлеклись этой

азиатской кухней – значит, нам сам бог велел возрождать русскую народную кухню. Другое у нас направление, сынок...»

Возрождать... Этот глагол иногда просто бесил Андрея: Россию – возрождать, производство – возрождать, село – возрождать, культуру – возрождать, даже кулинарию, чёрт побери, – возрождать. Да что же это за такое? Будто и не живём, а лишь стремимся к жизни, и всё вокруг только и ждёт какого-то возрождения! Наверное, ещё и поэтому ему не понравилась ни экскурсия, ни экскурсоводша, которая без конца твердила: «Ах, возрождение... рождение... зарождение... ах-ах!»

И Настю он не позвал к себе по причине «рождения-зарождения». До поры – до времени она была девчонка как девчонка, любовь и всё такое, встречи-гулянья, романтика с луной, ночными купаниями в Амуре, чтением стихов, потом — отличный секс, обалденный просто. Но в последнее время она всё чаще почему-то стала говорить, что любит детей и спрашивала у Андрея, а кого он хотел бы – мальчика или девочку, а если девочку, то как её назвал бы, а если мальчик будет похожим на нее, Настю, то станет счастливым – примета такая есть, а если девочка – на Андрея, то – ой, проблем с ней не оберешься: симпатичная будет, мальчики стаями, как кобели, за ней бегать станут – нет уж, лучше пусть мальчик, он хоть в подоле не принесёт, а то, что может быть гулёной, так это ничего: перебесится, успокоится – придёт любовь, женится...

— Вот ты же перебесился уже? – спрашивала Настя. В её преданных глазах было ожидание положительного ответа. Но Андрей не хотел врать.

Кроме неё, у него была ещё одна женщина, официантка Надежда, – старше на шесть лет, разведёнка, с почти десятилетним сыном на руках: выскочила замуж в девятнадцать лет, так сказать, «по залёту», первый год вроде нормально жили, а потом двадцатилетний муж, по её словам, начал изменять, прикладываться к бутылочке, короче – терпела целых девять лет, а потом: «Вот, милый, твоя дорожка, а это – моя, идём по жизни врозь», и разбежались. Кто там был прав, кто виноват – это Андрея не интересовало. Скорее всего, Надя тоже не ангелица была, судя по тому, как быстро ему отдалась: утром перемигнулись в подсобке, днём перекурили на пару, поболтали о том – о сём, а вечером вопрос: «Понимаешь что-нибудь в микроволновках? Она у меня не фурычит. Может, зайдешь посмотреть?»

Микроволновка, однако, работала исправно: Андрею лишь пришлось воткнуть штепсель в розетку – оказывается, его вилка не доходила до конца, и требовалось небольшое усилие, чтобы добиться контакта.

Надежда деланно смутилась, даже щёки порозовели: «Ой, ну и дурёха! Сама могла бы догадаться. Вот что значит баба без мужика живёт. Ни подскажет никто, не приласкает, не обоймёт...»

«Обожмёт», — хотел поправить Андрей, но лишь усмехнулся и снял свитер:

— Чайм-то напоишь?

— И не только чаем, — засуетилась Надежда. – Вот, водочка. Хорошая, московская, в холодильнике стояла. Вот – мясо, сама запекала, по-французски...

По-французски она умела делать не только мясо, и это особенно впечатлило Андрея: так жарко и страстно его ещё никто не ласкал. Надя была обворожительно бесстыдной, все вещи называла своими именами и ничего не стеснялась. Слово оправдываясь, она, в конце концов, горячо выдохнула ему в ухо:

— Голодная я...

— И я тоже, — не понял он. – Пойдем мяса твоего поедим.

— Ой, какой дурашка! – взвизгнула Надя. – Мужика у меня давно не было – вот и голодная до этого дела. Так бы и проглотила!

У него, конечно, были женщины, но таких выдавших виды и безотказных ещё не попадалось. Надя, правда, ссылалась на опыт замужней жизни: мол, бывший благоверный всему научил, а до него она скромная была и ни о чём таком даже и не подозревала. Но Андрей тоже не вчера родился и знал, что если женщине что-то не

нравится, то хоть запросись – не уступит, а если уступит, то лучше бы этого не было: будто одолжение делает, скованно, неохотно – никакого удовольствия. А вот Надежде нравилось доставлять радость и она была охоча до всяких экзотических игр как в постели, так и вне её – они разве что на шкафы не забирались.

Правда, как бы хорошо не было Андрею с Надеждой, а как только он выходил из её квартиры, так и охватывала его какая-то непонятная тоска. Он чувствовал себя опустошенным, выжатым, как лимон и таким усталым, будто вагон угля в одиночку разгрузил. А главное, недавний экстаз радости обладания сменялся тупым равнодушием: ничего не хотелось, разве что – придти домой, завалиться на диван и спать. Ну, никак уж не на крыльях любви летать, как об этом пишут в романах.

Впрочем, нечто подобное он испытывал с Настей: накануне свидания Андрея одолевало что-то вроде лихорадки – хотелось, чтобы время шло быстрее, и он постоянно взглядывал на часы, и чистил без того чистые брюки, и умывался-размывался, и снова принимался наводить блеск на туфли, и придирчиво осматривал себя в зеркало (никому бы в том ни за что не признался!), и садился в кресло перед телевизором, но что бы там ни показывали, — это его не привлекало, и он снова начинал бегать по квартире, смахивая малейшие пылинки, поправляя накидки, подравнивая книги на полках – если Настя согласится придти к нему, то пусть видит: всё у него чисто, опрятно, и даже простыни только что из прачечной – хрустящие от крахмала, пахнущие лимоном, дивно свежие.

Наступало время – и он вылетал из дома, и всё вокруг ему нравилось: и пыльный палисадник у подъезда, и клумба, заросшая такой высокой красивой лебедой – в ней терялись георгины, посаженные соседской бабой Пашей, и эти два тополя с сорочьими гнёздами на верхушках, и даже вечно не просыхающая лужа у канализационного колодца не раздражала его: в ней отражались его до блеска начищенные туфли, и, как на фотоснимке, отпечатывалось лёгкое облачко, и тёмно-зеленый куст сирени, и сам он – в белых брюках, легком бежевом свитерке, стройный и, чёрт побери, элегантный как рояль. Ля-ля-ля, элегантный эlegant, и не мальчик, а гигант! Ему казалось, что он не шёл, а как бы воспарял над землёй – ну, не то чтобы совсем уж как ангел – в небо, а по крайней мере – почти не касаясь земли, легко и свободно, весело и беззаботно, улыбаясь этому прекрасному миру, в котором есть такая очаровательная девушка по имени Настя.

С ней он понял, что есть такие слова, которые, как летучие мыши, боятся дневного света. Они, оцепеневшие, дремлют где-то в глубине груди, а может быть, даже и в самом сердце – трогательные, хрупкие, наивные, эти слова боятся показаться смешными и нелепыми.

Яркий свет пугает их, но они могут постепенно привыкнуть к нему, и вылетают потом даже днём, но при одном условии: слышать их должен только один-единственный человек, который вдруг становится зайчиком, киской, белочкой, милым, единственным, березкой, ласточкой, ненаглядным, лучше всех, снежинкой, незабудкой, лучиком, мышкой и Бог знает, кем ещё – любимых животных, растений и природных явлений порой всех и не перечесать.

Андрей, однако, и сам удивился, что если милые ласкательства и любовные прозвища занести в список, то он получится таким большим, что можно даже составить целый словарь. Этот лексикон не имел никакого отношения к обычной реальности: он, вышедший из тайников подсознания, был выше её. Но в этом словаре присутствовали и бесстыдные выражения, тёмные слова, восклицания – Андрей, однако, старался не выпускать их из себя: эти летучие мышки вырывались на свободу лишь в присутствии Надежды, которая вообще кричала в постели что вздумается, и если бы их услышал портовый грузчик или закоренелый урка, то наверняка смутился бы.

Днем Надежда, смущаясь, говорила Андрею, что она и сама потом смущается всего того, что сообщала ему ночью. Но сдержаться не могла. Впрочем, и он не стеснялся.

Надежда, как это ни странно, не исключала наличия в его жизни Насти. Или это Настя не исключала существования Надежды?

Он лишь самому себе мог честно объяснить, почему у него одновременно было две женщины. Что такое секс, он испытал, наверное, слишком поздно – в девятнадцать лет. До этого влюблялся, как и все, — ещё в детском саду («Мама, мне так нравится Оксана Березкина, она такая красивенькая – как куколка»), в первом классе («Бабушка, а почему Неля Петрова не хочет со мной сидеть за партой? Я её только разик за косичку дёрнул, другие пацаны всё время её достают»), в выпускном («Маман, как ты думаешь, мне первому стоит пригласить на «белый вальс» Наташу Мельникову? Помнишь, это та девочка, которой я помогал математику делать. Ну что ты, мама? И не влюбился я в нее, просто... Ну, не спрашивай меня ни о чем! Можно парню первому на «белый танец» приглашать? Или это только девчонки делают?»), в кулинарном техникуме («Бабушка, ты маме не расскажешь, если я тебе что-то скажу? Ну... Я не пойму девушек, бабушка. Представляешь, я с одной встречаюсь – гуляем, кино смотрим, на шашлыки ездим в одной компании, она вроде как моей считается, хотя у нас ничего такого не было. Знаю, что ей нравлюсь. А тут... Ну, не скажешь никому? В общем, мой друг Максим узнал, что она гуляет со взрослым мужиком, ему лет тридцать, наверное, и он ей кольцо с бриллиантом покупал в «Алмазе» — не за просто так же! И на машине её возит. А она со мной потом целуется...»), на море («Максим, прикинь: во Владике такие девчонки – ноги от ушей растут, такие симпатичные! Я с одной познакомился. Мариной зовут. Она меня с ума сводила, но делать ничего не давала. Только шутила: «Любовь бесплатной не бывает». Я от одного её вида прямо дурел. А она: «Любовь имеет свою цену», — и смеялась. Нет, я в ответ насчет её цены даже пошутить не решался. Ты что? Она на ангела похожа – белокурая, голубые глаза... Да ты что? Думаешь, что это проститутка была? Ну, ты даешь!»).

Так бы у него всё и продолжалось ещё неизвестно, сколько времени, если бы Максим, в конце концов, не сказал: «Всё! Твой день рождения отмечаем в сауне! Пригласим девчонок, выпьем, то да сё. Никаких возражений! Я всё беру в свои руки».

Девчонки, обе невзрачные, полненькие хохотушки, похожие как близняшки, громко говорили, напряженно курили, оценивающе поглядывали на парней, взвизгивали от дурацких анекдотов Максима и даже для вида не засмущались, когда он снял с себя плавки и предложил то же самое сделать остальным. Андрей не решался, и тогда одна девчонка – как же её звали, Таня или Лена? кажется, Таня, но какая, впрочем разница! – прикоснулась стаканом с вином к его выпуклости под плавками, провела по ней доньшком и, выпустив кольцо сигаретного дыма, спросила: «Тук-тук, здесь живёт мальчик с пальчик?» И как-то удивительно ловко, в один момент стащила с него плавки. И так же сноровисто откуда-то из-за спины вынула упаковку презервативов: «Безопасный секс – безопасная жизнь!»

Если бы он потом встретил эту девку на улице, то, наверное, не узнал бы. Она была для него всего лишь телом, в отличие от латексной женщины – шевелящейся, изрыгающей похабщину, ничего не стыдящейся, но всё равно – чем-то вроде куклы, эдакой секс-машинки с дырками: можно поиграть, сделать что угодно, освободиться от этой проклятой тяжести в низу живота – выстрелить, выпалить, излить, опустошиться и, оттолкнув партнёршу, забыть.

Потом у него заводились другие женщины – и продажные, с которыми Андрею было легко, потому что ничего объяснять им не приходилось, и обычные, которые надеялись на что-то серьёзное, тем более что он считался завидным женихом: от бабушки ему досталась в наследство однокомнатная квартира. Иногда ему даже казалось, что жильё привлекает женщин даже больше, чем он сам. «Я вот тут поставила бы диван – так удобнее, а здесь, у окна, журнальный столик, — такие обычно разговоры заводились. – И почему ты не сменишь шторы? Давай, помогу тебе выбрать их! А почему газовая плита старая? Сейчас в кредит можно купить хорошую импортную плиту...»

Но он не хотел менять ни шторы, ни плитку, ничего. Он хотел, чтобы его хотели (ах, какой банальный каламбур) самого по себе, без всяких квартир, денег, других материальных благ – просто нуждались бы в нем, любили бы каждую клеточку его тела, уважали его мнение, скучали бы без него и безоглядно, как в омут с головой, бросались бы в его жизнь и ни о чём не жалели.

Надежда тоже не бросалась в омут с головой, но, как более опытный и трезво мыслящий человек, говорила ему: «Тебе нужна женщина, мне – мужчина. Ты меня устраиваешь, и я тебя – тоже. Чем бегать по всяким блядам — ещё заразу какую подцепишь, — уж лучше ко мне приходи. Только сначала позвони, чтобы я успела Антошку к матери отправить. А так я всегда для тебя готова...» Он смеялся: «И даже подогреть не надо?» Она бессовестно, не пряча влажных, светящихся глаз, отвечала: «Ага! Такой агрегат моментально меня заводит: чик – и вся уже теку...»

Боже-боже, какие же пошлые, бесстыдные и ужасно неприличные вещи она порой говорила! Ему даже казалось, что Надежде нужны такие слова, чтобы прикрыть откровенную наготу простого чувственного влечения – к нему, его члену, рту, который она любила терзать крепким длинным языком: крепко прижималась губами к его губам, настойчиво разжимала кончиком языка его зубы, вторгалась внутрь, касалась десен, проводила по нёбу, заводила его ритмичным поступательным движением, в такт движениям члена. Но как только отрывалась от его губ, болтала бесстыдно, много, без умолку. И это ему нравилось. Как нравилось и то, что их сближает только секс, дружеские отношения и ничего более, по крайней мере, не надо врать, что он её любит и всякое такое. Возможно, она имела на него виды, но никогда не заводила разговоры о том, чтобы жить вместе, узаконить отношения и так далее – она нуждалась в его теле, тепле, постоянстве, и он ей, кажется, подходил как мужчина, а если грубее, то – как самец. А ему нужна была женщина – в физиологическом смысле, как говорил великий граф российской литературы, «для здоровья». Цинично? Да, наверное. Но разве прилично покупать продажных женщин, чтобы удовлетворить свою похоть? И если мужчины все такие нравственные, то, интересно, для кого же ярко цветёт и щедро плодоносит сад проституции? И отчего насилуют? И обманывают своих жён, невест, подруг? Вопросы простенькие. Ответики могут быть посложнее. Но ясно одно: всё это происходит ещё и потому, что мужчине (равно, как и женщине) чего-то не хватает в привычной интимной близости, или самой близости не хватает, или по каким-то причинам нельзя сделать то, что в фантазиях, мечтах, снах — очень хочется, а вот в жизни – грех, неприлично, нельзя. С Надеждой можно было всё.

А Настя – это совсем другая история. Чистая, даже внешне какая-то светлая: чуть рыжеватые, золотистые волосы до плеча, ясные голубые глаза, белая, плохо загорающая кожа, — она порой вызывала у Андрея смущение. При ней нельзя было употреблять крепкие словечки – Настя тут же удивлённо вскидывала голову: «Ты что? Я с матершинниками не общаюсь». И уж тем более на любой маломальский скабрёзный анекдот или намёк Настя реагировала как несмышленная девчонка: щеки покрывались розовыми пятнами, мочки ушей пунцовели, она опускала глаза и прикусывала нижнюю губу. И вот это-то больше всего распяляло Андрея.

Когда он понял, что он её первый мужчина, то даже испугался. Потому что точно не знал, любит ли её. А Настя, судя по всему, уже не представляла жизни без него: говорила, что ей ничего не хочется делать, если его рядом нет, и всё время думала о нём, представляла, что бы он сказал в ответ на тот или иной её поступок, как засмеялся бы, посмотрел...

А он после свидания с ней на следующий день мог пойти к Надежде, и если представлял Настю, то на месте своей разбитной подружки: вот это сейчас делает Настя, и вот так обнимает его, трогает тоже Настя, и бесстыдные слова шепчет тоже она. Но любил ли он её так, чтобы отказаться от всех других женщин, — этого он не знал. Хотя Насте-то говорил: «Ты лучше всех, зайчонок мой ненаглядный!»

Но когда «зайчонок» стала лепетать про их будущих детей, он сразу остыл, поджался, и даже – смешно сказать! – его член обмяк и как улитка втянулся внутрь. «Ты что?» — наивно спросила Настя. «Перестарался, наверное, — он отвернулся к стене. – И вообще, что-то сегодня плохо себя чувствую: под кондиционером простыл, что ли, — он для убедительности покашлял. – Не хочу на тебя дышать». – «Уже всё равно надышал, — заметила она и тронула его плечо теплой ладошкой. – Ну, повернись... А ты какого ребёнка хочешь первым – мальчика или девочку?» — «Насть, давай потом поговорим об этом, — он почувствовал, что начинает злиться. – Мне правда нехорошо. И этот кашель достал», — он снова для вида раскашлялся. – «Ох, я тебе сейчас горячего молока с мёдом сделаю», — она соскочила с дивана и побежала на кухню. Тут же и он тоже соскочил – быстро натянул трусы, домашние брюки, рубашку и уселся в кресло перед телевизором.

Так весь вечер в нём и просидел, вцепившись в подлокотники и натужно кашляя, пока Настя не помыла чашку из-под молока с мёдом (господи, это питьё — такая дрянь!) и не ушла домой. Она никогда не ночевала у него, потому что в её семье считалось неприличным оставаться девушке гостях, даже у лучшей подруги.

А через три дня после этого случая они вместе и поехали на экскурсию в Сакачи-Алян. Коллеги Насти считали их подходящей парой: она – светленькая, худенькая, невысокая, он – чернявый, глаза пронзительно серые, коренастый, но не низкий – выше подруги сантиметров на десять, и если Настя легко конфузилась, то Андрей, напротив, одним только взглядом мог заставить смутиться даже опытную женщину. Возможно, это потому лишь, что он был близоруким, всё-таки минус две с половиной диоптрии, а очки не носил – приходилось напрягаться, чтобы лучше что-то рассмотреть: некоторые принимали это за настырность.

Но что Настины коллеги думали по его поводу – это Андрея волновало мало. Его больше занимал вопрос, почему подруга вдруг завела этот разговор про детей. Может быть, она нечаянно забеременела? Был ведь такой неприятный момент: как ни берёт её Андрей, а это проклятое резиновое «изделие №2»*14 вдруг порвалось, и, главное, в самый ответственный момент. Правда, Настя сказала, что у неё, вроде бы, не опасный день. А вдруг опасный?

Жениться, так сказать, «по залёту» Андрей не хотел. Да и вообще считал, что ему рано обзаводиться семьёй. Он чувствовал, что для этого требовалось какое-то особое состояние души и тела – может быть, желание стабильности, покоя, порядка? А то, что у них с Настей было, напоминало горный ручей: то он скачет, как бешеный, по камням, то низвергается водопадом, то вдруг попадает в низину и течет плавно, медленно, чтобы через несколько минут снова превратиться в ревущий поток, всё сметающий на своём пути. Пожалуй, их влечение друг к другу напоминало такой ручей, но, вернее, только со стороны Андрея, потому что Настя пребывала в спокойной и счастливой уверенности, что для нее теперь не существует других мужчин, кроме него.

Как приехали в город, Андрей, кашлянув, сказал:

— Зайчонок, мне нужно ещё немного полечиться. Не обижайся, что не зову к себе...

— Может, тебе помочь надо по дому? – неуверенно спросила Настя. – Ну, сварить что-нибудь.

— А ты не забыла, что я сам повар?

— Сапожник бывает без сапог, — парировала Настя. – Если кухарка не нужна, то я медсестрой согласна поработать. Молока накипятить, чай из трав заварить, компресс сделать.

— Нет, белочка моя ненаглядная, не люблю, когда ты меня видишь хворающим, — Андрей отрицательно мотнул головой и почувствовал спазм в горле: дыхание перехватило от нежности к этой девушке, которая хотела быть с ним рядом. – Мне лучше побыть одному...

— А ещё совсем недавно ты предлагал сходить на дискотеку, — напомнила Настя. — Там, в Сакачи-Аляне, скучно тебе было, и ты грустил, что не на пляже загорает, а по каким-то камням вынужден лазить...

Андрей смутился, но убедительно объяснил, что, мол, хорохорился только, а на самом деле мечтал спокойно полежать, и вообще после такого похода, наверное, температура поднялась – голова болит, какая-то дурацкая слабость одолевает, веки будто свинцом налиты – глаза сами собой закрываются. Он ничего не придумывал: на грудь действительно навалилась непонятная тоскливая тяжесть, в горле першило, и не надо было имитировать кашель.

В общем, ему удалось доказать, что болеть лучше в одиночестве, ведь это такое душераздирающее зрелище для слабых юных девушек: видеть молодого человека, который похож на умирающего лебедя, и к тому же капризен, невыносимо скучен и кашляет как чахоточный. Настя неохотно, но всё же удалилась.

А он, ворвавшись в свою квартиру, швырнул сумку с купленным шаманским поясом в угол прихожей и действительно улёгся на диван. В чём был, в том и плюхнулся. Он на самом деле чувствовал себя неважно: голова тяжелая, будто в неё свинец закачали, в затылке гудело, и Андрей решил подремать часок-другой, а там, смотришь, отлежится – и тогда можно будет позвонить Надежде. Если, конечно, соответствующее настроение появится.

Он включил негромкую музыку, кажется, что-то из бабкиных магнитофонных кассет – оркестр Поля Мориа, что ли: тихий, робкий дождь крался по черепичным, посвистывал в трубах ветерок, шелестела опадающая листва, где-то вдалеке звучала флейта, и почему-то тянуло речной свежестью – может, это был Париж, Сена, старинные дома Монмартра? Звуки умиротворяли, и Андрей закрыл глаза, представляя себе Францию, где никогда не был, но, чёрт побери, как ему хотелось в Париж!

Незаметно он задремал, и вдруг ладошки дождя, до того тихо и как-то слишком робко постукивавшие по черепице, сменились громким, резким звуком – это было похоже на бубен, и тоскливо, протяжно взвизгнула одинокая струна дучиэкен, забренчали то ли хрустальные подвески на люстре, оставшейся от бабушки, то ли колокольчики. Наверное, порывом ветра распахнуло окно, и надо бы встать, чтобы закрыть створку, а то, не ровен час, брызнет внезапный ливень и зальёт подоконник.

Он нехотя открыл глаза, и ему тут же захотелось вновь зажмуриться. Что такое? Прямо перед ним стояла маленькая, аккуратная женщина. На ней был халат, но не из материи, а из рыбьей кожи – серый, украшенный бледным, выцветшим орнаментом. Лицом она напоминала старуху Чикуэ, но только значительно моложе, и волосы – иссиня-чёрные, до плеч, в них — маленькие косички. Правая половина лица женщины была выкрашена черной краской, другая — красная. В руках она держала бубен, тихонько постукивала в него колотушкой.

— Кто вы? – Андрей подскочил, сбросил плед и сел в угол дивана. Его, конечно, удивило появление незнакомки, но он почему-то подумал, что видит сон, и потому особенно не встревожился.

— Не сон. Я не сон, я — аями, — женщина обнажила в улыбке крупные, редкие зубы. – Ты русский, и не знаешь, что такое аями. Но ты взял пояс шамана Кои. Значит, хочешь у меня учиться.

— Ничего я не хочу, — Андрей не понимал, как эта маленькая женщина попала в его квартиру. – Вы откуда тут взялись? Неужели я дверь не закрыл?

— Я берусь из ниоткуда, — женщина прислонила бубен к журнальному столику и уселась прямо на пол. – Я прихожу сама. Знаю, что нужна тебе. Ты пойдёшь путём посвящённых. Этому нужно учиться – вот я и пришла тебе помочь.

— С чего вы взяли, что я хочу учиться этому? Вы в своём уме? – Андрей хотел покрутить пальцем у виска, но передумал. Всё-таки женщина по возрасту годилась ему в матери – нехорошо.

— Старые шаманы поумирали, некому теперь с духами говорить. Ты можешь стать сиуринку*15, а если захочешь, то и нигмантэй-саманом*16, — она снова показала желтые, крепкие зубы. — Ты молодой, сильный. Тебя даже можно научить быть касасаманом*17 — это трудно, не все выдерживают, но ты большой, крепкий. И пояс у тебя сильный, его сеоны боятся.

Женщина вытащила из-за пазухи маленькую трубочку, набила её табаком и чиркнула спичками. Коробочка со спичками была самая настоящая, и огонь — настоящий, и дым, густой, резко пахнувший какими-то приторными травами, тоже был настоящим.

Андрей во все глаза смотрел на эту аями и не знал, что ему делать. Это походило на какой-то дурацкий розыгрыш.

— Это не игра, это правда, — важно кивнула женщина. — Аями пришла к тебе, потому что у тебя пояс Кои. Великий был шаман! Люди считали его справедливым. Он всё умел делать — и лечить, и утешать, и видеть то, что должно случиться. Его духи боялись.

— Уйдите отсюда, а? — попросил Андрей, и сам как бы со стороны себя услышал: голосок робкий, с придыханием — выдает его испуг. — Что за спектакль вы устроили? Всё-таки я не запер дверь, наверное.

— Ключ у тебя в кармане брюк, — улыбнулась женщина. — Дверь закрыта. Аями приходит когда захочет и куда захочет — двери существуют для людей, для аями дверей нет. Не веришь?

Она, не меняя позы и попыхивая трубочкой, воспарила над полом, немного повисела в воздухе и подплыла к стене, на которой, кстати, красовалась живописная маска африканского колдуна. Женщина покосилась на этот сувенир, что-то шепнула себе под нос и коротким, резким движением дернула личину за волосы. Маска продолжала невозмутимо скалиться, и аями, осмелев, ещё разхватила её пятёрней — личина едва не соскочила с гвоздя, на котором висела.

— Это игрушка! — рассмеялась женщина. — Ею только детей пугать. А я — настоящая. Смотри!

Андрей не поверил своим глазам: женщина прислонилась к обоям, вжалась в них и мгновенно исчезла.

— Ну и сон, — Андрей помотал головой. — Галлюцинации какие-то, а не сон!

Он встал с дивана, хотел подойти к стене, за которой исчезла приснившаяся ему аями, и тут увидел бубен, прислоненный к журнальному столику.

— Что за фокус?

Андрей почувствовал легкое головокружение, и голова снова налилась свинцом. Бубен был самым настоящим, и колотушка, которая лежала рядом, — тоже настоящая.

— Наверное, я не проснулся...

Он читал в книгах, что в таком случае нужно ущипнуть себя — и тогда проснешься. Но проделать это с собой он не успел. Из стены появилась черно-красная маска аями, а затем, широко улыбаясь, и вся она просочилась через обои, шурша халатом.

— Живёшь — спишь, спишь — живёшь, — загадочно шепнула она. — Ты живёшь! Я не из сна. Учить тебя хочу. Меня Ниохта зовут. Я с Чукке Онинка из села Городамо жила, научила его шаманить. Он великим шаманом стал. Его до сих пор люди помнят. И с Коей я жила, учила его всему. И с другими жила, учила их. Они любили меня, а я — их.

— А меня не надо, — Андрей снова сел на диван.

— У тебя нет жены, у меня нет мужа — вместе жить будем, — ощерилась в улыбке женщина. — Ниохта значит Дикий Кабан. Я сильно люблю, крепко, долго — доволен будешь.

— Что? — не понял Андрей. — В каком смысле?

— Как мужчина доволен будешь, — хихикнула женщина. — Будем вместе спать. Ты любишь спать с женщиной, я знаю. Лучше меня другой бабы у тебя не будет. И я научу тебя шаманить. Вместе начнём камлать, за это люди кормить нас станут.

Андрей взглянул на эту неопределенного возраста женщину, коротконогую, приземистую, с низко посаженным широким тазом, и, представив её в постели, даже поморщился. Аями, видимо, почувствовала его настроение и засмеялась:

— Какая надо – такая и буду! Хочешь такую?

Она прикрыла лицо рукавом халата, зычно гыгыкнула, словно призывала кого-то на помощь, и снова показалась Андрею. Он остолбенел. Потому что перед ним была Надежда! Она смущенно покосилась на него, вздохнула и повернулась спиной. А когда обернулась, то это уже была какая-то совсем неизвестная ему девица: светловолосая, с чувственными пухлыми губками и огромными, какими-то неправдашными глазами в пол-лица, фигурка – просто для картинки модного журнала. Кажется, он видел такую девушку в каком-то порнофильме и, помнится, подумал, что хорошо бы такую соску отыметь во всех мыслимых — немыслимых позах «Камасутры»

— Как ты подумал? – красотка скорчила недовольную гримаску. – Грубиян! Уж лучше бы делал, а не болтал.

— А я ничего и не говорил, — растерялся Андрей. Но красотка, презрительно пожав худенькими плечиками, фыркнула и отвернулась к окну. Через какие-то доли секунды она снова превратилась в Ниохту, и та, довольная, хохотнула:

— Поверил? Теперь все женщины – твои, я – все твои женщины. Ниохта хорошая, Ниохта всё умеет, и никто на Ниохту не в обиде: я хорошо сплю с мужчиной, если хочу учить его.

Андрей, однако, не хотел, чтобы эта женщина, а, скорее, какое-то привидение, оставалась в квартире. Больше всего на свете ему хотелось спать, и чтобы никто не мешал, и не снились всякие дурацкие сны.

В какой-то книге он читал, что в подобных случаях нужно не только щипать себя, но, например, спокойно повернуться на другой бок и сделать вид, что всё происходящее тебя ровным счетом не интересует: ты – отдельно, и снащееся – отдельно, само по себе.

Не обращая внимания на женщину в халате из рыбьей кожи, Андрей снова лёг на диван и, повернувшись к ней спиной, накрылся пледом. Но не тут-то было! Ниохта присела рядом, тронула его ледяной цепкой лапкой – он даже вздрогнул: кожа женщины была холодной и липкой.

— Не обижай меня, — шепнула она. — Если не послушаешься Ниохту, тебе плохо будет, убью тебя! И пояс Кои не поможет, не защитит тебя. Ты не знаешь, как им пользоваться. Я должна тебя учить. Ты великим шаманом станешь.

Андрей не отвечал. Он с трудом переносил затхлый дух старой рыбьей кожи, да и сама женщина, видимо, не утруждала себя чисткой зубов: каждый произнесенный ею звук сопровождался очередным потоком смрада.

— Не серди меня, — женщина ухватила его за плечо и потрясла. – Когда меня сердят, я могу тигром стать. И тогда тебе не сдобровать. На пояс не надейся – он тебе не поможет.

Андрей почувствовал, что рука женщины тяжелеет, превращаясь в лапу какого-то хищного зверя: густая, короткая шерсть, холодные подушечки, из которых медленно выдвигались когти – кожей он ощущал их остроту.

— Повернись к своей женщине, — сердито и требовательно рявкнула Ниохта. – Я учить тебя пришла!

Он повернулся. И лучше бы этого не делал! Потому что над склонил морду большой тигр: его круглые, как у кошки, глаза мерцали янтарными огнями, усы топорщились, из полуоткрытой пасти с двумя огромными клыками вырывался смрадный дух. Зверь напряжённо глядел на Андрея, постукивая кончиком хвоста по полу. За спиной тигра вздымались два полосатых крыла.

— Я подниму тебя в небо, высоко-высоко, — тигр рыкнул голосом Ниохты. – Ты увидишь всю Землю, и то, что в ней, — увидишь, и то, что над ней, — узнаешь. Ты живёшь в Среднем мире и не ведаешь, как на самом деле прекрасна и удивительна

твоя планета. Не думай, что Ниохту – старая, глупая женщина. Аями никогда не бывает глупой. Это твои женщины глупые, они верят в то, что ты любишь их. Они нуждаются в этом чувстве. А мне оно не надобно.

Андрей, не отрывая глаз от этой ужасной говорящей морды тигра, втиснулся в спинку дивана и почувствовал, как, набирая обороты, глухо и резко, до боли в висках, застучало сердце. Зверь глядел на него ласково, и в его взгляде даже сквозила нежность. Тигр сел на задние лапы, как кошка, и облизал морду широким розовым языком. Его усы встопорщились, и он, потянувшись, зевнул — из пасти вырвался тошнотворный кумар, и Андрей невольно поморщился.

— Ничего, привыкнешь, — рыкнул тигр. — Мой запах ничем не хуже других запахов. По крайней мере, он не тот искусственный, которым пользуешься ты, — зверь принюхался. — К тому же, это подделка, мой дорогой: на бутылочке жулики написали, что запах сделан во Франции, но на самом деле – в какой-то московской подворотне. Я забыла, как у вас, людей, называется эта жидкость. Кажется, о-де-коло? – последнее слово зверь произнес на французский манер.

— Одеколон, — машинально поправил Андрей и еще крепче втиснулся в диван.

— Ниохта не любит одеколон, — тигр вальяжно потянулся. — Ниохта любит, когда мужчина пахнет мужчиной. И Париж Ниохта не любит. Там шумно, много света, и люди обманывают друг друга игрой в любовь. Глупцы! Они не знают, что такое настоящая игра, и даже не предполагают, что любовь – это то, что происходит в голове. Двое думают: то, что возникло меж ними, — это удивительно, неповторимо, чудесно, и ни у кого нигде и никогда не было так, как у них. Смешные люди! Их любовь – всё равно что одеколон, заменяющий подлинные ароматы. Ниохта – настоящая, и всё делает по-настоящему...

Философствуя, тигр вёл себя вполне миролюбиво, но Андрей только и думал, как бы поскорее избавиться от наваждения. Может быть, бдительность зверя стоит усыпить, а потом попроситься, например, в туалет и, как только окажется в коридоре, попрыгать выскочить в дверь.

— Ты так ничего и не понял, — зверь разлёгся на полу и лениво лизнул свой бок языком. — Я слышу каждое твоё слово, даже если ты его не сказал. От меня не убежишь. Я – везде, потому что я аями. Ты можешь выйти в коридор, я не держу тебя. И даже за дверь можешь выйти. Но от меня не уйдёшь. Ты будешь со мной жить, потому что так хочу я. Ты даже не понимаешь своего счастья, мой дорогой.

Андрей обречённо подумал, что сходит с ума. Тигр был настолько реален, что сомневаться в его яви не приходилось. Но зверь не может, не должен говорить по-человечески, тем более – угадывать мысли. Это уже что-то запредельное, фантастика! Такое может только присниться, но был ли это сон – Андрей так и не понимал. Ему хотелось только одного – чтобы этот морок поскорее прошёл.

— Ты измаял Ниохту, — тигр зевнул. — Делай что хочешь. Я подремлю. Обожду, пока ты надумаешь учиться у меня.

Зверь, недовольно поморщившись, положил на лапы голову, свернул крылья на спине и закрыл глаза.

Андрей подождал, пока, по его мнению, тигр не задремал крепко, и осторожно опустил ноги на пол, встал и осторожно, шагком за шагком, выбрался в коридор. Но когда он вытаскивал ключи из кармана брюк, рука от волнения дрогнула – связка грохнулась на пол. Звук получился такой, будто гром грянул. Но Андрей всё же понадеялся, что успеет открыть дверь и выскочить на площадку.

Однако его надежды не оправдались. Когда Андрей вставлял последний ключ в замочную скважину, услышал за спиной тяжкий вздох. Он оглянулся, ожидая увидеть оскал тигриной пасти, но увидел Ниохту. Поправляя подол халата, она укоризненно покачивала головой.

— Нехороший ты человек, — сказала женщина. — Я для тебя пришла стараться, хочу учить тебя, а ты ничего понимать не хочешь. Дай сюда ключи! Пусть они у меня будут.

Она протянула к нему руку, и Андрей, с тоской подумав о том, что уже просто готов убить эту тварь, в отчаянии схватил стоявшую в углу сумку и замахнулся:

— А ну, уйди!

Ниохта вдруг попятилась, закрыла лицо ладонями и жалобно запричитала:

— Не гони меня, я тебе пригожусь. Не доставай янгпан. Пусть он лежит в сумке. Ниохта не хочет на него смотреть. Ниохта честно служить тебе будет.

Андрей вспомнил, что в сумке лежит тот самый пояс, который он купил на экскурсии. Аями он определённо был не по нутру, иначе бы она не стала так заискивать перед Андреем.

— Ниохта не хочет смотреть в толи, — бубнила женщина. — Ниохта сначала хочет стать твоей аями, только потом можно янгпан надевать. Послушайся меня!

Андрей, однако, рывком распахнул сумку, чуть молнию с корнем не выдрал, и успел-таки выхватить из неё пояс до того, как женщина, злобно шипя, попыталась наброситься на него. Она уже вцепилась в него маленькими хищными лапками, и он почувствовал, как её ногти шильями впиваются в его плечи. Он попытался вырваться, ударил нападавшую ногой в живот, но та, скорчившись, не ослабевала хватку.

Как только Андрей всё-таки умудрился развернуть пояс, так медные кругляшки на нем вдруг тускло заблестели, будто на них упал луч солнечного света. Аями отскочила в сторону, издала тигриный рык и пропала. Он не верил своим глазам: его наваждение испарилось, исчезло, сгнуло в мгновение ока. Будто ничего и не было, только удушливо пахло сильным, крупным зверем, да на ковровой дорожке валялся клоч халата, который Андрей вырвал, когда пытался освободиться от мёртвой хватки пришелицы.

Не выпуская пояс из рук, Андрей заглянул в комнату. Он решил, что пришелица, скорее всего, поджидает его там, надеясь застать врасплох. Но в зале никого не было.

Он подошёл к окну и выглянул в него. Если это всё-таки сон, то навряд ли за окном будет привычный пейзаж. Однако во дворе всё было привычно, и даже мамыши, гулявшие там с колясками час назад, были всё те же. Правда, сменилась компания молодых людей, распивавших пиво на лавочке напротив его окна – на этот раз их было поменьше и вели они себя потише.

Андрей закрыл глаза, крепко сжал веки и подержал их сомкнутыми минуту-другую, потом снова глянул в окно: картина не изменилась, всё так же, только из арки выехала старенькая иномарка и медленно припарковалась у детской площадки. Мамаши тут же возбужденно закудахтали, привычно внушая водителю, что люди, мол, тут свежим воздухом дышат, а всякие автолюбители загазовывают его выхлопами, и сейчас вот в ГИБДД позвоним, и посмотрим, как с вас штраф возьмут, будешь знать, как окружающим жизнь отравлять.

Водитель влез в иномарку и ретировался от возбуждённых родительниц подальше, туда, где стояла будка с электротрансформатором. Но там его уже поджидала компания старушек, которая ежевечернее высаживалась десантом на старой широкой лавке. Они дружно загалдели и замахали руками, показывая на автостоянку. Там, однако, совсем не было места. Обалдевший шофер высунулся из кабины, в сердцах плюнул на землю и порулил к арке. По ту её сторону тоже была автостоянка. Однако её неудобство заключалось в том, что её загораживала пристройка к дому, и если шофёр хотел из окна квартиры посмотреть, не угнали ли его железную красавицу, то ничего не видел.

Андрей, поглядев на привычные картинки дворовой жизни, удостоверился, что, видимо, всё-таки не спит. И тут ему стало по-настоящему страшно: ничто за окном не изменилось с того времени, как он вернулся домой. И даже несчастный водитель, затурканный пенсионерками, был тот же самый. Андрей его запомнил, потому что перед тем, как прилечь, подошел посмотреть, как чувствует себя герань – может, её уже полить надо. Цветок тоже остался после бабушки, и он знал, что старушка в этом растении души

не чаяла: ей нравился аромат герани, к тому же, она ещё и лечилась её листьями – привязывала их ниточкой в районе пульса, считая, что они снимают у неё высокое давление. В какой-то газетёнке этот рецепт вычитала, и свято в него верила, хотя не забывала принимать соответствующие таблетки. Милая, наивная бабушка!

Герань в поливе не нуждалась, и Андрей уже хотел отойти от окна, как увидел иномарку, водителя, старушек. Он, помнится, даже посочувствовал этому несчастному шоферу. И вот – та же самая картина. А ведь должно было пройти как минимум час – пока он лежал просто так, прежде чем задремать, и этот дурацкий сон, ясное дело, не минуту продолжался. А во дворе – всё та же картина.

Он посмотрел на часы и ещё больше удивился: они показывали половину седьмого вечера – в это время он и решил отдохнуть, привычно взглянув на ходики: по телевизору через час должна идти спортивная программа, которую никогда не пропускал.

Это что же получается? То ли время остановилось, то ли ничего и не было – ни сна, ни этой странной женщины с её фокусами, ничего? Может, у него что-то с головой не в порядке? Всё, что происходило всего несколько минут назад, казалось совершенно реальным, вот и кожа на плече поцарапана – впрочем, он сам вполне мог нечаянно ранить себя. Ба! А ведь там, в коридоре на ковровой дорожке, валяется кусочек халата: он отодрал его, когда боролся с аями.

Андрей вышел в прихожую. Но на том месте, где должен был валяться клочок халата, было девственно пусто.

В квартире стояла тишина, даже холодильник, который обычно рокотал, почему-то молчал. Что-то гнетущее было в этой тишине. Такое впечатление, что где-то притаилось нечто страшное, и не понятно, что это – чудовище, домовой, человек-невидимка или что-то ещё, но это существо рядом, затаилось, даже дыхание сдерживает, чтобы Андрей его не услышал, и уже тянет свои незримые лапы, и предвкушает, как схватит его, и будет долго-долго терзать, играть как кошка с мышкой: то отпустит, то прихлопнет, то даст надежду на счастливое бегство, то снова прижмёт к полу.

Андрей только в детстве испытывал такой невероятный страх. Когда он оставался дома один, то ему казалось, что люди на фотопортретах, которые мама развешала на стене, смотрят на него: куда бы ни пошёл – их глаза поворачивались за ним, неотрывно следили за каждым шагом, пристально и внимательно его разглядывали. Он, конечно, знал, что на снимках запечатлена его родня – деды и бабки, материна сестра – значит, его родная тётка, а усатый военный, заливчатски подбоченившийся, — это вообще его любимый дядя Миша, которого он видел один раз в жизни, но запомнил навсегда. Дядя Миша сразу понял, что Андрей любит играть в прятки, и всякие забавные истории тоже любит, и умеет стрелять из водяного пистолета, а плавать – боится.

Он и научил мальчика плавать: захали на лодке на середину озера, дядя Миша сказал: «Прыгай!» — и он прыгнул, потому что ни на минуту не сомневался, что взрослый, если что, спасёт его, и ещё не хотел, чтобы бравый майор считал его трусом – так, по-собачьи, и поплыл, а поплыв, уже не боялся ничего, и научился потом брассу, и нырять без всяких масок, и сидеть под водой долго-долго тоже научился. Так что, с чего бы ему бояться дядю Мишу? Но он, впрочем, и не боялся. Ему были неприятны эти взгляды людей с портретов, которые как бы следили за каждым его шагом.

Но самое жуткое – это когда вдруг ощущаешь присутствие в доме какой-то незнаемой, незримой силы. Весь ужас в том, что ты ничего не видишь, а тебя – видят! Так, по крайней мере, казалось Андрею. И тогда он в панике выбегал во двор. Чужое, жадное, страшное существо оставалось в доме, оно исчезало только тогда, когда приходила мама. Андрей к тому времени успевал прополоть грядку или полить все помидоры – надо же было как-то оправдать своё нахождение во дворе, а сказать правду о незримом чудовище он не решался. «Молодец! – хвалила мать. – Отец бы порадовался, что у него сын не бездельником растёт!»

Считалось, что отец Андрея погиб в какой-то далёкой стране. Туда его послали защищать новый демократический режим. Но что это было за государство, мама не говорила. И фотографий отца в доме почему-то не было. Уже потом, став взрослым, он узнал от бабушки, что мама просто полюбила одного человека, но тот жениться не захотел – уехал, пообещав вернуться, и не вернулся. Получалось, что Андрей, так сказать, дитя любви и страсти.

Мать старалась делать всё, чтобы ему было с ней хорошо, но мальчику не хватало отца. Может быть, отсутствие в доме сильного, крепкого мужчины и вызывало эти детские страхи? Незримое чудовище нахально располагалось в тёмном углу и насылало на Андрея тихий, холодающий душу и тело ужас. Оно явно забавлялось произведённым эффектом и наверняка довольно урчало, когда мальчишка выскакивал во двор, захлопывая за собой дверь. Оно торжествовало, и день ото дня становилось сильнее. И неизвестно, что бы случилось дальше, если бы однажды Андрею не приснился дядя Миша.

— Вот гляжу я на тебя и вижу, что тебе одному плохо, — сказал дядя Миша и, подкрутив усы, подмигнул ему. — А вдвоём-то не страшно было бы, а? Пусть мама кошку заведёт. Маленький зверёк, а полезный: и мышей ловить станет, и мурлыкать тебе, и с ним в доме оставаться не страшно.

И, правда, с появлением в доме кошки Дуньки незримое чудовище куда-то пропало. Андрей и не вспомнил бы о нём, если бы его, взрослого человека, вдруг снова не охватило это паническое, безотчётное чувство страха. Где-то в квартире затаилось нечто, хищное и страшное, незримое и ужасное. Он понимал, что это, конечно же, расшалились нервы, и никаких демонов нет и быть не может – есть лишь игра воображения, но легче от этого не становилось. И тогда Андрей решил выйти на улицу. Ему не хотелось оставаться одному: казалось, что воздух наполняется чем-то гнетущим, тяжёлым – это походило на лёгкий искрящийся туман, который клубился, занавешивая окно серой вуалью. Резко и удушливо запахло сероводородом, будто кто-то разбил с пяток протухших куриных яиц. Под потолком что-то потрескивало, вспыхивали и мгновенно гасли зеленоватые огоньки, и слышался тихий скрипучий шепоток: он не походил на человеческий – скорее, так шуршит песок или речная галька, по которой ступает осторожная нога. Всё это, такое странное и непонятное, пугало.

Андрей решил, что причина всему – его расшалившиеся нервы. Что само по себе, конечно, было странно: ничего подобного он за собой не замечал. Детские страхи – это всё-таки детские страхи, и они давно прошли. А тут вдруг — такие страсти, галлюцинации, что ли? Господи Боже мой! С чего бы вдруг? Вроде бы, с головой у него полный порядок, в помощи психиатра никогда не нуждался. Может, он просто спал, и всё ему пригрезилось? Сон, похожий на явь. Или наоборот: явь, похожая на сон?

Вопрос показался Андрею таким нелепым, что он невольно хмыкнул. Однако лёгкий холодок по-прежнему не снимал своей цепкой лапки с его груди, не смотря на то, что он пытался иронизировать над своим беспричинным страхом.

— Ай-яй-ай, Андрюша! – сказал он самому себе, имитируя голос бабушки. – Такой большой мальчик, а с глупостями справиться не можешь. Иди, милый, погуляй, подумай, как жить дальше, — он снова хмыкнул. – Права бабуля. Пойду-ка пройдуся. Может, хоть голова перестанет болеть. И как я умудрился простыть среди лета? Эх, хлипкая пошла молодёжь! – он снова вспомнил бабушку и улыбнулся.

Старушка любила поворчать, но это получалось у неё как-то незлобливо, по-доброму. Она любила внука и хотела, чтобы он был лучше всех. Впрочем, для неё он и так был самым-самым, но Марию Степановну не покидала тайная надежда, что это когда-нибудь заметят и другие.

Поднявшись с Амурского бульвара по обшарпанным бетонным ступеням широкой лестницы на улицу Тургенева, Андрей решил пойти на Комсомольскую площадь. С некоторых пор горожане не знают, как же всё-таки её следует называть – Комсомольская или Соборная? Потому что рядом с этой площадью построили большой православный храм – такой красивый, просто картинка! Его изображения тут же стали появляться на подарочных календарях и во всяких шикарных альбомах и книгах, которые выпускали местные издательства. Хочешь – не хочешь, а постепенно привыкаешь к мысли, что этот храм – яркая достопримечательность города. Хотя, если встать у старинного здания Дальневосточной научной библиотеки, а ещё лучше – на углу площади и улицы Тургенева, у здания краевого совета профсоюзов, то, посмотрев вправо, увидишь ещё один храм – величественный, с крестами и куполами, сияющими позолотой и лазурью, он возвышается над окрестностями торжественным символом христианской веры. А если учесть, что поблизости, минутах в пяти хода, стоит еще и Иннокентьевская церковь, то поневоле подумаешь, что на небольшом, в общем-то, пространстве культовых сооружений как-то даже и многовато. Церкви строят и в других районах города. Причём, местное начальство взялось за их строительство слишком рьяно, такое впечатление: ни в чёрта, ни в дьявола не верили, закоренелыми атеистами были, много и сладко грешили, но вдруг снизошло озарение: несправедливо жили — надо покаяться, задобрить Бога, выказать своё благочестие – авось и зачтётся это рвение на том свете.

Злые языки, правда, язвительно утверждали: это мода такая пошла — президент и его окружение истово крестятся в московских церквях, попов зовут на любое мало-мальски значимое мероприятие, они уже чуть ли не общественные туалеты освящают, православие стало синонимом духовности, учителя в школах предпочитают не рассказывать детишкам, за что священный синод предал анафеме великого графа российской литературы и почему гениальный Пушкин написал «Гавриладиу», «Сказку о попе и работнике его Балде», другие вещи, в которых от души посмеялся над нравами церкви. Если в столицах считается хорошим тоном бить поклоны в храмах и с умильным видом держать зажженные свечечки, то провинция, само собой, всё это подхватывает и старается лицом в грязь не ударить.

Когда-то давным-давно, ещё до октябрьского переворота, вблизи Комсомольской площади стояла церковь. Большевики её снесли, руины расчистили и посадили деревья, на самой площади установили громадный памятник красным партизанам и борцам за революцию, и лет через двадцать уже только старожилы помнили, что тут был Христорождественский собор, золотые купола которого хорошо видели проплывающие по Амуру команды больших и малых судов. Храм был для них вроде маяка.

Андрею храм нравился, но лишь как произведение архитектуры: он не был крещёным и, к тому же, не разделял эту внезапно вспыхнувшую у народа веру в православные ценности – на Руси это часто бывает: что люто ненавидим, то через некоторое время возлюбляем, взять тех же коммунистов: когда их власть рухнула, то народ в порыве ликования сносил памятники вождям большевизма, предавал их анафеме, на многотысячных митингах скандировал «Ельцин! Россия!», но прошло совсем немного времени – и бывшие рабы захотели надеть ярмо, вернуться в стойло, получать свою пайку и послать куда подальше всю эту перестройку вместе с демократией и свободой. Не то ли самое ожидает и всеобщую любовь к церкви?

Впрочем, думать ему об этом совсем не хотелось. Он выбрал свободную лавочку напротив клумбы с карликовыми георгинами и какими-то мелкими ярко-синими цветочками. По асфальту прямо у его ног разгуливали толстые, раскормленные голуби и между ними шмыгали юркие задиристые воробьи. С Амура дул легкий вольный ветерок, где-то совсем близко играл духовой оркестр – наверное, в парке; от солнца, садившегося

на горизонте в большую сизую тучу, по небу разливался слабый малиновый сироп, и в нем барахтались черные точки – это летали стрижи.

Андрей снова и снова вспоминал в деталях то, что с ним произошло, и никак не мог понять, что же это всё-таки было. От размышлений его отвлек невысокий полноватый мужчина, одетый, не смотря на жару, в теплую куртку, на голове у него красовалась клетчатая кепочка со смешной кнопкой-пуговицей.

Мужчина, то и дело взглядывая на лист бумаги, который держал перед собой, сосредоточенно что-то разглядывал на потрескавшемся асфальте. Его уложили совсем недавно, Андрей тогда даже пожалел работяг: в самое пекло они старательно разбрасывали густую, дымящуюся массу, раскатывали её катками, после чего по ней ещё прохаживалась допотопная машина с чем-то вроде большого крутящегося барабана: он распластывал асфальт в ровное покрытие. Но оно довольно быстро снова пошло трещинами, в нём появились углубления и ямки, в которых скапливалась и долго не высыхала дождевая вода.

— Так-с! – сказал мужчина и ухватил себя за кончик длинного носа. – И они будут мне после этого говорить, чтоб я не совал свой нос куда не надо?

Он присел, потрогал одну трещину, другую, снова заглянул в лист бумаги и торжествующе засмеялся:

— Вот она, истина!

Андрей удивлением взирал на него, и мужчина это заметил. Он сдвинул кепку на затылок, отчего обнажилась его лысина и обнаружилось, что слева, на затылке, пришлёпнута большая идеально круглая родинка. Будто бы её специально вырезали из коричневой бархатистой бумаги.

— Они мне, понимаешь, говорят, что нос у меня длинный, — мужчина несмело улыбнулся и виновато пожал плечами. – А что делать, если я почти как Буратино?

«Да уж, — подумал Андрей, оценивающе взглянув на нос. – У Буратино-то, пожалуй, подлиннее будет, но зато у этого он крупнее. Наверное, как у майора Ковалёва».

Андрей посмотрел на трещинки в асфальте, которые так тщательно исследовал незнакомец. Ничего особо необычного в них не было: одни глубокие, другие расходились эдакими веерами; причем, кое-где часть покрытия оставалась ровной, трещины имелись не везде. Наверное, это зависело от того, на какую почву клали горячий асфальт и как его обрабатывали.

— Буратино совал нос туда, куда ему не разрешали, — продолжал мужчина. – Но, в конце концов, он открыл потайную комнатку, и все были счастливы. Правда, замечательную историю придумал писатель Толстой?

— Неплохую, — кивнул Андрей. – Особенно про Страну дураков.

— О, это вообще гениально! – мужчина отряхнул с коленей пылинки и сел рядышком. – Страна дураков никогда не поумнеет. Я уже почти десять лет доказываю, что асфальт на этой площади неспроста именно так трескается. Когда тут уложили брусчатку – смотрите, почти вся территория площади в ней, — она стала отходить именно в тех местах, где я фиксировал разломы в асфальте. Ясно, что это тенденция, и ясно, что это свидетельство того, что под землёй есть что-то такое, что воздействует на почву. Я сделал расчеты, по ним получается: под городом идут глубокие тоннели, в них действуют какие-то реакторы. К кому я только не обращался – к ученым, к власти, депутатам: давайте, дескать, исследовать этот феномен. Но они, дураки, отмахиваются: иди, дескать, купи успокоительных таблеток – усьмири расшалившееся воображение.

— Хм, — неловко кашлянул Андрей. – А какая, собственно, разница, как трескается асфальт? Лично мне это пофигу!

О подземных ректорах, упомянутых мужчиной, он решил даже и не заикаться. Ясно, что его собеседник, мягко говоря, странный, и если с ним говорить серьёзно, то он, чего доброго, не скоро отцепится. Сумасшедший, одним словом!

— Да вы что, молодой человек! – мужчина даже подпрыгнул от возмущения. – Вы когда-нибудь наблюдали в городском парке, он тут, рядом, такие же трещины? А замечали, что зимой лёд на одних участках вытаивает такими квадратами и ромбами, а в других как лежал, так и лежит. Наблюдали?

— Ничего странного, — ответил Андрей. — Просто под землей канализационные колодцы есть – от их тепла снег и тает. А то, что покрытие трескается, так это в городе сплошь и рядом, никто уже и не удивляется...

— Нет там колодцев! – торжествующе засмеялся мужчина. – И труб там никаких нет! А есть... а есть, — он вдруг замолчал и как-то искоса, хитро поглядел на Андрея. – А то, что там есть, это знаю только я!

— Навряд ли только вы, — усомнился Андрей. – Существуют же схемы подземных коммуникаций – всяких телефонных линий, горячего водоснабжения и прочего. Кто-то всё это точно знает, не только вы.

— Ничего они не знают, — мужчина нахмурился и отвернулся от Андрея с обиженным видом. – Знаете, тут совсем недавно стояло старинное здание студии кинохроники – в нем до революции была первая городская электростанция. Так вот, когда её стали сносить, то случайно обнаружили лаз в земле. Если бы колесо грузовика в яму не провалилось, то эти хвалёные ученые и краеведы, так ничего бы и не узнали. У них просто нет ни схем, ни документов, подтверждающих наличие под землёй... О! Впрочем, я и так уже много наболтал. Только я один знаю, что там, под нами, — он потопал ногой по асфальту. — Но мне никто не верит.

— А что там? — спросил Андрей, сохраняя на лице невозмутимое спокойствие. На самом деле ему уже давно хотелось пересесть на другую лавочку, потому что близкое соседство с сумасшедшим его как-то не прельщало. Мало ли, что у него на уме.

— Там – жизнь! – мужчина поднял указательный палец вверх. – Такая жизнь, какая нам и не снилась.

— В смысле – бактерии, микроорганизмы, черви, насекомые? Те, что под землёй живут, — уточнил Андрей.

— Мужчина вздохнул, поднял на Андрея глаза, полные сострадания, снова вздохнул и тихо выдохнул:

— Вы находитесь в плену устойчивых стереотипов, молодой человек. Даже древние мудрецы знали, что под землей что-то есть – другая жизнь, иная форма материи, совсем-совсем другие законы.

— А! Вы про царство мрачного Аида? – усмехнулся Андрей. – Или про ад, придуманный церковниками? А может, вам вспомнились романы фантастов о подземных жителях?

— Стереотипы! — пробубнил мужчина. – Миром правят устойчивые стереотипы. Люди не хотят выйти за их границы. Им даже лень внимательно посмотреть вокруг и увидеть, что всё совсем не так, как им представляется. Смотреть можно не только глазами. Запомните это, молодой человек!

Незнакомец вскочил и резво бросился бежать, но вдруг остановился, развернулся на сто восемьдесят градусов и подскочил к Андрею:

— Кстати, — он возбуждённо дышал, — я ощутил: у вас особая энергетика! Вы об этом знаете?

Опять энергетика, пси-излучения, всякая парапсихология! Вся эта чушь просто преследовала Андрея с самого утра: когда он сел в экскурсионный автобус, гид объявила: «Господа, мы отправляемся в благословенное место, там каждый камень излучает энергию добра...» Тьфу! И этот сумасшедший тоже вякает про такую же хрень.

— Ну и что? – Андрей сурово глянул на мужчину. – Вам-то какое дело?

— Вы могли бы послужить науке, — мужчина подбоченился. – Не думайте, что я сошёл с ума. Между прочим, я архитектор. Меня в городе многие знают. Недавно вышел на пенсию, теперь появилось время для углубленного изучения одной интересенькой

проблемы, — он хитровато сощурился. — Вы на самом деле не ощущаете в себе ничего особенного?

Андрей хотел грубо ответить, что давно ощущает, как у него чешется кулак, но, учитывая возраст собеседника, всё-таки решил промолчать. Он лишь пожал плечами и посмотрел в сторону, давая понять, что собеседник его не интересует.

— Меня зовут Сергей Васильевич, — не отставал мужчина. — Я тут частенько прогуливаюсь. Можем как-нибудь серьёзно поговорить. Ах, да! У меня визитка есть. Вот, возьмите, — он протянул белый прямоугольник картона. — Вижу, вы сегодня не в духе. Извините за беспокойство.

Церемонно поклонившись, он развернулся и, ускоряя шаг, вскоре исчез из виду. Андрей посмотрел на визитку. «Сергей Васильевич Уфименко, исследователь непознанного, — значилось на ней. — Телефон...»

Он машинально положил визитку в карман рубашки. Зачем Сергей Васильевич оставил ему свои координаты, Андрей не понял. Никаких общих интересов у них вроде бы не обнаружилось. Может быть, он из тех мужчин, которые интересуются молодыми парнями? Хотя вряд ли, как-то не похож он на женоподобного, да и возраст исследователя неведомого уже, видимо, не располагал к интимным приключениям. Хотя как знать! «Виагра»-то в каждой аптеке нынче продается.

«Фу! О чём я думаю! — одернул себя Андрей. — Наверное, он про эту чертову энергетику хотел со мной поговорить. Шарлатан или сумасшедший! Какая такая энергетика? Может, у меня просто температура?»

Тыльной стороной ладони он потрогал лоб. Он был тёплый, в легкой испарине, но это от того, что воздух загустел, было душно, и даже легкий ветерок не освежал разгорячённую кожу.

Напротив лавки, на которой сидел Андрей, через дорогу над резным козырьком парила экстравагантная, вся в пальмах и попугаях, вывеска «Какао». Так называлось новое кафе, которое в одночасье стало модным: здесь, как слышал Андрей, собиралась местная «золотая» молодёжь — сынки и дочки богатых родителей, сами палец о палец не ударившие, но имеющие выдумку тратить их деньги.

В «Ивушку» такие обычно не заглядывали, да и откуда им взяться в микрорайоне из «хрущоб», среди чахлой растительности и бесчисленных помоек? Если такие молодые люди и появлялись в том кафе, то только затем, чтобы отведать диковинного мяса по-японски. Они с недоумением взирали на столы, по-деревенски покрытые холщовыми скатертями, разглядывали на свет принесенные бокалы: посудомоечной машины не было, а Ленка мыла их почти что для вида — сполоснет под горячей водой и ставит на сушилку, на стекле, конечно, оставались разводы. Уж как ни ругал ее директор, а всё без толку. «Подумаешь, — кривилась Ленка, — бары какие! Чо, в этих стаканах ведь не суп был! Сполоснул — и ладно. А тарелки я хорошо драю, мыла не жалею. А стакан, он и есть стакан, чо его зря тереть? Ещё уронишь! Опять с меня вычтете ползарплаты...»

«Какао» даже внешне выглядел дорого: затемненные стекла, посверкивающие серебром, строгая дверь из дуба, изящная медная ручка, начищенная до блеска, и как только войдешь, на тебя пахнёт смесью корицы, лимона, шоколада и ванили — экзотический, дивный аромат легко струился откуда-то из центра зала. Он напоминал не о кухне — скорее, походил на дорогие духи, напоминавшие о жарких странах, знойном небе, причудливых пальмах, голубом прекрасном море, фрегатах...

Андрей решил, что может позволить себе маленькое удовольствие — выпить, например, немного «Беллини». С этим намерением он и подошёл к стойке бара, опустил на высокий стул и, не глядя в карточку меню, решительно произнес:

— «Беллини», пожалуйста.

Бармен то ли не расслышал, то ли был туговат на ухо, потому что переспросил и, получив ответ, покачал головой:

— Нет, такого не держим.

— Зачем держать? Такое делать надо, — удивился Андрей. — Классический коктейль, ничего особенного: свежий персик – вон у вас целое блюдо с ними стоит, сахарный песок и двести граммов шампанского.

Бармен посмотрел на Андрея, перевёл взгляд на крупные розовые персики, покрытые нежным пушком, снова взглянул на посетителя и пожал плечами:

— Беллини – это, если не ошибаюсь, итальянский художник эпохи Возрождения. Неужели в его честь назвали этот компот из персиков и шампанского? Как-то слишком просто для такого знаменитого человека.

— Всё лучшее на самом деле достаточно просто, — возразил Андрей. — Странно, что у вас не знают о таком коктейле. Заведение-то, вроде, порядочное.

— Да, не простое, — подтвердил бармен. — А вы, молодой человек, гляньте в меню, выберите оттуда по вкусу...

На соседний стул примостился неведомого откуда взявшийся господин лет сорока в легком темно-синем костюме с бабочкой на шее. Бармен угодливо кинулся к нему, но тот слабым манием руки отослал его, и буфетчик был вынужден вернуться к Андрею. Ему явно не нравился посетитель, который, по его мнению, привередничал и строил из себя знатока напитков. Знатоки не одеваются так простенько: старенькие джинсы, к тому же наверняка произведённые в какой-нибудь азиатской стране – пузырятся на коленях; белая футболка с сероватым оттенком – скорее всего, от стирки хозяйственным мылом, да и кроссовки тоже не фирменные, это видно по грубо приклеенным подошвам. Но и Андрею тоже не нравился этот самодовольный парень с какой-то ненастоящей, лубочной розовощекостью на гладком лице. Слишком уж задаётся! А кто он, по существу? Обслуга!

В меню значились Коктейли «Дружеский», «Летний», «Вишнёвый», «Тройка», «Рамосджин», «Розовая леди», «Хэмингуэй»...

— О! – воскликнул Андрей. — Интересно, этот «Хэмингуэй» по рецепту Руфина Сафина сделан? Так-с, вот рецептура: светлый ром...хм, интересно, какой именно?...сухой вермут... надеюсь, не молдавский?...лимон... Но в этом коктейле должна быть цедра! И, позвольте, какой именно ликёр в нём? Тут нет его названия...

Бармен просто окаменел. Его лицо застыло как гипсовая маска, лишь глаза бегали туда-сюда, от изумления он даже рот приоткрыл. Мужчина в бабочке тоже с интересом смотрел на Андрея, прислушиваясь к разговору.

— Всё-таки в этом коктейле ликер «Кюрасо» или какой-то другой? – не отступал Андрей. — А веточка базилика не предусмотрена вовсе, что ли? В рецептуре о ней нет упоминания.

Бармен наконец обрёл дари речи и выдал:

— Вы сюда заказ пришли делать или ревизию наводить?

— Видишь ли, дорогой, — Андрей позволил себе перейти на «ты», — если я хочу коктейль «Хэмингуэй» и если он значится в меню, то изволь подать мне именно «Хэмингуэя», а не подделку под него. Ты что, разве не знаешь, что именно этот коктейль в 1993 году получил серебряную медаль на всероссийском конкурсе барменов?

Мужчина в бабочке вдруг захлопал в ладоши:

— Браво!

Бармен растерянно крутил в руках белоснежное полотенце, стараясь справиться с волнением.

— Что, сделал тебя посетитель? – ласково спросил его мужчина, и в этом нежном тоне чувствовались зловещие нотки. — Постоянно твержу: учиться нужно! Ты что, в самом деле не отличаешь «Кюрасо» от других ликеров?

— Отличаю, — виновато потупился бармен. — Но почему я каждому встречному-поперечному должен что-то объяснять? Их ходит тут много...

— Так-с! А ты у нас один, — язвительно хохотнул мужчина, и его зрачки загорелись желтым светом. — Скажи-ка, в каком бокале ты бы подал этот коктейль молодому человеку?

— Ну, в высоком, — неуверенно ответил бармен. — А базилика у меня нет. Его сегодня вообще не привозили.

— «Хэмингуэй подают в коктейльной рюмке», — заметил Андрей. — Предварительно её следует охладить. Даже неловко напоминать эти азы.

Его импозантный собеседник бросил совершенно уничижающий взгляд на человека за стойкой, хмыкнул, нахмурился и постучал костяшками пальцев по столешнице:

— Так-с! Не хочешь ты учиться, Дмитрий. Не держишь марку заведения.

— Позвольте, я стараюсь, я..., — начал было оправдываться бармен, но мужчина недовольно поморщился и небрежным движением руки велел ему замолчать.

Андрей уж и сам был не рад, что затеял этот разговор о коктейлях, но, с другой стороны, самонадеянный и напыщенный Дмитрий ему не понравился, и надо же было как-то потыкать его носом. То, что он сам знал множество рецептов коктейлей, — так это неудивительно: в техникуме лекции о напитках были его самыми любимыми, да и дома он частенько изобретал что-то своё, смешивая самые разные вина, соки, ликеры — гостям это нравилось.

Импозантный господин наконец представился: «Роман Викторович!» Оказалось, что он заместитель директора «Какао», и ему, мол, льстит, что в их заведение заглядывают такие знатоки, и он был бы рад, если бы Андрей высказал свои замечания по кулинарии — это, мол, нужно знать, потому что кафе молодое, только начинает работать, но престиж у него должен быть высоким, — и всё такое в том же духе. Но, мельком глянув на прейскурант, Андрей вежливо отказался оценить искусство поваров:

— Лишнюю тышочку-другую в следующий раз прихвачу, — пообещал он, смеясь. — Сейчас не при деньгах, так сказать.

Выяснив, что Андрей временно безработный и узнав, что он работал в «Ивушка», господин протестно присвистнул:

— Как же, как же! Теряйки! Боже, кто ж не знает ваш изумительный теряйки! Ни за что не поверю, что у вас нет работы.

Андрей решил схитрить и сказал, что вообще-то предложения есть, но они его не устраивают. Потому и находится, так сказать, в свободном полёте. На что тут же последовал ответ, что свобода — это самое сладкое слово на свете, но оно вдвойне слаще, если подкреплено материальной независимостью. Андрей, в свою очередь, поинтересовался, во сколько оценят его приземление на кухне «Какао», и, услышав ответ, даже сначала не поверил ушам: предложенная сумма намного превышала ту, на которую он рассчитывал.

— Но это, впрочем, не предел, — поспешно сказал заместитель директора, на свой лад истолковавший молчание Андрея. — Всё будет зависеть от вас. А мы ценим хороших, умелых профессионалов.

— Ну вот, — замылся Андрей, — зашёл, называется, выпить чего-нибудь...

— А что? Давайте вместе выпьем! — подхватился господин. — Дмитрий, налей-ка нам шампанского, да нет же, не сладкого, а сухого! Отметим этот день!

Они выпили, и Андрей пообещал придти завтра для оформления на работу. Это было для него так неожиданно, что он даже подумал, что всё похоже на какую-то странную игру. Ну, думал ли он, что его примут в такое шикарное заведение? А что, если у него тут не получится? А вдруг этот господин пошутил, и обещанной зарплаты ему не видать как своих ушей? Да и врага сразу нажил себе — Дмитрий наверняка будет козни строить, не в силах забыть сегодняшнее унижение. Но, с другой стороны, деньги у Андрея уже кончались, и хочешь — не хочешь, а нужно было устраиваться хоть на какую-то работу, и «Какао» — это всё-таки неплохой вариант, очень даже неплохой: на кашках да салатиках квалификацию тут не потеряешь, наоборот, судя по разговору с Романом Викторовичем,

в заведении ценится умение готовить оригинальные, экзотические блюда – значит, будет интересно что-то искать, выдумывать, пробовать.

Из «Какао» Андрей вышел приободрённым. Солнце уже давно скрылось за горизонтом, и в небе над Амуром просвечивали лишь слабые, бледно-розовые отблески, потянуло сырой свежестью, и на клумбах сильнее запахла резеда.

Спускаясь по лестнице на бульвар, Андрей боковым зрением уловил какое-то легкое, смутное движение в кустах: те из них, что примыкали к бетонным боковинам лестницы, были коротко подстрижены, открывая вид на живописную куртину из березок и широких, лохматых вязов. Высокую, выше пояса полынь и разлапистую лебеду лениво покачивал ветерок. Но это было не то движение, которое привлекло внимание Андрея. Он чувствовал, что в зарослях вяза кто-то есть: ветви шевелились, слышался легкий треск. Вдруг одна из ветвей нагнулась, и Андрей увидел морду лося. Это точно был лось, большой, красивый, с короной рогов – прямо-таки картинка из учебника зоологии.

Животное жевало пучок сорванной листвы и смотрело на Андрея влажными темными глазами, в его зрачках мерцали золотистые искорки. Лось был совершенно спокоен, но зато Андрею стало не по себе: когда сохатый повернулся боком, то он увидел, что на нём проступает что-то вроде той спирали, которую в Сакачи-Аляне экскурсоводша назвала космическим символом.

Лось будто бы специально демонстрировал Андрею этот рисунок на своем боку. Он стоял неподвижно как памятник, и даже жевать перестал.

Спираль на боку животного вдруг засветилась слабым желтым цветом, отчего рисунок постепенно прояснялся чётче, грубее, и чем ярче становился свет, тем рельефнее делалась спираль: она будто ожила, запульсировала, и в глубине её Андрей увидел другие спиральки – им не было числа, и каждая тоже светилась, мерцала. Это походило на свечение жуков-светляков, но в отличие от их мертвенно-бледных огоньков это мерцание было живым, горячим.

Лось наконец пошевелился, и свечение, вспыхнув, прекратилось. Животное потянулось к соседней ветке, ухватило её мягкими губами и принялось обгладывать кору. Спираль с его бока пропала, и сколько Андрей ни вглядывался, так больше и не обнаружил её.

По лестнице спускалась весёлая, смеющаяся пара. Лось, услышав голоса людей, ломанулся вглубь куртины, ветви за ним сомкнулись: вот он был – и нету.

Для одного дня событий в самом деле было слишком много. Андрей чувствовал себя усталым, разбитым, и к тому же невыносимо разболелась голова. Хотелось одного – лечь на диван, закрыть глаза и провалиться в темную глубину сна.

Он так и сделал. Но прежде чем лечь спать, на всякий случай, подтрунивая над собой, положил рядом на полу тот самый шаманский пояс. Если снова ему привидится какая-нибудь анчутка, то он уже знает, чем её отпугнуть.

4.

Андрей забрался на сопку, на вершине которой стоял приземистый раскидистый дуб. Он напоминал шатёр, с одной стороны малость помятый: корявые ветви согнуты, листьев на них меньше — это из-за северного ветра: особенно сильно он дул тут зимой, и тогда от стужи лопалась кора дуба, но само дерево ни за что не хотело пригнуться в поклоне перед сиверко, и ветер от злости обламывал ему ветви. В густой короткой траве пылали звездочки красных саран, соблазнительно манили золотым блеском лютики, и, казалось, вот-вот забьют язычки тяжелых бронзовых колокольчиков никогда прежде не виданных Андреем вьюнков: они опутывали таволгу, белоснежные кисти которой источали медвяное, приторно-сладкое благоухание.

Он сел под дуб и глубоко, с наслаждением вдохнул воздух, пропитанный зноем и одуряющим ароматом трав и цветов. Отсюда, с вершины сопки, хорошо был виден берег

реки: широкая отмель, вяло поблескивающая серебром волн, вдоль неё — песок попеременно с разноцветной галькой, кое-где лежат тёмные валуны с проплешинами седого лишайника. Песчаная полоса была границей между рекой и рощей, в глубине которой виднелась странная полянка: бугристая, темно-серая, без единой травинки, она наверняка была сплошной базальтовой плитой, вынесенной каким-то природным катаклизмом наверх. Подтверждением этой версии служили вывороченные из земли огромные камни, в трещинах некоторых из них росли хилые деревца и кустилась трава.

На каменной поляне высилось сооружение из трёх базальтовых плит в форме буквы "П", причём нижние плиты были наклонены к центру, верхняя лежала на них идеально ровно, прямо посередине её был установлен столбик из камня. Андрей знал, что тень от этого столбика вслед за солнцем двигалась по кругу, аккуратно выложенному из черных и белых камушков — так люди, именовавшие себя Посредниками, следили за ходом времени. По каким-то, только им одним ведомым правилам, они точно знали, когда злой черный ворон снова поглотит солнце — и наступит мрак, завоюют собаки и притихнут птицы, и они же ведали, долго ли, коротко ли это продлится. Посредники были в курсе, когда луна станет круглолицей — по ней они гадали о предстоящих дождях, начале хода кеты, разливах реки, и даже могли предсказать пришествие страшных духов, напускавших на людей мор и болезни. Однако незримые сеоны боялись Посредников, потому что те знали, как их увидеть и сразить своими меткими стрелами.

Напротив П-образной постройки находился камень с плоской макушкой в виде чаши, в ней горел костер. Белёсый дым от него ветер относил в сторону громадных валунов, которые стояли в ряд как хорошо обученные воины. На этих камнях были выбиты изображения духов, священных животных и какие-то таинственные знаки, значение которых знали только Посредники.

Самих Посредников Андрей ни разу не встречал. Люди с восторгом, граничащим с ужасом, рассказывали о них всякие небылицы: якобы они видят человека насквозь, для них не существует никаких преград, и они так же легко, как в собственные жилища, входят в другие, неизвестные миры, где живут разнообразные духи и души предков. Андрей и верил, и не верил этим рассказам. Его тянуло к запретному святилищу, но он не смел нарушить табу и войти на его территорию. Однако отсюда, с вершины сопки, можно было безнаказанно наблюдать за тем, что там происходит.

Прислонившись спиной к стволу дуба, он глядел вниз и не сразу заметил, как сзади к нему приблизилась высокая пожилая женщина. Она была не одна: в кустах лещины притаились милостивые девушки — прыскавая и зажимая рты ладошками, они пристально разглядывали молодого человека. Старуха, оглянувшись на них, сурово погрозила пальцем, и девицы враз присмирели, прикрывшись рукавами халатов. Они с любопытством наблюдали, как их предводительница встала за спиной Андрея, и тот, почувствовав, что не один, оглянулся.

— Ищешь буни? — спросила старуха.

От неё несло холодом, будто старуха только что пришла с мороза, и в голосе было что-то зловещее — Андрей отодвинулся от неё, вскочил, и в этот момент земля под ним задрожала, пошла трещинами и он, боясь в них провалиться, отпрыгнул в сторону, но неудачно: попал в яму. Она была глубокой, и Андрей, ободрав руки и ноги о каменистые стенки, упал на самое дно, в склизкую сырость. Его окружала мгла, и, взглянув наверх, он увидел сияющий круг дыры, которую вдруг закрыла голова старухи. Она, оскалившись в хищной ухмылке, что-то прокричала ему, но слышно было плохо, Андрей лишь разобрал:

— ...возникнешь... заново...

Старуха забросала дыру ветками деревьев, травой, и в яме наступила кромешная тьма. Андрей встал и, цепляясь за острые выступы, попытался подняться наверх, но все его попытки оказались тщетными: он оскальзывался и падал вниз. Выбившись из сил, он принялся кричать, но скоро понял, что навряд ли его кто-то услышит.

Тьма стояла крошечная — абсолютная чернота: Андрей чувствовал себя мухой, попавшей в тушь. Однако мало-помалу глаза привыкли к мраку и он начал разжижаться, сереть. Под ногами хлюпала холодная грязь, откуда-то сбоку тянуло сыростью и застоявшейся плесенью. Этому обстоятельству Андрей обрадовался: значит, где-то есть пролом, через который проходит воздух.

Он принялся и, поймав слабый поток прелого воздуха, двинулся в его сторону и вскоре наткнулся рукой на мягкий глиняный пласт, подавшийся под нажимом назад. Андрей надавил сильнее — и рука вдруг резко вошла внутрь. Он пошевелил ею — вокруг ничего не было, пятерня свободно болталась в тёплом, влажном воздухе. Тогда Андрей надавил плечом на глиняный пласт, и он повалился внутрь, увлекая парня за собой.

Андрей падал и падал, как ему показалось — бесконечно. Тьма сменялась ярким светом, холод — невероятной жарой, страх — надеждой, его то обдавало пламенем, то бросало в ледяную купель, он взмывал куда-то вверх, в губительные ослепительные выси, и так же валился в мрак и зловонную мерзость, его мотало, болтало, несло, и сколько это продолжалось — минуту или вечность, Андрей так и не понял: время для него перестало существовать. Он слышал сдавленные стоны, тихий смех, шепоты, встревоженные крики птиц, и что-то липкое, похожее на паутину, касалось его лица, но не успевал он её смахнуть, как ласковое, прохладное дуновение освежало кожу, чтобы через минуту испепелить нестерпимым жаром. Он звал на помощь, но никто не откликнулся, разве что усиливался этот зловещий шепот и кто-то испуганно вскрикивал, но тут же стихал.

Над его головой пронесся снежный вихрь — ледяной, промозглый ветер подхватил его и втянул в холодное месиво дождя и снега. Рот забило колючими льдинками, снежная каша залепила веки, и Андрей, незрячий и потерявший всякое чувство ориентации, очумело крутился в студеной сизой туче. Он не видел, как рядом с ним вдруг появился огромный орел. Его мощные крылья рассекали холодный морок и снежное месиво. Птица ударила Андрея крючковатым клювом и с торжествующим клёкотом схватила его железными когтями.

Орёл взмыл вверх, и вскоре мрак расступился — впереди ослепительно сиял круг света, в который птица и влетела. Ледяная корка на лице Андрея растаяла и, проморгавшись, он поглядел вниз: под ним были горы, среди которых стремительно неслись чёрные воды бурной реки. Белоснежные облака, странно мерцающие алмазным блеском, накрывали шапкой высокий утёс. Орёл завис над ним, грозно заклекотал и разжал когти — Андрей вывалился из них и, закрыв от ужаса глаза, стал стремительно падать вниз. Он лишь молил Бога, чтобы его смерть была мгновенной.

Однако приземлился он на удивление мягко. Андрей изумленно перевел дыхание и осмотрелся. Он лежал на круглой и ровной, будто сковородка, каменной площадке. Ни единого деревца, ни травинки. Над ним нависало хмурое небо, и облака, до того мерцавшие алмазами, были мрачными и холодными. Внизу под утёсом разъяренно ревели бурные, в клочковатой жёлтой пене, огромные валы: они налетали, как стая шакалов, на камни и вдребезги разбивались о них. Дул сильный ветер, Андрей даже ухватился за валун, чтобы его не снесло вихрем со скалы.

В тоске он взирал на безжизненное пространство вокруг себя. Выбраться отсюда, казалось, не было никакой возможности: утёс отвесный, без единого выступа, с одного края — бурная река, с другого — глубокое ущелье.

— О, Боже! — выдохнул Андрей.

Он не верил в Бога, но ему вдруг отчаянно захотелось, чтобы некто добрый и всемогущий ласково протянул сильную длань и перенёс его через эту реку — там, за ней, как ему казалось, находился привычный мир. Но вместо этого он вдруг увидел громадное чудовище, которое, казалось, материализовалось прямо из воздуха. Его туловище было человеческим — гигантское, ничем не прикрытое, бесстыдное, оно вызывало омерзение и

ужас, но ещё страшнее была голова — медвежья, со страшными желтыми клыками и горящими глазами. Великан держал в лапах топор.

— Ты пришел? — прорычало чудовище, оскалив пасть. — Ты готов отдать мне свою плоть?

Андрей вскрикнул, но не смог произнести даже слова: внезапный спазм сжал горло и он, как в жутком сне, потерял дар речи, лишь невнятное клокотанье вырывалось из груди.

— Старуха сказала, что ты готов, — чудовище подняло топор. — Она отправила тебя сюда. Старуха знает, что делает.

Андрей в ужасе попятился от чудовища, но оно схватило его, приподняло и бросило наземь.

— Я разрублю твоё тело на куски, — великан плотоядно облизнулся, и Андрей ощутил его смрадное дыхание. — Выну из тебя каждую косточку, раздроблю её и брошу в огонь. Но сначала отрублю тебе голову!

Андрей закрыл глаза. Всё происходящее казалось ему жутким сном и больше всего на свете он хотел проснуться. Однако чудовище с яростным ревом занесло над ним топор, и Андрей, приоткрыв ресницы, увидел, что сверкающее лезвие стремительно опускается на его горло. Он закричал, но захлебнулся собственной кровью и затих.

Голова с безмолвным криком покатила по каменистой площадке. Чудовище ловкохватило её за волосы и, смеясь, насадило на неизвестно откуда взявшийся деревянный кол. Андрей видел своё неподвижное тело, которое великан сначала расчленил на четыре части. Удовлетворенно хрюкнув, чудовище осмотрело каждый кусок, слизало с них кровь и с удвоенной энергией принялось рубить на более мелкие кусочки.

— Смотри, — прорычало чудовище, — я делю тебя поровну, без обмана: эта кучка — сеонам Нижнего мира, эта — для тех, кто живёт в Среднем мире, а вот эта — для сеонов Верхнего мира...

Монстр старательно раскладывал куски плоти на три стороны. Андрей не чувствовал ни боли, ни страха — удивительное равнодушие охватило его. Он лишь немного поморщился, когда чудовище, воровато озираясь, принялось поедать серые, в беловатом налёте кишки. Из них сочилось нечто напоминавшее жидкую кашу.

— Никому не говори, — прошамкало чудовище, заглывая кишки. — За это я отдам сеонам Среднего мира твои печень и сердце. Они любят лакомиться потрохами. Станут лучше помогать тебе. А кишки и желудок — мои, я старался всё сделать хорошо. Я устал и тоже хочу есть.

Чавкая, он продолжал делить куски мяса и кости. И как только положил в кучку последний кусок плоти, внезапно налетел беспроглядный смерч. Он с буйным хохотом отбросил великана в сторону, и тот, стеноя, отполз на край утеса. Из черной воронки смерча посыпались клыкастые уродцы с горящими глазами. Они, как мухи, жадно облепили ближнюю кучку мяса и костей.

С урчанием и чавканьем эти твари пожирали человеческую плоть. В считанные секунды они всё сожрали и умчались прочь. А на смену им явились другие, не менее страшные образы — черные, с перепончатыми крыльями, напоминающие ящериц, но были среди них и особи с головами тигра, медведя, росомахи.

Они визжали, дрались из-за лучшего куска, выхватывали добычу из пасти друг друга. Земля под ними вдруг задрожала, вспучилась и в трещины хлынула горящая лава. Вздулся громадный сизо-красный пузырь, одуряющее запахло серой, и когда этот гигантский волдырь лопнул, из него выбросило чудовищного мутанта: одноногий и однорукый, он ощерил в рёве пасть с громадными клыками и кинулся на стайку уродливых тварей. Те не испугались чудовища и острыми коготками вцепились ему в пах, пытаясь отгрызть громадный детородный орган. Великан, однако, отмахнулся им от нападавших, как корова хвостом от мух, и когтистой лапой сгреб нескольких демонов и

бросил их в бурлящую реку. Другие твари злобно зашипели и растворились в воздухе без следа.

Великан отвратительно чавкая, сожрал остатки их поживы и накинулся на нетронутую кучку плоти. Андрей с ужасом увидел, как брюхо чудовища раздувается, будто воздушный шар: он набивал его мясом и костями, даже не прожевывая — и живот лопнул: на его месте образовалась зияющая чернотой дыра. Чудовище принялось бросать в неё куски мяса, одновременно пожирая печень и сердце. Оно сладострастно урчало, громко чавкало и, наконец, насытившись, уползло в горячее жерло лавы и, довольно рыгнув, опустилось в него.

Чудовище с медвежьей головой, всё это время внимательно наблюдавшее за происходящим, отползло от края уступа и с вожделением принялось вылизывать с камней костные крошки и запекшуюся кровь. Андрей содрогнулся, решив, что великан оставил его голову себе на закуску. Но тот, оглянувшись, взревел:

— Своё дело мы сделали! Посмотри: твоя голова приросла к новым костям. Тебе предстоит обрести плоть, и ты станешь другим.

Андрей опустил глаза и обнаружил: его череп в самом деле венчал собой скелет. Деревянный кол, на который его насадило чудовище, куда-то пропал.

— Кости важнее мяса, — ухмыльнулось чудовище. — Будут кости — мясо нарастет. У тебя сейчас новые, крепкие кости — это начало тебя. Не горюй о своем теле. Твоя прежняя плоть — это твои грехи, привычки, без которых можно обойтись. Твоё тело хранило в себе вредную жизнь. Ты станешь другим.

Чудовище подняло топор и, не оборачиваясь, прыгнуло вниз — в бурный поток. Андрей услышал всплеск, и снова — тишина.

Он не мог пошевелить ни рукой — ни ногой, если, конечно, таковыми можно было считать кости. Ему казалось, что всё тело болело и ныло какой-то сладкой болью. Но, взглянув на себя, он по-прежнему видел лишь скелет. Видимо, это была так называемая фантомная боль.

Небо над ним посветлело, облака разошлись и вдруг ярко брызнуло солнце. Казалось, оно затопило всё пространство вокруг. Он зажмурился, а когда открыл глаза, то увидел склонившееся над ним лицо Надежды.

— Звоню-звоню в дверь, а ты не отвечаешь, — сказала она. — Толкнула её — она и открылась. Ты что, зайчонок, запоров не признаешь?

Он очумело потряс головой.

— И телефон не отвечал, — продолжала Надежда. — А я тут неподалеку была в гостях у подруги. Дай-ка, думаю, Андрюшечку-душечку проведу.

Андрей снова потряс головой и, приподнявшись, оглядел себя. Ничего в нём вроде бы не изменилось, но всё тело гудело, за грудиной саднило и казалось, что из него что-то вынули, а потом вставили — это новое ввинчивалось в него со сладковатой болью и каким-то сладострастным наслаждением.

— Что с тобой? — Надежда отодвинулась, не отпуская руки с его груди. — Сердце-то как бьётся! Испугала, что ли?

— Ага, — ответил он лишь бы что-то ответить.

— Я бы и не зашла к тебе, да гляжу: свет горит, — неловко засмеялась Надежда. — Ну, думаю, значит, точно один. Не помешаю.

— Как зашла-то? — всполошился наконец Андрей. — Я что, дверь не закрыл?

— Ну, сквозь стены я ходить еще не научилась, — Надежда усмехнулась. — Выходит, не закрыл. Да и спать завалился. Ой, да ты уже почти готовенький, — она просунула руку под покрывало и погладила его. — Только плавки осталось снять...

— Надь, — он отстранился, — знаешь, я не в форме. Как-то не по себе мне. И сон сейчас дурацкий снился.

— Вижу, — она сняла ладонь с его груди и провела по лбу. — Горячий. Вспотел весь. Выбросил бы ты этот кондиционер, — она покосилась на окно, — один вред от него, я сама про это в газете читала: «болезнь легионеров» от него приключается...

— Не в кондиционере дело, — отмахнулся Андрей. — Со мной что-то странное происходит. Такое ощущение, что я меняюсь: был человек как человек, а теперь будто бы что-то внутри растёт — не пойму, что именно: может, это то, что душой именуют?

— Возраст у тебя такой, — вздохнула Надежда. — Становишься взрослым. Мой-то тоже в двадцать пять лет заегозил: всё ему не так и не то, жизнь проходит мимо, и ничего-то он, бедняжка, не совершил, живёт с дурой-женой, которая не понимает его мятежную душу. У вас, мужиков, это, наверное, общая черта: во всех неудачах винить женщин — как будто мы камнями приросли к вашим ногам и не даём взлететь. Орлы!

— Разве я когда-нибудь говорил, что я — орёл? — обиделся Андрей. — Есть много других птиц, с кем можно сравниться. А что касается камней на ногах, то, знаешь, если сиднем сидеть в кресле перед телевизором или на диване лежать, то не только ноги — сам весь окаменеешь. Вон, Иван Муромец на печи просил тридцать лет и три года. А как сошёл с печи — так земля под ним и загудела: чугунный, наверное, стал, любая стрела об его грудь ломалась и копья отскакивали. Задумывалась об этом, Надя?

— Старая сказка на новый лад, — звонко рассмеялась она. — Умное слово есть: интер...интерпретация...да? Вот ты сказку-то как переделал! Вроде, и не взлетал мужик в небо, а — орел!

Андрей поморщился, давая понять, что не желает продолжать эту тему. Надежда не убирала ладонь с его лба, ожидая, видимо, ответной реакции: обнимет ли, погладит ли ее, приголубит.

— Сон плохой мне снился, — Андрей сел на диване. — Просто ужасный! Такое только в сказках бывает...

— Забудь, — посоветовала Надежда. — Хотя, знаешь, в любом сне есть скрытый намек на будущую жизнь. Я про это тоже в газетах читала.

— Много ты что-то читаешь, — буркнул Андрей и, легонько отстранив ее, встал босыми ногами на пол. — А я вот ничего не читаю, и доволен! Меньше знаешь — меньше думаешь.

Он, конечно, стебался. Потому что знал: Надя читает всякие «желтые» еженедельники да дешевенькие детективчики, которыми нашпигованы все газетные киоски. Сам же Андрей любил настоящую литературу, и знал толк в Чехове, Булгакове, Сэлинджере, даже «Опыты» Монтеня пробовал читать, но что-то не пошло, наверное, из-за тяжеловесного старинного слога, а может, из-за некоторых смешных несуразностей: старик, похоже, верил в мифических чудовищ, икубов и прочую чертовщину.

— Ага, — обрадовалась Надежда. — Надо же иногда о чём-нибудь поговорить. А то встанешь из койки и не знаешь, что сказать.

— А надо ли? — усмехнулся Андрей. — Мысль изреченная есть ложь...

— Так-то оно так, — смутилась она. — Но зачем-то же человеку дан орган речи.

— Этот орган не только для речи, — снова усмехнулся Андрей, и на этот раз его ухмылка была циничной. — Иной раз слушаешь сладкоголосую дамочку и думаешь, как именно заткнешь ей кое-чем рот. А она считает, что её внимательно слушают. Умная такая, спасу нет!

— Андрюша, — понарошку накуксилась Надежда, — чего ты такой сердитый? Тебе правда со мной не хочется даже поговорить?

— Лапа, — он постарался как можно нежнее произнести это ласкательство, — у меня что-то со здоровьем не того. Сама убедилась: даже дверь не закрыл — какое-то затмение нашло, голова болит, всё не так и не то. Понимаешь, я хочу один побыть. Человеку иногда важно побыть одному. Некоторые даже болеют, если им хотя бы час-другой в сутки не удаётся побыть в одиночестве.

— Понимаю, — серая тень пробежала по её лицу. — Я сама не люблю, чтобы другие видели, как я болею. Но, может, тебе помочь чем? Молочка с медом нагреть. Или массаж? Во! Давай, я тебе массаж воротниковой зоны сделаю. Я умею!

Надежда была доброй, простой женщиной. Если она оставалась дома одна, то непременно включала радио, телевизор, магнитофон — всё, что издавало звуки или показывало картинки: её угнетала тишина, она даже боялась её, потому что оставалась наедине с самой собой, и тогда в голову лезли всякие мысли об одиночестве, неудачных попытках завести более-менее длительные отношения с женщиной, об Андрее, который, наверное, никогда не захочет жить с ней вместе — молодой, симпатичный, себе на уме, он, по её мнению, и сам не знает, чего хочет, а если хочет, то поди-ка узнай, чего: отделяется смешочками, молчит, ни о каких планах не говорит и ничего конкретного не предлагает.

У неё был ещё один мужчина, о котором не знала даже лучшая подружка Люська. Зачем ей знать? Она ещё та лахудра: мало того, что обо всём растрезвонит, так ещё и глаз на Михаила Алексеевича положит. Всё-таки у него отдельная квартира, дача, машина, работает в солидной фирме, и ничего, что ему скоро пятьдесят лет — мужик ещё крепкий, видный, правда, скучный: всё у него в доме, так сказать, по полочкам разложено, ни пылинки — ни соринки, и не дай бог в порыве страсти сбросить лифчик или трусики на пол — тут же вскакивает, подбирает и аккуратненько складывает на пуфик, а как до интима дело дойдёт, ему непременно надо в ванну сбежать — как будто и не мылся в этот день, да ещё и её посылает туда же, а она, что, дура к мужику грязной идти? Зашибись!

Однако Михаил Алексеевич всё-таки был выгодной партией, такие на дороге не валяются: не пьёт, не курит, домовитый, с деньгами, опять же. Он сам предлагал Надежде жить вместе, и к её сыну вроде бы неплохо относился, но она пока что отделялась неопределёнными фразами: вроде того, что давай, мол, проверим свои чувства и всякое такое. В глубине души Надежда рассчитывала, что Андрею нравится не только сексом с нею заниматься. Она, хоть и старше, женщина хоть куда, вон, как по улице идёт — мужики ещё вслед оборачиваются!

И ни у какой подруги она в этот день не была. Встречалась с Михаилом Алексеевичем. От него и пришла к Андрею. Если бы она была поумнее, то постаралась бы перед выходом не только накраситься, но и хорошенько отмыться: Михаил Алексеевич после бритья пользовался лосьоном «Меннен — Снежная лавина», довольно-таки крепким, да ещё и «Эгоистом» душился — мужской, стойкий аромат парфюма перебивал её духи, и Андрей, конечно же, ощущал это, но сказать ничего не мог. Во-первых, сам не без греха. Во-вторых, надо же как-то женщине устраивать свою судьбу, зачем ей мешать: и сам не гам, и другому не дам — он относился к Надежде как к подружке, не более того. В третьих, ему не хотелось никаких разборок: пусть всё идёт так, как идет.

Ничего против массажа он не имел, но это действие Надежда постепенно переводила в более интимные движения, что Андрею сегодня было не нужно. Видение подействовало на него странным образом: тело болело и ныло, хотелось покоя и тишины. Он не врал, когда говорил об этом женщине.

— Надь, давай в другой раз, — Андрей кашлянул. — Ты классно делаешь массаж. Мне нравится. Но не сегодня...

Надежда не подала виду, что обиделась, наоборот — защебетала всякие глупости, как по её представлениям, и положено делать женщине, знающей себе цену: вспомнила вдруг о недоделанных дома делах (хотя какие, помилуй бог, могут быть дела глубокой ночью?), о том, что надо ещё бигуди накрутить, сыну на завтра нажарить котлет (ну, надо же! дня ей не хватило — непременно в полночь у печи толочься будет). И ещё что-то она чирикала совершенно счастливым голосом, и наказывала Андрею непременно дверь запирать, и под шерстяной плед лечь, и ни о чём плохом не думать.

Оказавшись в темном, вонючем подъезде, Надежда расплакалась. Она вдруг с тоской подумала, что всегда хотела жить жизнью того мужчины, которого любила. Но, оказывается, это им не всегда нравится. Свою одну-единственную жизнь, чаще всего, они хотят прожить сами, и женщина в ней – лишь страничка, может быть, не самая главная, может быть, такая, которую можно вырвать – и о ней даже не вспомнишь, потому что смысл не нарушится. Значит, свою жизнь и она должна прожить сама, не надеясь ни на кого другого? Но от этой мысли слёзы покатались ещё сильнее...

4.

Сергей Васильевич Уфименко считал, что на месте нынешнего центрального городского парка некогда находилось нанайское стойбище, о котором смутно упоминается в некоторых дореволюционных источниках. Оно располагалась на откосе берега, в обрывах террас. Люди жили тут в серома – землянках, хурбу – полуземлянках-полузасыпнушках, были и хагдуны – домишки, которые строились из плетеных камышовых фашин, жердей, тальника — остов обмазывались глиной, перемешанной с травой или шерстью. Главной конструкцией такого дома являлся накан – своего рода отопительная система, напоминавшая лежанку: люди на ней спали, сидели, ели, работали. Сергей Васильевич восторгался этим хитроумным изобретением аборигенов: накан обогревал всё жилище и, главное, можно обходиться без фундамента, а пол под ногами всегда был теплым.

Там, где сейчас высится памятник графу Николаю Николаевичу Муравьеву-Амурскому, скорее всего, стояли идолы. Местность для них вполне подходящая: высокий утес, более-менее ровная площадка, с которой открывается вид на Амур, и, ах, какие божественно сильные ветра дуют с реки – значит, приносят духам запахи рыбы и водорослей, прибрежных зарослей и просмоленных солнцем камней.

Утёс, по мнению Сергея Васильевича, был идеальным местом и для костра тревоги. В стародавние времена аборигены зажигали его, чтобы предупредить соседей о нашествии врагов: клубы дыма поднимались высоко в небо, их было видно за много десятков километров – сородичи бросали свои хурбу*18, уводили женщин, детей и стариков в тайгу, молодые воины готовились к битве, а специально обученные смотрящие, в свою очередь, зажигали костер тревоги. Так, по цепочке – от костра к костру, — амурские сидельцы оповещали друг друга о грозящей беде.

Возможно, многие краеведы и не стали бы спорить с Сергеем Васильевичем, тем более что возразить что-либо против тех же костров тревоги им было нечего? Пойди-ка, проверь теперь эту гипотезу. Но их почему-то возмущало утверждение этого оригинала о том, что нанайское стойбище в районе Амурского утёса было не простым: здесь, по мнению Уфименко, жили сильные шаманы, которым были ведомы тайны пустот – теперь на них стоит город.

Эти пустоты образуют под землей гигантские многокилометровые галереи, которые доходили до особого священного места, именуемого Сакачи-Алян. Даже не все аборигены знали о подземных ходах – это был секрет, тщательно оберегаемый посвященными. Духи, живущие в каменных тоннелях, запрещали им рассказывать людям о своём мире. Впрочем, это было не в интересах шаманов. Сородичи уважали и боялись их за умение входить в контакт с подземными жителями, которые были подобны богам: насылали болезни, вызывали наводнения и засухи, приносили счастье или беду, отбирали души; от них зависела удача охотника и рыбака, они могли сделать женщину бесплодной или забрать силу у мужчины; они, смеясь, вершили судьбы, и для них, казалось, не было ничего невозможного.

Духи знали тайну мира, наполненного разнородными и разнообразными вещами, резко отличными друг от друга. И они знали, почему ничто не вечно, всё преходяще, гибель одного дает жизнь другому, зачастую непохожему и даже противоположному.

Этот вечный круговорот возможен только потому, что есть некая первооснова, дающая форму, свойства и качества всему существу, но при этом она – ничто, и у неё нет определенной формы, она – вода и пламень, воздух и свет, вечная и неуничтожимая. Духи были сотворены из этого волшебного вещества, и потому их нельзя было видеть. Когда они хотели этого сами, то являлись людям в образе драконов, крылатых тигров или мерзких страшилищ, а также обычных зверей, птиц и рыб.

Однако эти существа не были такими всемогущими, какими хотели казаться своим слабым и незащищенным соседям-людям. Слишком они вознеслись в своей гордыне! Кто-то всё же был сильнее их, и он решил обновить мир: сжечь его и создать заново. На небе зажглось три солнца: одно – обычное, к которому все привыкли, два других пылали нестерпимым жаром. Вода в реках вскипела, и рыба в них сварилась. Загорелась тайга, и едкий, удушливый дым накрыл всю землю от края до края. Животные погибли в огне, и не стало слышно пения птиц. Даже камни плавилась под тремя солнцами. А что уж говорить о людях? Они все померли, остался в живых лишь богатырь Хадо и две женщины. Говорят, что это были его сестры.

В низовьях Амура была земля нивхов. Оттуда прилетела испуганная птица и рассказала сестрам:

«Эта земля вся изломалась, сгорела вся.

Люди погибли. Море только было.

Море все кипело. Тюлени и рыба умерли.

Людей нет, рыбы нет.

Потом из моря гора родилась.

Потом из моря земля родилась.

Под кочкой две синицы жили».

И будто бы эти синицы загорелись желанием убить два лишних солнца, но нет у них ни крепкого лука, ни метких копий. Синицы пытались стрелять по светилам из своих маленьких луков, но их стрелы – что укусы комара, а копыта так и вовсе сгорают в палящих лучах, не долетая до неприятелей. Пусть мэрген поможет синицам!

Хадо взял лук и выстрелил из него по самому яростному солнцу. Стрела попала в светило и оно – о, чудо! – свалилось с неба. Мэрген пустил стрелу в другое солнце – и тоже убил его. А сёстры, пока камни на берегу Амура оставались мягкими от огня, кончиками пальцев выдавили на них изображения тех духов, на которых рассердилось высшее существо. Пусть все знают, из-за кого чуть не погибла земля! Нарисовали они и личины добрых духов, людей и зверей. Пусть сохраняются в памяти вслед идущих! Но они не знали, что сеоны укрылись под землей, и некоторые из них всё же уцелели.

Сергей Васильевич рассказал эту легенду Эдуарду Игоревичу Шелковому, музейному этнографу. Тот, вздохнув, жалостливо посмотрел на него как на тяжело больного и пожал плечами:

— Вы смешали в одно целое нанайскую легенду о богатыре Хадо и нивхский миф о синицах. Хорошо, конечно, что вы постарались осмыслить космогонические представления древних народов. Как говорится, нет стены китайской между мифами. В них, возможно, запечатлены величайшие катаклизмы прошлого. Но всё это – наивные соображения древних, к которым навряд ли стоит относиться серьёзно.

— Сказка – ложь, да в ней намёк, — не сдавался Сергей Васильевич. — В мифах и легендах отражаются конкретные реалии. Для древнего человека иные формы жизни были явью, понимаете? Возможно, это некие энергетические формы, которые тысячелетиями соседствуют с нами!

— Повторяю: я занимаюсь серьёзной наукой, а не фантастикой, — мягко улыбнулся этнограф и нетерпеливо посмотрел на часы. — Мой вам совет: изложите гипотезу на бумаге, обоснуйте её. Возможно, мы сможем помочь вам опубликовать её. Всё-таки она достаточно оригинальная.

— Напишу! – с жаром воскликнул Сергей Васильевич. – Конечно же, напишу! Но меня волнует другое: под городом существует тоннель, в нем – иная жизнь, и давно пора организовать экспедицию по изучению этого феномена!

— Но я-то тут при чём? – Эдуард Игоревич пожал плечами. – У этнографа, видите ли, немножко другие задачи.

— У нас одна общая задача – найти истину! – Сергей Васильевич в волнении вскочил со стула.

— А что сказал Понтий Пилат Христу насчёт истины? – этнограф ласково посмотрел на Уфименко, сжал ладонь и снова разжал её. – Вот что он сказал. И Христос не возразил ему.

— Истина – рядом, — Сергей Васильевич продолжал метаться по кабинету. – И мы обязаны её отыскать! Всего-то и надо: подписать это обращение к властям. В нём говорится о необходимости подробных, комплексных обследований пустот.

— Я не подписант, — жестко отрезал Эдуард Игоревич. – Но помогу вам, чем смогу. Консультацией, советом. А всякие воззвания и обращения, увольте, не подписываю. Нет у меня такой привычки.

Он встал, давая понять, что разговор окончен. Сергей Васильевич, не обращая внимания на его протянутую руку, схватил со стола свои бумаги, запихал их в папку и кинулся вон. Эдуард Игоревич с облегчением вздохнул и потянул руку к телефонной трубке. Но не успел он её взять, как дверь распахнулась настежь, и в неё снова влетел Сергей Васильевич. Он подскочил к столу и выпалил:

— Вы некромант! И наука ваша — покойница!

Эдуард Игоревич, обомлев, молча взирал на раскрасневшегося Уфименко.

— Понавешали на стенках всякие рисуночки, орнаменты, висулечки-смехулечки, — он выразительным жестом показал в сторону коридора. – И гордитесь, что их вам предоставили мастерицы из национальных сёл! Носительницы, так сказать, древней культуры. Ха-ха-ха! Носят-то они её носят, но понимают ли, что именно носят? В ваших экспозициях сплошные мудуры – и в орнаментах, и в вышивках, и в кружевах, ах-ах! Как экзотично! Как колоритно! – он дурашливо закатил глаза, изображая восторг. — Да и вы хоть немного напряглись, чтобы выпытать у аборигенов, чем мудур отличается от пуймура, а? Кстати, изображений пуймурсэл в ваших экспозициях не так уж и много...

— Сергей Васильевич, успокойтесь, — робко предложил Эдуард Игоревич. – Конечно, знаем. Мудур – это солнечный дракон, а пуймур – водяной.

— О, боже! – вскричал Уфименко. – Стереотипы, сплошные стереотипы! Больше слушайте этих тёмных старух – и никогда истина вам не откроется. Мудур – это летающий дракон, божество, приносящее удачу. А вот пуймурсэл – не настоящий дракон, он, скорее, похож на червя с пастью крокодила. Но мастерицы рисуют его как дракона, потому что знают: так красивее, и важным ученым такое изображение больше понравится...

— Ну, что вы? – тактично кашлянул Эдуард Игоревич. – Никто их не заставляет. Рисуют, как сами хотят. Кроме того, у нас записаны легенды о пуймуре. По ним получается, что это мифическое существо может бегать, плавать и летать.

— А у вас нет записи легенды о шамане Исааки? – не унимался Сергей Васильевич. – В ней пуймур – тесть шамана. Более того, он сам способен превращаться в человека. Как это вам нравится?

— Да никак, — пожал плечами Эдуард Игоревич. – Народная фантазия!

— Вот-вот! – невинное замечание этнографа вдохновило Сергея Васильевича. – Думать вы не хотите! Пуймур – это дух, который может принимать любое обличье. Мудур себе этого не позволяет: он всегда дракон, величественный, вызывающий уважение и восхищение. Он не будет нисходить до простого запугивания людей, он выше этого и, если хотите, благороднее. А пуймур – это, возможно, сеон, пытающийся

подделаться под дракона. Одни люди видят его в образе гигантского сома, другие – червя, третьи – крокодила. Не правда ли, несколько размытая фигура?

— Возможно, — кивнул Эдуард Игоревич, снова начавший терять терпение.

— А раз возможно, то послушайте дальше, — Сергей Васильевич перегнулся через стол и почти зашептал на ухо этнографу. — Это реальное существо. Тсс! Мне почему-то кажется, что оно может быть рядом...

Зрачки его глаз вспыхнули огнём, безумным взором он обвёл помещение и прислушался. Эдуард Игоревич невольно отпрянул от собеседника. Но тот, усмехнувшись, как ни в чём не бывало, продолжал:

— Понимаю, что похож на умалишенного. Всякий шорох принимаю уже за явление духа. Где-то мышь, наверно, пробежала. Музейная мышь, а-ха-ха! — он коротко хохотнул. — Пуймур — это такое же реальное создание, как и мы с вами, дорогой Эдуард Игоревич.

— Ну уж, — промямлил этнограф. — Хотелось бы верить...

— Хрусталики его глаз считались суу — амулетом, всю жизнь приносящие удачу тому, кто ими обладает, — зашептал Сергей Васильевич. — Суу я трогал собственными руками, — он протянул ладони и повертел ими, — вот эти пальцы трогали волшебные суу! В Даерге один старик мне их показывал. И рыбак он отменный, и охотился всегда замечательно, и до самой старости сохранил потенцию, — Уфименко крикнул, — о его мужской силе легенды ходили! Жаль, помер он недавно, а сын не знает, куда его суу девались: весь дом перевернули — не нашли.

— Когда найдут, тогда и поговорим, — нахмурился Эдуард Игоревич и снова выразительно посмотрел на часы. — От меня-то вы что хотите?

— А хочу я, чтобы вы поняли: пуймур — это, в отличие от мудура, реальное существо, — устало сказал Сергей Васильевич. — Возможно, пуймурсэл как раз и обитают в тех лабиринтах под городом. Но в обычном состоянии они, возможно, не имеют плоти, скорее это особая энергетическая форма жизни, — глаза его блеснули, и Эдуард Игоревич с испугом подумал, что имеет дело с сумасшедшим. Мало ли чего от него можно ждать! И потому, стараясь быть деликатным, снова вежливо попросил:

— Сергей Васильевич, дорогой, я сейчас не готов продолжить этот разговор. Просто у меня важная встреча назначена. Давайте созвонимся, позовём других исследователей, подключим Географическое общество — может, и проведём экспедицию.

— Вы от меня отделяетесь только обещаниями, — буркнул Сергей Васильевич, но всё-таки по его тону было понятно, что он немного успокоился. — Мне ничего не остаётся другого, как в очередной раз поверить вам и ждать.

— Да-да, — радостно закивал Эдуард Игоревич. — Надеюсь, что всё у нас получится. Мне с вами всегда интересно.

На сей раз они распрощались вполне миролюбиво и даже пожали друг другу руки. Но через несколько секунд дверь опять скрипнула, в узком проёме показалась голова Сергея Васильевича.

— Кстати, — чуть слышно шепнул он. — Недавно я познакомился с одним человеком. Случайно. У него особая энергетика. Кажется, он сам об этом даже не подозревает. Потрясающе! Но он может выходить в другую реальность. Туда, где обитает пуймурсэл.

Эдуард Игоревич, уже было вздохнувший с облегчением, что избавился от назойливого посетителя, сердито буркнул:

— Ну и что?

— Тсс! — Сергей Васильевич приложил палец к губам и подмигнул. — Он — проводник, но пока о том не знает. Но — тсс! — никому о том ни слова.

Дверь снова захлопнулась. С опаской поглядывая на неё, Эдуард Игоревич снял телефонную трубку и набрал номер. Оказалось, что ошибся. Снова набрал. Опять ошибка. Такое с ним бывало редко.

Чертыхаясь, Эдуард Игоревич открыл телефонный справочник, нашел нужный номер и, приставив к нему палец, старательно повторил набор.

— Сумасшедший! – сказал он.

— Что? – откликнулся голос на том конце телефонного провода.

— Извините, это я не вам, — смутился Эдуард Игоревич и почувствовал, как меж лопатками струйкой скользнул холодный пот. Всё-таки он звонил важному человеку – начальнику управления культуры, который курировал музей.

А «сумасшедший» в это время бодро выскочил из музея, метеором пронёсся по короткой тенистой улочке, которая упиралась в Соборную площадь – тут он затормозил и, придав себе степенности, важно засеменил по брусчатке.

Сергей Васильевич сосредоточенно глядел себе под ноги, отмечая каждую новую трещинку и вмятину. Когда его что-то особенно впечатляло, он доставал из кармана измятую пухлую тетрадь, листал её, находил нужную страницу и сравнивал давнишний чертеж этого фрагмента площади с тем, что наблюдал сейчас. Если отличия имелись, то в руках Сергея Васильевича невесть откуда мгновенно появлялись рулетка, циркуль и карандаш. Ловко орудуя ими, он делал измерения и зарисовывал трещинки с вмятинками в тетрадку.

Так, шажок за шажком, он и двигался по площади, не обращая никакого внимания на гуляющих тут людей. Иногда какой-нибудь прохожий любопытствовал, что это он такое делает. Сергей Васильевич обычно цыкал и досадливо отмахивался:

— Вам не понять!

Правда, на этот раз он был поделикатнее. Длинновязому пареньку даже улыбнулся, ухватив его за локоть, спросил:

— Ты в каком классе учишься?

— Ну, в десятом, — ответил тот. – А что?

— А то! – Сергей Васильевич поднял указательный палец вверх. – О множественности миров уже должен иметь представление. Наш мир – не единственный. И не только во Вселенной, но и на Земле. Понял?

— Не-а, — крутнул головой паренёк.

— Там, под нами, — Сергей Васильевич выразительно притопнул ногой, — целый мир. А мы, остолопы,зираем в небо и ждём оттуда гостей. Их надо ждать из-под земли!

Паренёк усмехнулся, осторожно высвободил свой локоть из руки Сергея Васильевича и покачал головой:

— Ну, вы, дедуля, даёте! Ещё скажите, что Земля стоит на трёх китах, а небо держит на своих плечах Атлант.

Сергей Васильевич, и прежде выслушивавший саркастические замечания в свой адрес, пропустил иронию мимо ушей и лишь вздохнул:

— Гуляй дальше, молодой человек. И ни о чём не задумывайся. Думать, знаешь ли, иногда вредно. Потому что здравомыслящие люди могут принять тебя за сумасшедшего. А это неприятно. Будь как все – так проще жить. Гуляй!

Он не любил людей, которые мыслили стереотипно. Обнаружив это, Сергей Васильевич не просто терял к ним всякий интерес – они переставали для него существовать: он смотрел сквозь них, будто перед ним было пустое место. Паренёк принялся что-то говорить в своё оправдание, но господин Уфименко досадливо отмахнулся от него как от комара и снова вперил сосредоточенный взгляд себе под ноги.

— Там что-то есть, — бормотал он. – Чу! Какое-то движение... Неужели это слышу только я? О, как бы я хотел сейчас попасть туда – под площадью определенно кто-то есть. Почему мне никто не верит?

Из-под брусчатки в самом деле доносились глухие звуки. Но если бы Сергей Васильевич огляделся, то их причину обнаружил бы немедленно: неподалёку был канализационный люк, возле которого в позе роденовского мыслителя восседал крупный мужик. Крепкой ладонью он сжимал трос, опущенный под землю. На спине его синей

униформы красовалась надпись «Сантехремонт». Другой сантехник что-то делал в канализации, время от времени выдавая наверх краткие непечатные выражения. Его напарник, не меняя позы, внимал им довольно равнодушно, время от времени повторяя одну и ту же фразу «Да уж!» При этом он лениво попыхивал папиросой, повисшей в углу губ.

6.

— Забудь о Фрейде! Фу! — Настя смешно сморщила нос, делая вид, что вдохнула не слишком приятный аромат. — Он всё сводит к сексу. Что бы человек ни делал, им движет сексуальный мотив. Просто маньяк какой-то!

— Нет, не маньяк, а выдающийся учёный, — сказал Сергей, стараясь сохранить на лице серьёзное выражение: ему нравилось подначивать Настю, которая всего несколько минут назад была похожа на вакханку, не ведающую ни о каком психоанализе. Они оба напоминали две тучи, меж которыми яростно сверкали молнии и раздавались дикие раскаты грома — их тела сотрясались, пламенели, вибрировали и на какой-то миг стали одним целым в ослепительной вспышке огня, затмившего весь белый свет.

— Любовь это не секс, — упрямо стояла Настя на своём. — Это прежде всего работа души, а не отдельных частей тела.

— Извини, если мужчина импотент, то о какой любви может быть речь? — усмехнулся Сергей. — Хотя при этом душа у него — большая, чистая, прекрасная...

— Пошляк! Даже не хочу рассказывать тебе об Абеляре, которого оскотили, но он всё равно не потерял способности любить. Ты этого всё равно не поймёшь, — Настя искоса метнула быстрый взгляд на ту часть тела Андрея, которая только что связывала их в одно целое. — Извини, иногда не в члене дело...

— А в том, чтоб вводить его умело? — засмеялся Андрей.

— Господи, какой ты бываешь пошлый, просто ужас! — вздохнула Настя. — И за что я тебя только люблю?

— А что, разве не за что? — он взял её руку и положил на свою успокаивающуюся плоть. Ему нравилось ощущать её тонкие, гибкие пальцы.

— Развратник, — шепнула она и поцеловала его в мочку уха. — Но мне нравится, когда ты такой. Хотя Фрейд всё равно не прав: нельзя всё сводить только к сексу.

— А что делать? — притворно вздохнул он. — Миром правит любовь. Без неё мир давно бы вымер.

— Правильно: любовь, — согласилась Настя. — А то, о чём твердил Фрейд, — это совсем другое. Это, знаешь ли, низменные инстинкты, не более...

— Но тебе они, кажется, нравятся? — засмеялся Андрей. — Эти низменные инстинкты так прекрасны, зайчонок!

— И совсем они не низменные, — нахмурилась Настя. — Я люблю тебя. А жизнь не ограничивается лишь стремлением к сближению мужчины и женщины. Жизнь — это творчество. По Библии, она и началась с творчества Бога: он создал весь этот мир, и лишь потом заселил его всякими тварями...

— Включая человека, — подхватил её мысль Андрей. — И этого человека он создал по своему подобию. Представляешь, у Бога тоже был член!

Настя сжала плоть Андрея и убрала руку. Он засмеялся, поцеловал её и примирительно шепнул:

— Ладно-ладно, не сердись. Понимаю, что существует и другой импульс, не сексуальный, — импульс творчества. Пророк Моисей никогда не взойшёл бы на вершину горы Фасги и не взглянул бы с неё на Землю Обетованную, если бы им двигали только сексуальные инстинкты. Он любил Бога, и в этом его чувстве ничего сексуального не было. И свой народ он любил, и это тоже не напоминало секс. Есть нечто высшее, что движет человеком. Я не знаю, что именно, но, мне кажется, этого не знал и Моисей. Он

видел с горы прекрасные земли, но если бы дошел до них, то понял бы: там – горе, смерть, кровь, и счастье, ох, как далеко!

— Но это неважно, — сказала Настя и прижалась щекой к плечу Андрея. — Главное — он шёл вперёд, им двигала великая цель. Может быть, в жизни мужчины это самое главное?

— Не знаю, — ответил Андрей. — Моисею лишь перед смертью было позволено взглянуть на Землю Обетованную. Он так и не дошел до неё. Получается, что главное — движение, а не цель?

— Кстати, откуда ты так много знаешь о Моисее? — спросила Настя. — Наверное, смотрел фильм о нём? Как-то его по телеку показывали. Но он мне показался скучным, и я его не досмотрела до конца.

— Читаю иногда, — усмехнулся Андрей. — От бабки мне не только квартира досталась, но и её книги.

В бабкиной библиотечке были, конечно, и книги о любви: рядом с Тургеневым и Буниным стояли яркие покетбуки из серии «Дамский роман» — как правило, сентиментальные повествования о страстных мужчинах и женщинах, которые после долгих и мучительных приключений наконец-то соединялись в экстазе любви. На взгляд Андрея, именно с этого момента и начиналось самое интересное, но сочинительницы чтива для женщин предпочитали ставить тут точку. Видимо, они были уверены: после свадьбы в жизни двоих наступает сплошная идиллия, освещаемая лучезарным счастьем, и все волнения и страсти — не для них. Читать такие книжки ему было скучно.

В комнате стоял полумрак: Настя стеснялась, что она обнажённая, и Андрей каждый раз уговаривал её оставить включенным хотя бы бра с тусклой лампочкой. Ещё она любила негромкую музыку, но на этот раз впопыхах он сунул в музыкальный центр какой-то диск, даже не посмотрев на название.

Приглушённые блюзовые мелодии не мешали им заниматься друг другом, но вдруг громко ухнул контрабас — и в комнату, ритмично покачиваясь, вплыл пёстрый караван звуков. Джазовые композиции в мгновение ока заполнили всё пространство. Пронзительный, тоскующий саксофон, рокот бас-гитары, озорной смехок трещоток, знойный ритм барабанов — всё это будоражило душу.

— Странно, — сказала Настя. — Слышишь, как бьют барабаны? Будто шаманские бубны — дико, необузданно. Других инструментов не слышно. Они словно испугались, притихли. Остался только этот ритм — завораживающий, странный, волшебный.

— На джаз не похоже, — откликнулся Андрей. — Наверное, я перепутал диски. Впрочем, не помню, чтобы у меня нечто подобное было. Наверное, кто-то из друзей оставил.

— А мне нравится такая музыка, — Настя легонько постукивала костяшками пальцев в ритм мелодии. — Знаешь, это похоже на ветер, который всё время меняет направление: как бы ты ни отворачивался от него, он дует тебе в лицо, и вернуться невозможно — остаётся одно: идти напролом. А ветер срывает с домов крыши, гнёт к земле деревья, поднимает тучи песка и пыли, и при этом он — не просто стихия, он — это то, что скрывалось в тебе самом: темное и светлое, дикое и возвышенное, отчаяние и радость, жар и холод, — нечто такое, чего ты и сам о себе не знал. Это ритм твоей жизни!

Андрея поразило лицо Насти, которое наполовину закрыла тень от бра: оно словно разделилось на две части как маска древнегреческого театра — одна половина лучезарно улыбалась, другая была печальна. Когда девушка поворачивала голову, тут же происходила метаморфоза: тень и свет менялись местами, и то, что было радостным, покрывалось вуалью унынья. Смех и слёзы, горе и радость, отвага и страх, надежда и отчаяние смешивались, переплетались, менялись местами — и нельзя было с уверенностью сказать, что тень — это тень, а свет — именно свет, а не отражение луча солнца, допустим, от чёрной лаковой поверхности.

Он вдруг подумал, что всегда воспринимал Настю прямо, без всяких полутонов, да она и сама была вполне определённа: если весела – значит, улыбалась, пела и шутила; если грустила – это было сразу видно. Может, всё слишком просто? А на самом-то деле её истинное лицо – вот эта маска, в которой нечаянно смешались тьма и свет, возвышенное и низкое, трагедия и комедия.

— Богатая фантазия! – воскликнул Андрей.

— Что? – не поняла Настя.

А он и сам не понял, к кому больше относилось это его восклицание – к нему самому или к ней, но всё-таки сказал:

— Богатая, говорю, фантазия у тебя. Тебе бы стихи писать.

— А я, может, и пишу их, — Настя опустила глаза. – Почти все девушки пытаются что-то сочинять. Знаешь, они иногда даже сочиняют своих любимых: встретится какой-нибудь парень, ничего особенного, парень как парень, а девушка такого себе о нём насочиняет, что даже и поверит: это тот принц, который и сам не знает о своём высоком происхождении.

Барабаны били всё громче и громче. Их настойчивый, частый ритм проникал в мозг: подобно колотушке, он, казалось, выбивал мысли и ощущения, настойчиво подчиняя себе сознание. Лёгкий холодок пробежал быстрой ящеркой от грудины к низу живота и ухватил цепкими лапками кожу. Андрей почувствовал, как в неё вонзается что-то вроде колючих и острых льдинок: они проникали в каждую клеточку, и быстрый, внезапный озноб сотряс всё тело – он дёрнулся, с удивлением обнаружив, что не в силах противиться жёсткой беспредельности завораживающего ритма.

— Что с тобой? – удивилась Настя. – Ты побледнел...

Но он не слышал её вопроса. Он лишь видел, как беззвучно открываются и закрываются губы Насти.

— Тебе плохо? – спросила она.

Из её полуоткрытых губ вдруг показался острый кончик языка. Настя раскрыла рот шире, и язык, извиваясь, вытянулся и раздвоился – стал похож на змеиный, только побольше. Он напряжённо дрожал, с него капала серая пенящаяся жидкость, и там, куда попадали капельки, мгновенно возникали бугорки: они раздувались, пучились, шипели и, вдруг осветившись изнутри багровым светом, лопались – белесая, дурно пахнущая жидкость с шипением разбрызгивалась во все стороны. Одна капелька попала на брюки Андрея и прожгла их насквозь.

— Не смотри на меня, — нахмурилась Настя. – Тебе незачем знать, кто я на самом деле.

— Кто же ты? – Андрей понял, что спрашивает её не вслух, а мысленно: говорить он не мог – язык распух и будто онемел.

— Женщина – это всегда тайна, — усмехнулась Настя. – Как бы ты хорошо её не знал, всё равно многое в женщине так и останется тебе неизвестным.

— Банально, — подумал он. – Вам так хочется думать.

— Считаю как хочешь, — откликнулась она. – Но предостерегаю тебя: не смотри на меня. Ты увидишь не то, что хочешь видеть. А то, что человек не хочет видеть, ему лучше вообще не знать. Так проще, милый. И, знаешь ли, спокойнее...

Она не произносила слова – лишь шипела, но Андрей каким-то образом понимал всё, что говорила Настя. С её лицом происходило нечто странное: оно вытягивалось, нос превратился в подобие хоботка, уши заострились, а глаза прикрыли тяжёлые веки: на них тускло сверкали мелкие, как у плотвы, чешуйки. Впрочем, чешуя покрывала всё тело Насти, которая уже не походила на женщину – она напоминала, скорее, ужасную помесь динозавра и птеродактиля: длинное мощное туловище на коротких лапах, сверкающая чешуя, на спине – ошетилившийся гребень, за плечами вздымались тёмные перепончатые крылья.

— Ты не Настя, — хотел сказать Андрей, но язык его не слушался. Он потряс головой, стараясь привести себя в порядок.

— А разве я утверждаю, что я Настя? – рыкнуло чудовище и расхохоталось. – Но я и не Ниохта, которой ты уже успел полюбоваться.

Чудовище приблизилось к Андрею, пристально взглянуло ему в глаза и положило перепончатую лапу на плечо:

— Успокойся, милый. Разве тебе неприятно быть со мной? Прислушайся к своим ощущениям: тебе тепло, по телу разливается сладостная истома, пульс учащается – это твоё сердце радуется тому, что оно не одиноко. Тебе хорошо, не правда ли?

Странно, но Андрей, еще несколько мгновений назад с отвращением взиравший на невесть откуда взявшегося монстра, почувствовал умиротворение и покой. Ему нравилось это мягкое, ласковое прикосновение. Смердное дыхание чудовища, от которого его чуть не вывернуло наизнанку, сменилось лёгким цветочным благоуханием.

— Закрой глаза, — шепнул монстр. – Тебе не стоит видеть то, что ты сейчас видишь. Доверься мне. Я – то, что ты всегда хотел. А что ты хотел – этого ты и сам пока не знаешь, милый. Закрой глаза, всё будет хорошо...

Андрей послушно смежил веки. В затылке стоял ровный тупой гул — барабанная палочка монотонно стучала по одному месту: тук-тук-тук-тук, с ума сойти можно. Но ласковые касания успокоили его, и он, отвечая им, обнял теплое податливое тело. Андрея уже не смущало, что эта приятная плоть всё-таки принадлежала довольно непривлекательному существу: увидишь такое во сне – и то испугаешься, а тут – вот оно, настоящее, страхолюдина ещё та, дикий ужас, и к тому же обнимает своими перепончатыми лапами, и слышно, как дышит, будто кот мурлычет, но только громче, — и это убаюкивает, снимает напряжение, и кажется: смердное дыхание сменяется лёгким дуновением весёлого ветерка, который наполнен густым ароматом белых лилий, и от этого хочется ещё крепче зажмуриться и забыть обо всём на свете. В голове стало тихо и ясно – как после бури, и не было слышно барабанов, ритм которых несколько минут назад больно отдавался в висках.

— Всё хорошо? – услышал он голос Насти и открыл глаза.

Настя обнимала его, успокаивающе похлопывая на спине. Никакого чуда-юда и в помине не было.

— Это ты? – невольно вырвалось у него.

— Господи, как ты меня напугал! – Настя отпустила его. – У тебя что-то вроде обморока было. Наверное, ты ещё не совсем поправился. Может, это не простуда, а что-то другое. Зря ты к врачу не хочешь сходить. Ох, как ты меня перепугал!

Он молчал. А что ему было говорить в ответ? То, что ему примерещилась какая-то чужь? Так девушку недолго и перепугать. Ещё подумает, что он на всю голову больной. А кому охота поддерживать отношения с психом, а?

— Побледнел, молчишь, на вопросы не отвечаешь: словно твоё тело тут, а сам ты где-то там, — говорила Настя. – Ой, я уже не знала, что и делать. Хотела скорую вызывать...

— Всё в порядке, — ответил он. – Наверное, мы с тобой в постели переусердствовали. А ведь утром у меня температура была...

— Дурашка, — шепнула Настя и приобняла его за плечи. – Мог бы мне об этом сразу сказать, чего стеснялся-то? Если хочешь знать, то я тебя люблю и без секса... Ой, ну вот! Глупость какую-то опять сказала, — она смутилась и опустила глаза. – Мне просто нравится быть с тобою рядом, видеть тебя, слышать...

Андрей привлек её к себе и крепко поцеловал. Настя, шутливо отбиваясь, засмеялась и, когда он оторвался от её губ, спросила с невинной улыбкой:

— Ты зачем мне рот закрываешь?

— А чтоб глупостей поменьше говорила...

— Я глупая, а ты – умён, — Настя начала цитировать любимую ею Марину Цветаеву, — живой, а я – остолбенелая...

Про крик женщин всех времён Андрею дослушать не удалось, потому что вдруг зазвонил телефон.

— Да? – сказал Андрей.

— Мне нужно с вами срочно увидеться, — ответил в трубке женский голос.

— Кто вы?

— Ах, да! – женщина, чувствуете, смутилась. – Во-первых, здравствуйте. А во-вторых, меня зовут Маргарита, для друзей – Марго.

— Очень приятно, — кашлянул Андрей. – Чем обязан?

— Это долго рассказывать, — Марго говорила быстро и сбивчиво. – Я гадалка...впрочем, не совсем гадалка... скорее, ясновидящая... Ах, какое это имеет значение? Только не принимайте меня за сумасшедшую. Просто вы мне нужны...

— Зачем? – удивился он.

— Повторяю: это долго объяснять, — женщина нервно хихикнула. – Мне был знак. Не спрашивайте меня, что это такое. Потом я вам, быть может, расскажу. А ваш номер телефона я нашла в телефонной книге. Извините, конечно, за беспокойство, но вы мне очень нужны...

— Ничего не понимаю, — растерянно сказал Андрей. – Вы сваливаетесь как снег на голову и требуете от меня чего-то, хотя я вас и знать не знаю...

— Теперь знаете, — женщина была настойчивой. – Давайте встретимся. Чем раньше, тем лучше. Это очень важно. Поверьте мне, пожалуйста.

— Для кого важно?

— Не знаю, — простодушно ответила Марго. – Может быть, для вас – важнее. Ах, какая, впрочем, разница? Это за пределами обычного понимания. По ту сторону добра и зла. Там другие законы. Я только одно знаю: вы можете мне помочь. Если, конечно, захотите. Не говорите, пожалуйста, «нет».

— Да, но...

— Я же вас просила, — укоризненно вздохнула Марго. – Не говорите «нет». Найдите для меня немного времени, совсем немного, чуть-чуть. Мне нужно с вами поговорить. А, может, это вам со мной надо поговорить. Я уже запуталась.

— Странно, — сказал он. – Вы запутались, и хотите, чтобы я тоже запутался? Ничего не могу понять. Чепуха какая-то.

— В иной чепухе больше смысла, чем в здравых рассуждениях, — парировала Марго. – Я не верю людям, которые правильные во всём. Правила ограничивают восприятие мира. Чепуха всегда выше правил. Но, кажется, я только что придумала правило, а это само по себе плохо – значит, тоже ограничила мир.

— Какое правило? – не понял Андрей.

— Такое: чепуха всегда выше правил, — вздохнула Марго. – Вы просто делаете вид, что не понимаете меня, или на самом деле не врубаетесь?

— Неважно, — усмехнулся Андрей. – Может, я и сам себя не понимаю, и не знаю, что вообще со мной происходит. А тут ещё вы со своими загадками...

— С одной загадкой, — уточнила Марго. – Малюсенькой такой. Поверьте, я бы не стала вас тревожить, если бы не была уверена, что вы поможете мне её разгадать. Неужели вы откажете женщине?

Разговаривая с Марго, Андрей видел, как Настя сначала довольно равнодушно прислушивалась к тому, что он говорит по телефону, потом на её лице появилось недоумение, сменившееся ироничной усмешкой. Она отвела взгляд и, постукивая пальцами по столу, с деланным безразличием принялась смотреть в окно. Всем своим видом Настя показывала, что ей всё равно, что за женщина звонит Андрею и о чём они там договариваются, но, с другой стороны, вроде как неприлично в присутствии одной дамы разводить шуры-муры с другой.

Договорившись о встрече, Андрей с облегчением положил трубку.

— Какая-то экзальтированная мадам звонила, — сообщил он. — Чего хочет, сама не знает.

— Зато ты знаешь, — возразила Настя. — И много у тебя таких мадамов?

Её ревность была так наивна, какая-то по-детски прямолинейная, что Андрей невольно рассмеялся:

— Оправдываться мне не в чем. К тому же, зрелые женщины меня как-то не привлекают. Ей уже за сорок. И у неё какое-то дело ко мне.

— У настоящей женщины возраста нет, — философски изрекла Настя. — А зрелый плод, как известно, слаще.

— И откуда ты всё знаешь? — изумился Андрей.

— Я тоже книжки иногда читаю, — Настя лукаво улыбнулась. — Смотри, как бы деловой разговор не привёл к чему-нибудь другому.

— Ладно, — шутливо пообещал Андрей, — я буду смотреть во все глаза. И даже по сторонам озираться, как бы чего не вышло.

Они одновременно рассмеялись и рухнули на диван в объятия друг друга.

7.

Андрею никогда не нравилось ощущать себя частью толпы, по этой причине он не любил всякие митинги, демонстрации, и даже на обычное собрание родного, так сказать, коллектива заманить его было сложно — у него всегда находились отговорки. А на площади у фонтанов, как всегда, было многолюдно. И от этого пестрого, шумного столпотворения настроение Андрея начало портиться. Благо, что в том уголке площади, который находился вдалеке от фонтанов, народа было поменьше, но все лавочки были заняты, и, кажется, ни на одной из них не наблюдалось дамы в сиреновом платье.

Он почему-то считал, что Марго — это, скорее всего, женщина старше сорока лет, дебелая, с короткой деловой стрижкой, непременно курящая, пальцы рук унизаны перстнями: гадалки ведь любят золото, всякие побрякушки. Именно такую даму он и выискивал глазами, пока не уткнулся взглядом в элегантную женщину неопределенного возраста: скорее всего, ей было далеко за тридцать, но она выглядела гораздо моложе — ухоженная, гладкая кожа, высокие скулы, полные губы небрежно очерчены бледно-розовой помадой, в матовых мочках ушей — крошечные сережки с какими-то радужными камешками. Глаза дамы скрывали черные солнцезащитные очки, одета она была в простой на вид, но, однако, на самом деле довольно дорогой белый хлопчатобумажных костюм, на коленях — лиловая сумочка, в правой руке — дымящаяся длинная сигаретка.

Дама никак не подходила под описание портрета Марго, и Андрей уже было хотел отвести от неё взгляд, как женщина вдруг махнула ему, поднялась с лавки и, манерно покачивая бедрами, двинулась к нему. Наверное, даже самые примерные мужья в этот момент невольно смотрели не на своих благоверных, а на эту женщину, походка которой была легка, непринужденна и, скажем так, эксцентрична.

— Привет, — сказала дама и протянула ему руку. — Извините, я забыла, что именно должно было быть фиолетовым — платье, сумочка или и то, и другое вместе. Впрочем, какая разница? Вы ведь меня узнали? Я — Марго. А вас я почувствовала сразу: от вас исходит особая энергия...

— Здравствуйте, — растерянно пожал её руку Андрей. Он был явно смущён.

— Что-то не так? — простодушно спросила Марго.

— Знаете, в последнее время я так часто слышу о какой-то своей энергии, что уже подумываю: а не открыть ли мне маленькую частную электростанцию, — неуклюже пошутил Андрей. — Так сказать, энергию — в мирных целях!

— Ах вы, шутник! — улыбнулась Марго и погрозила ему пальчиком. — Такая энергия никакому Чубайсу не снилась. Да вы это и сами, наверное, знаете, — она бросила на него короткий взгляд, и даже солнцезащитные очки не помешали Андрею почувствовать

проницательность её глаз. – Мы стоим накануне больших событий, и вы об этом тоже, надеюсь, знаете. Тайна уже открылась вам?

Марго нервно бросила сигарету, докурившую почти до фильтра, выудила из сумочки пачку «Кэмела» и снова закурила, выжидательно поглядывая на собеседника. Андрей не понимал, о какой тайне идёт речь, как не понимал и того, зачем вообще согласился прийти на эту встречу: в его жизни что-то слишком много стало сумасшедших, вот ещё и Марго добавилась.

— Ладно, — вдруг кивнула Марго. – Не хотите – не говорите. Это ваше право. Но в следующий раз, как окажетесь там, — она сделала ударение на слове «там» и выразительно глянула ему прямо в глаза, — так вот, как окажетесь там, не смогли бы кое-что выяснить лично для меня...

— Не понимаю вас, — Андрей посмотрел в сторону. – Вы, кажется, гадалка. Значит, помогаете другим людям выяснять всякие тайны, узнавать будущее. А я этим не занимаюсь. Я, знаете ли, всего-навсего повар. И даже не всегда знаю, какое будущее ожидает курицу, которую поставил в духовку – сочной она получится или сухой, подгорит или нет, покроется золотистой корочкой или ...

— Ах, бросьте! – перебила его Марго. – Никакая я не гадалка. И вы это должны чувствовать. Ясновидящая! Специально ношу темные очки, чтобы люди не пугались. А гаданьями да ворожкой занимаюсь потому, что надо же на что-то жить.

— И что же скрывают очки? – усмехнулся Андрей.

Марго, ни слова не говоря, сняла очки. Черные, странно расширившиеся зрачки окаймлял желтоватый белок, и в них полыхал блеск, от которого становилось больно – точно жерло вулкана, из которого извергалась сернистая лава.

— Думаю, достаточно, — Марго снова прикрылась очками. — Мне многое открывается, но не всегда проникаю в самую суть увиденного. Надеюсь, вы знаете: то, что человек видит, — на самом деле не всегда то, что он видит.

Андрей пожал плечами, что-то пробормотал невнятное в ответ, можно было лишь понять, что ему никогда не была близка восточная философия с её парадоксами. Но Марго не успокоилась и с жаром принялась рассуждать о фата-моргана и миражах в пустыне: когда явственно видишь прекрасные замки и чудесные сады, ощущаешь на лице дуновение ветерка, благоухающего ароматами оазиса и даже слышишь гомон базара, это ещё ровным счетом ничего не значит – обман зрения, галлюцинация, иллюзия, фокус природы, игра воображения, не более того. Но подобное происходит с нами каждый день, и, может быть, даже каждый час: то, что нам представляется как самая правдивая реальность, на самом деле – прихотливая игра света и теней, нашего воображения, чужих эмоций, ожидания чуда или, напротив, желания всё упростить до невозможности; и получается, что, глядя на что-то, порой вполне конкретное и привычное, мы на самом деле видим своё представление об этом, а не истинную вещь.

Марго беспрестанно курила, много говорила и, вероятно, очень хотела понравиться Андрею как приятная собеседница. Она была женщиной проницательной, и, конечно, вскоре поняла, что он довольно скептически относится ко всему, о чём она так вдохновенно вещает. Единственное, что оставалось Марго, — говорить по существу, внятно и без всяких абстрагирований.

— Одно видение повторяется и повторяется, я им измучена, — пожаловалась она. — И одно мне ясно: все мы накануне какого-то большого события, после которого жизнь изменится. Может, это будет вселенский катаклизм?

Она, наконец, рассказала свою историю. Оказывается, ей видится один и тот же сон: будто бы на небе появились три солнца. Нестерпимо яркие, они иссушают землю, вода в реках кипит, плавятся камни, горят леса, зловонные облака закрывают небосвод плотной пеленой, гибнут люди, их трупы никто не убирает – разлагающаяся плоть мерзкой серо-зеленой слизью пропитывает почву, миазмами отравляет воздух, отчего возникают новые, неизвестные болезни – они сваливают тех, которые ещё более-менее здоровы;

редкие группы оставшихся в живых забираются в глубокие пещеры и хоронятся там как дикие звери.

Один старик вспомнил, что ребёнком слышал легенду о том, что такое уже приключалось на Земле: на небе когда-то давным-давно появилось три солнца – одно большое и два поменьше, и даже ночью было видно как днём. Какому-то богатырю из маленького племени амурских аборигенов якобы удалось сбить стрелами два светила – только после этого жизнь на Земле вернулась в своё русло.

— Легенды не рождаются из ничего, — говорил старик. — Легенда — это историческая память народа, которая передается от поколения к поколению. «Три солнца» — событие, уже бывшее некогда реальностью, и наши предки через миф предупреждали нас о том, что оно может повториться. Подобные легенды существуют у многих народов. Древние китайские источники утверждают, что наша планета некогда была «потрясена», в результате Солнце, Земля, Луна и звезды «изменили» свой путь». Поднебесная «уходила на юг», а небо стало «падать» на север.

— Мы это знаем и без китайских хроник, — завопила маленькая простоволосая женщина. — Что делать нам, старик? Посвященные покинули нас, мезюлины*19 скрылись в подземельях, а шуликуны*20 лишь смеются и издеваются.

— Правильно она говорит! — поддержали женщину окружающие. — Хватит мудрствовать, старик. Люди вымирают. Лучших из нас забирают к себе шуликуны — этим мерзким тварям нужна не наша плоть, они питаются нашими душами.

— Вы хотите знать, что происходит со всеми нами? — возвысил голос старик. — Слепцы! Вы слишком долго жили в тьме низких истин, главным стало тело, а не дух, и удовольствий ради поступались слишком многим вы, безумцы! Три солнца осветили мир, очистительный огонь испепеляет нашу низость, и сбываются пророчества Посвященных, над которыми совсем недавно вы насмехались, глупцы!

Простоволосая женщина, вперив в старика немигающий взгляд, присела, как тигрица перед прыжком, и завопила:

— Он смеётся над нами! Он продан шуликунам. Смерть отступнику!

Толпа зашумела, мрачно надвигаясь на старика. Но он, не дрогнув ни единым мускулом лица, лишь усмехнулся и спокойно поднял руку:

— Прежде чем лишусь жизни, послушайте, что хотел вам сказать. Человек, испытавший жизнь, не боится испытать смерть. Но не станет меня — так ничего и не узнаете, невежды!

— Да он издевается над нами! — изумлённо воскликнула предводительница толпы. — Возомнил себя пророком, вонючий старый пердун!

Однако толпа притихла, зачарованная невозмутимой фигурой старца и его жестами, полными достоинства.

— Пусть говорит! — послышались возгласы. — Он что-то знает. Наказать его всегда успеем! Говори, старик!

— Молчи, стадо овец, и слушай внимательно, — молвил старец. — Наверняка вы, кичащиеся своей цивилизованностью, считаете диким маленький народ догоны, обитающий в Танзании. С вашей точки зрения, они живут как первобытные люди: минимум одежды, жилища — хижины, пища — самая простая: то, что могут добыть охотой или собирательством. Но эти люди полагают, что их прапредки жили под созвездием трёх солнц, а Южный Крест, который висит над ними, некогда был виден над горизонтом только по утрам и вечерам.

— Они когда-то жили под тремя солнцами? — ахнула толпа. — Не может быть!

— На свете может быть всё, что угодно, — рассмеялся старик. — Но речь не об этом. Так вот, у догонов есть особая священная долина. Там их жрецы выложили карту Солнечной системы. Она состоит не из девяти, а из двенадцати основных больших планет. Иногда жрецы добавляют тринадцатую планету. Чем это вызвано, никто не знает. Причем, начиная с Юпитера, планеты обозначены валунами из камня большей

массы, и чем дальше от центра системы, тем она значительнее. И догоны, и другие древние народы что-то такое знали, и это знание пытались передать нам. Говорят, что Посвященные знали о периодических катастрофах на Земле, которые происходят приблизительно через одинаковые хронологические рамки. Но мы не слушали их, смеялись и забавлялись над их темнотой и невежеством...

Так говорил этот старик, и люди, не перебивая, внимали каждое его слово. Маленькая простоволосая женщина тоже молчала, но не потому, что прониклась уважением к оратору и раскаялась. Она выждала, когда старик сделает паузу, и снова закричала:

— Зачем ты нам рассказываешь это? К чему твои многомудрые речи? Наплевать нам на догонов и все их карты! Объясни, что делать людям, как нам сберечься! Дай нам надежду.

— Надежда – это то, что заставляет человека жить даже тогда, когда кажется: всё потеряло смысл, и уже нет никаких сил перенести этот ад на Земле, — тихо ответил он. — Надежду могут дать лишь Посвященные. Я никогда их не видел, и мой отец не видел, а дед рассказывал, что однажды обнаружил на мокром песке гигантский след ноги Посвященного. Всего лишь след! Дед прикоснулся к нему – и что-то случилось: блеснула молния, лучезарный столб света обрушился на землю, горизонт исчез – огромный мир лежал у ног, невероятный, яркий, блистающий и свежий как утренняя заря.

— Ты сто один раз рассказывал эту историю, — перебила женщина. — Хватит! Наслушались! Твой дед был просветлённым, ему открывалось прошлое и будущее. Разве он не передал тебе этот дар? Почему ты не желаешь сказать нам, что нас ждёт?

— Никому из простых смертных не ведомо, как три солнца изменят род человеческий, — старик с сожалением покачал головой. — Возможно, есть вещи, которые нам лучше не знать вообще.

— Слушать тебя – всё равно, что отраву пить! – завопила женщина. — Ты смущаешь ум и заставляешь во всём сомневаться. Сейчас не время заниматься философией. Говори, старик, куда Посвященные ушли от нас. Мы ничего для них не пожалеем, лишь бы они сказали, как нам выжить!

— Вот как! – снова усмехнулся старик. — Не ты ли, о женщина, насмеялась над ними? Не ты ли говорила, что учёность – причина всех бед, и надо жить проще? Посвященные покинули нас, мы им не нужны. Это они нужны нам. Но я не знаю, что нужно сделать, чтобы они вернулись.

— А что же ты тогда знаешь, жалкий старикашка? – злобно прошипела простоволосая. — Ты ничего не знаешь!

— Да, я знаю, что ничего не знаю, — вздохнул старик. — И чем больше я знаю, тем лучше понимаю: истина всегда где-то там, далеко-далеко, как свет далёкой звезды. Счастлив глупец, считающий, что ему известно всё.

— О, Боже! – вскричала смутьянка. — Как ты надоел с этими твоими мудрствованиями, старый осёл!

— И всё-таки я кое-что знаю. Нам поможет женщина по имени Марго, — совсем тихо молвил старик. — Она где-то тут, среди нас. Невидимая, как бесплотный дух, эта женщина умеет видеть дальше и глубже обычных людей. Может быть, именно Марго даст нам надежду?

Старик смотрел прямо на Марго, но, судя по всему, её не видел. Его глубокие черные глаза были полны отчаяния и тоски.

— И вот, мне открылось: вы, Андрей, тот человек, который обнаружит разгадку этой тайны, — сказала Марго. — Неважно, как я это узнала. Я и сама, пожалуй, этого не смогу точно объяснить. Есть вещи, которые выше нашего понимания. Просто я знаю: вы тот человек, которому под силу проникнуть в туннель...

— Куда? – переспросил Андрей.

— Я называю это туннелем, — Марго достала очередную сигаретку и прикурила её. — Говорят, что это похоже на узкий тоннель, который, постепенно расширяясь, выводит

куда-то туда, не скажу, куда – в общем, это за пределами человеческого разума. Возможно, это иные миры, а, может быть, всего-навсего что-то вроде вселенского архива, в котором хранится информация давно минувших веков, или это жилище более древних, чем человек, существ: они выше нас и знают, следовательно, больше нас.

— Господи, — Андрей не скрывал своего отчаяния, — если бы вы знали, как я устал от всего этого! Почему вам кажется, что я какой-то особенный? И отчего вы втемяшили себе в голову, что я куда-то там могу попадать... Ха-ха! Иные миры! Энергетические сущности! Тоннель времени! — он нервно хихикнул. — Вы, взрослый человек, верите во всякую ахинею?

— Это не ахинея, — усмехнулась Марго и нервно передёрнула худенькими плечами. — Видите ли, молодой человек, мне было виденье...

— Опять! — Андрей покачал головой, вздохнул и с нескрываемой жалостью посмотрел прямо в глаза Марго. — Может, вам нужно принимать успокаивающие таблетки, чтобы крепко спать и не видеть снов?

И тут Марго, наконец, обиделась. Она гневно высказалась насчёт современных молодых людей, которые перебивают старших, ни во что не верят, потеряли всякие идеалы, не уважают иное мнение, понятия не имеют, что значит слово «толерантность» и ведут себя так, будто всё на свете знают и ничему не удивляются. Да, конечно, это может показаться странным, что она видит фантастические сны, похожие на сочинения экзальтированных беллетристов. Но что делать, если каждую ночь Морфей открывает ей что-то новое?

— Иногда я пугаюсь саму себя, — Марго доверительно взяла Андрея за локоть. — Не считайте меня сумасшедшей, пожалуйста. Но однажды я видела во сне женщину по имени Людмила.

Эта Людмила сидела в какой-то обсерватории у телескопа, смотрела в небо, чертила непонятные чертежи и говорила странные вещи. По её мнению, в Солнечной системе находится не девять, а двенадцать – возможно, даже тринадцать – планет, и что самое интересное, две, а то даже и три планеты Солнечной системы, — это звёзды: Фэтон, Милиуса и Трансплутон. В глубокой древности их видели люди, и об этом остались воспоминания в легендах и мифах шумеров, китайцев, пратунгусов, догонов. В сказках ничего, абсолютно ничего не выдуманно: сказка — ложь, да в ней — намёк, добрым молодцам урок.

— Андрей, вы были хорошим учеником? — ни с того, ни с сего спросила Марго.

— Старался, — уклончиво ответил Андрей. — Некоторые предметы очень даже нравились. Впрочем, — он лукаво покосился на Марго, — может, мне нравились учительницы, их преподававшие?

— Ах, шалопай! — она слабо взмахнула рукой, хотела рассмеяться, но всё-таки постаралась сохранить лицо серьёзным. — Если вы учили астрономию, то, наверное, помните: «рождение» новой звезды из холодной планетной массы происходит через взрыв, но с потерей ее прежней массы от первоначальной на десять процентов. Помните?

Он пробормотал нечто нечленораздельное в ответ. И тогда Марго, тактично кашлянув, напомнила ему, что в этой космической заварухе отторгнутое вещество никуда не пропадает, а превращается в пояс астероидов. В Солнечной системе их два: первый пояс находится между Марсом и Юпитером, второй — за Юпитером, и о нём знают только астрономы-специалисты, да и то не все. Скорее всего, этот второй пояс астероидов породил Фэтон. Это не планета, а звезда.

Астроном Людмила Константинова — именно её Марго и видела во сне, — вычислила, что период обращения Фэтона вокруг Солнца по вытянутой эллиптической орбите составляет 2800 лет. И когда он подходит к точке максимального приближения к Солнцу, его должно быть хорошо видно с Земли. Наверное, это именно то второе солнце, которое в тучах пожарищ наблюдали амурские аборигены. Но в легендах остались воспоминания ещё и о третьем солнце. Что же это было? Наверное, это была звезда Милиуса.

Высчитано, что её орбитальный круг — 1400 лет. А может, в легендах зафиксировано явление на небе Трансплутона? Эту звезду астрономы открыли, вернее, высчитали не так давно. Период её обращения вокруг Солнца – 600 лет.

У Андрея от всех этих планет, звезд и цифр голова кругом пошла. Зачем Марго всё это рассказывает?

Словно прочитав его мысли, она снова зажгла сигарету и пояснила:

— Так вот, если возьмём в руки калькулятор и посчитаем, то выясним, как назывались те три солнца из нанайских легенд. Не стану вас утомлять расчётами. Просто поверьте мне: когда пересекались пути трех, а то и четырёх звезд-планет, на Земле случались величайшие события. Где же эти мои расчёты? – она порылась в сумочке и вынула из неё мятую серую бумажку. – Ага! Вот. Послушайте: 1270 лет до нашей эры — гибель материка Му в Тихом океане, изменение географического полюса Земли, перемещение экватора с Приамурья на его современную линию; 9900 — 9700 лет до нашей эры — гибель Атлантиды, изменение Северного географического полюса, обледенение Европы, рост Таймырского ледяного панциря, переселение пратунгусов в Приамурье и Приморье, гибель мамонтов; 7100 лет до нашей эры — потоп, гибель цивилизации Древней Индии, 1500 лет до нашей эры — Санторинская трагедия, гибель агейской цивилизации, «падение неба», снова потоп. Как раз в этот период на небе «светят три солнца», вода в Амуре изменила свое течение. Кстати, 1300 лет до нашей эры тоже случился какой-то катаклизм: в мифах сохранились воспоминания о потопе, извержениях вулканов и о мощных цунами, которые смыли часть Японии...

— И что из этого следует? – спросил Андрей, уже начавший терять терпение. Лекция Марго не произвела на него особого впечатления. Во всём, как он считал, должен быть смысл, а во всех этих расчётах он его не увидел.

— А то, что согласно расчетам три солнца снова появятся в небе примерно в 4100 году, как и в «прошлый» раз — это, напомню, случилось в 1500 году до нашей эры, — сказала Марго. – Это будет нечто, кошмар Земли и ужас Вселенной!

— Нам-то что с того? – равнодушно пожал плечами Андрей. – К тому времени люди что-нибудь придумают, чтобы выжить в этом катаклизме. Стоит ли нам волноваться за них?

— А что, если нет ни прошлого, ни настоящего, ни будущего, а есть просто время? – усмехнулась Марго. – Что если оно одномоментно? И люди для своего удобства разделили его на части? В таком случае мы можем жить сразу и в прошлом, и в настоящем, и в будущем. Может быть, тот же Нострадамус никаким пророком вовсе не был – просто он знал, как соединить пространство и время. Потому 4100-й год – это и год нынешний...

Андрей почувствовал лёгкую дурноту. Его вообще мало интересовали всякие новомодные теории и завиральные идеи, которые, видимо, нравились Марго. Что-то такое он слышал о гипотезе одномоментного времени, но разбираться в этом не захотел. Мало ли что могут выдумать досужие умы!

Марго, однако, продолжала с воодушевлением вещать о том, что многие люди напоминают лошадей в шорах: видят только то, что им следует видеть. А может, лучше сравнение с домашней кошкой, которая провела свою жизнь в стенах хозяйской квартиры? Попробуйте вынести её на улицу – она же с ума сойдёт! Потому что, оказывается, за пределами привычного мира существует другая реальность, и она ошеломляет разнообразием красок, ароматов, звуков. Кошка же уверена, что настоящий мир – это тот, где у неё есть кормушка, поилка, мягкий коврик для спанья, любящий хозяин, тёплая батарея. Всё, что за пределами её понимания, ей, в общем-то, не нужно. Но в том, внешнем, мире порой случаются мало приятные вещи: например, на водопроводе авария – и нет у кошки свежей воды из-под крана, или хозяина увольняют с работы – и нет у неё вкусенькой рыбки или какого-нибудь «Китикэта», а ещё хуже, когда гости приносят на своей обуви каких-нибудь зловредных вирусов-вредисов или

микробов – обеспечено кошке недомогание. Мир, о котором она и знать не знает, порой властно и неожиданно влияет на её жизнь.

— Стоп! – поднял руку Андрей. – У меня голова уже кругом идёт. И я, честно, не пойму, зачем вы мне всё это рассказываете. Меня все эти космические дела мало интересуют.

— Неужели вы и вправду такой приземлённый, Андрей?

— Мне нравится ощущать под ногами землю. Разве это плохо?

— Многие думают, что стоят на земле, но что находится под ней – об этом мало кто задумывается, — Марго усмехнулась. – А что, если там – другое время? Время, которое законсервировалось...

— Ага! — саркастически кивнул Андрей. – Берешь консервную баночку, вскрываешь её, а там – спрессованное время, — он чуть было не рассмеялся. – Впрочем, нет! Зачем спрессованное? Пусть оно будет натуральным, без всяких добавок.

— Ах, да что вы, молодой человек, знаете о времени? – Марго резко вскинула голову. – Ничего вы о нём не знаете! Время для вас – это циферблат часов, не более того. Смейтесь сколько хотите. Всё равно вы и понятия не имеете о времени.

— А вы?

— А мне виденье было, и я кое-что знаю, — женщина понизила голос. – До того, как Землю осветили три солнца, жили другие люди. Не такие, как мы. Они многое умели и могли. Эти люди остались в своём времени, параллельном нашему. Они не захотели жить вместе с нами, тем более, что человек, возможно, — их творенье.

Андрей подумал, что Марго, конечно же, сумасшедшая. Её идея-фикс была по-детски наивной и напоминала сказку. Такая симпатичная, интересная женщина и, надо же, больна, как минимум, на полголовы.

— Спасибо, что хоть не на всю голову, — немедленно отозвалась Марго.

— Извините, — Андрей смутился. Эта женщина ещё раз подтвердила свою способность угадывать чужие мысли.

— Не хотел вас обидеть, — повиноватился Андрей. – Но, знаете ли, всё, что вы говорите, как-то слишком необычно...

Марго замолчала, обиженно шмыгнула носом, выудила из сумочки пачку сигарет и снова закурила. Весь её вид являл собой иллюстрацию понятия «оскорбленная добродетель» или, что больше подходило к ситуации, — «утраченные иллюзии». Андрею, однако, показалось, что Марго попыталась соединить и то, и другое. Чтобы проверить, какой эффект это произвело на собеседника, она исподлобья взглянула на него – Андрей перехватил её пыливый взор. Она смутилась и, затянувшись слишком глубоко сигаретным дымом, закашлялась.

— Не обижайтесь, — Андрей постарался улыбнуться как можно обаятельнее. – Я предпочитаю конкретность, и в разговоре — тоже. Наверное, это плохо. Не спорю. Но, ради Бога, скажите, наконец, что вы хотите от меня?

Марго, прокашлявшись, метнула в него быстрый гневный взгляд, снова глубоко затянулась сигаретой, на этот раз удачнее: ей даже удалось выпустить дым изящными тонкими колечками, после чего дама небрежно бросила окурочек себе под ноги и растоптала его.

Она делала это тщательно и сосредоточенно, будто занятия важнее не существовало, — так углубляется в себя человек, методично перебирающий чётки, бормочущий какую-нибудь мантру или рисуящий на бумаге кружочки, квадратики, чёртиков – что угодно, лишь бы отвлечься и подумать о чём-то своём. Перемена настроения Марго была так разительна, что Андрей почувствовал себя виноватым. Ему даже стало жалко эту странную женщину, которая старалась расположить его к себе, но всё напрасно. Он в самом деле не понимал, зачем она позвонила ему и чего хочет.

— Не думала, что вы, Андрюша, такой скучный, — Марго покачала головой и с сожалением посмотрела на него. – Вам многое дано, но, кажется, вы и сам этого не то

чтобы не понимаете, а даже и не хотите понять. Напрасно били сегодня барабаны. Вы слышали лишь звуки – языка не поняли. Мне жаль вас, и себя – тоже. Адъё, милорд!

Её прощальный жест напомнил Андрею финальную сцену фильма «Кабаре», когда Лайза Минелли, восхитительная большеглазая малышка Лайза, подняла руку вверх и, не оборачиваясь, пошла и пошла, и пошла прочь от мужчины, который стал ей не нужным, а, может, и нужен, но, увы, — не сложилось, и надо уходить, изображая независимость и полную самодостаточность. Но во взмахе руки Марго всё же чувствовалось отчаяние: весело растопыренные пальцы задрожали и сжались. Она замедлила шаг, явно ожидая, что Андрей бросится за ней. Он и бросился.

— Не говорите мне сейчас ничего, — не оборачиваясь, молвила Марго и протянула ему невесть откуда взявшуюся в её руке визитку. – Вот, мой телефон. Скоро, совсем скоро я понадобится вам. Тогда и поговорим, — она замолчала и вдруг рассмеялась: Конкретно поговорим. Как вы любите. Сейчас – ничего. Молчите! Ах, оставьте меня...

Вообще-то он даже и не думал задерживать её. Ему просто стало неудобно, что Марго из-за него расстроилась – вот и вся причина, по которой он кинулся вдогонку за этой странной женщиной. Хотя, по правде сказать, Андрея всё-таки сжигало жгучее любопытство, зачем всё-таки она нашла его, к чему были все эти разговоры о каких-то планетах, таинственных тоннелях, посвященных и прочих вещах, о которых сам он никогда серьёзно не задумывался. Если о чём-то подобном Андрей читал в газетах или журналах, то, случалось, недоумённо пожимал плечами: «Чего только люди не выдумывают!» А Марго, похоже, не выдумывала. Она знала что-то такое, чего он не знал.

— Хорошо, — сказал он в спину стремительно удаляющейся Марго. – Я вам позвоню. Или вы – мне. Поговорим, да?

Марго снова коротко взметнула руку и быстро, но выразительно пошевелила пальцами:

— Адъё, милорд!

8.

Он лежал навзничь на мягкой подстилке из травы, которая остро пахла горькой полынью, сладким чабрецом и солнечной ромашкой – их ароматы смешивал лёгкий свежий ветерок. Высоко в сияющей лазури неба степенно двигался караван курчавых облаков. Андрей смотрел на них отрешённо, ни о чём не думая. Ему нравилось мягкие прикосновения влажных листьев какого-то высокого растения, которое покачивал ветерок. По обнажённому телу торопливо бегало несколько муравьёв – они щекотали его проворными лапками и усиками, но Андрею было лень пошевелиться, чтобы согнать их с себя.

Мимо летела бабочка-капустница, и вдруг, изменив направление, затрепетала над плечом Андрея и, видимо, решив, что человек для неё не опасен, опустилась на плечо. У неё были жесткие цепкие лапки, и Андрей чуть было не согнал её, но бабочка так доверчиво сидела на нём, медлительно взмахивая крылышками, что он решил: пусть отдохнёт летунья, к тому же она, оказывается, не такая уж и невзрачная – светились яркие бусинки глаз, черные прожилки на крылышках складывались в затейливый узор, хоботок кокетливо тронул родинку на плече, и он улыбнулся. Это было похоже на жест кота, который осторожной лапкой пробует первый снег.

Андрей был абсолютно обнаженным. Как он попал на эту веселую солнечную полянку, он не знал. Лишь смутно помнил каких-то злобных чудовищ, которые рвали его тело на части, поглощая плоть жадно и торопливо; они захлебывались кровью, отрывали непрожёванные куски мяса, выплевывали кости – это зрелище было так отвратительно, что только от одного воспоминания его передёрнуло. Капустница испугалась и взлетела с его плеча.

Андрей провёл рукой по груди, ощупал живот, скользнул пальцами чуть ниже – всё в полном порядке, и ноги тоже были целыми и, главное, перестали болеть. Эта саднящая тупая боль ещё совсем недавно пронизывала всё тело, и он корчился, стонал, пытаясь найти удобное положение, в котором она немного стихала. Теперь тело отдыхало. Правда, он по-прежнему ощущал ритм сердца, оно билось резкими, сильными толчками – будто после долгого, изнуряющего бега или тяжелой работы. Нормальный здоровый человек обычно не слышит, как оно бьётся.

Ветер усилился, и в его порывистых дуновениях Андрей уловил сладковатый аромат: так пахли булочки, которые любила печь бабка, — ваниль и мёд. Но запах был явно не кондитерский – живой, волнующий, он отдавал густой удушливой зеленью папоротников, сомлевших под знойным солнцем.

Андрей, приподнявшись на локте, посмотрел в том направлении, откуда ветер принёс этот необычный запах. Метрах в пятидесяти от себя он увидел огромное дерево. Мощный ствол вздымался высоко в небо, ветви простирались над землей сумрачным шатром: на них было так много густой темно-зелёной листвы, что солнцу не удавалось пробить её копиями жарких лучей, — потому трава под деревом росла бледная, чахоточная; на гнилых, изъеденных древоточцами валёжинах высились шапки седых грибов-ильмовиков, рыжих поганок и полосатых трутовиков. В грудах палой листвы копошились маленькие ящерицы. За ними лениво наблюдали два чудовища, похожие на гигантских варанов с пастью крокодила. Их узкие, раздвоенные на концах, хвосты украшали пурпурные гребни. Такие же гребни, только побольше, с острыми шипами, в два ряда тянулись по всему туловищу.

Андрей не испугался их. Как-то отстранённо и равнодушно он подумал о том, что эти драконы не такие уж и страшные, людская молва явно преувеличивает их свирепость.

Один из драконов обратил взор на Андрея. В его узких тёмных глазах вспыхнули красные огоньки. Чудовище принялось, но, видимо, человек его не заинтересовал – дракон, зажмурившись, потянулся и зевнул: из его пасти вырвалось сизое облачко дыма, в котором мгновенно вспыхнул и погас сноп желто-красных искр. Зловонный запах донёсся до Андрея, и он невольно поморщился.

С нижней ветки дерева слетела маленькая пёстрая птичка. Она покружилась над драконом и смело села прямо на его пасть. Монстр растянулся на подстилке из сухих листьев и ощерил свои жуткие желтые клыки. Птичка, весело трянув хвостиком, бесстрашно вцепилась коготками в серые губы дракона, устроилась на них поудобнее и принялась выклеивать из зубов остатки пищи. Монстр блаженствовал, сохраняя полную неподвижность. Другой дракон, понаблюдав за ними, вытянул морду вверх и громко призывно уркнул. Откуда-то сверху на него тут же свалилась точно такая же пёстренькая птичка. Она деловито принялась обследовать ротовую полость монстра, ничуть не заботясь о своей безопасности.

В зарослях шеломайника рядом с Андреем что-то зашуршало, звякнули колокольчики. Он оглянулся и удивлённо присвистнул: раздвинув высокие стебли растения, на него глядела сама Мэрилин Монро. Такая, как он её знал по фильмам и фотографиям – обворожительная, яркая, сияющая белозубой улыбкой.

— Привет! – сказала Мэрилин. – Скучаешь?

— Привет, — откликнулся он. — Тут, знаете ли, не соскучишься. Одни драконы чего стоят, — он кивнул в сторону чудовищ. — Первый раз вижу их наяву.

— А! Ещё привыкнешь к ним, — пренебрежительно махнула рукой Мэрилин. — Кстати, меня ты тоже первый раз видишь, не так ли?

Она села рядом с ним, и тут Андрей вспомнил, что он голый.

— Брось! Что естественно, то не безобразно, — усмехнулась Мэрилин, наблюдая, как он безуспешно пытается прикрыть своё мужское достоинство ладонью. — Неужели ты думаешь, что я не знаю, чем мужчина отличается от женщины?

— Существуют приличия, — напомнил он. — Как-то неудобно всё-таки...

— Правила приличия выдумывают люди, — Мэрилин тихо засмеялась и мягко коснулась указательным пальцем его щеки. — У тебя хорошая кожа. Женщина не должна говорить это мужчине. Но я искренняя: что думаю, то и говорю. Это неприлично?

— Наверное, — смущенно кивнул он. — Вы нарушаете правила. Это можно говорить потом...

— Когда – потом? – Мэрилин удивлённо приподняла бровь. — Потом – это после того, как мы с тобой сделаем туда-сюда?

Неприличным жестом она изобразила это самое «туда-сюда», чем смутила Андрея ещё больше.

— И вообще, почему ты мне говоришь «вы»? – продолжала Мэрилин. — Кажется, мы с тобой знакомы давно. Помнишь, как ты смотрел на мою фотографию и занимался самоудовлетворением? У тебя были такие неприличные мысли и желания! Но это с точки зрения благопристойных пуритан. Мне же твои желания не показались чем-то противоестественным, даже наоборот – понравились. Помнишь?

Он почувствовал, как краснеют мочки ушей. О том, что он, пятнадцатилетний, фантазировал с фотографиями Мэрилин Монро, никто не знал. Да он и не сказал бы об этом даже самому близкому другу. То, чем он занимался, считалось слишком предосудительным, чтобы говорить об этом вслух.

— Семя, излитое тобой, питало меня, — сказала Мэрилин. — Твоё желание придавало мне силы. Без тебя не было бы и меня.

Она провела пальцем по его ключицам, прикоснулась к поросшей волосами груди и погладила её, отчего по телу Андрея пробежал сладкий ток истомы. Ладонь уже не могла утаить то, что старательно прикрывала. Заметив его боевую мужскую готовность, женщина игриво прикусила нижнюю губу, а затем провела по ней кончиком розового язычка:

— Сдерживая свои желания, ты губишь меня, — шепнула она, склоняясь над ним. — Любовь – это когда думаешь о другом больше, чем о самом себе. Мысли, оторвавшись от тебя, наполняют меня нектаром пылкого сумасбродства и мёдом прекрасной несдержанности, имя которой – страсть...

Женщина приблизила губы к лицу Андрея, тихонько звякнули серебряные колокольчики на её рукавах, и только тут он обратил внимание, что Мэрилин одета в зеленый халат, украшенный завитушками орнамента, похожего на речную волну. Это его удивило.

— Всё в порядке, — усмехнулась Мэрилин и поцеловала его в щёку – как птичка клюнула. — Ты – это я, а я – это ты. Твоя телесная оболочка пуста без меня. Я должна жить внутри тебя, потому что я твоя аоми.

— Аоми? — Андрей вспомнил Ниохту. — Снова ты? И как это у тебя получается: то один образ, то другой, то тигр, то неведомая тварь?.. Умеешь гипнотизировать, что ли? А может, ты – мой сон? – он нарочито залиvisto рассмеялся. — Всего-навсего – сон! Потому что Мэрилин на самом деле давно нет на этом свете, и все об этом знают. Если я её вижу, то это значит одно из двух: или у меня крыша поехала, или я сплю...

— «Или» на самом деле гораздо больше, чем ты себе можешь вообразить, — вздохнула белокурая красотка. — Ты смотришь на мир и видишь то, что положено видеть. Знаешь, что такие насекомые, как пчёлы, не видят человека? Вернее, не способны воспринимать его. Они живут в своём мире, а всё, что за его пределами, их мало интересует. Но это не значит, что человека нет. Точно так же и сам человек не воспринимает мир во всей его полноте.

Андрей перевёл взгляд на драконов под деревом. Они лежали неподвижно. В их раскрытых пастьях деловито хлопотали храбрые птички, выклёвывавшие остатки пищи. Точно такие же пернатые сидели на ветвях могучего дерева. Их было так много, что если бы они разом взлетели, то стая наверняка затмила бы солнце.

Это были какие-то особенные птички: пёстрые, словно сотканные из цветных ярких ниток, они степенно сидели попарно, — и хоть бы шевельнулись или потербели пёрышки: нет, замерли, будто на них напал столбняк, или они словно были аппликациями или керамическими фигурками. Андрею показалось странным, что птицы вообще не издавали никаких звуков. Но время от времени то одна, то другая пара оживала и пикировала на драконов, сменяя уставших товарок.

— Кажется, я вижу то, что никогда не видел прежде, — сказал Андрей. — И даже не удивляюсь этому. Как, впрочем, уже не удивляюсь и тебе, — он хмыкнул. — Надо же! Сама Мэрилин рядом со мной, совсем как настоящая, а я отношусь к этому как к само собой разумеющемуся. Наверное, это плохо, когда человек перестаёт удивляться. Значит, в нём что-то изменилось?

— Ты не помнишь этого? — Мэрилин подмигнула и лукаво улыбнулась. — Полноте! Ты прекрасно помнишь, как твою плоть поглотили эти ненасытные твари, они обглодали каждую косточку и бросили тебя там, на горе. Тебе показалось, что ты перестал существовать. Разве не так?

— Так, — кивнул он. — Но я откуда-то знал, что на самом деле не исчез, плоть — это всего лишь оболочка, которую нужно сменить, как меняют одежду. Ещё я почувствовал, что и внутри меня что-то изменилось. Что именно — не знаю. Но я — это уже другой я, спокойный, прочный, другой, — он с удовольствием повторил: Да, именно: другой. И ты меня уже не пугаешь, хотя я понимаю: никакая ты не Мэрилин Монро, ты — Ниохта, Впрочем, я не знаю, что ты на самом деле представляешь из себя. Может, испугаюсь. Но я готов к самому неожиданному.

Внезапный порыв ветра распахнул халат Мэрилин: под ним была тёмно-серая масса, она надувалась сизыми пузырями, готовыми вот-вот лопнуть, пульсировала и взрывалась фонтанчиками аспидных брызг. Андрей успел разглядеть всё это, прежде чем женщина ухватила полы и прикрыла колени. Но от неё не ускользнула брезгливая гримаса, которая мгновенно исказила лицо Андрея и так же быстро исчезла.

— Ты ещё не готов, — с сожалением молвила женщина. — Но мне на это плевать. Я слишком долго ждала подходящее человеческое тело. Промедление означает смерть. Я хочу жить.

Он чувствовал себя опустошенным: будто внутри ничего не было, осталась только оболочка тела — ни сердца, ни лёгких, ни желудка, ни других органов он не ощущал, разве что в районе пупа — лёгкое покалывание, словно маленькая иголочка в него тыкалась. Женщина легла рядом с Андреем и только протянула к нему руки, как на дереве раздался оглушительный треск, и рядом с ними шмякнулось что-то тяжёлое. Андрей приподнялся и обнаружил на траве обломившуюся ветвь. В тёмно-зелёных глянцевого цвета листьях молчаливо и неподвижно сидели пёстрые птички. Падение с дерева их ничуть не взволновало. Казалось, они были чучелами. Однако из чёрных бусинок их глаз сквозило живое любопытство.

— Птички-чока, — сказала женщина. — Так их зовут. Ещё до того, как ребёнок родится, чока откладывает в него оми. По-вашему это значит душа. А на самом деле — это яйцо чока, — она хихикнула. — Ты и этого не знал?

Говорить ему не хотелось, и он лишь отрицательно мотнул головой.

— Правильно, — женщина погладила его плечо. — Какая разница — оми, душа или как-то ещё называется то, что даётся человеку при рождении! Это просто есть, как есть солнце, воздух, небо...

Она говорила медленно и нараспев. Её голос убаюкивал. Андрей почувствовал, как веки наливаются тяжестью, смыкаются и ему стоит больших усилий разлепить их. Эта внезапная сонливость показалась ему подозрительной, но о её причинах ему не хотелось думать. Как, впрочем, ни о чём другом — тоже.

— Всё будет хорошо, — говорила женщина и гладила его по голове. Ему были приятны эти ласковые поглаживания.

— Возможно, тебе станет больно, но лишь вначале, — продолжала женщина. — Мы созданы друг для друга, ты — моя половина, я — твоя. Став одним существом, мы будем могущественными. А наше эргэни*21 никто не найдёт. Мы спрячем его в чока, а все чока похожи как капля воды: попробуй-ка найди среди них наше эргэни. Надо быть Наны-мароко*22, чтобы суметь его получить. Смотри, кто будет охранять наше целое!

Земля содрогнулась, и Андрей увидел великана, который, тяжело ступая, шёл враскачку, как моряк. Под его мощными ступнями берёзы и дубы ломались как сухие былинки, и лишь гибкие ивы постепенно распрямлялись подобно примятой траве. Из-под ног гиганта с жалобным криком взлетали со своих гнёзд птицы, впереди него испуганно бежали бурундуки, еноты и россомахи, а звери покрупнее ломались напролом сквозь чащу — лишь бы уйти с дороги чудища. Оно было похоже на гориллу, только в несколько раз больше — прямо Кинг-Конг!

Великан приблизился к дереву и ухватил его верхушку, на которой безропотно сидели притихшие птички-чока. На каждой его руке было всего по два пальца, но это не мешало ему сноровисто обрывать листья. Великан пригоршнями бросал их в пасть и чавкал как дикий кабан.

— Имя его Калгама, — шепнула женщина. — Его все боятся. Сила Калгамы вон в той сумке, смотри: она висит у него на плече. Люди думают, что там он хранит какой-то таинственный талисман, который дарует его владельцу силу и удачу. На самом деле там эргэни Калгамы, он всегда носит его с собой.

Великан продолжал обрывать листья, но, странное дело, на их месте тут же вырастали новые, и получалось так, что сколько он их не заглывал, а дерево по-прежнему оставалось зеленым и пышным. Если в пригоршне листья оказывалась чока, Калгама доставал её и бережно садил на ближайшую ветку. Птичка расправляла клювом растрёпанные пёрышки и снова застывала, лишь любопытные бусинки глаз напоминали о том, что она живая и настоящая.

— Говорят, что листья этого дерева волшебные, — продолжала шептать женщина. — В них — вся сила земли, но обычному человеку не удастся сорвать даже единственный листочек: дерево себя защищает — его ветви, как руки, хватают смельчака и ломают ему шею...

Драконы, отдохавшие под деревом, встрепенулись и зашипели на Калгаму, но тот грозно притопнул ногой — и ящеры испуганно отползли в сторону.

— А ты смелый, — улыбнулась женщина. — Твоё сердце бьётся ровно — значит, не испугался великана.

Андрей в самом деле не чувствовал ни страха, ни даже удивления. Его охватило какое-то равнодушное оцепенение. Всё происходящее казалось ему сном, а в снах, как известно, приходится видеть самые невероятные вещи, к которым, однако же, порой относишься совершенно спокойно.

— Милый, это не сон, — женщина прикоснулась к его губам. И этот поцелуй показался ему таким болезненным и холодным, будто его сжали щипцами, долго пролежавшими на морозе. Андрей попробовал уклониться, но женщина неожиданно крепко сомкнула руки на его туловище и навалилась на него всем телом. Она оказалась невероятно сильной: хватка — железная, тело Андрея будто обручами сжало — ни вздохнуть полной грудью, ни пошевелиться он не мог, как ни старался. Казалось, кровь застыла в жилах, но для того, чтобы она вновь начала свой ток, надо было наполнить воздухом лёгкие. Это Андрею не удавалось.

От удушья он чуть не потерял сознание, и если бы женщина не ослабила хватку, он наверняка задохнулся бы.

— Всё будет хорошо, — шепнула она. — Я сильная аоми. Ты станешь касасаманом, милый. Сильным будешь, все уважать тебя станут.

Женщина снова впилась в его губы, пытаясь раздвинуть их толстым языком. Андрей противиться был не в силах, и вскоре ощутил, как её язык увеличивается, обращаясь в

склизкий шершавый слизняк, и скользит по глотке, ввинчивается в гортань — всё глубже и глубже, проникает в пищевод и яростно извивается в нём. Он почувствовал рвотный позыв: спазм не давал дышать, он захлебнулся слюной и раскашлялся, но язык женщины сноровисто скользил уже где-то глубоко внутри, заполняя всё пространство и не давая содержимому желудка вырваться наружу.

Андрей ухватил женщину на спине за халат и попытался оторвать от себя, но вместо её тела руки нащупали под материей нечто студенистое без единой кости. Эта масса стремительно уменьшалась, проникая в него вслед за языком: женщина будто бы струилась, перекачиваясь в него густой кашцей. Больно ему не было — лишь противно. Так, наверное, чувствуют себя больные, которых сиделка насильно кормит бульоном. Он хотел выплюнуть сладковатую массу, но не смог даже пошевелить губами: казалось, они онемели, как это бывает после анестезии — казались большими, распухшими, потерявшими чувствительность.

От женщины в его руках остался лишь халат. Внутри он не ощущал ничего особенного: тошнота прошла, желудочные спазмы не повторялись, правда, немного саднило горло, а ещё он ощущал приятную сытость, от которой клонило в сон.

Глаза Андрея помимо его воли закрывались сами собой, но он пытался превозмочь этот тяжёлый морок, даже похлопал себя по щекам и покрутил за нос. Он прекрасно понимал, что с ним происходит нечто невероятное, но почему-то относился к этому как к чему-то неминуемому. Однако же, ему хотелось знать, что будет дальше.

Смеживая веки и вновь открывая их, он наконец краем глаза уловил смутное движение серой тени. Андрей повернул голову и увидел Калгаму, который осторожно, насколько это позволяло ему огромное несуразное тело, двигался к нему мелкими шапками, поминутно останавливаясь и прислушиваясь. Навряд ли великан его боялся — скорее всего, он не хотел потревожить человека.

Андрей закрыл глаза и притворился спящим, наблюдая за происходящим через щелочку неплотно сомкнутых ресниц.

Калгама приблизился к нему, принялся, раздувая широкие ноздри. Андрей видел, как монстр неловко переминается и то протягивает к нему двупалую лапищу, то отдёргивает её. Великан явно не решался прикоснуться к нему, что вообще-то было странно: страшилище, наводившее ужас на других, вдруг заделкатничало.

«Что он задумал? — в голове Андрея мелькнула испуганная мысль. — Неужели меня снова ждёт этот кошмар — великан обгрызёт каждую косточку и не подавится... Развлечение у них тут такое, что ли? А может, он что-то другое хочет сделать? Иначе бы не соблюдал деликатность. При его силе расправиться со мной — раз плюнуть...»

Великан пристально разглядывал Андрея. Тот затаил дыхание и не шевелился. Решив, что человек спит, Калгама поднял вверх правую руку. На неё тотчас с дерева слетела чока. Она устроилась между двумя пальцами великана и замерла как изваяние. Лево́й рукой чудище прикоснулось к груди Андрея — парень ощутил холод, по коже пошли мурашки и он, не совладав с собой, вздрогнул.

Калгама отнял руку от груди человека и, недовольно поморщившись, снова впери́л в него цепкий немигающий взгляд.

Внутри Андрея что-то шевельнулось, и он услышал тихий голос — вернее, даже не услышал, а ощутил его в черепной коробке — там будто транзисторный приемник включился:

— Не бойся ничего. Калгама не причинит нам вреда. Позволь ему сделать то, что он обязан сделать.

Голос был приятным. Он звучал успокаивающе, баюкал, мягко проникал, казалось, в самую душу и обволакивал её чем-то мягким, теплым и шелковистым.

— Чему быть, того не миновать, — напевал голос. — Ты призван! Пора бы это тебе понять. А у призванного должно быть эргэни. Это закон. Законы нельзя нарушать, особенно те, что внутри нас. Чему быть — того не миновать, а если миновать, то —

только потеряв своё предназначение. Ты ещё не понимаешь этого, но скоро поймёшь. Дай Калгаме взять то, что он должен взять!

— Я схожу с ума? – мысленно спросил Андрей. – Голос внутри человека – первый признак...

— Нет, не признак сумасшествия, — звонко рассмеялся голос. – Всё, что людям непонятно, они обычно считают ненормальным. Так большинству легче приспособиться к этому миру.

— Что же мне делать?

— Ничего. Закрой глаза. Не смотри на Калгаму. Никто не должен видеть, что он сделает. Это великая тайна.

Андрей послушался и закрыл глаза. Он снова почувствовал прикосновение холодных пальцев великана, но перенёс это спокойно. Калгама, помедлив, погрузил персты в грудь человека – они вошли в тело легко, будто в кусок сливочного масла. Великан сосредоточенно наморщил лоб, нащупывая что-то в солнечном сплетении Андрея и, ухватив нечто, резко выдернул сжатые пальцы. В них, как в клешнях, билось существо, похожее на маленькую рыбку. Но это всё-таки была не рыбка – скорее, что-то вроде человеческого зародыша, как его изображают в медицинских учебниках. Существо беззвучно раскрывало рот и морщило розовое личико.

Калгама принялся мять свою добычу, похлопывать её, придавая форму маленького человечка. Всё это время птичка-чока молчаливо сидела на плече великана, бесстрастно взирая на его манипуляции.

— На! – оглушительно крикнул Калгама и протянул фигурку птичке-чока.

Она раскрыла крылья, затрепетала и клювом разодрала себе грудь. Из неё брызнула алая кровь. Несколько капель упало на плечо Андрея, и он вздрогнул: кровь была горячей как кипяток.

Чока ухватила крючковатым клювом извивающуюся фигурку и поместила её в зияющую рану на своей груди. Как только человечек оказался внутри, разорванные края плоти сомкнулись, покрылись пёрышками и чока приняла свой прежний вид. Калгама подбросил её, и птица взлетела на ближнюю к ней ветвь дерева и, как ни в чём не бывало, уселась рядом со своими товарками.

Андрей понимал, что происходящее должно было бы удивить его: всё походило на сказку – и это огромное дерево, воздух над которым светился и вспыхивал золотыми искорками, и странные молчаливые птицы, и драконы, похожие на помесь крокодила с динозавром, и великан Калгама с руками-клещами. Но он взирал на всё довольно равнодушно, и его даже не заинтересовало, что же это такое гигант вытащил из груди. Ни боли, ни каких-либо неприятных ощущений он не испытал.

На его лицо упала серая тень. Андрей посмотрел вверх: в синем небе кружилась стая птиц. Это были лебеди, утки и орлы. У некоторых из них из клювов что-то торчало. Присмотревшись, Андрей понял: птицы держали крупных рыбин.

Один орёл оторвался от стаи и подлетел к дереву. Он долго кружил над его кроной, выделывая в воздухе замысловатые спирали. Чока было встрепенулись, но с ветвей не тронулись.

У орла в клюве тоже трепетала большая рыба. Скорее всего, это была кета – серебристая, с темной спинкой. Птица вдруг заклекотала – и рыба выпала из клюва, но орёл не стал её подхватывать, а наоборот взмахнул гигантскими крыльями и, поймав ветер, принялся парить в вышине.

Рыба с глухим стуком упала в траву рядом с Андреем. Похожая на кету, она показалась ему странной: тело было вытянутым, с розовыми завитушками вместо плавников, хвост – графически чёткий, ярко-красный, а серебристая чешуя — слишком ясная и неправдоподобно сияющая. Рыба, изгибаясь от головы к хвосту, забилась, запрыгала по земле, сияние вокруг неё усилилось – и вдруг она обернулась спиралью.

Эта спираль была похожа на длинную распрямившуюся пружину. Однако по форме она напоминала стилизованное изображение рыбы. Подобные рисунки Андрей видел на камнях в Сакачи-Аляне.

— Добрый знак, — шепнул ему внутренний голос. — Духи принимают тебя...

Резкий порыв ветра покачнул ветви гигантского дерева, и листья на нём встрепнулись, зазвенели. Андрей поднял голову и с удивлением обнаружил: каждый листочек напоминал теперь круглое зеркальце, вместо почек – бубенчики. Несколько листьев сорвалось и упало в траву рядом с Андреем. Он взял один из них и внимательно рассмотрел: тонкая металлическая пластинка походила на диск с шаманского пояса.

— Это он и есть, — подсказал внутренний голос. — Лист с дерева жизни защищает от злых духов и освещает шаману путь в его странствиях: помогает увидеть то, что ему необходимо. Ты можешь взять и почки-бубенчики с дерева. Их повесишь к янгпану, а также к шаманской шапке хуи. Не бойся, сними с дерева бубенчики. Они помогут конгоро*26 звучать ещё мелодичнее.

— Не хочу, — сказал Андрей. — Хочу одного: проснуться и всё забыть.

— Не получится, — шепнул внутренний голос. Ты видел яло туйгэни конгор диагда – священное дерево Вселенной. Оно разрешило взять тебе листья с себя. Значит, ты – особый. Ты тот, кто может знать о мире больше, чем другие. Ты – избранный!

— Я обыкновенный, — Андрей упрямо повертел головой. — И я хочу проснуться.

Ветер снова покачнул ветви дерева, и оно потемнело, а его бугристая кора вдруг зашевелилась – по ней вереницей засновали лягушки, ящерицы и змеи. Из густой листвы то там, то тут выглядывали веселые зайцы, сплошь увешанные колокольчиками. Птички-чока сторонились их, некоторые даже клевали косых, но насиженных мест не покидали. В отличие от чопорных и малоподвижных пернатых, зайцы вели себя живо: скакали по ветвям, высоко взбрыкивая задними лапами; собирались в стайки и вдруг, чего-то испугавшись, порскали в разные стороны; некоторые из них специально раскачивали почки-бубенчики и, наострив уши, слушали дивный, лёгкий перезвон.

— Небесные зайцы тебе радуются, — сказал голос. — Их колокольчики отгонят от тебя злых духов. Тебе разрешено входить в буни. Ты узнаешь, что находится по ту сторону твоего мира.

— Не верю я во всю эту чушь, — Андрей тоскливо скривился. — Всё это – сон, и ты – тоже сон. Я уже хочу проснуться...

Но это был не сон.

9.

Михаил Алексеевич предложил Надежде выйти за него замуж. Вообще-то она этого ожидала, но никак не предполагала, что всё будет столь прозаично. Михаил Алексеевич позвонил ей домой и первое, что сказал, было:

— Погода сегодня какая-то скучная: весь день небо хмурится, атмосферное давление, видно, падает – голова болит. Ты как себя чувствуешь?

— Вроде нормально...

— Хоть бы дождь пошёл, что ли, — вздохнул он. — Люблю гулять под широким зонтом, когда идёт дождь.

— Угу, — откликнулась Надежда. — Знаю. Любишь. Под твоим зонтом места и для меня хватит.

Михаил Алексеевич замолчал. Она слышала, как он дышал в трубку.

— Алло! Миша, ты где?

— Тут, — он глухо кашлянул. — Слушай, я тут подумал: всё когда-нибудь кончается. И у нас тоже должно кончиться...

— Что? – растерялась она. – Как?!

— Да так, обычно, — ответил он. — Загсом должно кончиться. Сколько мы можем таить наши отношения от других? Пора их узаконить.

— Ты хочешь взять меня в жены? — на всякий случай уточнила она.

— Именно! — он рассмеялся. — Лично я уже созрел! А ты?

— А я — почти перезрела, — она тоже засмеялась. — Чуть престарелой невестой не стала.

— Мне ты всегда желанна: зрелая ли, перезрелая ли, — он снова кашлянул, и она почувствовала, что он засмутился. — Я уже не могу без тебя жить. Вот и всё.

В трубке раздались частые гудки. Видимо, Михаил Алексеевич всё-таки слишком волновался, делая ей предложение. Он думал, что по телефону это получится намного легче, чем глаза в глаза, но переживаний всё-таки не избежал.

Михаил Алексеевич был замечательным, добрым человеком, практически без вредных привычек и отрицательных качеств — почти ангел, но ему тяжело давались всякие ласкательные слова, а «люблю» он вообще предпочитал не говорить. Когда Надежда просила сказать ей что-нибудь хорошее, он смущался и отвечал в том смысле, что мысль изреченная есть ложь, и никакие слова не смогут выразить всю полноту чувств. Если бы он её не любил, то давно бы спокойно расстался. Вот и всё. К чему все эти телячьи нежности? Но без них Надежде было как-то скучно.

Она, конечно, понимала, что Михаил Алексеевич — приличный, очень даже неплохой человек, всё на нём и всё при нём, без материальных проблем и вредных привычек: если и курил, то лишь, когда выпьет. А пил он немного — к водке, даже хорошей, относился брезгливо, уважал лишь коньяки и сухие вина, почему-то именно сухие, и даже шампанское на свой день рождения или на Новый год покупал особенное — брют. Надежде он казался слишком кислым, да и аромат был каким-то сырым, отдавал перебродившим виноградным соком. Но она ни разу не сказала Михаилу Алексеевичу, что ей больше по вкусу весёлые сладкие вина — боялась, что это признак не особо утончённого вкуса. А хотелось показаться особенной, понимающей толк в изысканных вещах. Хотя какая там, к чёрту, изысканность? Михаил Алексеевич прекрасно знал, где она работает, видел, во что одета-обута и какая у неё косметика, но был деликатен: ни разу даже не намекнул, что не стоит обуваться в кроссовки, если на тебе, допустим, строгая юбка из тонкого чёрного шёлка. Вот Андрей бы сказал, а Михаил Алексеевич — промолчит.

Этот приличный человек всё-таки казался Надежде скучным. Впрочем, не всегда. И не во всём. Но всё же — правильным и скучным.

Однако Надежду взволновало предложение Михаила Алексеевича. Она походила-походила по комнате, выкурила две сигареты, полистала какой-то глянцевого журнальчик, не видя в нём ни текста, ни фотографий, — и вдруг решительно сняла телефонную трубку и набрала номер Андрея:

— Алло! Привет!

— Да?

— А у меня новость. Даже и не знаю, хорошая или плохая.

— Для кого?

— Может, для тебя.

— Не тяни, Надька! Говори уже.

— Меня замуж зовут, Андрюша.

Она почувствовала, как её сердце дрогнуло и замерло, чтобы через несколько секунд мощными толчками погнать кровь по жилам. У Надежды закружилась голова и она села на пуфик.

Андрей молчал, и Надежда, наконец, робко спросила:

— Ты тут?

— Здесь.

— Ну, как тебе моя новость?

— Потрясающая! Я вот задумался: ни с того, ни с сего руку и сердце не предлагают – значит, вы давно знакомы?

— Неважно. Мало ли чудаков на свете...

— Чудаки украшают мир. Не помню, кто из великих это сказал. Неважно, впрочем. Важно, что они есть – и чудаки, и великие.

Он говорил чуть насмешливо, отрывисто, и Надежда сразу представила глаза Андрея: сейчас они наверняка странно посветлели, и в глубине зрачков словно льдинки блеснули.

— Ну что ж, — сказал он. — Ты уже девушка взрослая, сама можешь решить: надо быть чьей-то женой или нет.

— Да уж!

— Уж да! Зовут – надо выходить. Для этого возраст у тебя подходящий...

— Ну-ну! – она рассердилась. — Я всегда буду молодая и красивая. Не надейся, что когда-нибудь стану никому не нужной.

— А я разве спорю? И молодая, и красивая, и совершенно замечательная, и неповторимая...

— Ты почему так говоришь? Издеваешься?

— Нет. Хочу успеть сказать тебе всё, что хотел до того, как ты станешь чьей-то законной женой. Потом будет неудобно. Продолжить говорить?

— Да ну тебя! Я серьёзно говорю: меня зовут замуж.

— И выходи! Всё-таки женщина должна быть при муже. Сразу станешь солидной дамой.

— А ты?

— А я пойду дальше. Мне было хорошо с тобой. Но я не могу остановиться. Мне нужно идти вперёд.

— Я тебя никогда не держала.

— Спасибо, не держала. Тебе было достаточно просто держаться рядом. И я благодарен тебе за это. Мне грустно, но я понимаю: у тебя – своя жизнь. И я не вправе ей мешать.

— Значит, мне соглашаться?

— А вот это решаешь только ты. Послушай себя – и всё поймёшь. Но я буду рад, если ты станешь счастлива...

— И на том спасибо!

Она резко нажала на рычажок телефона и положила трубку. «Если он сейчас перезвонит, то я ни за что не отвечу ему, — решила Надежда. — Это же надо – так со мной разговаривать! Будто у нас ничего и не было...»

Надежда не догадывалась, что Андрей даже испытал облегчение, когда она бросила телефонную трубку. Неожиданный звонок оторвал его от чтения одной довольно интересной книжки о происхождении жизни на Земле. Андрей как раз с любопытством разбирался в вопросе: жизнь зародилась из неорганической материи в космосе или она возникла именно на Земле? Сложность живой материи, малая вероятность ее самозарождения на планете, а также неудачи учёных по синтезу живого из неживого заставляют поднять голову и с восхищением посмотреть на небо: жизнь на Землю пришла оттуда, из тёмных и неведомых глубин Космоса. В межзвёздном пространстве нет пустоты: то, что мы за неё принимаем, — некая форма материи, способная превращаться в спермии. Эти невидимые глазу зародыши могут выдерживать большие перепады температур, космическое излучение и другие губительные факторы внешней среды. Английский астроном Ф. Хойл предположил, что спермии – это, скорее всего, эдакие межзвёздные пылевые частицы, в графитовых оболочках которых могут жить особые бактерии. Как и откуда они появились – это тайна за семью печатями.

Впрочем, теория абиогенеза с помощью законов физики и химии попыталась раскрыть и эту тайну. Синтез живой клетки – это лишь дело времени и техники, он вполне

возможен. Но станет ли искусственно выведенная в пробирке клетка ответом на вопрос, как произошла жизнь на Земле?

Как раз на этом месте и раздался звонок от Надежды. Андрей, разговаривая с ней, скользил взглядом по страницам книги. Живая клетка, полученная из неживой материи, — это всего лишь свидетельство того, что абиогенез некоторым образом возможен. Причём, далеко не случайно. Ведь учёные намеренно ставили задачу превратить неживое в живое, рассчитывали условия эксперимента и примерно знали, что и как делать. Но какая случайность — и случайность ли? — заставила бездушный и холодный Космос вдохнуть жизнь в спермии?

Односложно отвечая Надежде, Андрей понимал, что поступает, должно быть, как последний негодяй. Она позвонила ему явно не для того, чтобы посоветоваться, выходить или нет замуж, — это Надежда уж как-нибудь решит сама (если уже не решила). Скорее всего, женщина хотела подчеркнуть, что кому-то нужна серьёзно — для жизни, а не только для постели, как это у неё было с Андреем. А может быть, она хотела вызвать у него ревность? Ведь большинство мужчин, как считала Надежда, — собственники: им кажется, что они получают чуть ли не вечные права на тех женщин, которые соглашаются их любить — может быть, от скуки или из жалости, неважно, впрочем, по какой причине. Поэтому, почувствовав, что могут потерять подружку или, не дай Бог, её отбивает другой мужчина, они порой предпринимают мыслимые-немыслимые усилия, чтобы заставить женщину вернуться к себе любимому. Одна только мысль о том, что её станет обнимать другой и будет делать с ней то же, что и он, поднимает в душе мужчины самую настоящую бурю: как это так, ему, такому-претакому, супер-пупер, единственному и неповторимому, нашли замену? Да быть такого не может! Она, глупышка, сама не знает, чего хочет, а этот её новый хахаль — и откуда он только взялся? — запудрил ей мозги, воспользовался случаем и увлёт, закружил, обаял, приучил и, чёрт побери, даже замуж позвал. А чем он лучше-то? Нет уж! Надо сделать всё, чтобы вернуть женщину себе, а тот, другой, пусть остаётся с носом, козёл!

Может быть, кто-то так и думал, но только не Андрей. Тут Надежда ошибалась. Его вполне устраивали те отношения, которые у них сложились, — без всяких обязательств, просто потому, что обоим было друг с другом хорошо и просто. Однако Надежда втайне надеялась, что их связь — нечто большее, чем обычная интрижка.

Она напрасно сидела у телефона. Андрей ей так и не перезвонил. Он решил объяснить с ней как-нибудь потом. А пока что даже обрадовался, что не нужно напрягаться, чтобы отвечать на её вопросы так, чтобы невзначай не обидеть. Его всё-таки больше занимала книга о происхождении жизни.

Листая её страницы, он представлял Землю, какой она была 4,5 миллиарда лет назад. Поверхность планеты наверняка ещё тёплая, как в парнике, атмосфера — тонкая, и потому небо не голубое, а серо-буро-малиновое, а может, просто скучно-серое, со стальным отливом, затянутое мрачными облаками, которые пробивали бесчисленные метеориты: они доставляли на Землю органику. Это внеземное вещество оседало в безжизненных водоемах, подогреваемых вулканами: по дну чудовищными ящерами ползли лавы, вырастали бугристые острова, неистово били фонтаны горячих источников — фумаролы. Вулканический пепел тучами носился над поверхностью, смешиваясь с пыльными бурями и парами воды. Мрак, гром, молнии! И в этих жутких условиях происходил синтез живого вещества. Было ли это чудом, произошедшим вопреки эволюции Вселенной, или случайностью, которая, как известно, проявление неких высших законов мироздания? Материя, зародившаяся во Вселенной, постоянно изменялась. Но всё-таки как произошел синтез жизни? Живая клетка удивляет сложностью своего строения. Не ясно, откуда взялся генетический код — математически точно просчитанный, невероятно сложный и в то же время гениально простой. Почему при строительстве белка используются только так называемые «левые» аминокислоты —

асимметричные молекулы, которые вращают поляризацию проходящего через них света влево? Может быть, это произошло случайно и где-то в далёком Космосе обитают существа, состоящие только из правых аминокислот? Или и из тех, и из других – что тогда представляет жизнь, в которой поровну левых и правых аминокислот? Почему всё-таки на Земле биогенный синтез аминокислот пошел по «левому» пути?

Андрей с любопытством изучал расчеты Фреда Хойла, которые приводились в книге. Вероятность случайного получения 2 000 ферментов клетки, состоящих из 200 аминокислот каждый, равна 10-4000 — абсурдно малая величина, даже если бы весь Космос был органическим супом. Вероятность синтеза одного белка, состоящего из 300 аминокислот, — один шанс на 2×10^{390} . Опять ничтожно мало! Если уменьшить число аминокислот в белке до 20, тогда число возможных комбинаций синтеза такого белка составит 1 018 — всего на порядок больше числа секунд в 4,5 миллиарда лет.

О, Боже! Мы привычно думаем, что у эволюции в космических масштабах — бездна времени: твори и сочиняй, сколько хочешь, не получается – бросай всё в Тартарары и начинай сначала, но, оказывается, Вечность скупой отмерила срок на перебор всех возможных вариантов и выбора наилучшего из них. Если учесть, что аминокислоты в белках соединены в определенные последовательности, а не сикось-накось, случайным образом, то вероятность синтеза молекулы белка будет такой же, как если бы орангутанг взял в руки кисточку и написал «Мону Лизу», а мартышка сочинила «Евгения Онегина» — этого не может быть, потому что быть не может никогда. Но синтез всё-таки случился!

Ученые рассчитали, что молекула ДНК, участвующая в простейшем цикле кодирования белков, должна была состоять из 600 нуклеотидов в определенной последовательности. «Вероятность случайного синтеза такой ДНК равна 10-400, иначе говоря, для этого потребуется 10400 попыток, — читал он. — Не все ученые согласны с такими подсчетами вероятности. Они указывают, что рассчитывать шансы синтеза белка случайным перебором комбинаций некорректно, так как у молекул есть предпочтения, и одни химические связи всегда более вероятны, чем другие. По мнению австралийского биохимика Яна Мусгрейва, рассчитывать вероятность абиогенеза вообще бессмысленно».

Так-так-так... Что же это получается? Ясно, что образование полимеров из мономеров не случайно, а подчиняется законам физики и химии. Это во-первых. Во-вторых, рассчитывать образование современных молекул белка, ДНК или РНК — неправильно потому, что они не входили в состав первых живых систем. Может быть, такие организмы были самыми примитивными, и от них в нынешних организмах вообще ничего не осталось. Эволюция постепенно усложняла конструкцию клетки, наспигивывая её сотнями генов, тысячами белков и разных молекул. На это понадобился миллиард лет. А может, больше? С ума сойти!

Стэнли Миллеру для его знаменитых опытов по абиогенезу понадобилась всего какая-то неделя. Он смешал водород, метан, аммиак и водяные пары, потом пропустил нагретую смесь через электрические разряды и охладил. В колбе образовалась коричневая жидкость, содержащая семь аминокислот, и в том числе глицин, аланин и аспарагиновую кислоту, входящие в состав клеточных белков. В общем, образовалась предбиологическая органика, т.е. вещества, которые участвуют в синтезе более сложных компонентов клетки. Но что-то должно было помочь родиться настоящей живой системе и снабдить её энергией. Один английский учёный предположил, что таким помощником эволюции стала обычная глина.

Минералы, которые в ней содержатся, способствуют образованию биополимеров и возникновению механизма наследственности. К тому же, оказалось, что глиняные частички, облученные ультрафиолетом, хранят полученный запас энергии, который расходуют на реакцию сборки биополимеров. При поддержке глины мономеры собираются в самореплицирующиеся молекулы, нечто вроде РНК.

Андрей с увлечением листал страницу за страницей, на которых описывались поразительные вещи. Оказывается, большинство глинистых минералов похожи по своей структуре на полимеры. Они состоят из огромного числа слоев, соединенных между собой слабыми химическими связями. Такая минеральная лента растет сама по себе, причём каждый следующий слой повторяет предыдущий, но иногда случаются дефекты — мутации, как в настоящих генах. Наверное, у шотландского химика А.Дж. Кернс-Смита были все основания утверждать, что первым организмом на Земле был именно... «глиняный ген»!

Попадая между слоями глинистых частиц, органические молекулы взаимодействовали с ними, перенимали способ хранения информации и роста – в общем, если можно так выразиться, брали у них уроки. Минералы и протожизнь некоторое время мирно сосуществовали, но всё-таки вскоре произошел разрыв: ученик покинул своего учителя, чтобы превзойти его. Получается, что жизнь вышла из минералов?

— А ты не знал этого? – услышал Андрей ехидный голос. Он звучал внутри его – где-то в районе груди.

— Что? – удивился Андрей. – Это ты, Ниохта? Я думал: ты мне приснилась...

— А может, это ты мне приснился? – хихикнул голос. – Я сплю и вижу, как спишь ты и видишь меня. К тому же, я уже не Ниохта, а нечто другое. Может, Ниохта теперь – это ты, а ты – это я...

— Перестань! – отмахнулся Андрей. – Не мудри!

— Ого! – насмешливо присвистнул голос. – Ты уже даже не удивляешься, что я разговариваю с тобой. А ещё совсем недавно думал, что сходишь с ума.

— Было бы лучше, если бы ты помолчала, — отрезал Андрей. – Нет ничего хуже болтливой женщины!

— А я знаю, про что ты сейчас читаешь, — настырно продолжал голос. – Про то, что в черных сланцах Западной Австралии возрастом 3,5 миллиарда лет сохранились остатки самых древних организмов, когда-либо обнаруженных на Земле. Учёные взяли их в свои лаборатории и разглядели в микроскопы шарики и волоконца, принадлежащие прокариотам — микробам, в клетке которых еще нет ядра, а спираль ДНК уложена прямо в цитоплазме.

— Решила свою учёность показать? – иронично уточнил Андрей.

— Ничего подобного, — обиделся голос. – Мы университетов не заканчивали! Во-первых, я просто вижу то, что видишь ты, и знаю то, что знаешь ты. А во-вторых, и без этой твоей книги мне известно, что всё сначала было в камне, а потом из него вышло. Это даже ребёнку понятно!

— Как же! Понятно ей, — передразнил Андрей. – Учёные головы ломают, откуда взялась жизнь, а она, такая умная, оказывается, ответ знает.

— Ну, если они умнее меня, то пусть ответят, что было до этих древних цианобактерий, — хохотнул голос. — Почти 3,5 миллиарда лет назад эти организмы уже потребляли углекислый газ и производили кислород, умели беречься от солнечной радиации и размножались, как это делают современные виды. Но цианобактерии были живыми существами, понимаешь? Уже живыми! А что было до них? Первооснова жизни как возникла? То-то! Этого твои мудрые учёные не знают!

— Но и ты тоже не знаешь! – рассердился Андрей. – Умная какая!

— А может, этого никто не должен знать, — вздохнул голос. – Может, это знает один лишь Бо Эндули*23. Иначе любой высоколобый очкарик сможет творить свои миры, как ему вздумается.

— Кто такой Бо Эндули?

— Он везде и нигде, — уклончиво ответил голос. – Он – всё и ничто, он – это и ты, и я, и всё, что вокруг. Может быть, он и есть то, что вы, люди, называете жизнью.

— Бог, что ли?

— Называй как хочешь, — засмеялся голос. – Ему всё равно.

— Но мне-то не всё равно, — усмехнулся Андрей. — Очень хочется понять, откуда взялась жизнь. Ведь это так удивительно: как считают некоторые учёные, Земля — уникальная планета: только на ней существует разум. Как он возник — вот вопрос!

— Тебе не понять, — буркнул голос. — Ты даже не захотел понять эту женщину Надежду. Где уж тебе понять всё остальное...

— Отношения с Надеждой — моё личное дело, — Андрей насупился. — Сама понимаешь, она возникла не совсем к месту. Я был занят.

— Не оправдывайся. Ты поступил неправильно, — вздохнул голос. — А что касается твоего вопроса о жизни, то вот тебе такой факт. Маленький народ орочи считает, что первые люди появились из камня и переселились в пещеры. Некоторые твои учёные тоже считают, что некогда биологическая жизнь произошла из глины или чего-то наподобие её. Но орочи это знали всегда. Потому что даже самый слабый из них умеет беседовать с Бо Эндули. Может, он и рассказал им кое-что такое, что вашей науке и не снилось...

Андрей слушал, не перебивая. Он по-прежнему не понимал, что с ним происходит, но уже относился к собственным переменам гораздо спокойнее: звучащий в нём голос не пугал, пропала и тревога, поначалу мучавшая его тупой ноющей болью в области сердца. Не ощущал Андрей и лёгкого зуда под кожей: после сна ему казалось, что внутри него мостится другое существо, которому не хватает места — укладывается, приспосабливается к его организму, неловко поворачиваясь и вжимаясь во внутренние органы.

Наверное, Ниохта умела воздействовать на сознание: Андрея не удивляло, что внутри него, судя по всему, действительно поселилось другое существо. Оно доставляло ему некоторое беспокойство, но это всё-таки был не страх, скорее — любопытство: что случится дальше?

Голос, между тем, продолжал внушать:

— Всё вокруг — живое, и сама Земля — живая. У неё есть имя — Муцеляни*²⁴. Голова Муцеляни находится на северо-востоке, ноги — на юго-западе. Она тоже зародилась из космической пыли.

— Оригинально! — усмехнулся Андрей. — Получается, что мы, люди, на её теле вроде каких-нибудь блох...

— Не ёрничай, — прикрикнул голос. — Сам подумай: если всё получилось из одного материала, то всё одинаковое — живое! Некоторые ваши умники-учёные считают, что прародителем жизни стал первоген — молекула ДНК, которая хранит информацию о своей структуре и об изменениях в ней. Но ДНК не может сама передать информацию другим поколениям, для этого ей требуются помощники — РНК и белки. Может, ты и знаешь, но напомню: РНК короче и состоит из одной нити. Эта молекула может служить катализатором, то есть проводить избирательные химические реакции, например, соединять между собой аминокислоты, а также осуществлять собственную репликацию.

— Что? Не умничай! Говори проще.

— То есть воспроизводить себя, — мягко уточнил голос. — Наверное, тебя ещё в школе учили: избирательная каталитическая активность — одно из основных свойств, присущих живым системам. Такую функцию в нынешних клетках выполняют только белки. Эта способность перешла к ним постепенно, а когда-то этим занималась РНК.

— Зачем ты мне это рассказываешь? Решила повысить мой уровень образованности? — Андрею стало скучно слушать голос. — Утомила своей лекцией!

— Сейчас поймёшь, зачем, — голос кашлянул. — Молекулы РНК постепенно стали собираться в сообщества, передача информации в них не всегда происходила точно, и вновь приобретенные признаки отдельной «особи» затем могли теряться, но зато возникало большое количество разнообразных комбинаций. Отбор РНК шел очень быстро, в результате возникла клетка, но РНК продолжала существовать в ней. Это тот кирпичик, без которого немислима жизнь. Нынешние люди не считают Муцеляни живым существом. Впрочем, вы даже и не знаете настоящее имя земли! А она ведь тоже

состоит из тех самых кирпичиков, из которых сложено и всё остальное: деревья, птицы, звери, цветы, люди...

— Ну, уж! – хмыкнул Андрей. – Это ты загибаешь! В земле нет живых клеток. Наукой это не доказано. Мало ли что можно нафантазировать? Кстати, что-то такое я читал в детстве – о том, что Земля живое существо. Кажется, это был фантастический роман Конан-Дойла. Он не только о Шерлоке Холмсе писал.

— Точно! – поддакнул голос. – И книга эта называлась: «Когда Земля вскрикнула». Конан-Дойлу было откровение, и он написал правду.

— Откуда ты знаешь о Конан-Дойле? – удивился Андрей. – Мне казалось, что..., — он замылся, не решаясь продолжить мысль.

— Да ладно, не стесняйся! Думаешь: если я взялась неизвестно откуда, вся такая первобытная на вид – в халате, с колокольчиками и бубном, то – точно тёмная, невежественная и ничего не соображающая? Но я так давно живу, что уже и забыла, когда вообще на свет появилась. И уж точно не только Конан-Дойла знаю, но и многих других известных людей...

— Может, ты не Ниохта, а, допустим, граф Калиостро? – снова усмехнулся Андрей. – Тот тоже хвастался, что знает секрет вечной молодости, умеет путешествовать во времени и был лично знаком чуть ли не с самим Иисусом Христом.

— Может, и Калиостро, — уклончиво ответил голос. – Это не важно. Важно, чтобы ты понял: кругом — жизнь, смерти нет, а то, что за неё принимают, тоже жизнь, но только другая.

— Я сейчас сойду с ума! – сказал Андрей. – Ты меня загрузила посильнее этой книги, — он захлопнул раскрытый том. – Послушать тебя, так всё вокруг не только живое, но и чуть ли не разумно, — он задумчиво повторил последние слова голоса:

— Только другая. Другая жизнь, другой разум...

— Тебе так и хочется назвать меня анимисткой? – шепнуло внутри него. – Первобытные, мол, представления и всё такое прочее. Да! Не хочу спорить. Потому что знаю, о чём говорю. Если бы высокоучёные люди догадались, как проникнуть в ядро атома, то они поняли бы: внутри него скрывается Вселенная, а внутри неё – другая, и так до бесконечности. Но ядро атома для них – мёртвая материя. Они видят лишь то, что им позволено видеть. Бо Эндული не снисходит до людей, и ему всё равно, что о нём думают двуногие, и думают ли вообще. Он – везде, и он бесконечен и вечен как внутри, так и снаружи. Каждая его частичка – невероятная малость, способная стать огромным миром. Человеку это трудно осознать.

— Ну, почему же? – возразил Андрей. – Каждый школьник нынче знает, что атом неисчерпаем.

— Но даже не каждый академик знает, что внутри атома – жизнь, — тихо сказал голос. – Ваши учёные не чувствуют природу. Когда они смотрят, допустим, на реку, то видят в ней лишь воду, могут определить её химический состав, скорость течения и так далее. А любой, самый безграмотный нанаец, глядя на быстро бегущую реку, видит живую силу: то бурную, то тихую, то злобную, то ласковую и покорную, — и этот поток для него живое существо...

Андрей почувствовал лёгкое головокружение. Диалог с внутренним голосом — причудливый, с сумасшедшинкой – измотал его. Чтобы справиться с внезапно охватившей его слабостью, Андрей закрыл глаза. Он всегда так поступал, когда хотел вернуть себе уверенность и душевное равновесие.

Плотно сомкнутые ресницы, однако, не обеспечили ему желанной темноты. В черноте мерцали мелкие ослепительные точки. Они кружились, сливались друг с другом, разбегались и снова объединялись в большие пятна света, чтобы через секунду распасться – это вращение кружило голову, и внезапный толчок озноба сотряс Андрея. Похожий на приступ, он мгновенно пронзил его с ног до головы и так же внезапно пропал.

Вздрогнув, Андрей на какое-то мгновение ощутил себя малюсенькой точкой, которая попала в круговращение других точек. Его завертело, бросало из стороны в сторону, он с чем-то сталкивался, чтобы тут же оттолкнуться и упасть вниз или, наоборот, вознестись в губительные выси, — круговорот был ослепительным, холодным и страстным одновременно, будоражащим и в то же время странно спокойным. В нём каким-то чудом соединилось то, что совместить невозможно.

Он почему-то представил улицу, по которой движется толпа людей. Они, так же, как эти светящиеся точки, отталкиваются, притягиваются, соединяются, разбегаются. Некоторые из них, однако, выполнив немислимые пируэты, возвращались, чтобы связаться друг с другом – и больше не распадались. Эти пары словно бы освещались изнутри мягким светом, они парили над землёй, упивались объятиями, не размыкали рук и, казалось, больше всего на свете боялись снова заплутать в лабиринтах жизни.

Как много нужно времени, чтобы найти в толпе того человека, с которым твоя душа захочет сродниться! Порой его ищешь всю жизнь – и не находишь: мечешься, обольщаешься призраками, смеёшься и плачешь, одинокий и неприкаянный. Но иногда – о, чудо! – такого человека встречаешь сразу и навсегда. Одного-единственного. Самого-самого. Потрясающего. Любимого. Навсегда? Да! Хочется, чтобы – на веки вечные.

— Эй! – позвал голос.

— Да? – очнулся Андрей.

— Не надо было тебе с Надеждой так разговаривать. Она всё-таки любит тебя. Даже если тебе это не нужно, стоит быть благодарным. Благодарным за то, что другой человек выбрал тебя.

— Иногда это так тяжело, — ответил печально Андрей. — Я не виноват, что не смогу нести крест ненужной мне любви. Да и Надежде жалость навряд ли нужна.

— Тут даже я ничего не смогла бы сделать, — слабо прошелестел голос внутри него. — Для этого надо быть твоей сестрой.

— Что за инцест? — Андрей удивился. — У меня, правда, никогда не было сестры, даже двоюродной. И я даже представлять не хочу, смог бы я полюбить её как женщину. Это, извини, ненормально.

— Все сёстры – братья, и наоборот, — глубокомысленно заметил голос. — Бедный-бедный! Вам, людям, столько подсказок дано в той же Библии. Если род человеческий пошёл от одной пары, то кто на ком женился и выходил замуж? Это же так просто сообразить!

Андрей растерялся и молчал, не зная, что ответить.

— Ладно, успокойся! – глухо кашлянул голос. — Любовь с родными сёстрами – это, конечно, грех. Но есть сёстры по духу.

— Похоже на религиозную пропаганду, — заметил Андрей. — Агитацию я не люблю, так и знай. Я вообще предпочитаю читать комментарии к Библии, в них всегда много самой захватывающей информации...

— Несмышлёныш! – фыркнуло внутри него. — Всякие пояснения вторичны!

— Ну да! – ехидно хохотнул Андрей. — Если бы я читал только то, что рекомендуют попы, никогда бы не узнал, например, о Лилит.

— О, Лилит! – восторженно вскричал голос. — Созданная из тёмной материи, она наполняет вожделением сердца мужчин!

Андрей и сам не знал, почему ему на ум пришла именно Лилит. Может, потому что совсем недавно он читал какой-то журнал и даже выписал из него стихи дотоле неизвестного ему поэта Михаила Поздняева. Вот они, в зелёной тетради, лежащей под рукой. Он открыл её, прочитал вслух:

— Талмуд запрещает мужчинам оставаться ночью одним,

ибо в постель их может заползти, как змея, Лилит,

царица Змарагда, праженица, сокрушительница границ,
 взломщица брачных покоев, чей дух жестоко тесним
 ревностью ко Всевышнему, разженная плоть велит
 насылать на младенцев хвори и порчу на рожениц,
 овладевать мужчинами спящими.

Господи, почему

Ты, сотворивший Адама, не спешишь на помощь ему,
 когда, оседлав по-гусарски взмыленного скакуна,
 из него животворную плазму выкачивает она?

Мужчина после таких утех забывал обо всём на свете, и, очнувшись от сна, с трудом припоминал своё имя своё, а может, даже и не пытался этого сделать, как и его предок Адам, который первым испытал чары Лилит. Создатель, вылепив его, поскреб по гончарному кругу щепкой, смял кусочек глины в кулаке, помял, дунул в фигурку, плюнул и сунул в печь. Наверное, что-то его отвлекло, потому что огонь искорёжил женщину, проник в её нутро, зачернил лик. «Э, да ладно! – вздохнул творец. – Глины больше нет, пусть эта тварь пока живёт...» А может, он ничего не сказал, и вообще выбросил первую женщину в ящик для отходов, но она не согласилась с такой участью и выбралась наружу. Первый мужчина, с головы до ног обласканный перекалённой красоткой, не забудет, однако: он – первый, она – из остатков материала. И заспорят они, и никто друг другу не уступит, и творец, которому надоест мирить их, низвергнет Лилит во тьму, но она, хитрая, выскользнет и улетит за моря-океаны, чтобы разродиться там большими и малыми демонами. Даже ангелы, посланные ей вослед творцом, сладить с ней не смогут, и обречённо махнут крылами: ладно, проникай к мужчинам, и бери их нежностью и силой – как получится; однако плата за то строга: каждая сотня из нового пополнения детей – плата творцу; рождённые же демоны пусть остаются во тьме. — Фантазируешь? – уточнил голос. — Или ты и вправду считаешь: все духи – порождение Лилит?

— Не знаю, — откровенно ответил Андрей. — Но тёмная страсть наверняка нашёптывается ею, и безумными делает нас тоже она...

— И я – тоже от её плоти? – спросил голос.

— Это ты лучше меня знаешь!

Что-то царапнуло его изнутри под самым кадыком – будто маленькая птичка зацепилась своими коготками. Он сглотнул мгновенно накопившуюся слюну и прокашлялся.

— Что бы ты ни считал, всё будет неверным: человек не способен уразуметь истину, — в голосе промелькнули металлические нотки. — Ты должен жить со мной в единстве. Я тебе во всём помогать буду. Ты гордишься тем, что много знаешь и умеешь. Но на самом деле не знаешь даже себя!

Андрей снова почувствовал лёгкое першение в горле. Невидимые жесткие пальцы сжали его желудок, и этот спазм отозвался вспышкой боли в пупке. Ему даже показалось,

что пупочное кольцо расширилось и вот-вот разорвётся, пропуская наружу нахального хищного зверька. Андрей почему-то представил его в виде юркой лесной мыши: забралась в его тело и хозяйничает в нём, как в своей норке.

— А насчёт сестры я почти права, — продолжал голос. — Ты, конечно, не знаешь, что некогда на берегах Амура жил один человек, звали его Егда*25. И была у него сестра. Одни они жили, других людей не было. Откуда взялись – и сами не знали. Однажды сестра говорит: «Егда, ступай в тайгу – поищи себе жену». Он и пошёл. Долго-долго шёл, вдруг видит: юрта. Вошёл в неё, там – обнажённая женщина, как капля воды похожа на его сестру. «Я не твоя сестра», — сказала женщина. Тогда Егда вернулся домой и рассказал сестре о встрече в тайге. «Ничего удивительного, что она похожа на меня, — успокоила его сестра. — Все женщины похожи друг на друга. Иди, женись на ней. А я тоже пойду, но в другую сторону – мне муж нужен».

— Откуда ж взялась та женщина, если других людей не было? Ясно, что это была его сестрица, — Андрей потёр разболевшийся пупок. — И перестань меня наконец мучить! Зачем ты это делаешь?

— Чтобы помнил обо мне, — простодушно откликнулся голос. — А догадался ты правильно. Стали брат и сестра жить как муж и жена. У них родились сын и дочь. Однажды малец взял лук отца и ранил стрелой птицу чинзипи. Та отлетела в сторону, села на ветвь дерева и спросила: «Зачем ты меня ранил?» Мальчик ответил: «Потому что я человек, а ты птица, моя добыча». Чинзипи рассмеялась и сказала: «Напрасно ты думаешь, что ты человек. Ты родился от брата и сестры, и потому такое же животное, как и все прочие на Земле. Ничем ты меня не лучше!» Мальчик побежал к матери и всё ей рассказал. Та цыкнула на него: «Молчи! Ничего отцу не говори, иначе он нас обоих в реку бросит...» Но сын всё-таки рассказал отцу о птице чинзипе и её речах. Егда понял, что сестра обманула его. Наутро он встал на лыжи и пошёл в тайгу, нашёл крутой овраг, раскатал дорогу и на лыжне насторожил стрелу...

Голос звучал глухо, слова текли медленно, однозвучно – Андрея это усыпляло. Он терпеть не мог людей, которые говорили много и скучно. Ниохта вообще-то рассказывала интересную легенду, но настолько монотонно, что его стало клонить в сон. Он зевнул.

— Соня! – оскорбился голос. — Не спи! Я тебе рассказываю нечто очень важное.

— Ага, — согласился он, чувствуя, что глаза закрываются сами собой. — Я пока не понимаю, насколько важное – такой уж я, видно, несмышленный, но слушаю тебя из последних сил. Время-то всё-таки позднее.

— В общем, Егда вернулся домой и сказал жене: «Я убил сохатого, вставай на лыжи, иди по моему следу, спустись в овраг и принеси мясо!»

— А почему он сам-то не принёс добычу? Даже самая глупая женщина заподозрила бы неладное...

— Наверное, притворился, что руку-ногу повредил, — ответил голос. — Когда сестра спускалась в овраг на лыжах, то самострел выстрелил и убил её стрелой. А Егда в это время отвёл в тайгу дочь и сына. Девочку он бросил на медвежьей тропе, а мальчика отвёл к месту, где обитала тигрица. Дочку нашёл медведь. Он вырастил её и стал с ней жить как супруг. Сына Егды воспитала тигрица. Поскольку он не мог найти себе жену, то стал жить с тигрицей как с женщиной.

— Зоофилия какая-то! – изумился Андрей. — Буйная же фантазия была у древних людей, придумавших эту сказку!

— Ничего они не придумывали, — заметил голос. — Когда-то люди понимали язык зверей и птиц, чувствовали боль каждой травинки и знали, что всё живое едино. Снова ты меня перебил! Хочешь знать, что было дальше?

— И что же?

— У дочки Егды и медведя стали рождаться дети – от них пошёл человеческий род, — продолжал голос. — А вот у тигрицы и сына Егды детей не было. Тигрица, научив парня

охоте, отпустила его: «Живи теперь сам! Но помни, что я делала тебе только добро, поэтому в будущем никогда не причиняй зла моим сородичам». Как-то раз сын Егды смертельно ранил медведя, и тот, умирая, сумел сказать ему: «Я муж твоей сестры. Мои дети – твои племянники, в кровном родстве с тобой. Помни об этом. Брат никогда не должен давать сестре есть мясо убитого им медведя. Женщина никогда не должна спать на медвежьей шкуре. Бросить мою голову – великий грех. Помни об этом и расскажи своим потомкам». Раньше люди никогда не нарушали эти правила. Они знали, что всё живое сотворено из одной материи, и помнили о родстве с другими тварями.

Андрей, однако, не дослушал историю до конца. Он почувствовал чудовищную усталость и сам себе напоминал загнанную лошадь, которая упала на землю и, не в силах даже храпеть, тоскливо смотрит широко открытыми глазами, а в них – тусклая слеза... Андрей, напротив, смежил веки – и его тут же облепил чёрный, прохладный туман: мрак казался живым – он двигался, гулко дышал, и то крепко сжимал, то выпускал обмякшее тело из объятий. Откуда-то налетел вихрь и, подхватив Андрея, принялся мять и кромсать его тело, подобно соковыжималке, включенной на все обороты, — его несло в ледяные пучины тьмы, бросало из стороны в сторону, вертело и подбрасывало как пушинку.

Этот стремительный, безжалостный смерч подрезал под корень всё, что встречалось на его пути, и, не зная жалости, разбивал на мельчайшие кусочки, которые в мощных жерновах воздушного потока обращались в сверкающую пыль – это было похоже и на самум, испепеляющий оазисы, и на цунами, сметающее благоуханные острова в Тихом океане, и на торнадо, хладнокровно разбивающий всё, что имеет хоть какую-нибудь форму.

Смешиваясь с кипящей в воздухе пылью, Андрей чувствовал, что каждая клетка его тела наполняется умиротворением и покоем – наверное, такое же блаженство испытывает пловец, поднырнувший под могучую морскую волну: вверху – безумство штормового шквала, а под ним – улаждающая безмятежность.

8.

Сергей Васильевич решил купить вина. Повод для этого был просто замечательный: он наконец-то вычислил вход в подземелье, где, как полагал, есть другая жизнь. На карте, которую Уфименко составлял несколько лет, странные пустоты объединялись в гигантский лабиринт, центр которого располагался поблизости от села Сакачи-Алян. Сравнив свою схему с обычной картой, Сергей Васильевич обнаружил небольшую сопку, помеченную как безымянная. Именно от неё, по его расчётам, под землёй брал начало узкий длинный тоннель. Он, скорее всего, раздваивался: один проход вёл в глубь лабиринта, а другой выходил на берег Амура – к знаменитым камням-писаницам, которые некогда были, возможно, частью большого культового сооружения. Может, именно тут древние аборигены поклонялись своим богам.

«Но это были особенные боги, — возбуждённо шептал себе под нос Сергей Васильевич. – Люди считали богами великих древних, которые в незапамятные времена позволяли человеку видеть себя. Они явно или скрытно вмешивались в жизнь людей, помогали им, наказывали... Мифологию какого народа ни возьми, обязательно встретишь этот мотив: великие боги Тот, Один, Зевс, Перун и другие принимали участие в судьбах

простых смертных. Разве не так? О, боже! А ведь я совсем забыл о Шанвае, Шанкао и Шанко! Кем были они? Конечно, великими древними – вот кем они были!»

Разговаривая сам с собой, он остановился посередине улицы, не обращая внимания на других прохожих. Те опасливо обходили странного маленького человека, который тихо разговаривал сам с собой и счастливо улыбался.

Шанвай, Шанкао и Шанка*27 – так звались три человека, которые согласно нанайскому мифу, жили в начале Света. И было у них три лебедя. Однажды они послали птиц на дно реки – достать камней и песка. Шанвай, Шанкао и Шанка решили сотворить Землю. Семь дней лебеди ныряли под воду и доставали строительный материал для земной тверди. На седьмой день, как вынырнули, глядят: Земля ковром цветёт, в реке Амур рыба плавает. Но чего-то всё-таки не хватало, и тогда Шанвай, Шанкао и Шанка сделали из глины мужчину по имени Хадо и женщину по имени Джулчу. Немного подумали и сотворили ещё деву по имени Мамелджи.

Прошло время, и на берегах Амура размножились люди, заселили всю землю. И никто не заметил, куда пропали Шанвай, Шанкао и Шанка, сотворившие людей. А на небе откуда-то появились три солнца. Вода от них кипела – горой становилась. Гора кипела – речкой оборачивалась. Первочеловек Хадо сказал: «Жить слишком горячо стало. Хочу застрелить два солнца». И пошёл он к восходу. Вырыл яму, затаился в ней. Возшло первое солнце – он выстрелил из лука и убил его. Возшло второе солнце — Хадо выстрелил, но промахнулся. Зато третье всё-таки убил. Осталось на небе только среднее солнце. Но камни ещё долго не остывали. Мамелджи пальцем нарисовала на них птиц и зверей. Потом камни стали твёрдыми и сохранили на себе эти рисунки.

«А куда исчезли Шанвай, Шанкао и Шанка – об этом в мифе ничего не говорится, потому что людям не полагалось знать их тайну, — решил Сергей Васильевич. – Это были великие древние, которые ушли жить под землю. Они отдали сотворенную твердь людям, себе же выбрали иное пространство. Возможно, это тот самый Нижний мир, который упоминается в мифах нанайцев. Ай-яй-ай! – он пожурил сам себя. – Как же я раньше-то не догадался, что эти три человека – никто иные, как великие древние! Сказка – ложь, да в ней – намёк...»

О трёх солнца Сакачи-Аляна упоминалось во многих легендах, но только в одной из них сохранились имена трёх мужчин, с помощью лебедей сотворивших Землю. Возможно, эти сведения относились к тайным знаниям, которые полагалось знать только посвящённым. Сергей Васильевич был наслышан о том, что когда шаман чувствовал приближающуюся кончину, то выбирал преемника и сигурил, то есть передавал избраннику особые сведения о мире и его устройстве. Эта информация была настолько

закрытой, что даже под угрозой смерти посвящённый не имел права её раскрыть. Но кое-что всё-таки просачивалось в предания, легенды и мифы – намёком, иносказанием, невольной оговоркой.

— Понять их – всё равно, что выловить луну из воды, — пробормотал Сергей Васильевич. – Вот она, луна, плавает в озере – совсем близко, её можно взять рукой. И что же? Берешь и видишь: это не луна, это пригоршня воды. А настоящая луна – высоко в небе. Её отражение выловить невозможно.

Прохожие с любопытством оглядывались на Сергея Васильевича, некоторые даже откровенно хихикали, перемигивались и крутили пальцем у виска, но ему было всё равно, что и как кто-то подумает о нём. Господин Уфименко даже и не видел этих людей: углубившись в размышления, он ничего не замечал.

— Легенды – это отражение народной памяти, — Сергей Васильевич продолжал бормотать. А народная память – отражение реальных событий. Реальные же события скрыты туманом времени. Что было на самом деле, этого никто не знает. Это знает только само время. Логично? Да-да-да!

Он так громко вскричал, что нищий, просивший милостыню у входа в бутик «Любимые продукты», от неожиданности подпрыгнул и выронил картонную коробочку с мелочью. Монетки покатались по асфальту. Нищий кинулся собирать их, при этом он недовольно завопил:

— Нищего всякий дурак обидеть может!

Сергей Васильевич никак не соотнёс это со своей персоной, впрочем, он и нищего-то видел как в тумане, по-прежнему углублённый в свои размышления.

— Трое мужчин сотворили из глины людей, но если глиняные изделия не обжечь, то они при первом же дожде размокнут, — говорил самому себе Сергей Васильевич. – Что же нужно в таком случае? Без огня не обойтись! Следовательно, — он сглотнул от волнения. – Следовательно, ах, боже мой, как я раньше не догадался! Три солнца – это тот огонь, который закалил первых людей. Они ведь были глиняные...

Нищий расслышал его слова о первых, а также о каких-то глиняных людях. Он не всегда был беспорточником. Некогда у него имелась квартира, он ходил на службу в приличное учреждение, неплохо зарабатывал, но в перестройку всё рухнуло: организацию ликвидировали, новую работу он не нашел, стал выпивать – вокруг кучковались такие же ненужные никому алкаши; один из них и свёл его с людьми, которые за гроши купили квартиру, засунув его в барак на окраине города. Бич — бывший интеллигентный человек, и потому нищий не мог равнодушно пройти мимо книг, журналов, старых газет, которые люди выкидывали на помойки.

— Ага! — встрепенулся нищий. — Мужик, видно, звезданулся на почве «Глиняного человека».

Ухо Сергея Васильевича моментально выхватило два последних слова и заставило его прозреть. Обнаружив перед собой побирuşку, Уфименко окинул его пренебрежительным взглядом и недоумённо спросил:

— Откуда ты знаешь о глиняном человеке?

— Так я его на помойке нашёл, — ответил нищий, имея в виду, конечно, книгу Андрея Платонова «Глиняный человек». — Чего там только сейчас не валяется! Такие чудесные вещишки порой находишь...

— Эге! — воскликнул Сергей Васильевич, подбоченившись. — Я всегда был убеждён: мир ещё не весь открыт. Но где ж ты эти вещишки находишь?

— Где-где? В Караганде! — нищий простодушно махнул рукой. — Тут неподалёку есть яма, — он имел в виду, естественно, выгребную яму. — Копнешь чуть поглубже — и чего только не отыщешь. Только не ленись рыть!

Сердце Уфименко радостно встрепенулось. Он был много наслышан о загадочных шахтах и провалах в земле, которые, как считал, подтверждают существование таинственных лабиринтов. Одну из таких шахт, неподалёку от речного вокзала, в середине пятидесятих годов прошлого века замуrowали после того, как в неё провалился подросток. Мальчишку нашли не сразу. При падении он зацепился за небольшой прямоугольный выступ в стене — и слава богу, потому что шахта была глубокая: её дно в кромешной темноте не просматривалось, но снизу доносилось едва слышное журчание воды — там, видимо, бежал ручей; промозглая сырость и густые, дурно пахнущие испарения кружили голову. Если бы парень упал на дно, то, скорее всего, разбился бы.

Он кое-как примостился на выступе и попробовал кричать в надежде привлечь внимание прохожих. Но, как оказалось, его никто не слышал: звуки не достигали поверхности земли. И только благодаря тому, что родители подростка всполошились и подняли на ноги всех знакомых и соседей, чтобы прочесать окрестности, его в конце концов нашли. В проём опустили десятиметровую верёвку, но её длины не хватило, тогда к ней привязали ещё кусок каната — получилось около пятнадцати метров, и мальчишка наконец смог ухватиться за веревку.

Также рассказывали о других случаях, когда люди проваливались в какие-то загадочные пустоты под землёй. Почти у всех было ощущение: шахты ведут в глубокое подземелье, откуда слышится шум воды и приглушенные звуки, напоминающие непрерывное шипение. И ещё все говорили о том, что чувствовали присутствие чего-то неведомого — холодного, мрачного, ужасного. Страх мгновенно охватывал людей, он

парализовал их, заставляя вздрагивать от шороха осыпающейся земли или малейшего движения затхлого воздуха. Казалось: рядом дышит невидимое существо – равномерно, глубоко, и оно пристально изучает человека, вторгшегося на его территорию. Никто ни разу не видел подземного обитателя, но почти все рассказывали одно и то же: у этой твари были маленькие жгучие глаза. Они напоминали два красных уголька.

Сергей Васильевич, вдохновлённый сообщением бича о неведомой яме, велел нищему дожидаться его у магазина, а сам стремительно влетел в бутик и кинулся к витрине. Выбор вин поражал: Австралия, Чили, Китай, Италия, Франция, Испания, Грузия, Молдавия... Цены средние: 500 — 600 рублей за бутылку, что для пенсионера, конечно, дорого. Уфименко перевёл взгляд на стойку с водкой: разных её сортов тоже было много – глаза разбегаются, но зато цена приемлемая, не то, что у вина. Однако Сергею Васильевичу хотелось праздника, который, по его представлениям, белоголовая злодейка с наклейкой только опошлит. Он снова скользнул взглядом по витрине.

— Ах, да! – пробормотал Сергей Васильевич. – Белоголовка осталась в прошлом. Глянь-ка, какие метаморфозы: водка нынче выпускается с дозаторами, бутылки – произведение искусства: под хрусталь, с какими-то вензелями, затейливыми пробками, всякими нашлёпками и яркими этикетками. А вот вино оформлено скромнее. Наклейки будто с одной типографии: коричнево-белые или черно-белые, скромные, да и бутылки – одинаковые. Ахашени, однако, разлит в светлые склянки, и сбоку болтается этикетка – как на джинсах. Интересное дело!

Продавец, молодой импозантный парень в строгом чёрном костюмчике с бабочкой, прислушался к бормотанью Сергея Васильевича.

— Помочь вам с выбором? – спросил он.

— Когда-то мне рассказывали в Тбилиси, что ахашени выпускают всего несколько сот бутылок в год, — сказал Сергей Васильевич. – А у вас, смотрю, и ахашени есть, и киндзмараули, и цинандали – редчайшие, в принципе, вина. Неужели в Грузии стало больше виноградников?

— Поставщики у нас серьёзные, — ответил продавец. – На всю продукцию имеются сертификаты, не сомневайтесь.

— Сертификат – всего лишь бумажка с печатями, — усмехнулся Сергей Васильевич. – Хорошего не может быть много. Смотрю я на эти бутылочки и крутится в голове мысль: а, может, всё, что в них налито, — это аналог? Знаете, молодой человек, есть подлинники, а есть копии подлинников – внешне они похожи, но понимающий сразу почувствует разницу...

— Для понимающих – коллекция эксклюзивных вин, — продавец кивнул в угол: там была особенная стеклянная полочка, внешне скромная, подсвеченная тусклой лампочкой. – Эта продукция проверена временем.

Сергей Васильевич глянул на эту полочку и в его глазах сразу померк дневной свет: на свою пенсию он смог бы купить разве что полбутылки настоящего французского вина. Правда, грузинские вина были чуть подешевле, но это мало утешило бедного пенсионера Уфименко.

— Сами-то вы что пьёте, молодой человек? – спросил он продавца.

— То, что средства позволяют, — вздохнул парень. – Например, вот это вино, произведенное и разлитое в Молдавии. Не смотрите, что этикетка непрезентабельная, да и бутылка – так себе, обыкновенная «чебурашка», и производитель – какой-то колхоз, зато вкус – отменный. Советую.

— О! Колхозам я теперь доверяю, — воскликнул Сергей Васильевич. – Уж они точно сами растят виноград и дают из него сок. Есть надежда, что пиарщики пока не додумались выдавать контрафакт за натуральную продукцию колхозов. Им привычнее заманивать потребителя подделками под иностранные марки...

— Молдавия теперь тоже иностранное государство, — напомнил продавец, подавая бутылку вина. – Надеюсь, напиток вам понравится, и вы ещё к нам придёте.

Сергей Васильевич, расплачиваясь, напомнил, что он — пенсионер, и всякие маленькие радости, вроде вот этой бутылочки настоящего вина, случаются у него всё реже и реже, и нужен исключительный повод, чтоб вновь сюда прийти. Других покупателей не было, и продавцу было скучно, потому он и спросил, что за событие Уфименко собрался отметить. Тот и ляпнул про свои исследования, не преминув заметить, что на улице его дожидается один тип, обещавший показать яму с глиняными скульптурами.

Продавец, слушая Сергея Васильевича, постепенно менялся в лице: его брови удивленно приподнимались, зрачки расширялись, губы приоткрылись и задрожали. Он был явно напуган, и Уфименко это заметил:

— Что с вами?

— Ничего, — парень отвел взгляд в сторону. – Мне нужно закрыть магазин на уборку. Прошу вас освободить помещение.

— Нет, — упёрся Сергей Васильевич. – Вы что-то не договариваете...

— Да вам-то какое дело? – продавец нервно передёрнул плечами. – Я даже вспоминать об этом не хочу!

Сергей Васильевич, естественно, уцепился за эту его оговорку и мало-помалу вытянул-таки из парня интересную информацию. Оказывается, лет пятнадцать назад он,

тринадцатилетний подросток, вместе с другими пацанами играл на пустыре в футбол. Гоняли мяч по жесткой короткой траве, ворота были чисто символическими – на таком же условном поле положили по два камня, и ну гонять видавший виды мяч! Он залетел в пыльные кусты, и будущий продавец полез доставать его.

Мяч закатился в ложбинку и преспокойненько там лежал. Мальчишка ступил на зеленую траву, успев отметить её яркий, сочный цвет – другая растительность на пустыре была пыльной, с болезненной желтизной. Он протянул руку к мячу, и вдруг земля под ним разверзлась. Парнишка попытался ухватиться за край ямы, но сухая почва осыпалась мелкими комками, мгновенно превращаясь в пыльное крошево.

Ему показалось, что он падал очень долго, и это напоминало дурной сон, похожий на замедленную съёмку: парнишка стремительно летел вниз, но в какой-то момент падение замедлилось, будто кто-то подхватил его и задержал в большой ладони – он чувствовал под собой невидимую опору; лёгкий толчок – и его подбросило, снова завертело, пока он не разглядел в серой мгле что-то наподобие балки. Уцепившись за неё, парень вскарабкался на осклизлую деревяшку и примостился там. Он, конечно, был напуган, и от страха заорал благим матом, призывая товарищей на помощь. Однако, как потом выяснилось, они его не слышали.

Мальчишка попытался карабкаться по шероховатой стене, но, сорвавшись и раз, и другой, оставил эти попытки. Темень вокруг него сгущалась, и было в ней нечто особенное: он чувствовал прикосновение чего-то мягкого, теплого, похожего на шерстяной шарф – тьма обволакивала его, пульсировала и, как ему показалось, сочувственно вздыхала. Высоко над головой вырисовывался серый просвет.

Он перестал кричать и сделал глубокий вдох. Отец учил его: хочешь скорее успокоиться – дыши глубже, равномернее. Воздух немного отдавал гнилью, но этот душок нельзя было назвать противным – вполне терпимо, и, главное, не чувствовался запах газа. Мальчик знал, что в колодцах, шахтах и глубоких ямах порой скапливается метан или другой газ, которым можно отравиться.

Глаза постепенно привыкли к темноте, и мальчик начал различать смутно выступающий под ним выступ и часть неровной стены. Но стоило ему сосредоточить на них взгляд, как всё расплывалось и теряло очертания, снова сливаясь с тьмой. Тогда парень поднёс к глазам ладонь, надеясь разглядеть её. Однако различил неясный контур, и то благодаря бледному блику, на какое-то мгновение выскользнувшему из проёма. Темнота играла с ним: она будто позволяла что-то в ней открыть, но в то же время лукаво стирала нарисовавшиеся было контуры. То ли что-то есть, то ли нет ничего, а если даже и есть, как рука, например, то её для глаз как будто бы и не существует. «Мы видим только

то, что видим, — подумал мальчик. — А если чего-то не видим, то это ещё не значит, что этого на самом деле нет», — и для убедительности щипнул себя за ладонь.

В темноте висела густая, вязкая тишина, и вдруг в ней что-то треснуло — звук получился такой, будто разрывали созревшую ткань. На какой-то миг в проёме сверкнула то ли молния, то ли искра, и оттуда вывалился, как показалось мальчику, большой ком: он стремительно падал, источая отчетливый металлический звук.

Мальчик испугался и крепче прижался спиной к влажной стене. Снова блеснула молния, и в её мгновенном призрачном свете он увидел большую птицу. Её продолговатое туловище отливало серебром, широко распластанные крылья покрывали металлические пластины — так, по крайней мере, показалось подростку. Оглушительно звеня, пернатое чудо пронеслось мимо, обдав мальчика приторным сладким ароматом: в нём смешались запахи цветущей яблони, липы и луговых кашек.

— Не смотри на кори, — раздался глухой голос. — Закрой глаза. Простому человеку нельзя смотреть на птицу кори.

Голос был спокойный, и он звучал будто бы в голове мальчика. Подросток струхнул и крепко закрыл глаза, а когда открыл их, то обнаружил: в шахте посветлело, сверху лился яркий свет, и там, наверху, раздавались крики. Несомненно, искали его. И явно наступило утро. Значит, он спал? Или что-то произошло с временем — его ход чудесным образом смешался, утратил чёткость и ясность: только что была ночь — и нате вам, вспыхнуло солнце; только что охватывало отчаяние — и вот уже радостно бьётся сердце; только что со страха мерещилась всякая дурь — и вдруг химеры мгновенно испарились, не оставив следа. Но ведь была эта странная железная птица, и глаза её горели красными огоньками, и гремели её крылья... Откуда она взялась и куда летела в кромешной мгле?

— Это не твоё дело, — прошелестел в черепной коробке голос. — Тебе не дано перейти черту. Возвращайся в свой мир.

Парень ощутил быстрое легкое прикосновение к затылку чего-то холодного и липкого. Он вздрогнул, но испугаться не успел: в проёме показалась голова его закадычного друга, который приободрил: «Держись, бедолага! Сейчас верёвку тебе спустим...»

Вспоминать об этом случае парень не любил, и даже другу ничего не рассказал о том, что видел в шахте. Но Сергею Васильевичу он доверился, потому что понял: этот человек серьёзно занимается исследованиями неведомого. Может, он тоже знает: истинная природа человека — это тьма, способная мгновенно становиться светом? Чистое и грязное, возвышенное и непристойное, пустое и полное, всё-всё многообразие мира — в тебе самом, и если что-то не так, то *не так* — в тебе, и только в тебе. Но продавец предпочитал об этом говорить только со своими близкими знакомыми, которые, как ему казалось, тоже

задумываются об устройстве мира. Они, однако же, задумывались о чём угодно, только не об этом. А ещё за глаза жалели своего товарища: «Эх, звезданулся мужик!» Но спорить с ним не спорили: если приходят ему на ум чудные мысли, то это его личное дело, а так он, мол, парень нормальный и даже интересный.

Сергей Васильевич, прижимая к груди пакет с бутылкой молдавского вина, с восторгом выслушал рассказ продавца. И даже ни разу не перебил его.

— Покажите мне это место! – попросил он. – Я отмечу его на своей карте. Она должна быть полной.

— Этого места больше нет, — покачал головой продавец. — Вскоре после того случая мы с пацанами решили огородить провал, чтобы в него никто больше не сваливался. И что вы думаете? Искали, искали – не нашли! Вот, кажется, тут это место должно быть, и кусты вроде те же самые, но земля – ровная, трава обычная, ни малейшего намёка на какую-нибудь трещину или разлом...

Сергей Васильевич уже слышал подобные истории. Другие люди тоже рассказывали о глубоких ямах — не ямах, шахтах – не шахтах, в общем – о каких-то прорехах в земле, которые будто бы заштопывала старательная швея: через несколько дней, ищи – не ищи, уже ничто не напоминало о происшествии. Это было тем более удивительно, что очевидцы утверждали: проломы – глубокие и, судя по всему, ведут в какой-то подземный ход. Сначала Сергей Васильевич думал, что все намеки на тоннель оперативно ликвидируют спецслужбы: не хотят выдавать свои секреты. В городе ведь ходили слухи, что в своё время всемогущее НКВД организовало из расстрельных эзков несколько бригад — они и прорыли под землёй ходы, соединившие здание зловещего ведомства с домом, где жил его начальствующий состав, а также с крайкомом компартии и крайисполкомом. Особый ход, как гласила молва, вёл к тюрьме, где был обустроен специальный зал: тут расстреливали «врагов народа». Трупы якобы вывозили на закрытых брезентом грузовиках: машины черными призраками выныривали из-под земли и, не включая фар, задворками выползали к главной улице города, которая вела к кладбищу.

Если НКВД вправду построил эти тоннели, то за их сохранностью должны были следить его преемники – КГБ, а после него ФСБ. И не только затем, что подземные ходы когда-нибудь снова могли понадобиться этим ведомствам, но и потому, что они открыли бы случайно попавшим в них людям неприглядные тайны министерства любви.

Когда в Россию внезапно пришла мода на гласность и открытость, в неё решил поиграть и местный генерал-гэбист. Из студии радио он отвечал в прямом эфире на вопросы горожан. Сергей Васильевич насилу дозвонился в радиокомитет и спросил, правда ли под городом существует сеть тоннелей. Генерал рассмеялся: «Всё это сказки!

Не верьте выдумкам досужих людей. Одно могу сказать: когда-то, до революции семнадцатого года, местные купцы действительно сбросились на строительство подземного хода от речного порта до торговых складов. Он был построен, исправно функционировал, но в двадцатые годы пришёл в упадок и постепенно разрушился. А наше ведомство никогда никаких тоннелей под городом не рыло. Это, извините, не наша специфика. Мы не всё-таки не «Подземстрой»!»

Сергей Васильевич, было, напомнил: некогда у этой организации был целый «Спецстрой», рабочей силы – завались: труд заключённых использовали сколько угодно, когда угодно и, к тому же, даром. Но генерал его не услышал: Уфименко отключили от эфира. Сергей Васильевич высокому чину не поверил, но у него не было никаких доказательств причастности энкавэдэшников к таинственным подземным сооружениям. Мало ли что люди говорят. Но, впрочем, он давно понял: если власть предрешающие что-то отрицают, то, скорее всего, лукавят; их «нет» зачастую означает «да».

Сергей Васильевич был редким занудой, и как продавец ни отнекивался, он просил, увещевал, канючил до тех пор, пока молодой человек в сердцах не воскликнул: «Чёрт с вами! Завтра буду выходной, покажу то место. Только что вам за толк от этого? Всё равно там ничего нет...»

Но Сергей Васильевич хитро прищурился, усмехнулся и намекнул: дескать, у него нюх на всякую аномальщину – это раз, а во-вторых, поможет биолокационная рамочка и, в-третьих, ничто не проходит бесследно: авось какая-никакая зацепка найдётся. На том он откланялся и, бодро помахивая пакетом с бутылкой вина, выпорхнул из магазинчика.

Нищий терпеливо дожидался его на солнцепёке, горстями стряхивая пот с лица и затылка. Кроме солнца, его грела мысль о том, что экстравагантный господин, возможно, нальёт ему сто грамм за оказанную услугу. Вот только зачем ему нужна эта яма, нищий понять не мог, но, поразмыслив, решил: каждый сходит с ума по-своему, и, наверное, этот старичок просто бесится с жиру, если коллекционирует всякие помойки. Добро бы, собирал марки или открытки – это как-то понятнее, а ему, ишь ты, подавай всякие неприглядности. Раньше, лет двадцать назад, иностранные корреспонденты фотографировали недостатки Страны Советов, потом публиковали эти снимки, чтобы очернить самое лучшее в мире государство. А чего плохого-то было? Колбаса, если достоинься за ней в очереди, дешёвая, молоко – копейки стоило, хлеб – почти даром, захочешь выпить – чикушка вполне по карману, красота!

Надежды на то, что звезданутый коллекционер помоек даст ему опохмелиться, у нищего не оправдались. Сергей Васильевич, как увидел выгребную яму, куда приносили мусор из соседних художественных мастерских, так и заругался, даже слюной забрызгал, чем напомнил некогда бывшему интеллигентному человеку известного в городе Ха

киноведа Моисея Эдуардовича Корчмаря. Он всю жизнь только и делал, что раньше обычных зрителей смотрел всякие интересные фильмы – на закрытых просмотрах и кинофестивалях, читал умные журналы по киноискусству, переписывался с режиссёрами и даже известными актёрами. Ничего тяжелее авторучки Моисей Эдуардович в руках никогда не держал. Впрочем, тяжелее всё-таки была энциклопедия о кино – она точно не менее килограмма весила!

Моисей Эдуардович специализировался на том, что перед началом показа какой-нибудь очередной супер-пупер ленты выходил на сцену и начинал вещать: «Друзья мои, сегодня вы насладитесь яркой, необыкновенной, потрясающей, гениальной работой мастера Имярек...» При этом он закатывал глаза, размахивал руками, нервно бегал по кругу и, давая новые и новые эпитеты и определения представляемой картине, казалось, возбуждался от звучания высоких слов – краснел лицом, широко раздувал ноздри, и с его полных, плотоядных губ начинала капать слюна. Он отфыркивался, и слюна веером жемчужных капель падала на первые ряды. Потому знающие люди обычно брали билеты на премьерные показы подальше от сцены.

Сергей Васильевич тоже никогда не садился в первый ряд и уж, конечно, меньше всего хотел бы напоминать экзальтированного киноведа, но, тем не менее, слюной брызгался, правда, в редких случаях и сам того не замечая.

Попрошайка, подвергнутый слюнобрызганию, с позором ретировался. Но если бы Сергей Васильевич рассказал ему о предмете своего интереса, то услышал бы от бича весьма интересные вещи. Например, о том, что бомж по кличке Чебурашка зимой живёт под развалинами старого кирпичного дома. Однажды он обнаружил там углубление в фундаменте, пролез в него и оказался в небольшом квадратном помещении. Когда-то его, видимо, использовали как потайную комнату для хранения домашних припасов: вдоль стен были установлены стеллажи из дуба, всё ещё крепкие, — на них стояли банки с полувysохшим содержимым, серые от пыли пузатые бутылки, испревшие картонные коробки, бонбоньерки. В бутылках оказалась густая тягучая жидкость; пахла она довольно приятно, чуть-чуть отдавая уксусом, — наверное, это было вино, загустевшее от времени. Чебурашка попробовать его не рискнул, а вот старинные бутылки из голубоватого и зеленого стекла отмыл и за гроши сплавил бабкам, торгующим всяким старьём на соседнем рынке.

Этот товар имел неожиданный успех: бутылки приглянулись любителям украшать квартиры антиквариатом. Бабки попросили Чебурашку ещё принести старых склянок, и тот, на ощупь обыскивая нижние полки: солнце в подвал не проникало и было темно, — ненароком угодил рукой в какой-то проём. Заинтересовавшись, бич снёс полки – за ними оказался узкий лаз. Решив, что он ведёт в ещё более тайную комнату, в которой, может быть, хранится клад, Чебурашка с энтузиазмом расчистил его от мусора и пролез внутрь.

Никакого клада он не обнаружил, потому что лаз вёл в сырой и мрачный тоннель. Чебурашка обследовал его, но ничего достойного внимания не обнаружил, к тому же тоннель неожиданно обрывался: края ямы осыпались, из неё тянуло гнилью, где-то далеко внизу журчала вода – бич побоялся провалиться в эту бездну и прекратил дальнейшие исследования. Однако он открыл одну замечательную особенность тоннеля: в нескольких метрах от лаза имелся особенный пяточок земли – он был тёплым, словно подогревался снизу невидимой батареей. Если бы Чебурашка не был посвящен в особенности устройства городских коллекторов, он непременно решил бы: тут проходит труба с горячей водой. Но на такую глубину подобных труб отродясь не клали. Бичи, облюбовавшие подземные коммуникации жилкомхоза, хорошо об этом знали.

Как бы то ни было, Чебурашка особенно не задумывался об истинном предназначении открытого им тоннеля: ему было достаточно того, что нашёл теплое местечко для зимовки. Он держал его в тайне от других бичей, и никто бы его секрет не узнал, если бы не Шлёп-нога.

Эта пронырливая бабёнка некогда была дояркой, даже числилась в передовиках – почётными грамотами и дипломами можно всю стену обклеить, но совхозная ферма пришла в упадок, и пришлось Нинке, тогда ещё не Шлёрп-ноге, податься на заработки в город. На стройке, куда она устроилась маляром, платили мало, денег ни на что не хватало, в общежитии вечерами было одно развлечение: водка и секс, но одна новая её товарка надоумила: «Что бесплатно этим козлам давать? Пусть плотют!» Нинка вместе с ней и пошла в девочки по вызову. Развесёлая ночная жизнь приучила её к разнообразию мужчин, спиртному, наркоте, но этот карнавал несколько портили «субботники» у братков, крышевавших интим-фирму. Мало того, что эти скоты вели себя хуже зверья, так ещё и оставляли на память букеты. Венерических болезней, естественно.

Несколько раз подхватив сифилис, Нинка и превратилась в Шлёрп-ногу: недолечённая болезнь подпитывалась новой порцией заразы, разъедала её изнутри, проникала в кости – в результате некогда справная розовощёкая доярка посинела, запрыщавила, подурнела и вдобавок ко всему стала прихрамывать. Промышляла она теперь только у вокзальных сортиров, спросом пользовалась в основном у таких же опустившихся, вонючих и вечно пьяных бомжей. Чебурашке Шлёрп-нога почему-то приглянулась, и он взял её в своё жильё под развалинами.

Нинка, может, и помалкивала бы о теплом местечке, если бы ей не приблизились там однажды какие-то страшилища. «Сплю я, значит, как праведница: накануне ни-ни, не употребляла, ну, может, стопарика два тока и пропустила, — рассказывала она. – Вдруг, слышу, кто-то морду гладит, да так нежно, будто парнишка, первый раз влюблённый. Я глаза – хлоп! – открыла, гляжу: а, боже ж ты мой, Иисусе, пялится на меня такая образина, что чёрт, пожалуй, краше будет. И лапищи свои поганые ко мне тянет! А на плече у него птица сидит чудная – туловище железное, голова вроде как из золота смастерена – сияет, а глаза – красные как у вурдалака. Мамонька моя родная! Я как заору – чудище-то ухмыльнулось и, вот вам крест, испарилось, ровно его и не было. А та птица проклятая меня клюнула: гляньте-ка, вот отметина...» На плече Шлёрп-ноги и вправду долго не заживала поперечная глубокая царапина.

Бомжи решили, что ссадина – следствие воспитательной работы, которую Чебурашка провёл со своей разгульной подружкой, а чудище – не иначе, «белочка» с ней приключилась. Ещё хорошо, что привиделась такая смиренная образина – некоторых при белой горячке черти гоняют как сидоровых коз, оборотни да всякая нечисть душат, потешаются над христианской душой, всякие непотребства заставляют творить. Но Шлёрп-нога стояла на своём, истово божилась: «Нечисть там водится, вот вам крест!»

Чебурашка, как узнал о болтовне своей сожительницы, так и указал ей на порог, а на все расспросы любопытствующих отвечал, кривясь: «Пустая бабёнка! Как чебулдахнет, так и мерещится ей всякая чудь: слаба на голову-то».

Скорее всего, он знал нечто тайное о своём подвале, но предпочитал молчать. И навряд ли сказал бы что-то определённое Сергею Васильевичу. Впрочем, тому терпения было не занимать: он обязательно проследил бы за Чебурашкой и разведал место его обитания. Но, как говорится, не судьба...

Сергей Васильевич, не подозревая ни о каком Чебурашке, степенно дошёл до своего дома, раскланялся с командой старушек, нёсших вахту на лавочке у подъезда, и так же солидно прошествовал по лестнице на второй этаж. Ему хотелось скорее попасть в квартиру, где в мойке на кухне лежал кусок нежирной свинины – за то время, что он провёл на улице, мясо разморозилось, и он предвкушал, как разрежет его на ровные полоски, отобьёт, обваляет в специях и шмякнет на хорошо разогретую сковороду, и пока оно будет жариться, намочит розовых помидоров и маленьких пупырчатых огурчиков, и обязательно поставит на стол квадратный стакан из толстого стекла: в нём вино блеснет искрой, запереливается всеми оттенками красного цвета – одно удовольствие, чуть поворачивая стакан под разными углами, смотреть на переменчивую

игру света и тени, медленно втягивать чуткими ноздрями тонкий аромат, чуть пригубливать волшебный напиток и, смакуя его, перекачивать на языке.

Сергей Васильевич едва сдерживал желание по-молодецки взбежать по ступенькам: во-первых, участковый врач совсем недавно посоветовал ему помнить о возрасте и не делать резких движений, а во-вторых, он хотел растянуть блаженство предвкушения обеда с вином и мясом: всё-таки на свою пенсию он не слишком часто мог позволить себе такое баловство.

Поднимаясь по лестнице, Сергей Васильевич чувствовал лёгкое беспокойство: в подъезде что-то было не так, как всегда, а что именно – он понять не мог. Всё как обычно: грязные обшарпанные ступени, серые лохмотья пыли, пожелтевшие окурки, смятая банка из-под пива, на которую Уфименко наступил и чуть было не поскользнулся. Сколько он самолично выбросил этих банок из подъезда – и не сосчитать, но взамен их непременно появлялись новые.

Сергей Васильевич пнул банку, и она, проскользнув меж прутьями решётки, шлёпнулась на площадку первого этажа. При этом из банки выплеснулось несколько капель недопитого пива, но их хватило, чтобы в подъезде густо запахло прокисшим хлебом. Это амбре перебило другой аромат, тонкий, едва ощутимый, напоминавший какие-то женские духи. Сергей Васильевич подумал: наверное, по лестнице недавно проходила дама, за ней тянулся невидимый шлейф благоухания фиалок, сбрызнутых светлым дождем, — и этот запах остался как воспоминание о незнакомке.

— Хотел бы ты поглядеть на эту особу? – спросил Сергей Васильевич вслух самого себя. Как многие одинокие люди, он иногда говорил сам с собой, и ничего странного в этом не находил.

— Да! Хотел бы, — ответил он себе. – В нашем подъезде женщины вечно мажутся какими-то сильными духами – не продохнуть, аж слёзы из глаз. А тут, — он потянул носом, — и не запах даже, потому что настоящие фиалки почти не пахнут, а их образ, что ли – некий фантом, воображение, оставшееся в реальности...

Неизвестно, как он развил бы свою фантазию дальше, потому что, ступив на лестничную площадку, у дверей своей квартиры увидел невысокую женщину в белом костюме и чёрных очках. В одной руке она держала изящную фиолетовую сумочку, в другой – деревянный мундштук с тонкой длинной сигаретой.

— Наконец-то! – воскликнула дама и сдвинула очки почти на затылок. – Дождалась! А я вас таким и представляла, — она окинула Сергея Васильевича мгновенным оценивающим взглядом. – Интересный, импозантный мужчина...

— Импузатый, — усмехнулся Сергей Васильевич, считавший себя отнюдь не худеньким.

— Ой, ну что вы? – дама церемонно повела мундштуком. – Для своего возраста вы вполне партикулярно выглядите.

Сергей Васильевич смутился. Женщина была ему вовсе незнакома, но вела себя довольно раскованно, будто они не один пуд соли вместе съели. Он чувствовал себя растерянным и не знал, что и подумать.

— А ничего пока не думайте, — сказала дама. – Кстати, извините, не представилась. Можете звать меня Марго.

— Сергей Васильевич, — Уфименко наклонил голову. – Чем обязан?

Марго удивлённо изогнула брови:

— А вы не догадываетесь? И у вас не было никакого предчувствия? Мне казалось: у вас есть дар, — она докурила сигарету почти до фильтра и легким щелчком отправила бычок в чёрный пакетик, который вынула из сумочки. – Молодцы японцы: придумали карманную пепельницу. Не мешало бы и нам перенимать у них всё лучшее, — Марго оглядела площадку и поморщилась. – О, боже! Уже так привыкли к грязи, что и не замечаем её...

Дама открыла сумочку, чтобы положить в неё пепельницу-пакетик, и Сергей Васильевич ещё ярвственнее почувствовал фиалковый аромат. Цветами пахло несомненно из сумочки Марго.

— Да! — кивнула она. — Обожаю фиалки. А что? Вам ведь тоже нравится запах свежести...

Он растерялся ещё больше: эта женщина читала мысли! Но о каком предчувствии она вела речь? И почему, не договорив мысль, переключилась на карманную пепельницу? Наверяд ли это случайно. Сам Сергей Васильевич так поступал в тех случаях, когда понимал: ошибся в собеседнике – тому непонятен или неинтересен предмет разговора. Чтобы избежать неловкости, лучше быстренько сменить тему. К тому же запоминается, как правило, последняя фраза – человек цепляется за неё, подхватывает мысль как волан пинг-понга и отправляет обратно со своим комментарием, чтобы тут же получить ответ и, будучи наготове, немедленно послать свой комментарий: хлоп-хлоп, волан летает туда-сюда, невольная оговорка или неудобная тема отходят на второй план, хлоп-хлоп, раз-два, забыли то, что не нужно, вопрос-ответ, ответ-вопрос, слово — на слово, приличная беседа получается.

Так они и перебрасывались фразами, словами, междометиями, пока Сергей Васильевич не понял: Марго увидела его то ли в дреме, то ли виденье ей такое было – есть, мол, в городе Ха особенный человек, который всё знает о местных подземельях, он и поможет ясновидящей узреть то, что пока маячит перед её мысленным взором как в тумане. Этот человек якобы тоже испытывает всякие предчувствия, и, более того, ощущает энергетику других людей.

— Ну, что вы?! – скромно возразил Сергей Васильевич. – Ничего особенного я не чувствую. Не надо записывать меня в экстрасенсы. Просто иногда ощущаю: этот человек – что называется свой, с ним можно иметь дела, а вот от этого лучше держаться подальше, хотя он кажется таким милым и замечательным. Как это у меня получается, я и сам не знаю.

— И не надо знать, — Марго таинственно усмехнулась. — Стоит ли напоминать вам притчу о сороконожке, которая задумалась, с какой лапки ей начать движение?

— Да уж! – вздохнул Сергей Васильевич. — Поистине: многие знания – многие печали.

— Но знанье – свет! – Марго со значением шутливо подняла вверх палец, и он, по иронии случая, указал на перегоревшую электрическую лампочку. Но даму это не смутило. — Всегда хочется знать чуть-чуть больше, чем другие, ибо, — она постаралась придать голосу менторские нотки, — знанье – наша сила и оружие. И что бы там ни говорили про то, что чем меньше знаешь, тем крепче спишь, на самом деле бессонница случается от того, что знаешь меньше, чем хотелось бы...

— Ох, сударыня! – Сергей Васильевич поддержал её шутливый тон. — От бессонницы могу порекомендовать Спинозу или Шопенгауэра: эти господа, такие умные и просвещённые, знали больше, чем остальные, и написали настолько мудрёные трактаты, что пока поймёшь их смысл, непременно задремлешь на второй или третьей странице. Очень рекомендую это лекарство!

— А не сможете ли одолжить его на несколько дней? – лукаво прищурилась Марго. — Я читаю аккуратно, страницы не загибаю, вареньем на них не капаю...

Сергей Васильевич уже не знал, что и делать. Явление таинственной незнакомки в грязном подъезде старой «хрущёвки» обескуражило его. Он чувствовал: эта дама не какая-нибудь проходимка, решившая втереться в доверие и облапошить его – допустим, выманить деньги или, того хуже, очистить квартиру. Всё-таки Уфименко каким-то особенным образом, как именно – он и сам не мог объяснить, чуял людей, которых условно делил на своих и других.

Свои – это те, которые сразу располагают к себе, чудаковатые, особенные, может быть, даже странные, они словно излучают волны той же частоты, что и твой

собственный организм: с ними легко с первой же минуты общения, и такое чувство – будто знаешь их давным-давно.

Другие – это все прочие, среди которых есть и добрые знакомые, и соседи, и сослуживцы – неплохие, нормальные люди, с ними можно иметь дела и даже положиться на них, они добросовестные, всё понимающие, и в случае чего придут на помощь, займут денег, помогут советом, но твоя душа при этом им не открывается: ты сам по себе, они – сами по себе. А что уж говорить о вовсе случайных встречах или о тех, с кем поневоле приходится общаться, например, по делам! Они тем более – другие, и равнодушных, серых, скучных, бестолковых, сердитых среди них так много, что Сергей Васильевич иногда даже дивился, почему ещё не стал человеконенавистником. В шутку, конечно, дивился. Потому что понимал: он сам для кого-то тоже *другой*, и те люди, которых считал своими, кому-то кажутся глупыми и никчёмными созданиями, как и он сам.

Марго показалась ему своей, он разговаривал с ней легко и просто, смущаясь разве что от того, что эта женщина догадывалась о его мыслях. Ему было неловко топтаться перед дверями собственной квартиры. Давно надо было бы предложить даме войти внутрь, но Сергей Васильевич мучался от стеснения: у него не прибрано, даже постель не заправлена, в мойке гора посуды, и вдобавок ко всему перед ванной комнатой он выложил охапку грязных носков: с утра хотел их замочить в тазике, но обнаружил, что нет стирального порошка – так всё и оставил на полу. Порошок он, кстати, всё равно забыл купить.

— А я вот, собственно, Иосифа Бродского сегодня с утра вспомнил, — Сергей Васильевич смущённо кашлянул. Он хотел сказать совсем другое: не ждал, мол, никаких гостей, потому стесняется пригласить приличную даму в свою захламленную конуру и не лучше ли поговорить как-нибудь потом, да и не понимает он, кстати, что сударыне угодно. Но Уфименко почему-то вдруг вспомнил стихотворение Бродского, которое, помнится, лет двадцать пять назад переписывал из чьей-то тетрадки в свой блокнотик, где у него хранились стихи запрещённых в СССР поэтов. Такие тетрадки, блокнотики и альбомы тогда были у многих людей, считавших себя интеллигентными.

— Воротишься на родину. Ну что ж.
Гляди вокруг, кому ещё ты нужен,
Кому теперь в друзья ты попадёшь?
Воротишься, купи себе на ужин

Какого-нибудь сладкого вина,
смотри в окно и думай понемногу:
во всём твоя, одна твоя вина,
и хорошо. Спасибо. Слава Богу, — с чувством продекламировал Сергей Васильевич. — Дальше читать не буду. И не потому, что не помню, а потому, что дальше не совсем по теме, — он снова сконфуженно кашлянул. — Моя тема, так сказать, совсем уж прозаическая: захотел побаловать себя вином, и причина есть: кажется, сегодня я понял одну важную вещь.

Он замолчал, решая, рассказать или нет о том, что ему открылось. При этом пакет с бутылкой вина Сергей Васильевич убрал за спину: он решил, что выглядит с ним довольно нелепо. Но Марго, снисходительно покачав головой, вздохнула:

— Не волнуйтесь, я всё знаю, — и, заметив в глазах собеседника лёгкий испуг, тут же поправилась: Вернее, кое-что знаю. Виновата ли я, что порой слышу мысли других людей? Вы уж извините меня, Сергей Васильевич, но должна сказать вам: для меня самой незванный гость хуже татарина. Но я и не прошусь к вам в гости, — она кокетливо улыбнулась и закурила очередную длинную сигаретку. — У меня другая просьба: возьмите меня с собой...

— Куда? – опешил Сергей Васильевич.

— Туда, где всё начинается, — Марго изобразила широкую улыбку. — Повторяю: мне было виденье и, хотите – верьте, хотите – нет, нас связывают незримые нити. Вы нашли то, что я тоже искала. Вы теперь знаете, куда идти, а я лишь знаю: идти следует за вами...

— Сумасшедшая! – подумал Сергей Васильевич, но вслух, разумеется, сказал совсем другое. — Знаете, всё это как-то слишком необычно. Я обескуражен.

— До сих пор? – Марго невинно, как маленькая девочка, поводила носком туфельки по пыльному полу. – А мне почему-то показалось: вы мне поверили, но хотите насладиться своим открытием в полном одиночестве. Знаете, есть коллекционеры, которые за бешеные деньги покупают картины гениальных художников, вывешивают их в потайной комнате и никому не показывают – любят ими сами, без посторонних глаз. Наверное, вы понимаете такое чудачество...

Сергей Васильевич подивился пронизательности Марго. Он в самом деле относился к тому типу мужчин, которых сам же называл «одинокие волки». Почему «волки», он и сам, пожалуй, не ответил бы определённо; но знал: некоторые из этих зверей по каким-то причинам оказываются вне стаи – то ли она им неинтересна, то ли они – ей, — сильные, умные, отчаянные, они полагаются только на себя и не зависят от своих серых собратьев, хотя, впрочем, иногда их охватывает тоска – и тогда одиночка воет, впрочем, он делает вид, что воет на луну. Говорят, такой волк, обзаведясь семьёй, старается её обеспечить, он предан своей волчице, любит волчат, но больше всего на свете ценит свободу и, желая быть независимым, надолго покидает общее логово.

Вот и Сергей Васильевич считал: одиночество нужно всякому увлечённому человеку – ничто и никто не должен отвлекать человека от его самозабвенного, самого интересного на свете занятия. Когда результат достигнут, то можно, как незабвенный Александр Сергеевич, похлопать в ладоши самому себе и воскликнуть: «Ай да Пушкин!». Иногда неважно, что скажут о тебе другие, важнее то, что ты сам думаешь о себе – возможно, что-то преувеличиваешь или, наоборот, недооцениваешь, но только ты на самом деле знаешь, чего стоил результат твоей работы. По этой причине Сергей Васильевич предпочитал радоваться в одиночестве. И ему было понятно желание истинных коллекционеров, которые, подобно Скупому рыцарю, восхищались бесценными шедеврами, избегая посторонних глаз.

Правда, в отличие от них любоваться он хотел не полотнами Матисса, Дюрера или Босха, которых считал самыми волшебными из всех известных ему живописцев, — у него не было даже приличных альбомов этих художников, имелись лишь наборы открыток, купленных давным-давно в Ленинграде. Сергей Васильевич предвкушал, как разложит на столе составленную им карту подземелий и проведёт на ней последнюю линию, которая соединит таинственные катакомбы с загадочной пещерой близ Сакачи—Аляна. Чертёж напоминал детский рисунок солнца: посередине круг, от которого отходили стрелки лучей, самый длинный упирался как раз в ту самую пещеру. Случайность это или нет? Над этим Уфименко и предполагал поразмышлять, потягивая сухое красное вино из хрустального бокала – непременно того самого, который когда-то подарила ему женщина по имени Алла, ах, такая милая женщина, с глазами цвета весеннего неба, просто ангел: белокурая, легко смущающаяся, тонкая в талии, она, казалось, не шла, а едва прикасалась к земле – так стремительна и воздушна была её походка.

Кажется, она его любила, и он её любил, но замуж не позвал: его архитектурные проекты, творческие метания-дерзания, сосредоточенная работа, выматывающая все силы, почти не оставляли времени на личную жизнь, а его увлечение требовало сосредоточенности и одиночества, — так он и не заметил, как Алла, одарив его хрусталём, постепенно отдалилась от него, стала появляться всё реже и реже, а потом и вовсе исчезла: нашёлся мужчина, который предложил ей руку и сердце. Теперь эта Алла – полная, степенная дама, напоминающая крупную грушу; они иногда встречаются на

Комсомольской площади, куда бывший прекрасноголазый ангел водит своего золотушного внучонка на прогулку. И вот что странно: каждый раз Сергей Васильевич ощущает серебристый холодок на сердце, оно замирает и, опомнившись, начинает биться сильнее, и словно покалывает его лёгкая иголка.

Ах, впрочем, он подумал не об этом, а всего-навсего о том хрустальном бокале, который стоял в серванте на почётном месте.

— Если вы и вправду не пугаетесь берлог одиноких мужчин, то милости прошу ко мне, — сказал Сергей Васильевич.

— Берлог не пугаюсь, а одинокие мужчины иногда так милы, — Марго кокетливо поправила прядь волос, упавшую на лоб. — Я постараюсь не напоминать даже того татарина, хуже которого только незванный гость.

Сергей Васильевич, отпирая дверь, подивился витиеватости фразы Марго и решил, что это у неё получается от смущения и желания произвести впечатление.

— Разве что зайду выпить стакан холодной воды, — Марго легким и, как она считала незаметным движением руки снова сбросила прядь волос на лоб. — У вас в подъезде душно, однако. Пить хочется...

Сергей Васильевич, продолжая открывать замки, радушно улыбнулся и кивнул на пакет, поставленный на пол:

— Зачем пить воду, когда есть благородный напиток?

В последнем, третьем по счёту, замке ключ застрял и не хотел проворачиваться. Сергей Васильевич, продолжая улыбаться Марго, надавил на ключ сильнее — тот не подвинулся ни на миллиметр.

— Проблемы? — Марго участливо улыбнулась. — У меня однажды была такая же история. Надо найти ложечку любого растительного масла и накапать несколько капель в отверстие замка. Вы, наверное, ни разу не смазывали его механизм.

— Заменить его надо бы давно, — досадливо поморщился Сергей Васильевич. — Он уже не первый раз фокусничает. Помучаешься-помучаешься, но откроешь-таки. А тут, чёрт побери, намертво заело!

Он всё-таки внял совету Марго, пошёл к соседям напротив и попросил немного растительного масла, но оно не помогло. Сосед сверху, спускавшийся по лестнице со своей любимой рыжей колли, посоветовал взять тесак и поддеть им язычок замка. «Пять минут подождите — я Маркизу выгуляю, — сказал он. — Принесу топорик-то!» Но вышла соседка из квартиры напротив и, уперев руки в бока, громогласно объявила: «Никаких топоров, а также зубил, пил и долота! Косяк попортите — раз, дверь изуродуете — два, сам замок сломаете — три. Это какие ж тебе, Васильич, придётся деньги на ремонт тратить! Уж лучше позвонить в МЧС». На что владелец колли ехидно рассмеялся: «Ага! Так тебе спасатели и приедут бесплатно. Они нынче тоже коммерциализировались: оказывают услуги населению за денежку». Руки В Боки, однако, не сдавалась: «Дверь, Сергеич, любому дороже обойдётся! Что там долго думать? Я сейчас в МЧС позвоню, и все дела».

И тут Сергей Васильевич вспомнил о своём приятеле Никите Петровиче из дома напротив. Тот был мастером на все руки, и у него имелся всякий инструмент: вдруг найдётся какое-нибудь хитроумное приспособление для открывания замка? В конце концов, те же квартирные воришки за считанные секунды справляются с запорными устройствами любой сложности. Знают же какие-то секреты! Неужели Никита Петрович не скумекает, как пособить? Тоже ведь не лыком шит.

Марго вызвалась пойти к Никите Петровичу вместе с Сергеем Васильевичем. Она как могла поддерживала расстроенного Уфименко, и даже рассказала ему пару смешных анекдотов — для поднятия настроения. Но оно у Сергея Васильевича упало ещё ниже, когда выяснилось: приятеля дома нет, вот-вот вернётся, придётся его подождать на лавочке у подъезда.

Лавочка была оккупирована, как водится, местными старушками. Они сидели молча и глазели по сторонам. Сергей Васильевич с Марго стали бы для них роскошным подарком судьбы: происшествие с замком – это всё-таки какое-никакое, а событие. Посмаковать его, вызнать детали, обсудить – что ещё нужно скучающим бабушкам для разнообразия жизни?

— Нет уж! – сказал Сергей Васильевич. – Возле моего подъезда лавочка не хуже, и она обычно не занята. Лучше там посидим и подождём Никиту.

Но лавочка не пустовала. Её занял маленький упитанный мальчик, на вид не больше шести лет. Ребёнок сосредоточенно взирал на нечто, видимое только ему: его взгляд был направлен в одну точку, причем она находилась прямо перед ним, — и малыш, не моргая, зачарованно смотрел на неё. По его пухлым губам блуждала смутная улыбка, напоминавшая усмешку медитирующего ламы – такая же отстранённая, блаженная и далёкая от этого мира.

Короткие ручки и ножки, а также округлый животик, выпиравший из лёгкой белой футболки, усиливали сходство мальчика с модными нынче нэцкэ – фигурками ламаистских божеств. Неподвижный и молчаливый, кругленький малыш сам был как изваяние. По его бледно-розовой щеке ползала муха, но он даже не делал попыток смахнуть её.

Сергей Васильевич, приглядевшись к малышу, понял: это если не даун, то дебил. Для ребёнка с синдромом Дауна голова у него была маловата, но зато ярко-голубые пустые глаза вполне подходили: никакой осмысленности в них не было.

— Да-да, да-да, — вдруг произнёс мальчик неожиданно густым сочным басом. При этом он продолжал сосредоточенно разглядывать то, что никто, кроме него, не видел. Да и видел ли он сам что-нибудь? Наверное, видел, если на его губах застыла блаженная улыбка.

— И что за мамыши пошли! – воскликнула Марго. – Оставляют таких маленьких детей без присмотра. Ну, вообще!

— К тому же, он явно нездоровый, — заметил Сергей Васильевич. – Не помню, чтобы в нашем доме жил такой малыш. Слишком уж он приметный. Волей-неволей я бы его заметил.

Малыш продолжал дадакать – на одной ноте, тупо и заунывно. На двух взрослых людей, остановившихся у лавки, он не обращал никакого внимания. Мухе надоело ползать по его купидонистой щёчке, и она перелетела на голову малыша. Светлые, с пшеничным отливом волосы ерошил ветерок. Они были чистыми, да и сам малыш не оставлял впечатления неухоженного ребёнка.

— Где же его мамаша? – забеспокоилась Марго. – Во дворе вообще никого нет. Как можно кинуть такого ребёнка одного?

— Да-да, да-да, — продолжал тянуть мальчик.

— Ты чей? – Сергей Васильевич решил начать диалог с малышом. – Как тебя зовут?

Ребёнок бессмысленно улыбался и не обращал внимания на Сергея Васильевича. Широко открытые голубые глазища малыша безмятежно смотрели вперёд.

Марго решила поговорить с мальчиком и присела перед ним на корточки, чтобы их глаза оказались на одном уровне – так всегда легче общаться. Ребёнок, однако, даже не переменял позу; то, что женщина закрыла ему обзор, не произвело на него никакого впечатления: казалось, он смотрел сквозь неё и по-прежнему видел нечто такое, что было недоступно взору других.

— Поговори со мной, — попросила Марго. – Как твою маму зовут? Откуда ты?

— Да-да, да-да! – радостно отозвался малыш.

— Ты не умеешь говорить?

Ребёнок замолчал, по его лицу будто пробежала лёгкая тень. Он вздохнул, и Марго вдруг почувствовала: на плечо опустилась невидимая рука мягко, которая мягко, но настойчиво потормошила её и заставила подняться с корточек.

Сергей Васильевич видел, как удивлённая Марго отшатнулась от малыша и, полная недоумения, растерянно пошарила в сумочке, пытаясь выудить из неё пачку сигарет.

— Какой-то он странный, — Марго пожала плечами. — Мне даже не по себе стало.

Зажигалка упорно не желала зажигаться: видимо, в ней испортился кремний. Спичек не было, а Марго отчаянно хотелось курить. И, как на грех, в округе не наблюдалось ни одного прохожего, у которого можно было бы попросить огонька.

— Скорей бы ваш приятель пришёл, — почти простонала Марго, наигранно преувеличивая свои страдания. — Может, он курящий, в отличие от вас.

Она сказала это таким тоном, будто равнодушие Сергея Васильевича к никотину — не достоинство, как принято считать, а самая что ни есть вредная привычка.

— Может, ещё раз попробовать ковырнуть замок? — предложил Сергей Васильевич. — Вдруг получится открыть? А спички у меня есть. Я ими газовую плиту разжигаю.

— Попытка — не пытка, — кивнула Марго.

— Да-да, да-да, — снова оживился малыш.

Сизая муха, путешествовавшая в волосах ребёнка, вдруг взлетела и повисла над его головой. Она висела как-то очень необычно для мухи: неподвижно, даже крылышками не махала.

Сергей Васильевич тем временем, благословясь, вложил ключ в замочную скважину, повернул его и, к своему удивлению, открыл дверь. Причём, легко и без всякой натуги. Он решил, что своё действие на старый механизм замка оказало подсолнечное масло соседки.

Оставив пакет с вином в прихожей, он, против своего обыкновения не разунаясь, прошмыгнул на кухню, взял коробок спичек и побежал на улицу. Марго обрадовалась возможности зажечь сигарету, похвалила Сергея Васильевича и, бросив малышу ласковый прощальный взгляд, взялась за ручку подъездной двери.

— Да-да, да-да, — встревожено загудел ребёнок.

Он явно не хотел оставаться один, потому что довольно резво спрыгнул с лавки и, переваливаясь, как утка, засеменял вслед за взрослыми. Марго, однако, прикрикнула:

— Нельзя! Жди свою маму. Она волноваться будет, если ты уйдёшь отсюда.

Сергей Васильевич, однако, был другого мнения. Он решил, что маленький идиот неспроста один: возможно, его просто-напросто подбросили на лавку, рассчитывая на добрых людей, которые позаботятся о нём. Или ещё проще: ребёнок — сын какой-нибудь бичихи, которая потеряла его по пьяни. Однако он был слишком чистенький, упитанный и никак не производил впечатления беспризорника. Нормальные родители не оставили бы такого малыша одного. Следовательно, случилось нечто неординарное. Может быть, лучше взять этого болванчика с собой и сообщить о найдёныше в милицию, или куда там в таких случаях звонят?

— Да-да, да-да, — идиотик закивал головой как китайский болванчик. При этом блаженства в его улыбке добавилось: он прямо-таки весь расцвёл.

— По-моему, он нас понимает, — сообщила Марго, — вот только говорить не хочет. Или не может?

— Какая разница! — махнул рукой Сергей Васильевич. — Не будем оставлять ребёнка одного. Не по-людски это.

— А муха-то будто прилипла к нему, — обратила внимание Марго. — Висит над ним как горный орел над вершиной Кавказа.

В самом деле, это было забавно и необычно: бедное насекомое продолжало висеть над головой ребёнка и, будто прикрепленное к невидимой ниточке, передвигалось вместе с ним. Малыш задумчиво пожевал пухлыми губами, пустил слюни, дадакнул пару раз и встряхнул своими кудрями. Муха наконец-то обрела способность двигаться и, оторвавшись от незримой ниточки, стремительно улетела прочь.

В квартире идиотик сразу облюбывал любимое кресло Уфименко и забрался в него с ногами. Взрослые тем временем быстро приготовили закуску: Марго нарезала помидоров

с огурцами, накрошила в них зелени, сбрызнула постным маслом — получился салат, а Сергей Васильевич сноровисто отбил специальным молоточком несколько кусочков свинины и кинул их на сковородку.

Он терпеть не мог, когда на его кухне хозяйничал кто-то посторонний – привык всё делать сам, но, к его удивлению, Марго повела себя как-то очень просто и привычно, будто уже сто раз помогала ему готовить обед. Уфименко решил: *свои* люди, очевидно, свои даже там, где посторонние вызывают одно лишь глухое или явное раздражение.

Отбивные вышли на редкость удачными, а вино и в самом деле оказалось настоящим сухим, да и салатик, приготовленный Марго, тоже был вполне по вкусу Сергея Васильевича, которому вечно то соли не хватало, то с зеленью перебарщивали: он не любил, когда хозяйки, желая угодить, не жалели сдабривать закуску кинзой, сельдереем, базиликом и другими слишком пряными травами. Найдёныш тоже с удовольствием поел, и, насытившись, снова забрался в кресло.

Сергей Васильевич рассказывал Марго о своих поисках и находках, а та, округлив глаза, полушепотом выкладывала ему свои соображения о трёх солнцах, единстве времени, неких тайных знаниях, которые, быть может, хранятся где-то в поземных лабиринтах. Обоим было весело и бесшабашно. Какие бы невероятные вещи они ни говорили друг другу, это воспринималось ими невероятной, но всё-таки вполне реальной обыденностью. Мир намного удивительнее, чем это представляется так называемым нормальным людям. Лошадь в шорах тоже, наверное, считает: она видит, но на самом-то деле то, что сбоку от неё, ускользает и остаётся незамеченным. А лошадка резво бежит вперёд, цок-цок-цок, гордая и уверенная в себе, пыль столбом, но даже пыли коняга не видит и, следовательно, она для неё не существует. «Вот так же и люди, — вздохнула Марго. – Как это ни банально, мы находимся в плену каких-то представлений, навязанных стереотипов, шаблонов поведения, и порой нам просто не хочется задумываться над теми вещами, которые не имеют отношения ни к нам лично, ни к нашим близким, ни к привычному ходу событий. Если мы даже и любопытны, то лень всё равно пересиливает тягу к неизвестному: зачем ломать голову, мучиться дурацкими вопросами, что-то доказывать, если без всего этого можно жить спокойно и даже счастливо. Незнание – это иногда счастье. Знание – мука и сплошная печаль...»

Сергею Васильевичу эти рассуждения Марго казались тривиальными, но он молчал, не желая обидеть её. Наконец, дело дошло до карты, которую Уфименко вытащил из письменного стола.

Карта представляла из себя обыкновенный лист ватмана. На него был схематически и весьма условно нанесён план города Ха, привольно раскинувшийся вдоль берега Амура. Даже беглый взгляд сразу выхватывал главное: неподалёку от знаменитого Муравьёвского утёса была ложбинка – там шла улица Шевченко, утыкаясь в переулок Арсеньева: на их стыке Уфименко изобразил большое синее пятно. От него в сторону Соборной площади тянулась тонкая линия того же цвета. Под площадью тоже было нарисовано синее пятно, и от него также отходило несколько линий. Они переплетались с другими линиями и пятнами, некоторые из которых Сергей Васильевич закрасил розовым цветом: он вычислил, что в этих местах температура земли выше, чем на других участках города. Между прочим, свои наблюдения он подкрепил данными тепловизионных исследований геодезистов: их ему дал знакомый землеустроитель.

Цепочки синих и розовых линий соединялись на рисунке в большой круг, в центре которого чёрным фломастером Сергей Васильевич начертил квадрат. От него наискосок по всей карте шла прямая чёрная линия. Она выходила за пределы города и обрывалась у закорючек, напоминавших половинки буквы «О». Оказывается, они символизировали сопки и возвышения у села Сакачи-Алян, которое Уфименко, не мудрствуя лукаво, представил в виде по-детски нарисованных домишек с дымящимися трубами. Рядом с селом протекал Амур, и на его берегу Сергей Васильевич начертил замысловатую ленточку нанайского орнамента: она изображала знаменитые писаницы на камнях.

— А теперь закончим карту, — торжественно произнёс Сергей Васильевич и, взяв чёрный фломастер, решительно довёл чёрную линию до сопок-закорючек. Удовлетворённо вздохнув, он поменял фломастер на синий и, приложив к ватману линейку, прочертил по ней пунктиры в сторону писаниц.

— Вы не уверены, что тоннель связан с комплексом петроглифов? – спросила Марго. Она была явно взволнована.

— Наверняка сказать не могу, — признался Сергей Васильевич. – Это всего лишь моя догадка. Надо съездить на место, поговорить с тамошними старожилами, обследовать местность – тогда всё станет ясно.

— А мне было видение, — начала было говорить Марго, но её вдруг перебил найдёныш. Вместо привычного дадания он затянул на одной ноте:

— Аааааааааааааа!

Взрослые, увлечённые картой, даже не заметили, когда малыш слез с кресла и каким образом сумел пододвинуть к столу стул, на котором стоял с гордым видом. Коротким толстым пальчиком он тыкал в пунктиры и недоуменно тянул своё «аааааааа!»

— Что это с ним? – переполошилась Марго, сразу забыв про все свои видения. – Может он, извиняюсь, какать хочет? Говорят, именно так дети просятся на горшок.

Своих детей у Марго не было, но зато они имелись у её приятельниц, и кое-что о детской жизни она от них всё-таки знала.

Сергей Васильевич задумчиво смотрел, как идиотик тычет пальчиком в пунктиры. Ему показалось: малыш это делает вполне осознанно — ему определенно не нравилась недосказанность карты.

— Нет, он хочет сказать нам нечто другое, — предположил Уфименко. – Устами ребёнка, как говорится, глаголет истина. А ну-ка, возьми фломастер...

Малыш собрал короткие толстые пальчики в щепотку и ухватил фломастер, после чего, склонившись над ватманом, принялся старательно соединять пунктиры в одну линию. При этом он сопел, пыхтел и пускал с уголков губ пузыри. Цветом они напоминали жемчужно-белые облака, и в них, казалось, переливалась радуга.

10.

Несколько дней подряд повторялось одно и то же: внезапно затылок будто охватывала чья-то тяжелая крепкая ладонь, сжимала череп и, ощупывая его, давила толстыми пальцами – голова мгновенно отзывалась тупой болью, в висках начинало ломить, и веки наполнялись свинцом: Андрей закрывал глаза, но в крошечном мраке где-то далеко зажигались красные огоньки и стремительно приближались к нему, разбрызгивая холодные искры. Мерцающие точки кружились, мельтешили и, соединяясь друг с другом, образовывали самые разнообразные геометрические фигуры, которые, впрочем, тут же рассыпались, чтобы с калейдоскопической быстротой слиться в невообразимые абстракции. От всего этого голова шла кругом, и он открывал глаза.

Но лучше бы Андрей этого не делал. Потому что в глазах сразу темнело: словно с яркого летнего солнца он вошёл в тусклый и узкий подъезд. Тупая боль в затылке усиливалась, и к горлу подступала дурнота. Он уже знал, что следующим этапом будет головокружение и неожиданная слабость охватит всё тело, до онемения в пальцах рук и ног. Медленно, очень медленно его плоть полегчает, и, невесомый, как ребёнок, Андрей качнётся вперёд-назад, разведёт руки и оттолкнётся от пола.

Вообще-то, ему можно было не махать руками как крыльями – его тело и без того держалось в воздухе: он зависал над полом, кружил по комнате или, оседлав у форточки тёплую струю свежего ветерка, покачивался на ней. Его это не удивляло. Ведь и другие люди особо не изумляются, если им снится сон, в котором они летают: это как бы само собой разумеющаяся способность человека. Просто в обычной жизни она никак не проявляется, а если проявляется, то как-то странно. Некоторые люди не переносят,

например, высоту: боятся стоять на балконе, избегают смотровых площадок, ни за что не пойдут на какой-нибудь утёс или сопку – открывающийся перед ними простор вызывает панический страх. Других, напротив, так и тянет на крыши многоэтажек, колёса обозрения или к краю пропасти: их зачаровывает сияющее пространство, радость вольного ветра, лёгкий волшебный воздух – и появляется невыносимое желание соскользнуть с кромки выступа, расправить руки и окунуться в этот прекрасный свободный мир.

Андрей, скорее всего, относился как раз к таким людям, в подсознании которых есть тяга к полёту. Возможно, это не что иное, как желание преодолеть ограниченные возможности человека, расширить их и доказать хотя бы самому себе: ты можешь быть выше и лучше, чем есть на самом деле.

— Хотя зачем что-то доказывать себе? – думал Андрей, поднимаясь к потолку. – Никому ничего доказывать не стоит, в первую очередь – самому себе. Нужно брать — и делать. Только и всего.

Он погладил шероховатую поверхность давно не беленого потолка, в который раз подумал: надо бы сделать в квартире ремонт, да где на это денег взять, — и, оттолкнувшись костяшками пальцев от потолка, полетел по кругу. Андрей по-прежнему не двигал руками: держал их вдоль туловища, — каким-то чудесным образом тело могло лететь само, и никаких особых усилий не требовалось.

Головная боль постепенно прошла. Он заметил: как только начинает летать, в нём откуда-то из глубины естества взвихривается теплая ласковая волна нежности и счастья – она кружит волчком, будоражит душу и заполняет каждую клеточку тела, – и оно становится лёгким и свободным. Такое ощущение, будто туловище превратилось в тонкую оболочку, внутри которой ничего нет, кроме гулко бьющегося сердца.

— Наверно, я схожу с ума, — сказал Андрей сам себе. – И боюсь в этом признаться. Человек – не птица, летать не может. Но я-то летаю! И это не галлюцинация, это правда. Или всё мне только кажется? А на самом деле я лежу сейчас на диване и, возможно, просто сплю. Или не сплю?

Андрей глянул на диван: смятая накидка, раскрытая книга, в углу маленькая подушка-думка; сбоку на журнальном столике лежало на блюдечке надкушенное яблоко. Он перевёл взгляд на стену и наткнулся на маску африканского колдуна.

Макс, конечно, постарался: выбрал самую пёструю личину, украшенную яркими перьями, черно-красными бусинками и длинными медными трубочками, которые позвякивали от малейшего движения воздуха. Вместо щёк неизвестный художник черной краской начертал спиралевидные узоры, очень похожие на те, которые Андрей видел на камнях Сакачи-Аляна.

Это сходство он обнаружил недавно, но не придавал ему никакого значения. По школьным учебникам истории Андрей смутно помнил: древние художники, независимо от, так сказать, континента проживания, вообще любили изображать всякие спирали, круги, цепочки чёрточек, волнообразные линии – наверное, с этого начались азы всеобщего искусства.

А что, если это всё-таки не искусство, а нечто другое – например, символы? Они, как иероглифы, возможно, отражают целые понятия. Но современный человек, не подозревая о том, смотрит на них и умиляется: «Ах, как изящен этот узор! Ах, в нём отразились первые попытки человека абстрагироваться! Наивный примитивизм – это чистый, незамутненный взгляд на окружающий мир, ах-ах!»

В пустых глазницах маски вдруг зажглись и погасли желтые искорки. Это длилось всего несколько мгновений, но Андрей всё-таки успел заметить странный промельк. Что это? Может, отразился солнечный зайчик от оконного стекла? Но в прорезях не было ничего стеклянного и, следовательно, отпечататься в них ничто не могло.

Андрей, заинтригованный, подплыл к маске и протянул руку, чтобы снять её со стены. На личине скопилось столько пыли, что она сверху напоминала серую шкурку какого-то гладкошерстного животного. Возьмёшь – разлетится пылица, то-то расчихаешься!

Он не стал искать тряпку, чтобы вытереть пыль. На журнальном столике лежала скомканная бумажная салфетка: поленился выбросить её, — теперь она пригодилась. Андрей, задержав дыхание, собрал с маски клочья пыли и подивился: сколько же её там накопилось!

Личина оказалась увесистее, чем он думал. Андрей помнил: когда Макс подарил ему эту маску, она при всей своей внешней массивности была легкой, будто из картона сделанной, — теперь ощутимо потяжелела, и от исходило тепло: наверное, за день нагрелась на солнце.

Андрей перевернул маску, чтобы посмотреть, нет ли изнутри чего-то особенного, но ничего необычного не обнаружил. Разве что его озадачил вид гладкой поверхности — без единой морщинки или шероховатости. Насколько он помнил, прежде личина извне была грубой, необработанной.

Он приблизил маску к глазам и ради любопытства посмотрел в прорези. Через них комната показалась ему ярче, чем была, и что-то в ней определённо изменилось: в потоке солнечного света ярко краснела герань на окне, алмазами вспыхивали пылинки, серпантинном вился лёгкий сиреневый туман, — и откуда всё это взялось, если уже наступил вечер?

Андрей надвинул маску на лицо, и она легла на него неожиданно плотно, будто тут и была всегда: ни малейшего неудобства он не чувствовал, даже не понадобилось завязывать тесёмки, прикрепленные к личине. Прорези для глаз, до того казавшиеся ему узкими, были в самый раз, но, правда, напоминали очки: перед собой он видел всё хорошо, а боковое зрение ограничивалось дужками. Или это ему только казалось? На маске-то никаких дужек не было. Тем не менее, скашивая глаза, Андрей испытывал то же самое, что, вероятно, ощущает лошадь в шорах: с боков – тьма, а всё, что стоит видеть, — впереди. Смотри и не отвлекайся!

Он не узнал свою комнату. Впрочем, её вовсе не было: он парил в каком-то туннеле, блистающем всеми цветами радуги. Поток яркого света низвергался лавой из круглого отверстия над головой, и Андрея неудержимо тянуло к нему. Лёгкий, как пушинка, он закружился в ласковых, нежных струях воздуха – они поддерживали его, будто это была ладонь невидимого доброго великана: настойчиво, но осторожно, боясь повредить ему, могучая рука несла его к сияющему кругу.

Андрей невольно вспомнил толстые альбомы картин, доставшиеся от бабки в наследство. Ему нравилось рассматривать их, особенно притягивала одна работа Босха, на которой было изображено нечто странное: яркий божественный свет падал из отверстия в небе, и люди, поражённые видением, молились и возносили хвалу Богу. Да и на картине Чюрлёниса «Дары королей» — так, кажется, она называется? – два великана любовались на подобное чудо, только *это* было не светом в конце тоннеля, а невыносимо прекрасной сказочной сферой.

Напоминая ясный хрустальный шар, она хранила в себе целый мир: небольшая деревенька, падает снег, веселые люди катаются на коньках, а по дороге, ведущей к большому городу, едет золочёная карета... Случайный ротозей, подняв глаза к небу, быть может, увидит очи королей, ласково взирающих на него, — и не поверит своим глазам. А может, и поверит, но решит: это не что иное, как знамение, чудо, откровение, — и к нему сбегутся другие люди, и, поражённые, падут на колени, а великаны, усмехнувшись, повернут шар, чтобы посмотреть другие картинки. Их в сфере много, и, потревоженные движением, они распадаются, складываются, мельтешат как стеклышки калейдоскопа: вечно меняющийся мир забавляет зрителей, не подозревая о том, что в чьих-то руках он всего лишь игра. Или не игра?

Круг света, к которому Андрея неудержимо влекло, становился всё ярче. Он блистал как солнечный диск, но в отличие от него не обжигал глаза. Это был какой-то особенный свет – яростный, но в то же время радостный, ласковый, спокойный. Может, и бабочкам пламя свечи кажется именно такой благодатью, и потому они летят на огонь, не ведая страха?

Андрей, подумав об этом, невольно усмехнулся: мысль, в сущности, такая банальная, ничего не проясняла – только напускала на себя многозначительность, как и большинство других привычных суждений. Простые истины мало приближали к истине. Возможно, они существовали лишь затем, чтобы держать человека в рамках нравственных установок. Но, Боже праведный, что с того толку? Нравственность – лишь одежда, прикрывающая нашу безнравственность. Чужая мудрость, которой с восхищением внимаем и которую умом понимаем, — не входит в кровь и плоть: она отдельно, мы — отдельно. Есть божественный свет, и есть свет ночника, который можно оставить включённым: он не мешает спать, но тот, негасимый свет, горит всегда, и выключить его невозможно, ибо он освещает путь души. Но что иным из нас эта душа? Она не более чем метафора, в лучшем случае – синоним слова «совесть», которая давно перестала обжигать спокойное сердце.

Прохлада сияющего пространства бодрила Андрея, и он поднимался всё выше и выше, ощущая восторг и отраду свободного паренья. Но внезапно он упёрся головой в какую-то преграду: что именно это было, Андрей не понял, потому что и над ним, и под ним по-прежнему блистало прохладное ласковое пространство. Никакого препятствия он не обнаружил, но оно всё-таки было: нечто прочное, невидимое глазу, преградило путь к источнику света. Андрей даже ощупал эту помеху: она, гладкая и крепкая, ожгла его холодом льда, и он мигом отдёрнул ладонь.

— Чёрт! – Андрей в сердцах выругался.

Он попытался ещё раз исследовать невидимую преграду на ощупь, но результат был тот же самый: на постукивание костяшками пальцев по ней твердь отзывалась лёгким хрустальным звоном, и от неё веяло холодом.

Внезапно где-то вверху мелькнула тень. Андрей поднял голову и увидел, как к нему стремительно приближается большая птица. Таких он никогда не видел: пернатое существо напоминало фазана, но, судя по всему, оно было железным. Грубые, резко торчащие перья отливали вороненой сталью, тяжелые крылья кое-где покрывали пятна ржавчины, а дерзкая голова держалась неестественно прямо на тонкой длинной шее. Затылок птицы украшал пучок тонкой деревянной стружки; её длинные ленты плескались на ветру.

Снизу тоже послышался шум хлопающих крыльев. Андрей опустил глаза и обнаружил стремительно летящее в его сторону чудовище. Над коротким веретеном его туловища мощно вздымались сизые перепончатые крылья: они взмахивали медленно, плавно и вроде как лениво, но, тем не менее, каждый их взмах резким толчком приближал монстра к Андрею. Под бледно-зеленым брюхом чудовища болтались четыре жилистых лапы с острыми шипами когтей. Покрытый серой слизью длинный, как у ящерицы, хвост мотался из стороны в сторону, временами загибаясь на бугорчатую спину; на его конце поблескивало жало, напоминавшее раздвоенный змеиный язык.

Железная птица забила крыльями о невидимую твердь над головой Андрея. Он слышал эти оглушительные частые удары, и даже послышался треск, напоминавший звук, с которым под крепкой ногой на застывших лужах лопаются первый серебристый ледок. Однако птице не удавалось проломить затвердевший эфир, и она продолжала яростно долбить его клювом и бить крыльями.

Чудовище, невозмутимо взмахивая крыльями, подняло голову и вперило маленькие горящие глазки в птицу. Его морда напоминала крокодилию, с той лишь разницей, что была гораздо крупнее и сплюсненнее, а на макушке красовались изогнутые полумесяцем чёрные рога.

Воздух, прежде недвижимый, всколыхнул теплый поток, и в нём разлился резкий, одурманивающий запах сирени, настолько крепкий, что ударил в нос не хуже нашатырного спирта. Андрей непроизвольно зажал ноздри, но это не помогло: крепкий дух, казалось, въедался в каждую клеточку кожи, от него слезились глаза и спирало дыхание.

Запах сирени, однако, обладал каким-то странным свойством: от него сладко кружилась голова, по телу медленно разливалась истома, а внутри живота, где-то на уровне пупка, словно струна натягивалась – упругая, звенящая, яростная, и её дрожание вызывало волны внезапного жара: они прокатывались под кожей и обжигали сердце. Андрей почувствовал быстрое возбуждение, которое часто случается с молодыми парнями, но у него такого давно не бывало: всё-таки уже не шестнадцать лет.

Обескураженный, он подумал об Аями, которая обещала всегда быть с ним, но на этот раз почему-то не выказывала признаков своего присутствия. Ему казалось: уж она-то знает, что за чудовище мчится прямо на него и чего от него ждать. Особого страха, однако, он не испытывал. Всё происходящее казалось бурным сном, полным всяких несуразностей, но, тем не менее, в висках застучал-зазвенел серебристый молоточек тревоги.

— Что? – внезапно спросил его внутренний голос. – Боишься?

— Нет, не боюсь, — сказал Андрей. — Даже странно, что не боюсь. Я будто парализованный. Наверное, такое же ощущение испытывает кролик, на которого смотрит удав.

— Но ты вспомнил обо мне – значит, не знаешь, как поступить.

— Это правда. Мне даже захотелось закрыть глаза – и будь что будет. Но так можно сделать во сне. А я сейчас, кажется, не сплю...

— Как знать, — уклончиво ответил голос. — Сны обнажают истинную суть вещей.

Чудовище между тем было уже совсем близко. Ещё несколько взмахов крыльев – и оно окажется рядом, мерзкое, отвратительно пахнущее, в густой слизи цвета детской неожиданности. Его васильковые глазки, не мигая, вперились в Андрея.

Железная птица продолжала биться о невидимую твердь, и, кажется, это забавляло монстра: время от времени он переводил немигающий тяжелый взгляд на пернатое создание, и его морда судорожно оскаливалась в подобии улыбки. Жуткое существо, такое страшное на вид, источало слабое голубое свечение: воздух вокруг него искрился, с бугристой жабьей кожи соскальзывали пузыри шафранового цвета, мельтешили в пространстве и вдруг лопались, разбрызгивая капли бледной жидкости.

— Ты забыл надеть ягпан, — сказал голос. — Отправляясь в такое путешествие, стоит помнить: возможны всякие неожиданности, и без пояса силы не обойтись.

— Я никуда не собирался, — Андрей покачал головой. — Это как-то само собой получилось. Ты же знаешь: я иногда летаю просто так...

— Ничего не бывает просто так, — раздраженно ответил голос. — И то, что тебе явилась лярва, — это тоже не просто так.

— Что, не понял? Какая лярва? Ты почему ругаешься?

Андрей почувствовал, как легкая когтистая лапка корягнула его изнутри, будто кошка, которая хочет обратить на себя внимание хозяина.

— Баловник, — вздохнул голос. — Ах, какой ты баловник! Творишь – и не ведаешь что именно. Лярва – это твоя материализовавшаяся похоть, милый. Это твои отнюдь не духовные страсти, твой грех и твои тайные мысли, которые праведными никак не назовёшь.

Андрей смутился. В самом деле, разве не приходили ему иногда в голову такие разнузданные фантазии, что он сам поражался их тёмной, животной сущности? Впрочем, при чём тут животные? У них всё просто и ясно, разве что слишком откровенно, но это лишь потому, что они не ведают стыда. Человек же озабочен расширением своих сексуальных возможностей — и не только ради наслаждения, а, например, чтобы

доказать свою исключительность, неповторимость или прослыть лучшим любовником. Хотя бы в собственных глазах выделиться из невыразительной одинаковой массы обычных мужчин, скованных всякими табу и ограничениями.

Полёт фантазии порой заводил Андрея в такие чащи сада наслаждений, что он потом с каким-то тихим ужасом думал, а нормально всё то, что ему приходит в голову. Надежда, правда, порой сама предлагала ему: «Давай как-нибудь иначе, ну, поэкзотичнее... Смотри, что пишут в «СПИД-инфо»...» И читала вслух описание новых поз или способов любви, якобы новых – потому что в фантазиях Андрея они были давно, и он относился к ним как к чему-то уже знакомому.

Чудище, между тем, уже было всего в нескольких метрах, и Андрей ощущал его зловонный дух: он напоминал запах гниющих фруктов, смешанный с вонью выгребной ямы. Однако к этому, так сказать, благоуханию примешивался ещё и аромат сирени, причём, он усиливался: будто бы монстр разбрызгивал вокруг себя дешёвый одеколон, — и от этой чудовищной смеси спирало дыхание и кружилась голова.

Противным запах казался лишь вначале, но затем, привыкнув к нему, Андрей с удивлением обнаружил: эта адская смесь, вонючая и мерзкая, будоражит его всё больше и больше – казалось, она обладает какой-то особой магической силой. Чем глубже вдыхаешь её, тем она приятнее.

Аоми продолжала рассказывать Андрею о лярве. У разных народов это чудище называлось по-разному, но суть его одна и та же: похотливая мысль, изрыгнутая мозгом человека, поднималась в заоблачные выси. Там она и оставалась, питаясь другими грязными мыслями, желаниями, вожделением людей. Мало-помалу крошечное существо раздавалось в размерах и превращалось в лярву, которой уже было недостаточно одних лишь мыслей – она, невидимая глазу, присасывалась к человеку, её породившему, и питалась его мозгом. Но особенно обожают эти твари сперму, изливающуюся при мастурбации или при занятиях любовью, когда она не попадает по природному назначению. Порой над использованным презервативом или семенной жидкостью, извергнутой на тело, разгораются битвы нескольких лярв: эти сущности не ограничиваются пропитанием от своего хозяина – они стараются попользоваться и чужими.

— Возьми ягпан, — голос аоми Ниохты показался Андрею встревоженным. – Эта тварь подлетела слишком близко, не стоит медлить.

Андрей увидел, как из пустоты перед ним возник старый шаманский пояс. И даже не удивился этому. Лишь мгновенно пронеслась короткая мысль о том, что человек быстро привыкает к чуду, и оно, увы, становится обыкновенным.

Он надел пояс на себя. Медные толи, поблескивая начищенной поверхностью, тихонько зазвенели. Еще на ягпане висела деревянная фигурка, изображавшая пузатого мужчину с широко открытым ртом. Такого украшения Андрей прежде не видел на поясе. Видимо, аоми добавила этот сэвен недавно: он был свежеструганый, шероховатый, и от него остро и свежо пахло осинкой.

— Коори желает тебе помочь, — сказал голос. – Она унесёт тебя в Верхний мир. Но у неё не хватает сил разбить небесный лёд.

Андрей понял, что Ниохта говорит о той птице, которая по-прежнему настойчиво долбила клювом твердь над его головой.

— Коори – шаманская птица, — продолжала аоми. – Она переносит посвященного в другие миры, и ни один келе её не догонит. А этот сэвен – твой помощник, — тут фигурка на поясе сама по себе дёрнулась, как живая. — Ты его корми, уважай. Не смотри, что он маленький: в нём большая сила, и чем чаще ты будешь путешествовать в других мирах, тем могучее он станет.

Лярва, которая, казалось, вот-вот должна была коснуться Андрея когтистыми лапами, резко притормозила и забила разъяренным хвостом. Её красные глазки наполнились злобой. Чудище оскалило мокрую пасть, с которой стекала мутная зеленоватая пена, и

показало мощные желтые клыки. Ужасный рык разнёсся над ласковым безмятежным пространством.

Андрей с удивлением заметил: сэвен ещё шире ощерил рот, из которого с шипением высунулся длинный тонкий язык; потемневшие глаза идола устрашающе засверкали – и ударила молния. А может, это и не молния была, а что-то вроде мгновенного тонкого лазерного луча. Он коснулся рогатого лба лярвы, и её кожа в этом месте вздулась и, обуглившись, лопнула: в иссиня-черной плоти образовалась воронка, которую через несколько секунд словно принялась вертеть неведомая сила. Из неё брызгали густые капли багровой крови и выскальзывали кусочки мяса.

Лярва дёрнулась, широко растопырила когтистые лапы и замотала обезображенной головой, испуская гневный рык.

В этот момент над головой Андрея будто стекло разбилось: раздался треск и зазвенели осколки, но ни один из них не упал на человека, его лица коснулась лишь лёгкая морозная пороша, да и та превратилась в капельки влаги. Она приятно освежила лоб и щеки.

Старательная Коори всё-таки продолбила отверстие в невидимой тверди, и в него хлынул поток теплого воздуха: он чудесно благоухал, искрился и напоминал о чём-то смутном, загадочном и несбывшемся – может, о том, о чём писал Александр Блок: «Случайно на ноже карманном найди пылинку дальних стран, и мир опять предстанет странным, закутанным в цветной туман...»

Сверкающих пылинок было много, а может, и не пылинок – наверное, это плясала в воздухе пыльца диковинных растений, растущих ГдеТоТамВперед. А вот цветного тумана всё-таки не наблюдалось.

Коори, широко распластав крылья, спустилась к Андрею и поравнялась с ним. Его поразила голова птицы: железная, местами покрытая рыжими пятнами ржавчины, она постепенно обретала живую внешность, даже самые маленькие перышки вокруг жёлтого, с палевым отливом клюва стали на вид настоящими, и ясно заблестели чистые синие глаза. Плоскую спину Коори покрывали густые рыжие перья, которые ерошил невесть откуда взявшийся задира-ветерок.

Лярва, узрев Коори, нервно забила хвостом и взревела пуще прежнего. Однако её страшный вопль уже не производил давнишнего впечатления. Он походил на тот нарочитый жуткий крик, с каким обычно дети выскакивают из какого-нибудь укрытия, чтобы напугать сверстников: сначала и вправду трусишь, а, разобравшись, вволю смеёшься над своим страхом.

Лярва, словно осознав тщетность своих усилий напугать Андрея, неожиданно замолчала и, набычившись, приготовилась к прыжку. Но в этот момент внезапно разразился ливень, вернее – нечто, на него похожее. Бесчисленные белые нити заполнили всё вокруг. Они стремительно падали, перекручивались спиралями, скрещивались друг с другом, создавая очаровывающий ритм – он напоминал движения ткацкого станка: нити, существовавшие отдельно, непостижимо как сплетались в тонкое сияющее полотно.

Это был дождь и снег одновременно: сверху, оттуда, где сиял круг света, лились хрустальные струи, но по мере своего движения вниз они застывали – получались длинные тонкие нити, среди которых порхали белоснежные хлопья. Ветерок играл с ними – то усиливал, то сбавлял порывы, шаловливо раскидывал снег – получались странные фигурки и удивительные узоры, которые, однако, недолго парили в пространстве: мягкая варежка ветерка сминала их, и они обращались в сухую лёгкую порошу.

Пороша покрыла лярву с головы до кончика хвоста, и от этого чудище неожиданно приобрело карикатурный вид: оно напоминало несуразную корягу, торчавшую из сугроба, — лишь по-прежнему горели злобные глазки да торчали черные рога, походившие теперь на два сучка.

— Коори остудила пыл лярвы, — голос Аями выдал её довольство. — Но прежде Коори привела в чувство тебя: ощущаешь холодок в затылке?

— Да, — Андрей поёжился.

— Между тобой и лярвой — стойкая связь, — продолжала Аями. — Твои самые тёмные желания для неё — лучшая пища: чем больше в тебе вожеления, тем она упитаннее становится. Ты — это она, она — это ты!

— И никуда мне от неё не деться?

— Не корми её — и не будет у тебя лярвы.

Коори молчаливо парила рядом с Андреем. Дождь со снегом каким-то чудом не задевал её: хоть бы одна снежинка упала на птицу, словно она была внутри незримой сферы. Впрочем, и сам Андрей тоже был сухой.

— Коори — твоя добрая помощница, — объяснила Аями. — Садись на неё. Она вынесёт тебя наверх. Но это не значит, что ты избавишься от лярвы насовсем: она твой и только твой дракон. А драконов нужно либо приручить, либо уничтожить.

— Третьего не дано? — осведомился Андрей. — Лучше всего, если бы наши пути никогда больше не пересекались.

— Ты что, бестолковый? — рассердилась аоми. — Лярва порождена твоим желанием. Желание обладать — худшее из желаний. Оно заставляет человека искать наслаждение. Наслаждение — мираж, скрывающий истину. Человек думает, что счастлив, но это призрак...

— Красиво говоришь, как по писанному, — хмыкнул Андрей. — Лярва, однако же, не призрак. Я вижу её наяву.

— И будешь видеть, пока не появится охоты избавиться от желания, — загадочно ответила аоми. — Однако даже если ты уничтожишь лярву, нет уверенности, что она снова не возродится из одной-единственной клеточки. Человечьи драконы бессмертны. Их может убить только настоящий шаман.

— Я не шаман, — сообщил Андрей. — А лярва пусть живёт, лишь бы больше не страдала меня. В принципе, она довольно забавная зверюшка, — и он засмеялся, довольный своей шуткой.

— Да уж! — вздохнула аоми. — Уничтожить её ты не сможешь, потому что для этого нужно кое с кем расстаться навсегда. А ты к этому ещё не готов...

— Уж не с тобой ли расстаться? — шутливо предположил Андрей.

Ниохта царапнула его изнутри, и довольно ощутимо. Рассердившись на Андрея, она замолчала, и сколько он, заискивая, ни обращался к ней, ответов не последовало.

Коори поднырнула под Андрея и подставила свою спину. Ему показалось: птица стала ещё больше, а перья на её шее оборотились кангора-ямха*6 — железные побрякушки громозвучно грохотали, заглушая вопли лярвы.

Андрей уселся на Коори, обхватив её туловище ногами. Птица показалась ему холодной: вероятно, она всё-таки была железной. Вороненой сталью блеснул её клюв, на голове воинственно вздыбился хохолок — Коори заклекотала как орёл и взмыла к сияющему отверстию. Но в тот же момент лярва, собрав остатки сил, резко бросила своё тело вперёд и почти преградила птице путь.

Она скалила пасть, злобно верещала, её горло раздувалось, напоминая капюшон кобры. Маленькие хищные глазки лярвы бешено вращались, зрачки в них вдруг начали двоиться, а белки наполовину наполнились чернотой — очи страшилища напоминали знак дзен: белая продолговатая капля — ян, чёрная — инь, белый кружок — малый ян, чёрный кружок — малый инь.

Сколько раз, казалось бы, Андрей видел это изображение, но почему-то никогда не обращал внимания на то, что внутри инь находится маленькая частичка яня, а в яне — наоборот, присутствует капелька иня. Получается, что в любой полярности присутствует её противоположность: в добре — чуточку зла, в любви — толика ненависти, в удаче — зародыш поражения, в жизни — начало смерти.

Если бы Андрей увлекался восточными учениями, то наверняка бы знал знаменитое учение Чжуан-цзы: « Великие судьбы, развитие событий: рождение и смерть, удачу и неудачу, богатство и бедность, добродетель и порок, хвалу и хулу, голод и жажду, холод и жару — даос воспринимает как смену дня и ночи... Вот пример: самое ровное — это поверхность воды в покое. Подобно ей, он все хранит внутри, внешне ничуть не взволнуется. Совершенствование добродетели и есть воспитание в себе гармонии. Его добродетель не проявляется во внешней форме...» Но Андрей никогда не читал Чжуан-цзы, а знак дзен видел в каких-то журнальчиках и фильмах, и особо не интересовался его смыслом.

Правда, в городе Ха этот знак с некоторых пор красовался на многочисленных рекламных щитах: китайская традиционная медицина вдруг вошла в моду, и один из центров восточного лечения взял себе название «Инь-Янь» — соответствующая эмблема стала его визитной карточкой. Так что горожане поневоле быстро уяснили философский смысл знака, который символически выражал структуру и суть нашего двухполярного мира. Основу мира, оказывается, можно свести к взаимодействию полярностей: день и ночь, добро и зло, свет и тьма, плюс и минус, единица и ноль — одно связано с другим, одно перетекает в другое. Городские мудрецы толковали: в каждой удаче имеются зерна неудач, а в каждой неудаче заложены зерна удачи. И откуда Андрею было знать, что это слишком поверхностная интерпретация философского символа.

Добро и зло — два взаимосвязанных процесса, и без одного не бывает другого: чтобы познать добро, надо испытать зло. Но не почудилось ли Андрею, что знак дзен, отражающий взаимодействие противоположностей, возник в глазах отвратительной лярвы? Мерзкое чудовище и символ мудрости как-то не слишком подходили друг другу.

Коори возносила Андрея к свету, и он, охваченный восторгом полёта, не сразу оглянулся, чтобы ещё раз посмотреть в глаза лярве.

— Ну, что ж ты не оглядываешься? — вдруг спросила его Аями. Спросила и легонько постучала изнутри по его грудной клетке. — Иногда, знаешь ли, полезно посмотреть назад. Только так и поймёшь, что у тебя впереди.

Он оглянулся и оторопел. Лярва, выбиваясь из последних сил, настырно летела за ним. Но теперь вместо отвратительной морды у неё было лицо Насти — сияющее, свежее, такое близкое, и глаза тоже были Настины — глубокие, любящие, родные. Знак дзен они никак не напоминали.

Настя улыбалась ему, и по-особенному, так, как это умела делать только она, кончиком языка проводила по верхней губе — дразнила его, намекая на свои нескромные желания, и при этом глядела на него весело и прямо, не опуская глаз.

— Нравится? — прошептала Аями. — Правда, она хороша? Ты даже не замечаешь, что эта прелестная головка приспособлена к туловищу зловонного чудовища?

Он был настолько поглощён созерцанием внезапно явившегося ему лица Насти, что в самом деле не обратил внимания на всё остальное. Но ехидный шепоток внутреннего голоса заставил Андрея перевести глаза на туловище лярвы. И снова он удивился: от мерзкого чудовища не осталось и следа. Вместо монстра в легком голубом ореоле парила Настя, и была она похожа на ангела: белые одеяния живописными складками подчёркивали стройность тела, и тянулась за ней туманная мантия, усыпанная крупными звёздами; кисти рук смиренно сложены на груди, а бездонные глаза в молчаливом обожании устремлены на Андрея.

— Настя, ты ли это? — невольно вырвалось у него.

Девушка улыбнулась в ответ и смущенно пожала плечами, при этом она с осуждением покачала головой: ай-яй-яй, мол, зачем такие вопросы задаёшь?

— Ты видишь то, что хочешь видеть, — фыркнул внутренний голос. — И этим похож на миллионы других мужчин. Вы из множества женщин выбираете одну, почему — иногда сразу и не поймёшь, хотя всё очень просто: мужчина любит глазами — слышал эту истину? С одной стороны, глупость. Но с другой, похоже на правду: глаз мужчины

мгновенно оценивает ножки, попку, грудь – да-да, не смущайся, именно так и происходит, на подсознательном уровне, — и уже потом вас привлекают глаза, волосы, губы. И это вполне естественно: всё это не может не интересоваться самца...

— Мужчина – не самец! – Андрея покорило утверждение аоми.

— Не смеши меня, — хмыкнул внутренний голос. – От природы не уйдёшь: мужчина – самец, но чтобы скрыть животное начало, человек выдумывает для него красивые одежды: страсть, любовь и всё такое.

— Неправда! — Андрей стоял на своём. – Любовь – это не выдумка.

— Любовь – это ритуал, — настырно возразил голос. – Надеюсь, ты хоть однажды видел, как, допустим, голубь ухаживает за голубкой: у него целый комплект подходов-отходов, и хвост он по-особенному топырит, и крылышками-то играет, и воркует, а голубка делает вид, что ей всё равно. Посмотри на другую пару: голубки, в принципе, ведут себя по точно такому же сценарию. Свои ритуальные игры есть у всех животных, у человека – тоже. Основной инстинкт вы не желаете отождествлять со стремлением к совокуплению: секс, как таковой, вам непременно нужно выдать за нечто другое, возвышенное, романтическое, духовное – и выдумывается любовь. А это значит: вздохи на скамейке, прогулки под луной, охи-ахи, лобзання...

— Перестань! – рассердился Андрей. – Ты специально меня злишь?

— С чего ты взял, что злю? – недоумённо шепнул голос. – Я пытаюсь научить тебя видеть всё как есть. Мир намного проще, чем людям кажется.

— Проще, но не упрощённое, — возразил Андрей.

— Мне нравится твоя самоуверенность, — голос потеплел. – Замечательно, когда у молодого человека есть собственные нравственные убеждения. Они могут быть ошибочными, но это не важно, важнее другое: в жизни появляется смысл...

— Даже если этот смысл неправильный? – уточнил Андрей.

— Что значит правильно? И что такое неправильно? – усмехнулся голос. – Вот, послушай. Однажды некая дама Хань, жившая во дворце танского императора Сюаньцзуна, поступила неправильно: она подняла с земли опавший красный лист и решила использовать его вместо прекрасной рисовой бумаги. Дама Хань начертала на нём стихотворение: «С какой скоростью стремится к цели водопад? Окутанный дворцовой праздностью из года в год, Сердечно я благодарю тебя, пурпурный лист, Плыви, не зная никаких напастей, в мир мужчин». Она опустила красный лист в ручей, который бежал мимо дворца. Простой солдат, стоявший на страже, увидел необычный лист и выловил его. Служивый решил: находка – нечто особенное, имеющее, быть может, какое-то значение, и потому рассказал обо всём офицеру. О случившемся, в конце концов, узнал император. Он приказал разыскать авторшу послания, и когда даму Хань нашли, то император выдал её замуж за солдата.

— Бедняжка! – искренне пожалел Андрей. – Она ведь совершенно не знала этого солдата. И, к тому же, каково было ей, привыкшей к роскоши дворца, переселяться в бедную хижину?

— В том-то и смысл этой притчи, — в голосе Ниохты мелькнула наставительная нотка. – Дама Хань верила в предначертания свыше, поэтому и отправила красный лист в мир мужчин: он должен был попасть в руки её суженого-ряженого, и кем бы тот ни был – богачом или бедняком, это её любовь.

— Ты только что утверждала: любовь – выдумка, любовь – ритуал и так далее, — поразился Андрей. – И что я теперь слышу? Как это понимать?

— А понимай как хочешь, — аоми звонко рассмеялась. – Любовь имеет высшую силу, она соединяет два совершенно разных существа, и понять, почему именно их, — значит понять тайну мироздания...

Андрей не любил высокопарные слова, и потому речь аоми воспринял с некоторой долей иронии. Он давно подметил: когда по существу нечего сказать, человек напускает на себя многозначительный вид, изрекая что-нибудь умное, но туманное, порой он

прячется за красивыми банальностями и словесными штампами как за каменной стеной и, главное, пытается при этом выглядеть серьёзным и убедительным.

Коори стремительно возносила Андрея к сияющему свету, и он был вынужден крепко держаться за шею птицы, чтобы не свалиться с неё. Настю он больше не видел: девушка осталась где-то позади.

Андрей, конечно, понимал: настоящей Насте здесь неоткуда было взяться, в неё каким-то непостижимым образом преобразилась чудовищная тварь. Получилась не копия, а самая что ни есть его подлинная подруга: смотреть *так* искренне и нежно могла только она, и эта легкая грусть во взгляде – только её, и смущенная улыбка – тоже её, Настина! Как же так? Была лярва – стала Настя.

Он оглянулся, чтобы ещё раз убедиться: за ним летела именно Настя, а не чудище, пытающееся подделаться под неё. И пока оглядывался, успел подумать: наивно, а, может, даже и дебильно – верить, что тут, в каком-то чёртовом тоннеле, нереальном и, скорее всего, снящемся ему, вдруг может оказаться всамделишная его подруга. Но если это сон, то в нём возможно всё, пусть даже весь этот морок — неправда.

— Ты ещё не запутался, умник? – насмешливо проворковал ласковый голос внутри него.

Андрей решил не отвечать. Реплики Аями сбивали с толку, путали мысли и кружили голову.

Оглянувшись, он увидел мрачный занавес кромешной тьмы. Бездонная чернота, казалось, пульсировала и продолжала медленно растекаться: так капля туши, упавшая на промокательную бумагу, неудержимо расползается амебой по листу. Вдруг в холодной бездне загорелась оранжевая точка – как если бы кто-то закурил сигарету. Андрей от неожиданности опешил и, зажмурившись, даже потряс головой. Снова открыл глаза, но его взгляд по-прежнему упирался в аспидную тьму. На её фоне слабо клубился белесый дымок.

— Испарилась твоя выдумка, — хихикнула Ниохта. – Ты уже поднялся в те сферы, где земному нет места. Тут другие законы действуют. Один из них до безобразия прост: принимай положение вещей таким, как оно существует в реальности.

— В какой реальности?

— О! Кажется, ты что-то начал понимать. Реально то, что ты ощущаешь сейчас. Но не менее реально и то, что ты уже ощущал. Воспоминания делают человека человеком...

— Не говори загадками...

— Принимай всё как есть, — уклончиво ответил голос. – Не стоит выдумывать жизнь.

— Но зачем тогда человеку дана способность воображать?

— Затем, чтобы он знал: жизнь – это не только то, что имеет физические формы.

Андрей и до этого разговора задумывался о том, почему иллюзии и грёзы – то, без чего немислима человеческая природа. Навряд ли кошка, собака или какое другое животное способно мечтать и фантазировать, им это совершенно не нужно. А вот человек... Решительно всякий объект, который он любит или ненавидит, в его воображении или идеализируется, или демонизируется: эта женщина (мужчина) – счастье всей моей жизни, никого лучше и быть не может, а вот этот эта (этот) – дьявол во плоти, кошмар и мрак. Во всяком случае, близкие, друзья и просто знакомые вольно-невольно предстают в нашем вымысле в тех ролях, которые мы им сочиняем сами, однако при этом находимся в полной уверенности: наше о них представление – верное, уж мы-то их знаем как облупленных! А на самом деле?

На самом деле чаще всего мы придаём окружающим нас людям тот смысл, которого они сами по себе не имеют. Разве не случается так, что скучный, нелюдимый и мрачный человек, не понравившийся нам с первого взгляда, неожиданно – но так ли уж неожиданно? – приходит на помощь, даёт дельные советы, оказывается увлекательным и обаятельным собеседником и, более того, становится нашим другом? А иной обаяшка, симпатичный и лучезарный обликом, однажды неприятно поражает скупостью, эгоизмом,

безразличием; он сам себе на уме, и его искренность и открытая улыбка – всего лишь маска. А мы-то навоображали о нём чёрт знает что!

То, что мы думаем о других людях, не всегда совпадает с реальностью. Но, наверное, было бы невыносимо скучно жить, если бы наши, так сказать, физические, реальные ощущения были тождественны воображаемому, тем более душевным переживаниям. Иным из нас нет ничего слаще любовных мучений или всяческих терзаний, связанных с отношением к нам других людей. И мы выдумываем, очаровываемся и увлекаемся, расстаёмся с иллюзиями и улыбаемся судьбе, посылающей грусть, или, напротив, впадаем в томительную сладость меланхолии: каждому – своё; каждый, сам того не подозревая, не может обходиться без душевных пыток. Когда всё в жизни получается, и сама госпожа Удача торопливо бежит впереди, расчищая путь, человеку вдруг становится невыносимо скучно: нужна какая-то встряска, волнения, пусть и глупые; высокая страсть и низменные желания, слезы отчаяния и восторг маленьких радостей. Возможно, всё это помогает понять самого себя, свои истинные потребности и сущность других людей, которых мы любим, ненавидим или которые нам – всё равно, есть они или нет, но без них, оказывается, чего-то недостаёт в этой жизни.

В своих фантазиях мы – самые красивые, самые умные, значительные, и весь мир кружится вокруг нас, всё – для нас и все – для нас. Даже если мы в чём-то неправы и отлично знаем это, всё равно находим оправдание своим поступкам, и в мыслях исправляем их, поднимаясь над собой выше, а может, не считаем нужным делать такие попытки: наши слабости – продолжение наших достоинств, и тому, что другим кажется отратительным, всегда находится разумное и, быть может, убедительное оправдание.

— Достигая внутреннего спокойствия, обычный человек признаёт свои ошибки, — вдруг сказала аоми. — Но просветленный человек на этом не останавливается. Он не обвиняет себя, а просто делает из неудач выводы.

— Однако, ты философ! – Андрей даже не попытался скрыть иронию. — По-твоему, достаточно сделать вывод – и всё в жизни получится. А что, если умозаключение неверное? Кто точно знает, что истинно, а что ложно?

— Вечные вопросы! – ласково откликнулась Ниохта. – Человек задаёт их с тех пор, как перестал понимать мир, в котором живёт.

— Да ты что? – рассмеялся Андрей. – Наука только и делает, что объясняет мир, открывает его законы, изучает сущность миропорядка. Сейчас любой старшеклассник знает больше, чем какой-нибудь академик из девятнадцатого века. Как это так – человек перестал понимать мир?

— Лист, оторвавшийся от дерева, уже не живёт с ним в единстве, — ответила аоми. — Так и человек, переставший быть частью природы, забыл нечто очень важное. Вспомни: ваши гениальные учёные твердили, что природа – не храм, а мастерская, и человек в ней – работник. И до чего же вы доработались, а? Земля возненавидела вас: тайфуны, ураганы, землетрясения – это её ответ человеку, который уничтожает леса, поганит реки, загрязняет воздух, разрушает недра.

— Слова! – хмыкнул Андрей. – Всё это – слова, красивые и высокопарные. Согласен, человек наломал дров на Земле. Но, как говорится, лес рубят – щепки летят. В результате человек достиг прогресса...

— И ты веришь в то, что говоришь? – перебила его аоми и вдруг захохотала-заухала как филин.

Увлеченный разговором, Андрей и не заметил, как птица Коори влетела в яркий круг. Граница, отделяющая тьму от света, оказалась позади, впереди и вокруг – ничего особенного: большая поляна с густой травой, в которой краснели угольки саранок, за ней – редкий березовый лесок, справа – косогор, на нем возвышался то ли обугленный дуб, то ли большой темный камень, слева – невзрачное озерцо, поросшее камышом и рогозом. С косогора к нему резво бежал по камешкам говорливый ручеек. Над ним висели пушистые

ключья тумана, похожие на растрепанные ветром шары ослепительно белой сахарной ваты.

Один, особенно большой, клок тумана зацепился за куст ивы и покачивался на конце ветки, похожий на оборванную занавеску. Вдруг её отодвинула сухонькая загорелая рука, и к ручью вышла низенькая и кругленькая, как блин, бабка в халате из голубой дабы. По вороту и обшлагам рукавов шли нашивки из черной материи и кружева. Стоячий воротничок из цветного ситца с черными нашивками подпирал морщинистый подбородок. Медные пуговицы и побрякушки ачаи*29, украшавшие подол, поблескивали на солнце. Вслед за этой старушкой явилась другая – длинная, похожая на сучковатую палку: покто*30 болтался на ней бесформенной тряпкой.

Эта живописная парочка, не обращая ни малейшего внимания на Андрея, принялась бродить вдоль ручья.

Коори захотела пить и подошла к воде. Она набирала её в клюв и, подобно обычной курице, запрокидывала голову, чтобы проглотить воду. Птицу не смутило, что старушки подошли прямо к ней и принялись у её лап выковыривать из земли какие-то корешки. Она лишь недовольно встряхнула крыльями и, скосив на них желтый глаз, продолжила неторопливый водопой. Высокая старуха, между тем, наступила на хвост Коори, ещё шагок – и нога женщины вошла в туловище птицы – легко, как острый нож вонзается в кусок сливочного масла. Коори издала недовольный клёкот и ущипнула бабульку за щиколотку.

— Ох, комары кусаются! — женщина хлопнула себя по ноге. Птицу Коори она не видела, хотя и стояла на ней обеими ногами.

— Наверное, амба*33 тебя хватает, — предположила её товарка. — Понравилась ты ему – к себе утащить хочет, — и залилась визгливым смехом.

— Хэрэ бэгди*34 вышью на подоле, не поленюсь – амба их испугается, — серьёзно ответила высокая старуха.

— Лень-то вперёд тебя родилась, — хихикнула низенькая. — Не любишь ты рукодельничать, сестрица.

Высокая, насупившись, молчала. А внимание низенькой старушки что-то привлекло в быстротекущей воде. Она, прищурившись, пристально вгляделась в зеленоватую пену водоворота и завопила:

— Гляди: кочоа *31! Дай-ка, достану его!

Бабулька зашла по колени в воду, но как ни пыталась достать орех, плывущий по воде, так и не смогла этого сделать.

— Ой, утону! – заволновалась старушка. – Помоги, подружка!

Высокая старуха зашла в воду и проворно выудила кочоа, схватила в охапку низенькую бабульку и вынесла её на берег. Они раскололи орех камнем. Неравные у него дольки получились. Та, что побольше, досталась высокой, поменьше – маленькой.

Старушки тщательно выскребли палочками содержимое ореха. Кто хоть раз пробовал кочоа, знает: в отличии от грецкого ореха, его ядро небольшое, сплющенное грубыми перегородочками – попробуй-ка, выковырай его! Но бабульки своё дело знали и полакомились-таки орехом.

Андрея удивило: старухи не видели не только Коори, но и его. Они разговаривали друг с другом, смеялись, не обращая на человека никакого внимания.

— Ты для них не существуешь, — объяснила Ниохта. — Они тебя не видят.

— Но я-то их вижу! Вот они, живые и настоящие! И я тоже живой. Почему же я для них не существую?

— Ну, отчего же не существуешь? – усмехнулась аоми. — Очень даже существуешь! Ты пока не знаешь, как показаться им, но стоит тебе только материализоваться, как эти достойные пожилые женщины перепугаются и закричат: «Амба — злой дух!» Ты для них – существо иного мира. Как, впрочем, и они для тебя.

Старухи между тем уселись на траву и принялись перебирать какие-то корни, которые доставали из плетеной корзины.

— Между прочим, по нанайскому поверью, от этих бабушек, съевших волшебный кочоа, родились мужчина и женщина. Они дали начало одному из здешних родов.

— Эти бабушки смогли родить? – поразился Андрей и даже присвистнул. – Вот это да!

— Кочоа обладал могучей мужской силой, — тактично хмыкнула аоми. – От него и мёртвая бы понесла...

Где-то далеко принялась куковать кукушка. Обе старушки, бросив перебирать корни, с умильным видом внимали её голосу.

— Кэку нянчит кого-то, — сказала низенькая старушка.

— Некогда ей, бедной, о себе заботиться – о других печётся, — поддакнула сухая. – От её голоса распускаются все травы и листья. Сколько ей сил надо, чтобы заставить почки дуба превратиться в листочки! Некогда кэку гнездо свить. Хорошо, есть у неё никангу – маленькие птички, которым кэку кладёт в гнёзда свои яйца. Кэку нянчит природу, а её птенчиков нянчат никангу. Добрая птица!

— Ой, как я люблю кэку! – поддакнула низенькая старушка. – Узорные чулки-доктон ей подарили цветы, потому у кукушки лапки то синенькие, то серенькие. Куропатка провела крылышком по её спинке – кэку пестрой стала. Веселая птица, обо всех заботится, не устаёт со всеми травами и деревьями нянчиться. Хорошо бы, и нашим малышам песенку спела – от этого они здоровее станут...

— Тихо! – сухая старуха пугливо заозиралась. – Не говори ничего про наших будущих детей. Услышит бусяку*35 – порчу на них наведёт.

— Пока что тебя чифяку*36 услышала, — засмеялась её товарка. – Смотри, прямо над твоим теменем круги делает. Как бы у тебя голова не заболела!

Невесть откуда взявшаяся ласточка с радостным щебетом оживлённо носилась над ручьём. До старушек ей, скорее всего, дела не было – птица увлечённо ловила мошек.

— Э! – укоризненно покачала головой высокая старуха. – Совсем ты забыла, как молодой женщиной была. Чифяку приносит оми. Открою-ка я пурепту*37, пусть чифяку мне душу ребёнка поскорее даст.

Благоговейно взирая на ласточку, она опростоволосилась и пригладила волосы на затылке. Низенькая старушка тоже проворно сдернула с головы шапочку.

— Ох, что-то жарко стало, — сказала она, и даже лист папоротника сорвала, чтобы обмахиваться им как веером. Видно, ей очень не хотелось признаваться своей подруге, что тоже хочет поскорее получить оми – вот и выдумала причину.

Высокая покосилась на неё, хмыкнула, но сказать ничего не сказала, потому что её внимание привлёк едва слышный шорох в траве. Низенькая, наверное, была глуховата и ничего не услышала. Высокая привстала, заглядывалась.

— Что? Опять кто-то укусил? – съехидничала её товарка. – Вертишься, будто на муравейнике сидишь.

— Чудится мне: кто-то тут есть, — шепотом отозвалась высокая. – Пойдем отсюда, подруга. Не нравится мне это место.

Старушки, кряхтя, поднялись и побрели в сторону березняка. А из травы вынырнула мышка – её и слышала высокая старуха. Внезапно налетел ветер. Он отдувал полы бабулькиных халатов, они развевались подобно лёгким циновкам-хондори. От порывов ветра побрякушки ачия ещё громче зазвенели, далеко окрест их слышно. А на том месте, где сидели пожилые женщины, заструился-заизвивался легкий дымок тумана. Внутри его будто ленты серпантина развевались: желтые, красные, белые, синие.

Коори отреагировала на туман довольно странно: испуганно втянула шею и, прижимаясь к траве, мелкими быстрыми шажками перебежала поближе к Андрею. Он почувствовал, что и аоми внутри его напряглась и застыла – его нутро обдало легким холодком.

Между тем, разноцветный туман рассеялся, и Андрей увидел: на яркой нарядной циновке сидит толстенький малыш-крепыш. Он жизнерадостно растягивал губы в широкой улыбке и тарасил узкие голубые глазки, в которых не было ни малейшего смысла.

— Это тот, кого знают все, но как его назвать – не ведают, — шепнула Аями. — Он всё, и он ничто, он везде, и он нигде. Он тут, но на самом деле – где-то там. А где-то там его нет, потому что он и сам не знает, где он.

Малопонятная речь аоми привела Андрея в ещё большее недоумение. Малыш же сидел совершенно неподвижно и бессмысленно глядел куда-то вдаль. По его розовой упитанной мордашке блуждала отрешённая улыбка.

— Малейшее его мановение, даже чуть заметное глазу, способно изменить всё вокруг, — почтительно пояснила Ниохта. — Он не ведаёт что творит, и он знает все тайны мира, ему ничего не нужно, и он владеет всем.

— Да кто же это, чёрт побери! — рассердился Андрей. — Этот карапуз напоминает, скорее, маленького идиотика...

— Тсс! — испугалась аоми. — Ему всё равно, что ты о нём думаешь, но если он о тебе подумает, может всякое случиться.

— Твои загадки мне надоели, — сказал Андрей. — Можно подумать, это какая-то особо священная особа.

— Сказала же: это тот, чьё имя нельзя называть, — аоми тоже рассердилась и ушипнула Андрея. — Молчи, человек!

— Всё тут не как у людей, — нарочито буркнул Андрей (на самом-то деле он, конечно, понимал: попал туда, где всё по-другому). — Кукушка, оказывается, не символ беспутной матери, а всеобщей няньки. Ласточка вообще демоническая сущность: то голова от неё болит, то женщину беременной делает. И вообще, где это видано, чтобы старухи, отведая маньчжурского ореха, на сносях оказались?

— Эх, ты! — вздохнула Ниохта. — Не зоркий ты человек! На что похож кочоа? Сверху он укутан мягкой кожурой, сам плод – твёрдый, а если расколоть его, то что напомнит орех? Эмбрион человека! Попав в землю, кочоа умирает, чтобы дать жизнь новому дереву. Орех – вместилище новой жизни. Разве это не понятно? Попав даже в старую плоть женщины, он чудесным образом превращается в ребенка. Это дар судьбы.

— Ага, — согласился Андрей. — В школе нас учили: это называется метафорой. Но в жизни не бывает так, чтобы старухи рожали...

— В жизни бывает всё, милый, — вздохнула аоми. — Я хоть и неграмотная, а знаю: для людей выпускаются газеты, и в них всякое пишут, в том числе и о пожилых женщинах, которые рожают детей или прямо на глазах молодеют. Читать газеты надо, Андрюша!

— Мало ли что в них напишут, — усмехнулся Андрей. — Соврут – недорого возьмут. Не люблю я нынешние газеты читать.

— Читай тогда Книгу Книг, — в голосе аоми слышалось раздражение. — Не сила утробы, а сила обетования производит чадо. Неплотское зачатие являет миру избранных детей. И такие дети порой способны изменить сам мир.

Андрей не верил в правдивость библейских сказаний. Они казались ему красивыми сказками, не более того. Впрочем, сам он Книгу Книг не читал, а о том, что в ней написано, лишь слышал от других людей. Но об этом Андрей не стал говорить Аями.

Если бы он читал Библию, то вспомнил бы, к примеру, апостола Павла и поразился бы его особенной мудрости и кроткому великодушию. Путешествуя по градам и весям, сей апостол однажды оказался в Афинах, где, как известно, процветало искусство скульптуры. Великолепные статуи Зевса, Аполлона, Афродиты, Геракла и других богов и героев являли мощь и чудо прекрасной плоти, радость бытия и наслаждения быстротекущей жизнью.

Может, Павел даже восхитился умением скульпторов передать в холодном мраморе ощущение первоначальной святости духа, заключенного в здоровое тело. Но, осматривая святыни, Павел заметил жертвенник, на котором было написано: «Неведомому Богу». Апостол, однако, знал Бога, и Сына его, и Любовь, которая есть Бог. Ему было известно Имя, которое язычники не знали, а может, знали, но не ведали, как его произнести правильно. И потому в поучении афинянам Павел сказал: «Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам».

Так афиняне узнали имя Неведомого Бога.

И о непорочном зачатии.

И о душе как частичке Света.

И о том, что есть Другая жизнь.

И о Сыне человеческого, единосущном Отцу Небесному.

Древние народы поклонялись сонму богов – огня, воды, земли, лесов, гор. Они устанавливали идолов, в которых жили добрые и злые духи. Изобретали амулеты, отгоняющие чертей и зловредных потусторонних тварей. В укромных капищах совершались ритуалы на удачную охоту, рыбалку или избавление от мора. Люди старались задобрить своих духов жертвоприношениями, сочиняли для них песни и развлекали плясками – подобно земным владыкам, духи обожали преклонение перед ними и милостиво принимали дары. Но это были не самые главные божества. С ними человек умел договариваться, ладить и, в общем-то, знал, чего от них ждать. Но выше их был Некто, молчаливый и недоступный, создавший всё, что есть в этом мире, и меньших божеств – тоже. Это был Тот, Кого нельзя видеть и у Кого не было имени, а если и было, то и не поймёшь, настоящее оно или всего лишь слабое звукоподражание: Нуми-Торум – у манси, Пта – у египтян, Б-г (непереводимое древнееврейское слово) – у израильтян, Бо-Эндури – у нанайцев... Демиург, сотворивший Вселенную, был сокрыт прочной хондори-занавеской от праздных взоров, и никто никогда его не видел, хотя все знали: есть Тот, кто выше всех.

О нем можно было говорить лишь намёками, и даже самый сильный шаман не ведал, как выглядит Бо-Эндури.

— Но даже если ты его увидишь, ни за что не догадаешься, что это Бо-Эндури, — сказала аоми. — Он – всё, и он – ничто. Он меньше самой маленькой букашки, и он больше самой вселенной, которой ради забавы может играть как мячиком...

— Только что ты говорила нечто подобное об этом малыше, — Андрей кивнул в сторону ребёнка, сидевшего на циновке.

— Да, говорила, — шепнула Ниохта. — Но я ни на что не намекала. Возможно, этот мальчик – просто мальчик. Но просто мальчики не ведут себя так, как этот.

На взгляд Андрея, ребёнок вообще никак себя не вёл: сидел неподвижно, по его лицу блуждала блаженная улыбка, в уголках пухлых губ пузырилась слюна. И всё-таки в этом мальчике было что-то особенное. От него исходило мягкое сияние, наполнявшее воздух теплым маревом.

Ребёнок, видимо, почувствовал на себе пристальный взгляд Андрея и оборотился. Его большие бессмысленные глаза по-прежнему ничего не выражали, и Андрей даже подумал, что мальчик незрячий. Но тот вдруг ещё шире растянул губы в улыбке и, склонив голову набок, неожиданно громко пробасил:

— Да-да-да-да!

Андрей вздрогнул.

А мальчик не отрывал от него взгляда, и его глаза вдруг загорелись холодными голубыми огоньками, в них мелькнуло что-то вроде искры, и зрачки малыша расширились. Андрей с восторгом и ужасом наблюдал, как тёмные зеницы увеличиваются, превращаясь в чёрные дыры, и манят к себе — так, должно быть, гипнотический взгляд удава притягивает кролика. Он подался вперёд, не в силах

противостоять пленяющему взору; руки и ноги будто онемели – он не чувствовал своих конечностей.

Черные дыры пульсировали, раздувались и растекались – теперь они напоминали гигантские амёбы, которые тянулись друг к другу и вдруг, зашипев, слились в гигантский шар. Он крутился, разбрызгивая болотную жижу, мерцал тяжелым аспидным блеском – будто кусок антрацита на солнце. Но шар не был плотным: в нём ощущалось лёгкое движение, и время от времени наружу вырывались серые струйки дыма и сыпалась гарь.

Андрей стряхнул с плеча черную пылицу и на всякий случай отодвинулся от шара подальше. Удивительно, но страха он не чувствовал – лишь любопытство: что случится дальше?

И случилось!

Оболочка шара покрылась трещинами, и от него отвалился приличный кусок тонкой черной скорлупы. В образовавшемся отверстии показался красноватый извивающийся червяк, но, впрочем, через мгновение выяснилось: это был хоботок, заменявший нос на морде омерзительной ящерицы. Она не торопясь выбиралась из тёмного чрева шара.

С глухим стуком шмякнувшись в траву, ящерица встряхнулась и протянула хоботок к шару. Отверстие хоботка раздулось и приняло форму граммофонной трубы, но при этом она походила, скорее, на цветок полевого вьюнка – на вид такая же нежная, свежая, окрашенная в тон полуденного летнего неба.

Шар перестал кружиться, съёжился, будто кто-то проткнул его иголкой, — и в мгновение ока исчез в хоботке ящерицы. Её желтый живот безобразно раздулся и, казалось, вот-вот лопнет. Но ящерица не испытывала ни малейшего беспокойства; удовлетворенно икнув, она растянулась на траве и, к удивлению Андрея, стала увеличиваться: такое впечатление, будто зверюга была резиновой и кто-то её надувал.

Андрей моргнул, и за ту секунду, что не смотрел на ящерицу, она оборотилась лярвой. Чудище точь в точь напоминало того монстра, которое преследовало его в тоннеле.

— Что это? – растерянно спросил Андрей.

Вопрос, естественно, адресовался Ниохте, но та молчала.

Лярва, не обращая внимания на Андрея, рыгнула, погладила себя мохнатой лапой по животу и, заурчав, уселась поудобнее. Невесть откуда в её когтях появился отрезок белой ткани. Рядышком – корзинка, в ней мотки разноцветных ниток.

Лярва взяла длинную иголку, вдела в её ушко голубую нитку и, тяжело вздохнув, ухватила левой лапой материю. Причина вздоха стала ясна, как только чудище попыталось проколоть ткань: неуклюжие когти не отличались гибкостью и подвижностью.

Монстр недовольно зарычал и ухватил себя за загривок. Оттянув кожу, он резко дёрнул её – шкура лопнула, расползлась лохмотьями. Из них показалась голова девушки, в которой Андрей узнал Настю.

Преображение лярвы в Настю было столь стремительным, что Андрей даже не успел перевести дыханье, как девушка, будто она сидела тут давным-давно, уже резво прокалывала иголкой материал. Нитку она отводила влево под большой палец левой руки. Затем, не отпуская пальца, вела иголку с ниткой слева направо и втыкала в то же место, откуда она была выведена с изнаночной стороны ткани. С изнанки девушка делала стежок. Иголка с ниткой выкалывалась до нитки под большим пальцем, которую Настя аккуратно вытягивала — образовывалась петля. Девушка поправляла её и вновь отводила иголку с ниткой слева направо, вкалывала иголку в петельку и делала с изнаночной стороны новый стежок, такой же, как первый, не забывая держать нитку большим пальцем. Иголка с ниткой вновь вкалывалась до нитки под большим пальцем, вытягивалась и только в последний момент, когда уже получалась петелька, она освобождалась из-под большого пальца. Получалась эдакая ажурная цепочка, которая прерывалась через каждые три-четыре петельки.

— Бабушка Чикую говорила, что однотоамбурный шов-цепочка один из самых древних, — задумчиво сказала Настя. — Представляю, сколько времени было у женщин незапамятных времён! Это ж надо, вот так медленно и кропотливо, стежок за стежком, вышивать узоры. У тамбура может быть самая разная форма – круглая, удлинённая, треугольная. Как Чикую учила меня делать удлинённый шов? Он больше подходит для спирали. А, вот так, кажется, — она поправила петельку большим пальцем и, старательно её удерживая, воткнула в неё иголку. При этом она поранила палец, и капелька крови зажглась маленькой звездочкой на белой ткани.

— Ах! – Настя сунула палец в рот. – Надо напёрсток купить. Чикую несколько раз повторила: мастерице без напёрстка не обойтись. Ах!

Андрей не помнил, чтобы в Сакачи-Аляне Настя училась у бабушки Чикую уменью вышивать, да и времени, собственно, на это не было. Но он тут же и одёрнул себя:

— Успокойся! Это совсем не Настя. Это лярва, принявшая её облик.

Девушка между тем, справившись с кровотечением, довольно проворно вышивала спиралеобразный узор. Он был то упругий многовитковый, то, чуть намеченный, вяло распластывался на ткани, то оборачивался выпуклой толстенькой улиткой, то сворачивался в розетку, чтобы затем стремительно вытянуться змеиными кольцами.

Настина двойница вышивала и бормотала себе под нос нечто непонятное:

— Нанайсал илгачи балана, хад-хад минган айнанисал хамаси агбинкини*38, — и вдруг перешла на русский: Древние вложили в узор свою душу. Она как Вселенная! Это так просто и так сложно. А кто-то смотрит на узор и ничего не видит, кроме красоты. А может, красота – суть мироздания? Ой, глупая я, глупая! Послушал бы меня препод философии, сразу бы окрестил наивной примитивисткой, — и, представив, видимо, этого преподавателя, Настя громко рассмеялась.

Андрей растерялся: лярва никак не могла знать ни о каком преподавателе философии, да и что такое эта наука, чудищу навряд ли ведомо. Так кто же эта девушка – сама Настя или всё-таки её двойница?

И тут девушка наконец заметила его. Она отложила рукоделие в сторону, встала и, не решаясь сразу подойти к нему, удивлённо спросила:

— Что с тобой?

Ничего особенного в себе он не чувствовал, разве что в затылке ощущалась тяжесть, тихой болью отдававшая в висках.

— А что такое?

— Открой же глаза! – потребовала Настя.

Вообще-то, они у него не были закрыты. Но, уже ничему не удивляясь, Андрей смежил ресницы и снова открыл их.

И тут он обнаружил, что лежит на собственном диване в собственной квартире, и ничто вокруг совершенно не напоминает ту обстановку, в которой он только что был.

— Ты отчего-то бледный, — Настя склонилась над ним и провела мизинцем по небритой щеке. – Квартира у тебя была не закрытой. Я звонила-звонила, потом догадалась толкнуть дверь. Вошла, запах какой-то неприятный, будто нашатырь разлили. Что-то случилось?

— Да нет, — он потряс головой. – Уснул, должно быть.

— Ты как будто не в себе, — продолжала Настя. – Глаза воспаленные, грустные. И эта бледнота. Что-то болит?

— Всё в порядке, — он встал с дивана. – Просто устал.

А что он ещё мог сказать? То, что только что блуждал в каких-то запредельных мирах? И разговаривал с Аями? И видел Настю в образе мерзкой лярвы? Ну, мог ли он сказать правду?

К тому же, с тех пор, как он обнаружил в себе странный дар, его порой охватывало головокружительное чувство нереальности всего, что было вокруг. Будто бы он, отрешенный и безучастный, попадал в воду – наверное, это был аквариум: Андрей не

слышал звуков, его обволакивала прохладная влага, вокруг колыхались то ли водоросли, то ли какие-то зеленые нити, а за стеклом двигались люди, ехали машины, летали птицы, светило солнце. Но вся эта жизнь не касалась его: она была там, а он – тут, по другую её сторону.

Андрей сначала решил: это какое-то заболевание, что-то вроде нервного расстройства, вызывающего бред, — мозг приходит в состояние необычной активности, «включаются» какие-то его участки, и вот результат – ему чудятся всякие фантастические вещи, слышится голос Аями, он будто бы куда-то летит... Всё это наводило на мысль если не о сумасшествии, то на то, что с ним не всё в порядке. Но, поразмыслив, Андрей всё-таки пришёл к выводу: его психика тут ни при чём. То, что с ним происходило, походило на какую-то другую реальность, которая существует сама по себе и куда вход открыт немногим. А может, это не он сам решил? Может, это внушила ему Ниохта, которая на самом деле была Аями – потусторонней сущностью, решившей сделать его шаманом?

Конечно, он понимал: стоит ему рассказать о том, что с ним происходит, как его тут же объявят больным, ненормальным и всякое такое. Его приводила в ужас одна только мысль о том, чтобы признаться в своих необычных способностях, ибо это вызвало бы сомнения в здравости его ума.

— Ты, как устроился на новую работу, изменился: задумчивый, устаешь, вечно времени у тебя нет, — сказала Настя, и в её голосе чувствовалась обида. — Я уже забыла, когда мы в последний раз вместе в кино ходили.

— Так получается, — он неопределённо пожал плечами: то ли себя осуждая, то ли всю эту жизнь, которая складывается так, а не иначе.

— А я вот без тебя хожу на всякие интересные мероприятия! – вздохнула Настя. – Вчера, к примеру, в музее была. И знаешь, кого там увидела?

— Кого? – равнодушно спросил Андрей. Ему почему-то было всё равно, куда Настя ходила и кого где-то видела. Он чувствовал вялую апатию, разлившуюся, казалось, по всему телу. Ничего не хотелось делать, даже разговор был в тягость.

— Помнишь, как мы в Сакачи-Алян ездили? – спросила Настя. – Бабушку Чикуюэ помнишь? Так вот, у неё в музее открылась выставка: всякие ковры, халаты, вышивки её работы вывесили – целый зал, представляешь? Такая красота!

— Да, красота, — согласился он. — Я тебе верю.

— Ой, ну чего ты такой скучный? – Настя нарочито надула губки. — Тебя, наверное, даже не удивит, что я кое-чему научилась у бабушки Чикуюэ? Вот, смотри!

Она достала из сумочки белую тряпицу, развернула её – и Андрей увидел тот самый узор, который вышивала преображенная лярва.

— Откуда это у тебя? – потрясенный, он не сумел скрыть искреннего удивления. — Ты никогда не говорила мне, что интересуешься вышивкой.

— Всё просто, — Настя скромно потупила взор. — Бабуля давала, так сказать, открытый урок: учила всех желающих искусству нанайского орнамента. Это сейчас, оказывается, модно: в музее то день гончара проводят – учат всех горшки ваять, то день резчика – дают деревяшку и мастер показывает, как её украсить, то ещё какую-нибудь акцию... А тут – илгалами улпин!

— Что? – не понял Андрей.

— В переводе с нанайского – вышивка, значит, — уточнила сияющая Настя. — Вот! Я даже некоторые нанайские слова теперь знаю. Представляешь, я, как иголку с ниткой взяла, так руки будто сами собой принялись вышивать. Никогда за собой таких талантов не замечала!

Изумленный Андрей взял вышивку и осмотрел её. Прихотливая спираль бежала по ткани, заворачиваясь в замысловатые хитросплетения узора. Он попытался проследить направления спирали, но она, извиваясь, ускользала, мельтешила, постоянно менялась, будто живая, — и, в конце концов, голова Андрея закружилась. Закружилась ещё и потому, что он увидел на ткани маленькую коричневую звездочку – запёкшуюся капельку

крови. Значит там, в другом мире, в зелёной траве на берегу реки сидела она, Настя! И, значит, девушка была лявкой?

Андрей почувствовал, как на глаза надвигается бледная пелена, заволакивает туманом комнату, и всё вокруг показалось ему призрачным, размытым, не настоящим...

11.

Михаил Алексеевич не понимал, почему Надежда медлит с ответом. Честь по чести сделал женщине предложение, пусть даже и по телефону, а она молчит, вернее – не молчит: болтает о всяких пустяках, со смехом рассказывает какие-то дурацкие анекдоты, делится новостями (а какие уж там у них, в этом дурацком кафе, новости? кто с кем, кто что сказал, упился ли сегодня кто-то из посетителей и т.д. и т.п.). А о своей реакции на его предложение руки и сердца – ни словечка! Ну, и как это понимать?

Всё-таки он был, что называется, солидным мужчиной: военный пенсионер – вышел в отставку, когда исполнилось сорок три года; можно сказать, в цветущем возрасте стал пенсионером, сил ещё полно – на штабной-то работе это не на «точках» где-нибудь на Северах служить. Михаила Алексеевича взяли в одну фирму начальником службы безопасности. Тут он быстро научил охранников ходить по струнке, держать форс: на форсе ни одной пылинки, брюки отутюжены, рубашечки – белоснежные, и воротнички накрахмалены. Минута опоздания на службу – минус один процент от премии, а на работу надо было являться не точь в точь, а минимум за пятнадцать минут, и никакой Трудовой кодекс Михаилу Алексеевичу был не указ. Отставника за его педантичность и скрупулёзность не то чтобы уважали, а боялись: только взглянет – уже навывтяжку стоят.

Этому качеству – есть начальство глазами – Михаил Алексеевич выучился у своих старших по званию офицеров. Начальник его отдела, к примеру, мог целый день сидеть за девственно чистым столом и хлопать линейкой по столешнице. Но как только к нему кто-нибудь входил, он принимал серьёзно-озабоченный вид и хватался за телефонную трубку. Причём, делал вид, что только что закончил важный разговор. И попробуй только младший по званию не вытянись перед ним как положено и не доложи о своём прибытии по всей форме! Тут же следовал такой разнос, что мало не покажется.

Дисциплина должна быть во всём, считал Михаил Алексеевич. От того, что эти демократы всю страну разбаловали, — никакого толка. Вот если бы навести порядок, прекратить всякое инакомыслие, возвести в ранг закона исполнительскую дисциплину, придумать гражданские уставы по типу военных – тогда, смотришь, и толка больше было бы: сказано – сделано, «выполняй – так точно!», и никаких «отмазок», а то научились обсуждать-рассуждать, никаго тебе режима и распорядка!

Кто первый раз слышал эти рассуждения Михаила Алексеевича, тот думал: шутит, мол, юмор у господина такой. А юмора-то и не было. Юмора он не понимал. Как только по телевизору начинались развлекательные передачи, он морщился и щелкал пультом: «С жиру бесятся, лясы попусту точат!»

Надежда тоже поначалу думала, что Михаил Алексеевич шутит. Ей даже понравилось, что в постели он затевал странные игры, похожие на военные учения: дан приказ – значит, делай именно так, а не так, как сама хочешь. Сказано «на живот» — значит, на живот, и не смей шевелиться, пока соответствующая команда не последует.

И не сказать, чтобы Михаил Алексеевич был плох как мужчина, но думал он прежде всего о самом себе, а что чувствовала Надежда – это его мало касалось. Была она ниже по званию во всех смыслах. Женщин Михаил Алексеевич вообще считал ниже мужчин, и, следовательно, они должны были знать своё место. Вернее, несколько мест: кухня, ванная, где стояла стиральная машина, спальня и иногда – зала (так он называл большую комнату), тут женщине надлежало блистать перед гостями в роли хозяйки дома, и чтоб выглядела она не хуже других жён. Потому как, считал Михаил Алексеевич, жена – вроде визитной карточки мужа: красивая, молодая, ухоженная, хорошо одетая, при макияже,

она произведёт больше впечатления, и все подумают: если такая роскошная женщина живёт с Михаилом Алексеевичем, то и в нём самом что-то, видно, есть.

Надежде, однако, не хотелось быть роскошной. Вернее, хотелось, но чтобы это было само собой, а не потому, что кому-то для чего-то нужно. И ещё ей хотелось любви, а не занятий любовью. Она считала, что заниматься любовью – это всё равно, что заниматься жизнью. Ну, почему же, почему постоянно слышишь «заниматься любовью», а не «любить»?

Михаил Алексеевич, увы, как раз относился к тому типу мужчин, которые предпочитают заниматься любовью.

Он же, со своей стороны, искренне не мог понять, чего ещё нужно этой женщине? Стараются, вроде, по полной программе, не слабак какой-нибудь, и другие женщины не жаловались ни на его «орудие», ни на умение им пользоваться, а Надежда, чувствовал он, оставалась недовольной.

Это его не то чтобы особенно волновало или заставляло усомниться в своих чисто физических качествах – он решил, что Надежда холодная женщина, а может, просто у неё давно никого не было. Хотя, с другой стороны, как рассуждал Михаил Алексеевич, в этом последнем случае она должна была взрываться, быстро достигать того, что именуют оргазмом, а в просторечии – кончать. Он так её и спрашивал: «Ты кончила?» Надежда жутко смущалась, закрывала ладонями разгоряченное лицо и уклончиво отвечала: «Разве ты не понял?»

И это злило Михаила Алексеевича.

— Вроде, не еврейка, а ведёшь себя по-еврейски, — сердился он. — Это они вопросом на вопрос отвечают.

Он почему-то терпеть не мог евреев, считая их причиной всех бед. И самые любимые книжки у него были что-то типа «Протоколов сионских мудрецов». Он их и Надежде подсовывал, только она их не читала. Скучно! Если умный человек смог сколотить приличное состояние, то какая разница, еврей он или русский? Всё одно, не глуп и разворотлив. Вместо того, чтоб осуждать, лучше самим что-нибудь делать – смотришь, тоже жизнь наладится. А то взяли моду, чуть что – иноверцы виноваты! Вон, к примеру, появились на рынке китайцы: привезли с собой станки, на которых дубликаты ключей делают, на машинках молнии даже в самые толстые дубленки вшивают, сапожничают, и ведь недорого за свои услуги берут. Но нет, тут же нашлись люди, которые заорали: «Заполонили китаёзы город! Ишь, как расплодился. Русским самим негде работать, а они тут порасселись, как у себя дома». И что интересно, порой это какая-нибудь бабка говорит, которой китаец только что её драные сапоги починил!

Но, впрочем, чему удивляться? Те же самые бабки несколько лет назад на «ура» приняли известие об антиалкогольном законодательстве, строем вступали в общество борьбы за трезвость «пропесочивали» на собраниях коллег, позволяющих себе слабость принимать на грудь. Но когда спиртное стало дефицитом, они и талончиками на водку не стеснялись приторговывать, и выносили поллитровки на продажу из-под полы к вокзалам и другим оживленным местам города. С одной стороны, боролись, милые, против пьянства, а с другой... Эх, мать моя, Россия!

Надежда попыталась, было, поговорить об этом с Михаилом Алексеевичем, но тот отмахивался:

— Ты – женщина, у тебя мозг по-другому устроен, всё не так понимаешь!

Может, она бы и перестала с ним встречаться, но её пугала одна только мысль о возможности навсегда остаться одной. Михаил Алексеевич, конечно, в чём-то упёртый человек, и у него свои тараканы в голове, но при всём том – надёжный, крепкий мужик, именно: мужик, без всяких там интеллигентских заморочек и рефлексий. И намерения у него самые серьёзные. А то, что с ним бывает скучно, — так это, как говорится, стерпится – слюбится.

А вот Андрей.... Надежда всякий раз, как думала о нём, ощущала какую-то сладкую истому, охватывающую её тело чуть ли не до дрожи в коленках. Банально, конечно, но зато точно: одно только его имя напоминало ей о том, что всё-таки есть мужчина, с которым она чувствовала себя самой собой. Но Андрей никаких обязательств ей не давал и, похоже, вовсе её не любил. В его возрасте, как думала Надежда, все молодые люди озабочены лишь одним: кому бы вставить, и желательно без всяких фигли-мигли, просто – секс, и ничего больше.

Как-то, услышав от неё это суждение, Андрей расхохотался и спросил её: «Ты что, делишь человека на «верх» и «низ»? Человек – не скульптура, когда можно отдельно сделать, например, торс, бюст или вообще – только его гениталии. Интеллект и физиология – единое целое, как мне каже-е-ется», — он шутливо растянул это слово, имитируя какого-то сатирика. Надежда попыталась вспомнить, какого именно, но так и не вспомнила. Её поразила ясность и точность мысли Андрея. И он совсем уж удивил её, когда спросил: «Вот, говорят: миром правят голод и любовь. А скажи, что останется, если у человека забрать любовь?»

«Тоска», — хотела ответить Надежда, но промолчала. Андрей, однако, и не настаивал на ответе. Он лишь выдохнул из себя фразу: «Человек должен мыслить и страдать...»

К чему он это сказал, Надежда так и не уяснила, но всё-таки изощрилась и уголками губ выразила грустное понимание, будто и вправду что-то осмыслила. Хотя ей очень хотелось возразить против «страдать». Ну их к чёрту все эти страдания! Настрадались уже... Так хочется тихого, мирного счастья, и чтоб никаких житейских бурь. Уж она бы так любила, так любила, холила-лелеяла, пылинки сдувала со своего единственного мужчины! А тому, кого она видела в этой роли, видишь ли, страдания подавай. Иначе скучно ему, что ли?

Сравнивая Андрея и Михаила Алексеевича, она порой чувствовала себя распоследней поганкой. Это надо же, сразу с двумя мужчинами крутит романы! Как такое можно назвать? Мать, царствие ей небесное, так бы и сказала: «Профурсетка ты, Надя, а порусски – блядь!»

Однако блядью она себя не считала. Жизнь приучила её ничего не усложнять, и потому она считала: чем проще, тем понятнее. Ну, случилось так, что судьба подарила сразу двух мужчин. Так ведь, с одной стороны, радоваться надо: у кого-то и одного нет! А с другой стороны, они разные, и получается: её жизнь как бы расширяется – две истории, два параллельных мира (слава богу, что не пересекаются!), два чувства...

«Ну, насчёт чувств ты, милая, подзагнула, — обрывала себя Надежда. – И параллельные миры – тоже красивая выдумка. Оправдываешь ты себя, Наденька. Потому что на самом деле ты боишься недополучить от жизни то, что должна получить женщина, — но и тут она снова обрывала саму себя, не желая додумывать мысль до конца. – А может, всё гораздо проще, а? Михаил Алексеевич – для надёжности, а вот Андрей – для души... Хм! Ой ли? Для телесных-то радостей Андрюша, пожалуй, получше... С другой стороны, когда я с ним, то и не думаю об этом вовсе. А думаю ли вообще? Господи! Я только одно и твержу сама себе: какая я счастливая, что он у меня есть, и не верю своему счастью. Конечно, я ему не пара. Старше, с ребёнком... Об этом ли он мечтает? Ты даже не знаешь, что у него на уме. Такой странный порой бывает... Его и не поймёшь. Вот Миша, тот весь на ладони: прост и ясен, что думает, то и говорит. Андрей другой... В последнее время он вообще какой-то ...»

Она задумалась, чтобы определить – какой, и не смогла этого сделать. Чувствовала: что-то в Андрее изменилось, причём, довольно серьёзно, но внешне он оставался таким, каким был, разве что чуть резче и нетерпеливее: прежде мог промолчать, не высказывать к чему-то своего отношения, а сейчас – надо же, даже дал понять: не рассчитывай, мол, на меня серьёзно; зовёт мужик замуж – иди, будь счастлива!

«Надоела я ему, что ли? – Надежда взяла со стола зеркальце, оглядела себя. – Вроде ничего ещё я бабёнка, и морщинок новых нет, и цвет лица вполне нормальный без всяких

красок, и зубки – беленькие... А ему всё – не так! Или грешу на него зря, а? Сама в чём-то виновата, вот только знать бы, в чём... И что я ему такого сделала?»

Если бы Надежда была чуть пообразованнее, то, наверное, вспомнила бы знаменитое цветаевское стихотворение про плач женщин всех времён: «Мой милый, что тебе я сделала?» Но, увы, ни Цветаевой, ни Ахматовой она не читала. Впрочем, вообще довольно равнодушно относилась к поэзии, считая её интеллигентскими штучками.

А ещё, сравнивая двух своих мужчин, она вдруг подумала об одной очень интересной вещи. По тому, как мужчина ест, можно почти сразу понять, каким он будет в постели. Если уписывает еду за обе щеки, быстро и жадно, то и в койке так же себя поведёт: сплошная буря и натиск, но пять минут – и готово. А вот тот, кто, как Андрей, разборчив в блюдах, умеет смаковать их, оценивать вкус, аромат, цвет, кто не спешит заглотать как можно больше вкуснятины, а пробует её маленькими кусочками да ещё при этом экспериментирует с разными соусами и приправами, вот тот и в интимных делах – тоже гурман.

Михаил Алексеевич, привыкнув к холостяцкой жизни, особо не утруждал себя готовкой: отобьёт кусок мяса – и на сковородку, курицу сварит: из бульона суп приготовит, а окорочки – на второе; если не поленится, то картошки начистит – вот и гарнир к курятинке. Всё просто, сытно, без затей.

Андрей, напротив, любил экспериментировать. Надежда, думая о нём, не знала, что в этот самый момент он как раз варил в белом вине смесь из рубленой ветчины, тертого сыра чеддер, перца, корицы, гвоздики, имбиря и мускатного ореха. Время от времени помешивая эту кашицу, с кончика ножа он посыпал её шафраном – варево побулькивало, окрашиваясь в мягкий жёлтый цвет.

Кастриюлю окутывало облачкопряного аромата. Волна за волной, он распространялся по всей кухне, выплывал в коридор, просачивался даже на лестничную площадку. Проходившие мимо двери соседи с наслаждением принимали к необычным запахам.

Андрей готовил жёлтые колбаски по старинному рецепту. Когда жидкость выварилась, он выложил густое варево на блюдо. Зачерпывая её ложкой, наполнил смесью хорошо промытые свиные кишки. Их, кстати, ещё надо было умудриться раздобыть: на городском рынке с некоторых пор они стали дефицитом – кишки оптом закупали дорогие рестораны, специализирующиеся на оригинальной кухне. Но у Андрея был знакомый мясник, который и снабжал его чёрт знает чем, — это с точки зрения обыкновенных обывателей, потому что они и вообразить себе не могли, как, допустим, можно есть бычьи яички. Между тем, разрезанные вдоль и нашпигованные фаршем с приправой, затем обжаренные и пропаренные в духовке, они являли собой чудесное и редкое блюдо.

Но Андрей готовил столь экзотические блюда редко, и то, если у него было на это настроение. А вот колбасы он любил. Привыкнув к магазинной их разновидности, немногие знают: колбасы можно делать из чего угодно, существуют сотни их рецептов. Император Гелиобал, к примеру, любил колбаски из крабов, устриц, креветок и омаров – считалось, что эти ингредиенты восстанавливают мужскую силу. А уж после оргий, которые он устраивал, это ещё как было актуально! Англичане, напротив, избегали столь экстравагантной еды, им больше нравилась, допустим, колбаска из пудинга, обжаренная в яйце и хлебных крошках.

Вообще же, колбасы – это поэтика кулинаров. Мадам Поль Скаррон, впоследствии маркиза Ментенон Франсуаза д Обинье, известная больше как фаворитка и вторая жена Людовика XIV, на склоне лет писала: «Я редко завтракаю и ем на завтрак только хлеб с маслом. Я не употребляю ни шоколада, ни кофе, ни чая, поскольку не в состоянии вынести эти заграничные наркотики, — и далее: ...Ничто не в силах восстановить здоровье моего желудка, кроме ветчины и колбас». Они обладают поистине целебными свойствами, если приготовлены не на потоке, а любовно, с соблюдением всех правил, хорошо сдобрены приправами и подаются с пылу-жару. Невозможно представить настоящую мортаделлу, сделанную из смеси свинины, телятины, ливера, соевой муки,

крахмала и искусственных красителей. Но ведь делают, и, не стесняясь, пишут: «Мортаделла». А в Болонье, где её придумали, хорошую мортаделлу готовят из сочной свинины, и никакой, конечно, сои, поскольку сою в Европу завезли гораздо позднее, чем кулинары сочинили один из самых восхитительных сортов колбас!

Надежда пробовала колбасы, приготовленные Андреем, и должна была признаться: никогда не знала истинного вкуса этого, казалось бы, вполне доступного и широко распространённого продукта.

Она считала, что Андрей любит готовить дома. И ошибалась. Ему вполне хватало работы, на которой он полностью выкладывался. А дома Андрей либо что-то стряпал на скорую руку, либо довольствовался обычными продуктами из гастронома – так сказать, оправдывал поговорку про сапожника без сапог. Но иногда, когда его охватывала косматость настроений, было скучно и грустно, или он чувствовал какое-то лёгкое недомогание, — Андрей принимался методично чистить и нарезать овощи, с особым старанием отбивал кусок мяса, стараясь добиться нужной его кондиции, что-то вымачивал или выдерживал в маринадах и соусах, каждый из которых непременно готовил сам, не полагаясь на качество фабричных приправ.

Полностью погружаясь в процесс приготовления какого-то блюда, пусть даже и самого простого, он отходил от дневных волнений, сами собой пропадали мысли о неприятном, наступало спокойствие и умиротворение. Для Андрея это было что-то вроде сеанса психотерапии, хотя об этом он как-то и не думал.

Впрочем, после того, как ему то ли примерещилось, то ли он на самом деле побывал в каком-то странном мире, у Андрея появилось желание сходить к врачу. Ощущать внутри себя какое-то постороннее тело, слышать голос женщины-духа, перемежать явь и виденья, путешествовать в запредельное — разве это нормально?

Но как только он начинал думать о визите к врачу, Ниохта, до того не дававшая о себе знать, насмешливо тянула:

— Ну-ну— уууу... Иди-иди, дорогой! Пусть на тебе клеймо психа поставят.

— И пусть! — сердился он. — Зато, может, вылечат.

— Это не болезнь, милый, — шептала аоми. — Это состояние твоего духа. Ты должен радоваться, что стал избранником...

— Ой, полные штаны радости! — грубо отрезал Андрей. — Шла бы ты куда подальше.

— Не-а, — по-детски непосредственно отвечала аоми, и ему даже казалось: сейчас она высовывала длинный острый язычок и дразнилась им: бе-бе-бе-бе!

— Никуда я не пойду! — продолжала Ниохта. — Ты сам не понимаешь, какое тебе счастье привалило.

— Вот и приваливала бы какому-нибудь нанайцу, — грубил Андрей. — Чего ты ко мне прицепилась-то?

— Дурачок, — смеялась Ниохта. — Никак не можешь понять: шаман — избранник, и разницы нет, какой он национальности.

— Всё равно я от тебя избавлюсь! — отвечал Андрей, чувствуя собственное бессилие.

В ответ он слышал тихий серебряный хохоток. К тому же, аоми цепкой лапкой сжимала ему сердце и, дурачась, покалывала чем-то тонким и острым. Он холодел, морщился и просил:

— Не надо. Пожалуйста!

Аоми, довольная произведённым эффектом, затихала. У него создалось впечатление: она — большая соня, и готова, как сытая кошка, дремать целыми сутками. Но Ниохта непременно давала о себе знать, когда чуяла запах еды. Похоже, она питалась её ароматами: благоухание хорошего жаркого приводило аоми в трепет, а зелёный чай с жасмином, напротив, вызывал тихое умиротворение — она нежилась, добрела, наполняя Андрея теплом.

Жёлтые колбаски, видимо, пришлись ей по вкусу. Андрей почувствовал, как аоми встрепенулась и часто-часто задышала, будто только что пробежала кросс.

— Что-то новенькое, — сказала она. — Такое ты ещё не готовил.

— Что-то старенькое, — усмехнулся он. — Рецепт уже много-много лет.

— Пахнет вкусно, — заметила Ниохта. — Хорошая, наверное, еда?

Андрей в это время укладывал колбаски в горячий соус, чтобы они побыстрее им пропитались.

— А что, попробовать хочешь? — спросил он.

Аоми всегда ждала приглашения отведать то или иное блюдо. Наверное, в этом был какой-то тайный ритуальный смысл: если она дух, то ей полагалось подносить дары. Видимо, она не могла снизойти до того, чтобы самой взять то, что ей очень хотелось. Обязательно – приглашение!

— Да, я не против, — призналась аоми, — тем более, что твои гости могут всё съесть и ничего мне не оставить.

— Какие гости? — удивился Андрей. Он никого не ждал.

— А те, которые сейчас к тебе придут, — уточнила Ниохта. — Мужчина и женщина. Ты их знаешь.

— Сейчас придут? — Андрей растерянно оглядел кухню. — У меня тут такой бардак, всё разбросано, чужие люди могут подумать: неряха, мол, и всё такое. Можно, впрочем, притвориться, что меня нет дома.

— Не советую, — хмыкнула аоми. — Во-первых, из твоей квартиры на весь подъезд пахнет свежеприготовленной пищей – значит, ты дома. А во-вторых, эта парочка может усесться у дверей и ждать тебя, сколько потребуется.

— Да кто же это?

— А сейчас и узнаешь...

В ту же секунду в дверь позвонили и Андрей, раздосадовано вытирая руки прямо о фартук, чего он себе вообще-то никогда не позволял, пошёл в прихожую. В глазок он сначала увидел букет ярких цветов, который чуть сдвинулся и оказался украшением на соломенной шляпке. Шляпка почти наполовину закрывала лицо своей обладательницы, но по ярко накрашенным губам Андрей узнал: это – Марго. За её спиной разглядел он разглядел силуэт какого-то мужчины.

Делать нечего, он открыл дверь, поскольку догадывался: эта экстравагантная дама, несомненно, своего добьётся.

— Здрасьте! – Марго жизнерадостно впорхнула в прихожую. — Уж вы нас, Андрей, извините: незваный гость – хуже татарина, всё понимаем, всё! Но что делать? Приходится быть незваными-нежданными? Ах, какой очаровательный у вас амбрэ стоит. Благоухание! Нечто экзотическое готовите? Ой, нет-нет, на обед мы не напрашиваемся! Правда, Сергей Васильевич?

В дверь робко протиснулся Сергей Васильевич и, переминаясь с ноги на ногу, неловко пожал плечами, всем своим видом показывая: он ни в чём не виноват – это Марго его притащила, он за компанию с ней, извините-простите.

Марго же трещала без умолку, при этом она непринужденно сбросила с ног туфли, мимоходом элегантно поправила шляпку перед зеркалом, послала сама себе нежный воздушный поцелуй и решительно направилась в сторону поразившего её аромата. При этом её ноздри трепетали, вбирая в себя пряный дух жёлтых колбасок.

— Мы к вам на минуточку, — щебетала Марго. — Извините, что тревожим вас в законный выходной. В кафе сказали: ваша смена завтра. А у нас такое дело, такое дело...

Сергей Васильевич степенно кашлянул и перебил Марго:

— Дело, в общем, такое: помогите нам попасть в пещеру.

Андрей, ошеломлённый вторжением Марго, вообще растерялся:

— Какая пещера? И при чём тут я?

Марго, между тем, вновь защебетала:

— Ах, я такая-растакая! – она хохотнула. — Без приглашения хозяина – сразу на кухню. Но так интересно, так уж любопытно: что это тут у вас готовится? Ох, какие

симпатичные колбасочки, и сочные на вид, и душистые... Я потрясена! А пещера – это пещера возле Сакачи-Аляна. Мы там вчера были, но ничего не поняли. А вы как готовите это блюдо? Возни с ним, наверное, много? Но зато, ах-ах, так экзотично! А пещера и вправду – сплошная загадка. Но для меня загадка, что это за приправа такая, острая и нежная одновременно? У неё такой возбуждающий аромат... А в пещере – темно, слизь какая-то на камнях, бррр. И никакого входа!

— Да что же это такое? – вскричал Андрей и потряс головой, потрясенный бурным словоизвержением Марго. – Вы можете толком объяснить, что происходит?

Сергей Васильевич укоризненно покачал головой, решительно отодвинул Марго и предстал перед Андреем. Он не так часто позволял себе столь неделикатные действия по отношению к даме и потому чувствовал себя неловко. Чтобы скрыть смущение, Сергей Васильевич панибратски подмигнул Андрею:

— Помните, я сразу почувствовал: у вас особая энергетика. А тут выясняется, что вам известна тайна входа в тоннель. Как только я вас увидел в тот день на площади, так понял: у вас необычные способности, и не ошибся...

От того, что он повёл себя слишком по-свойски и прямолинейно, Сергей Васильевич почувствовал ещё большую неловкость, но, решив, что прелюдия затянулась, решительно заявил:

— Нам стало известно, что вы – проводник, обладатель поистине бесценного дара. В пещере, о которой речь, существует потайной вход в тоннель, — он понизил голос, будто говорил об архиважном секрете. – Тоннель соединяет два мира – наш и иной, я не знаю ему точного названия. У меня свой интерес узнать о нём как можно больше, у Марго – свой. Только вы, молодой человек, можете нам помочь.

«Глупцы! – услышал Андрей голос Ниохты внутри себя. – Они ищут то, не знают что – как в русских народных сказках. Верят в какие-то другие измерения, параллельные миры и прочие выдумки. Мир – это просто мир: и ваш, и наш, и всех других существ, видимых и не видимых, — это единая сфера обитания. Незрячий никогда не увидит её. Они ищут вход не там. Хотя, — она хмыкнула и почему-то развеселилась, — он может быть, конечно, и там, где они думают. А искать его не стоит. Он всегда открыт. Просто нужно знать, как в него войти. Скажи им, что каждый должен найти этот путь сам. Если, конечно, хочет найти, а не только мечтает... Ох уж, эти мне мечтатели!».

Прямолинейность Сергея Васильевича была столь же некорректна, сколь и невинна. Ему надоело ходить вокруг да около, тем более – напару с Марго: за то время, что они провели вместе, Уфименко буквально ошалел – и от её словоохотливости, и от непредсказуемости, и эдакой бесшабашности, которая сначала воспринималась как шарм, но, скорее, это было то, что молодежь определяет весёлым словом — «безбашенная».

Назвав Сергея Васильевича и Марго мечтателями, аоми презрительно фыркнула и замолчала. Так она делала всякий раз, когда не хотела больше ни во что вмешиваться – поступай, мол, как хочешь сам. А он не знал, что делать. Эта парочка хотела от него невозможного: он тоже хотел бы владеть тайнами сакачи-альянской пещеры. Если они, конечно, вообще существуют, а не являются выдумкой досужего ума. И Сергей Васильевич, и Марго производили впечатление людей, у которых полным-полно свободного времени, и потому его не жалко тратить на различные иллюзии. Но при всём том они были недалеко от истины: мир ещё не весь открыт.

— Не совру, если скажу: потаённый секрет пещеры мне неизвестен, — сказал Андрей. – Лучше бы вам поговорить с местными жителями. Может, старики что-то знают. Есть там одна бабка. У неё чудное имя...

— Чикуюэ её зовут, — кивнула Марго, и посмотрела на Андрея так, как будто знала о нём больше, чем имела право сказать. – Она и подсказала, что вы нам можете помочь. Случайно ли, неслучайно ли, но у вас в руках оказался пояс сильного шамана.

— Так что с того? – Андрей пожал плечами. – Теперь он не более, чем ...ээээ... игрушка. Висит на стенке как украшение.

Ни в чём признаваться он не хотел.

— Вы лукавите, — ласково улыбнулась Марго и в её зрачках блеснули жёлтые искорки. — Этот пояс даёт силу, и вы знаете, что это за сила, не так ли?

— Не так, — Андрей постарался улыбнуться тоже ласково, но и пренебрежительно одновременно. При этом опять-таки не соврал: он на самом деле не знал всех возможностей шаманского пояса.

Сергей Васильевич давно догадался, что Андрей обескуражен их вторжением к нему, и с ним не стоит говорить в столь категоричной форме: в конце концов, он им ничем не обязан. Захочет — скажет. Но при условии, что почувствует к ним доверие.

Андрей пытался — именно: пытался — выглядеть ничего не понимающим, но при этом постоянно отводил глаза в сторону и старался не смотреть на собеседника прямо. Сразу понятно: что-то скрывает, не хочет говорить откровенно.

А ещё Сергей Васильевич отметил лёгкие круги под глазами Андрея, бледный цвет кожи и то, как он нервно покусывал нижнюю губу. Скорее всего, парню нездоровилось. Сам Уфименко в таком состоянии не был расположен к долгим разговорам, капризничал, как малый ребёнок, и сам не знал, чего хотел, вернее, знал: чтобы его оставили в покое. Потому Сергей Васильевич решил, что лучше, как говорится, не бежать впереди собственного визга — надо постепенно разговорить Андрея, вывести его на откровенность.

Жёлтые колбаски, между тем, давно пропитались соусом, ещё немного — и совсем остынут, а холодные они не такие вкусные. Андрей не любил снова разогревать только что приготовленное блюдо — как ему казалось, оно теряло свою первоначальную свежесть. Впрочем, на колбасы это правило не распространялось. Однако с пылу-жару они всё-таки были вкуснее.

По своей деликатности Андрей не мог предложить незванным гостям покинуть дом, хотя, казалось бы, дал им понять: разговаривать не о чем. С другой стороны, его мучило любопытство: зачем эта парочка разыскала какую-то таинственную пещеру под Сакачи-Алянгом и с чего это вдруг старуха Чикуюэ вспомнила о нём? Значит, волей-неволей надо пригласить их к столу: сам он давно уже хотел есть, да и аоми, испытывая голод, время от времени напоминала о себе пощипываниями и похлопываниями. Вообще, колбасок он наготовил с таким расчетом, чтобы их ему хватило ещё дня на два, но ничего не поделаешь — придётся делиться.

— Вы, наверно, проголодались? — спросил Андрей. — Я как раз обедать собирался...

— Нет, что вы, что вы! — зачирикала Марго, конфузливо поджимая губки. — Ну совершенно ничего не хотим, разве что кусочек... Ах-ах, такой аромат! Мы не напрашиваемся, боже помилуй! И совсем не голодны. Разве что так, для приличия, чтоб вас не обидеть... Лично мне совсем немножко надо — я, как птичка, клюнула разок-другой, и сыта.

Однако колбаски она склевала только так, и всё — играючи, шутя, беспрестанно болтая о том — о сём. Сергей Васильевич в еде был степенен, и разговоры тоже вёл степенные.

— Недавно читал одну книжку, — рассказывал он, — и в ней утверждается, что астрономы вышли на след параллельных миров. Дело в том, что профессор Джозеф Силка из Оксфорда доказал: наша Вселенная имеет шесть пространственных измерений.

— Ой, тоже мне открытие! — встряла Марго. — Да сегодня только домохозяйки верят в то, что пространство имеет три измерения, как тому их в школе учили.

— Домохозяйки верят в три измерения, потому что они даны нам в ощущениях, — заметил Сергей Васильевич и, кашлянув, продолжал: Сам факт существования, так сказать, дополнительных измерений выводится из странного поведения темной материи.

— Ой-ой-ой! — хихикнула Марго. — Все говорят о темной материи, но на самом деле её никто не видел.

— Тем не менее, частицы неизвестной природы открыты учеными, — не обращая внимания на скепсис Марго, продолжал Сергей Васильевич. — Из этих частиц на 25

процентов состоит наша Вселенная. Ещё на 70 процентов она состоит из так называемой темной энергии с положительной плотностью и отрицательным давлением. Только лишь от трех до пяти процентов Вселенной – это материя, состоящая из протонов, электронов, нейтронов.

— О, это наша, родная материя! – радостно отозвалась Марго. – Мы – исключение из общего космического правила: всё из какой-то там темноты, а мы – особенные: три, ну, может, пять процентов всего! Уникальные, неповторимые, единственные в своём роде...

Андрей, поддерживая разговор, тоже говорил о книге, в которой описывалось зарождение жизни, — и ему теперь казалось: миллионы лет назад что-то случилось во мраке вечно тёмной Вселенной, может, ей стало скучно однообразие – и она, забавляясь, что-то такое перемешала, взбулькала, встряхнула и, попробовав на вкус, сморщилась и выплюнула этот коктейль, а он никуда не исчез. И даже, как на дрожжах, принялся стремительно расти.

— Эх! – сказала Марго, печально покачав головой. – Мы и о себе-то ничего не знаем, а уж о Вселенной и подавно. Всякие гипотезы, похожие на сказки, придумываем, и даже восхищаемся: вот, мол, какие умные-разумные...

— Да чего там восхищаться? – неожиданно рассмеялся Сергей Васильевич. — Если мир имеет шесть пространственных, а то и больше измерений, то человек похож на тень, которая никогда не видит своего хозяина.

— Хм! – хмыкнула Марго подцепила очередную желтую колбаску. – Вы считаете, что и у человека есть хозяин, для которого человек – тень?

И тут Андрей почувствовал, как аоми прямо-таки подпрыгнула в нём и, давась от смеха, шепнула:

— Эта дамочка и понятия не имеет, что у каждого человека есть панян. Нанайцы так называют душу. Панян, как и сам человек, может жить сам по себе: ходит, спит, охотится, навещает знакомых и друзей своего хозяина, бывает в тех местах, которые он любит. Панян – тень человека, и она его видит. А иначе как бы панян помогал своему хозяину, если бы не зрел его?

Она снова вздрогнула от приступа смеха, и, послушав пространный монолог Марго, суть которого сводилась к тому, что сущности, живущие в разных измерениях, не могут воспринимать друг друга, развеселилась ещё больше:

— Ой, держите меня! Сейчас лопну от смеха...

Аоми теперь напоминала беззаботную хохотушку, которая рада позубоскалить над чем угодно, лишь бы повеселиться. Андрея удивляли эти внезапные её перемены, но, впрочем, он уже начал к ним привыкать.

— Скажи же ей, скажи: панян может стать коцали! – заявила она. – Пусть эта дамочка знает: коцали – это духи, мешающие охотнику или рыбаку. Они представляют собой паняны родственников человека, его знакомых или товарищей. Если знакомый охотника не хочет, чтобы тот добыл зверя, то его панян превращается в коцали и следует тенью за охотником: отпугивает от него лесную живность, переворачивает капканы, всячески вредит. Но бывает и так, что любимая жена, желая мужу удачи, невольно вредит: её коцали излишне суетлив, бестолково носится за встречными зверями, пытаясь загнать их на тропик охотника, а они лишь пугаются и разбегаются. Потому когда промысловик находится в тайге, его домочадцам запрещается думать о нём, а ещё нельзя скандалить и ругаться. Потому что гул домашних неурядиц попадают в ловушки таёжника, звери слышат его и ни за что не подойдут к западне или капкану.

Получалось, коцали и видели, и слышали человека. Но и человек тоже порой их видел, как видит собственную тень. Чаще, однако, он лишь чувствовал их невидимое присутствие, и тогда, чтобы справиться с этими врединами, охотник делал из веточки хвои или пучка сухой травы колечко, иногда просто перевязывал соломой лыком так, чтобы получались условные фигурки собаки, совы или какого-нибудь другого животного. После этого он будто бы невзначай открывал дверь зимовья, изображал на лице

удивление: «А-та-та! Эй, найсал исихачи биэсину! Гудиэлэ, дёнгомариа дичичитэниэ...»*39

Он приглашал невидимых гостей в зимовье, угощал их чаем, разговаривал с ними о житье-бытье, всячески демонстрировал своё дружелюбие, не забывая, однако, время от времени произносить «цовал-л-л»*40. Но в виду он имел не добродушный гомон собеседников, а совсем другое: указывал гостям на приготовленное колечко или фигурки животных – прыгайте, мол, в них, в их обличье вам будет удобнее беседовать со мной. Он даже мог предложить колечку покурить: протягивал ему самокрутку или ставил перед ним трубку. А когда, по его мнению, коцали расслаблялся и уже не думал об опасности, охотник хватал прут и начинал лупить колечко, бранил его и кричал: «Пуйк! Пуйк!»*41.

Андрея рассмешило это «пуйк-пуйк», и он невольно улыбнулся. Марго перестала щебетать и, пожав плечами, с обидой нахмурилась:

— Что я такого смешного сказала?

— Да нет, ничего, — Андрей поспешно принял серьёзный вид. — Это я о своём подумал. К вам не относится.

— А вот я категорически не согласен с вами, уважаемая, — сказал Сергей Васильевич. — Все, наверное, слышали о племени майя, вернее называть их не племенем, а народом. Поразительная цивилизация, удивительная культура, сплошные загадки! Вы знаете, что от майя сохранилась легенда о том, что они пришли на Землю из четвёртого измерения?

— Нет, — признался Андрей. — Хотя об этом загадочном народе разве кое-что читал, но такой легенды в книгах ни разу не встречал. Жалко, что цивилизацию майя уничтожили конкистадоры.

— А вы уверены, что уничтожили? — усмехнулся Сергей Васильевич. — Майя знали о времени так много, что, видимо, умели пользоваться этим свойством материи. Они пришли на Землю известной им дорогой, по ней же и ушли обратно.

— Хотите уязвить меня? Ну-ну! — Марго закурила и, сделав губки бантиком, выпустила изящное колечко дыма. — Типа: люди другого измерения были физически вполне реальны, даже оставили нам памятники своей культуры и всякое такое...

— Ну, и это тоже, — уклончиво ответил Сергей Васильевич. — Мне не даёт покоя больше другой вопрос: для чего в земном шаре существуют мощные тоннели и кто их прокладывал?

— А вы уверены, что они не плод вашего воображения? — лукаво улыбнулась Марго.

Она поняла хитроумную уловку Сергея Васильевича: заговорив о загадочных тоннелях в недрах Земли, он обязательно напомнит о существовании подземелья под городом Ха и его окрестностях. И правда, Уфименко вдохновенно повествовал о том, что можно прочитать в многочисленных книжках из серии «Таинственное и неведомое»: под землёй действительно встречаются загадочные многокилометровые ходы, будто специально кем-то проделанные — какими-то гигантами, наверное. Некоторые исследователи, не сдерживая полёт фантазии, предполагают самые невероятные вещи. Например, и до нас существовала высокоразвитая цивилизация, которая изобрела оружие невиданной силы. От него и пострадала. В огне сгорели цветущие города, погибли памятники и библиотеки — огненный смерч прокатился по всей планете, уничтожая всё живое. Немногие уцелевшие спаслись под землёй.

— Вы книжки-то Мулдашева читали? — спросил Сергей Васильевич.

Марго закатила глаза, скривила губы и фыркнула:

— Да ну его! Этот профессор совсем с ума сошёл: считает, что в пещерах Тибета сохранились атланты, пребывают там в состоянии сомати*42 и когда-нибудь очнутся от глубокого сна. Видеть их могут только особые люди, — она искоса глянула на Андрея, и Сергей Васильевич догадался: Марго специально говорит скептически, чтобы задеть парня. Возможно, она предполагала: Андрей — тоже особый человек, и, может, ему что-то известно о загадках подземелий.

Особые люди, которых на Тибете уважают и считают посвященными в древние тайны, могут входить в пещеры, где спят человекоподобные гиганты. Ни одному обычному смертному никогда не удастся даже взглянуть на них: подземелья окружены энергетической защитой, а может, тут и вправду стоит, как гласят легенды, многотысячное воинство духов – они напускают на пришельца морок, вызывают сильнейшие головные боли, повреждают его рассудок и, если он не остановится, лишают его жизни. Костями храбрецов, искавших истину, усеяны подступы к тем пещерам. И не смотря на это, новые поколения безумцев устремляются в горы Тибета, похожие на рукотворные пирамиды, и читают мантры, и пытаются постичь темный смысл хрупких, готовых рассыпаться манускриптов, и ничто не способно их испугать – они, подобно первопроходцам, готовы неустанно идти вперёд, и терпеливо сносить все лишения, только бы войти в пределы незнаемого прежде мира.

А то, что знают особые люди, — это, возможно, и не знание даже. Что, допустим, ведаёт о человеке муравей, ползающий по его телу? Да ничего! Но тем не менее – ползает, и тем не менее знает: человек – это гигант, способный, даже не заметив, раздавить его – могущественное сверхсущество, атлант, бог! Вот и тибетские особые люди, получившие доступ в тайные пещеры, не те ли самые муравьи? От муравьёв, кстати, бывает польза: например, муравьиная кислота. И от особых людей тем, кто находится в сомати, тоже есть, наверное, какая-то польза. Зачем-то же их допускают в подземелья почивающих в анабиозе гигантов.

Андрей слушал Сергея Васильевича и Марго, но ничем не выражал своего отношения ни к якобы спящим в пещерах атлантам, ни к сомати, ни к иным мирам. Ему было смешно слушать рассуждения Уфименко, но возражать он не стал. А зачем? Что он сам-то знает о реальности, открывшейся ему в конце тоннеля? Да ничего! Как муравей...

— Как муравей, — вслух повторил Андрей.

— Не как муравей! – одернул его внутренний голос. – Ты – избранный!

— Что? – переспросил Сергей Васильевич. – Какой муравей?

— Тот самый, что ползает по телу человека, — смугился Андрей. – Понравился образ. Неужели все мы – такие муравьи?

— Избранник духа – не муравей! – прикрикнул внутренний голос. – Помолчал бы ты, а? Не соображаешь, что ли: им нужно убедиться, что ты знаешь нечто, — Аями шепотом выделила последнее слово. – Пока им не стоит открываться. Каждый должен пройти свой путь к неизвестному...

Марго, между тем, пустилась в рассуждения. Она не верила ни в каких гигантов, ни в сомати-пещеры, хотя допускала мысль: может быть, несколькими поколениями людей пришлось жить в тоннелях. Постепенно лишь в преданиях остались воспоминания о коврах-самолётах, яблочке на тарелочке, которая, как телевизор, показывала «картинки», сапогах-скороходах (а может, это какие-то неизвестные нам индивидуальные средства передвижения?), шапке-невидимке и прочих изобретениях, бывших повседневной реальностью. Наверное, люди в самом деле когда-то видели Змеев Горынычей и сказочных драконов – это, скорее всего, были птеродактили. Реальность, смешавшись с фантазией потомков, создала фантастические образы, только и всего.

— Забыв обо всём, что было, человек снова робко вышел на поверхность планеты, и начал всё сначала, — вдохновенно поблескивая глазами, вещал Сергей Васильевич. — Но там, в подземельях, всё-таки кто-то остался. Может, это уже и не люди...

— А кто? – наивно спросила Марго и снова покосилась на Андрея.

— Не знаю, — пожал плечами Уфименко и тоже искоса глянул на Андрея.

И тут Ниохта ухватила Андрея холодными лапками, шепнула:

— Ох, какие упорные! Так и хотят выведать твою тайну.

— Вижу.

— Они не посвящённые, им незачем знать то, что знаешь ты. Помни об этом!

— Но, может, у них не досужее любопытство. Что, если им нужна моя помощь?

— Определённо, им требуется помощь. Особенно этой дамочке. Но шаман ей не поможет, пусть к психиатру идёт.

— А я что? Уже шаман? Ну, ты даешь!

— Скоро станешь им, — пообещала аоми. — Если меня слушаться будешь. А так, получается: я тебе навязываюсь...

— А разве нет?

— Молчи!

Наблюдательная Марго заметила заминку Андрея, и, конечно, дала ему об этом понять:

— Вы как будто с кем-то постоянно переговариваетесь. Или это мне только кажется?

Андрей хотел ответить в том смысле, что если кажется, то надо креститься. Но от такой неделикатности его спас звонок в дверь. Он с облегчением подскочил, извинился и пошел открывать.

Это была Настя.

Сияющая, весёлая, нарядная, она вошла в прихожую — и сразу всё вокруг преобразилось: стало будто бы светлее, чище и радостнее. Кто бы мог подумать, что совсем недавно Андрей видел её в образе омерзительной лярвы? И вот из этих милых, чуть приоткрытых губ, которыми она прикоснулась к его щеке, высовывался гадкий смердящий язык, усыпанный шипами?

Вспомнив видение, Андрей невольно отпрянул от Насти. Она почувствовала себя уязвлённой: столько не виделись — и вот, как-то странно себя ведёт. К тому же, Настя обнаружила на полу изящные дамские туфельки.

— У тебя гостя? — спросила она. — Я не вовремя?

— Зашли знакомые по делу...

— Красивые туфельки! — Настя закусила нижнюю губу. — Она тоже интересная?

— О чём ты подумала?

— Догадайся с одного раза!

Но заниматься мобильным гаданием Андрею не пришлось. Из кухни вышел Сергей Васильевич, смущённо кашлянул:

— Здравствуйте. Я со своей знакомой зашёл к Андрею на минутку — получилось больше.

Он явно выручал Андрея.

— Ой, — оживилась Настя. — А я-то думала, что..., — и, смутившись, прервалась, бросила быстрый взгляд на Андрея и ещё больше смутилась. — Я без предупреждения. Андрей... Наверно, надо было позвонить? Вдруг я вам помешала...

Но тут явилась Марго и, сдвинув шляпку на затылок, отчего сразу приобрела заливчатый вид, всплеснула руками:

— Ничего подобного! Это мы тут, честно говоря, подзадержались. Ваш Андрюша — интересный собеседник, — она льстиво улыбнулась Андрею. И тот смешался: он ведь больше молчал, чем говорил. А Марго, не обращая на это внимания, продолжала самозабвенно чиркать:

— А как готовит, боже мой! Пальчики оближешь! Андрюша, обязательно дайте мне рецепт жёлтых колбасок, буду своих гостей удивлять. Ах-ах! Что за прелесть эти колбаски!

Настя не любила колбасу. Андрей знал: у неё была какая-то особая диета — для того, чтобы вес держать. Она не любила про это говорить, но иногда вздыхала: надоело, мол, на овощах и фруктовых соках сидеть. Андрей жалел её: даже ради красивой фигуры не стоит ограничиваться — на свете существует так много разных блюд, и не сосчитать: каждое — особенное, и стоит попробовать всё, что только можно; человек порой и не подозревает, что всю жизнь ел не то, что хотел, и совершенно напрасно ограничивал себя кашками или протертым пюре из овощей.

— Охотно верю, — Настя деликатно улыбнулась Марго. — Как-нибудь попробую. Просто мне больше нравятся овощи, — она не стала распространяться о своей диете более подробно. Есть такие вещи, о которых женщины говорят неохотно, особенно в присутствии любимых мужчин: секрет их красоты сильной половине знать необязательно.

— Одно другому не мешает, — Марго изрекла это как непреложную истину. Обычно подобные банальности говорят, когда уже не знают, о чём беседовать, — вроде диалога о погоде.

Явление Насти оказалось совсем некстати: Марго считала, что ещё совсем-совсем немного – и Андрей всё-таки проговорится. Старуха Чикуюэ ведь уверяла: шаманский пояс, попавший ему, даёт силу. Что это за сила, бабка объяснять не стала, но намекнула: покойный шаман был сильным – много знал, духи его уважали, помогали видеть сквозь землю и открывали вход туда, куда обычным людям путь заказан. Он считался избранником духов, которых добрыми не назовёшь, как, впрочем, и злыми – тоже. Духи – это духи, их сущность непостижима, но чаще всего они кажутся злыми, да так оно и есть: напускают хвори, всячески вредят, мешают охоте и рыбалке, испытывают силу и выносливость человека; с ними надо держать ухо востро, постоянно задабривать подношениями, не сердить их, но, случается, и острастка требуется – отругать келе, прогнать разбушевавшегося сеона, закрыть от духов дом берегами и талисманами, а то и вовсе заманить какую-нибудь анчутку внутрь специально выструганной деревянной фигурки: дух окажется в заточении, и ничего худого не сделает.

Правда, без шамана всё равно с ним не справиться. Чикуюэ рассказывала: лишь шаман знает, как правильно говорить со зловредными духами и как их урезонить, — все их тайны ему открывались через личного сеона. Этот дух вселялся в тело избранника, который был вынужден терпеть его присутствие, кормить, холить и лелеять – и за это сеон помогал человеку лечить других людей, предсказывать будущее, понимать язык птиц и зверей, общаться с душами умерших и даже путешествовать во времени и пространстве.

Последнее особенно взволновало Марго. Если шаману дозволяется проникать во время и пространство, то он может очутиться в незапамятной тьме и, может, лично взглянуть на ту нанайскую женщину Мамелжи, которая пальцем выдавила на расплавленных камнях свои рисунки. Что же она хотела передать идущим ей вослед? От этих писаниц исходит нечто особенное – воздух как бы струится и колеблется подобно июльскому мариу, и от камней будто бы исходит тихий древний свет. В рисунках — история хала Мамеджи или всего народа? А может, это своеобразная каменная книга, в которой записаны знания древних об этом мире, его богах и демонах? Много разных вопросов крутилось в голове Марго, но больше всего ей хотелось узнать правду о трёх солнцах.

Старуха Чикуюэ что-то об этом знала, но на все вопросы отвечала уклончиво:

— Смотри на камни – и они откроются тебе. Спрашивай их – они ответят тебе. Камни не молчат. Их нужно уметь слушать...

— Я стараюсь, — робко улыбнулась Марго. — Но камни не слышу. И вижу только пиктограммы, а их смысл скрыт от меня.

— Ум затмевает взор, — задумчиво произнесла старуха и покачала головой. — В этом всё дело.

Она повертела чертёж, который ей дал Сергей Васильевич, провела темным ногтем большого пальца по линии, прочерченной маленьким дебиллом, и вдруг спросила:

— А где ребёнок?

Уфименко понял, что Чикуюэ спрашивает о малыше. Никто его не хватился, и он с Марго ума не мог приложить, куда девать этого дадакающего, отрешённого от мира карапуза. Его просветленный лик, безмятежные глаза и равнодушие к окружающему наводили на мысль: ребёнок психически явно нездоров. Один-единственный раз в его действиях появилось нечто осмысленное, когда малютка схватил фломастер и

решиительно провёл линию к пещере. Причём, не просто линию! Он поставил точку, покрутил кончик фломастера, увеличивая её, и радостно изрек:

— Да!

Поскольку оставить его было не на кого, Сергей Васильевич и Марго решили взять малыша с собой в Сакачи-Алян. А уж по возвращении можно будет обратиться в приют для беспризорных или какой-нибудь детдом, а то и в милицию – пусть либо родителей ищут, либо берут на воспитание.

В автобусе карапуз спокойно дремал рядом с Марго. Убаюканная равномерным движением, она тоже заснула, а когда открыла глаза, обнаружила: ребёнка нет. Марго подумала, что своевольничал и пересел на одно из свободных мест, но и там его не обнаружила. Сергей Васильевич тоже дремал, и куда пропал дадалка, не знал.

Обескураженная Марго решила спросить пассажиров, не видели ли они чего: может, малыш вышел на какой-то остановке?

— А его дед-нанаец забрал, — откликнулся водитель. — Смотрю: на повороте голосует, а кругом – лес, ближайшее село километрах в пяти. Какой, думаю, чёрт занёс сюда старика. А он остановил автобус, и ваш ребёнок сам к нему пошёл – радостный такой, смеется и без конца: «Да-да, да-да, да-да...» Ну, думаю, видно, дед его. Мальчонка-то, кстати, явно нанайчонок. А что, это не его дед был?

Марго сочла благоразумным пробормотать нечто нечленораздельное и сделать вид, что всё в порядке, хотя у самой кошки на душе скребли: да что же это за ребёнок такой? Внезапно появился – внезапно исчез. И если даже предположить: его специально поджидал какой-то родственник, то откуда ж этому старику было известно, что малыша повезут в Сакачи-Алян именно сегодня и непременно на этом рейсе? Загадка!

— Успокойтесь, — шепнул ей Сергей Васильевич. — Всё нормально. Мне сразу показалось: это не совсем обычный ребёнок. Его послало нам само провидение.

— Ой-ой-ой, — Марго сморщилась, — не смешите меня: провидение, — она передразнила его. — И вы верите в эти сказки?

— Я верю в то, что жизнь иногда удивительнее самой разволшебной выдумки, — ответил Сергей Васильевич.

Но откуда же, откуда и старуха Чикуюэ знала о том таинственном малыше? Марго уже не сомневалась, что с ним связана какая-то тайна.

— А мне сон был: ребёнок едет к нам, — ответила Чикуюэ на безмолвный вопрос Марго, чем ещё больше удивила её. — Этот ребёнок знает больше, чем самые мудрые взрослые. Он смотрит сердцем.

Старуха что-то сказала ещё по-нанайски, но переводить не стала, лишь собрала гармошкой морщины вокруг рта и со счастливой улыбкой выдохнула:

— Бо-Эндули!

А что это такое, Марго было неизвестно.

Если бы она догадалась передать разговор с Чикуюэ Андрею, и упомянула бы это слово, то, возможно, он бы не удержался и сообщил, что тоже видел отрешённого малыша-крепыша. Но не тут, а Где-То Там, чему названия пока не знает, а, может, и знает, но всё равно не скажет.

Настя, между тем, чувствовала себя довольно стеснённо: как-то так получилось, что разговор шёл в прихожей, Андрей переминался с ноги на ногу, Сергей Васильевич конфузился, а Марго без умолку болтала обо всём на свете, явно стараясь вызвать к себе если не уважение, то симпатию подруги Андрея. Она давно уяснила одну простую истину: хочешь, чтобы мужчина тобой заинтересовался, стань лучшей подружкой его подруги. Интерес, правда, у неё был совсем иного свойства, но он тоже подпадал под это правило.

Настю, однако, раздражала назойливость Марго, и, к тому же, она хотела остаться с Андреем наедине. Очень по нему соскучилась!

Сергей Васильевич оказался деликатнее Марго. Он решительно присел на пуфик и, обуваясь, сообщил:

— Нам пора. У нас ещё кое-какие дела есть.

— Какие? – вскинулась Марго. – Кажется, у нас одно дело было. Мы не случайно к Андрюше зашли...

— Маргарита, выйдем – и я вам напомню, какие дела, — пробурчал Сергей Васильевич, злясь и на Марго, и на непослушный ботинок, который никак не хотел надеваться на ногу. А спросить, есть ли в этом доме обувной рожок, он стеснялся. И так хозяину доставили массу беспокойств.

Делать нечего, Марго изящно впрыгнула в свои туфельки, поцокала каблучками, подхватила свой ридикюль и с сожалением глянула Насте в глаза:

— Ах, мы с вами так мало пообщались, но, надеюсь, ещё увидимся!

— Надеюсь, — подтвердила Настя, а сама подумала: «Вот ещё!»

Как только за гостями захлопнулась дверь, она обняла Андрея и спросила:

— Ты соскучился?

— Да.

— Сильно-сильно?

— Да.

— Зая, а я-то уж, котик, как соскучилась!

Ну, как вы думаете, что ещё может выдумать влюблённая девушка? Правильно: много чего! Котик и зайчик в одном лице – это было только началом...

12.

Он хотел сказать ей много-много самых прекрасных слов, какие только есть в языке: милая, единственная, прекрасная, неповторимая, любовь моя, лучшая из всех женщин Земли, звёздочка ясная, ненаглядная, солнышко – и говорить ещё и ещё, но на мгновение что-то будто щёлкало в мозгу, и включало в нём зануду и рационалиста: всё сказанное и несказанное казалось вдруг нелепым, смешным и даже глупым. А самое главное, он понимал: это так банально, и старо, как мир, — миллионы мужчин говорили, говорят и будут говорить своим женщинам те же самые слова, и даже любимых животных и птиц перечисляют одних и тех же: зайчик, киска, медвежонок, мышка, белочка, лебёдушка, сокол ясный, пёса и тому подобное (впрочем, в списке любимых животных есть стойкие исключения: почему-то спросом не пользуются носороги, крокодилы, скунсы, олени, а также прочие рогатые, а также парнокопытные: свиньёй или поросёнком редко кто называет другого человека в порыве страсти).

Настя сердилась на него за его короткие «да – нет», ей не хватало только обожания и желания в его глазах; нежные объятия, долгие поцелуи, ласковые прикосновения она считала само собой разумеющимся, а вот слов – глупых, смешных, банальных ей не хватало. Если бы даже он твердил, как попугай, «люблю» — сто, двести, триста раз, это понравилось бы Насте, но Андрей считал, что подобным занимаются те мужчины, которые и самих себя хотят убедить: любят именно эту женщину – самогипноз, так сказать, внушение, медитация, а, может, заклинание – прежде всего, самого себя, а уж потом – женщины.

Увы, Андрей относился к тому типу мужчин, которые не любят разбрасываться словами, сдержанны в своих клятвах и обещаниях – если они кого-то выбрали, то, как правило, это надолго и всерьёз. Даже то, что они сами считают как бы несерьёзным, — всё равно нешуточно: обычный флирт порой перерастает у них в нечто основательное и постоянное.

Андрей любил Настю, но у него была и Надежда. Две женщины. И каждая – необходимая. Только необходимыми они были по-разному: Настя – восторг и счастье,

бой барабана в сердце и тихое обмирание, невыносимая лёгкость и головокружительный полёт, её тело – продолжение его, а может, и не продолжение: можно ли створки раковины считать продолжением друг друга? Надежда – совсем другое: он считал её другом, и даже иногда в шутку упоминал известную фразу Антона Павловича Чехова о том, что женщина становится мужчине другом только после того, как побывает его любовницей. Может, он что-то путал, но смысл был точен. Надежда сердилась на него и, шутливо грозя пальчиком, обещала: «Больше не дам! Будешь тогда знать, как обижать женщину».

Она не хотела быть ему только другом, и, скорее всего, даже совсем не стремилась попадать в эту категорию: Надежда желала любви. Она была слишком женщиной, чтобы стать мужчине всего лишь наперсницей.

Впрочем, ему было с ней хорошо: Надежда ничего не стыдилась, и простодушно полагала, что в постели нет ничего постыдного и запретного, забывая о том, что у любовника непременно возникнет вопрос: с кем она так напрактиковалась, и сколько же его предшественников вспоминают теперь Надюшу? Если построить их в ряд, то, может, целая рота получится? «Батальон! – она хохотала в ответ на такие вопросы. – Или взвод! Что больше – взвод или батальон? – и, внезапно сбросив улыбку с лица, утыкалась ему под мышку: Дурачок! Боже мой, какой же ты ещё дурашка! Мог бы и сам догадаться: женщине всегда приятно делать то, что хочет её любимый мужчина. Всё, что угодно. Без оглядки. Понимаешь?»

Настя тоже говорила о том, что нет выше счастья, когда любишь того, кто любит тебя, и за это можно всё отдать. Но всё-таки её что-то сдерживало: например, она не хотела смотреть эротические фильмы, которые Андрей специально купил – пусть знает, как *это* бывает у других людей. И не желала говорить, какие моменты их близости ей наиболее приятны: «Мы не американцы, — объясняла она, — это у них принято обсуждать, что и куда должно попадать, чтобы добиться фантастического оргазма, — слово «оргазм» она выговаривала с трудом, краснея удушливой волной. – Это, знаешь ли, техника секса. А я никакую технику, даже эту, не переносу! Я вообще не способная к техническим дисциплинам. Главное – движения души, а не отдельных частей тела! И убери «Кама-сутру» куда подальше. Потому что все эти позы и способы, — она снова смущённо опускала глаза, — всего лишь приложение. Приложение к философскому трактату. «Кама-сутра» — это философия любви, а не руководство по сексу...»

Знала бы она, что Андрей рассказал об этом Надежде. Правда, он представил дело так, будто это у одного из его приятелей такие проблемы с любимой девушкой: ни в какую не хочет экспериментов в постели, и разворотом считает даже ... лёд. Вернее, не сам лёд, а его использование в играх двоих.

— Может, она холода боится? – уточнила Надежда. – Я слыхала: бывает холодовая аллергия...

— Да нет же, какая аллергия! – хмыкнул Андрей. – Коктейль со льдом она пьёт – и ничего. А вот провести кусочком льда по коже – это для неё чуть ли не Содом и Гоморра. Считает: подобные штучки от пресыщенности и скуки. В любви, мол, главное сама любовь, а не всякие приёмчики, её подогревающие...

— А может, она права? – Надежда задумчиво посмотрела Андрею в глаза. – Любовь не нуждается в учебниках, она сама – учебник. Человек в ней всегда дилетант, даже если кажется: всё знает и умеет, но, увы, ему ведомы лишь приёмы обольщения, и то не все, а все эти способы удовлетворения плоти – всего лишь технология секса...

Андрею казалось: Надежда говорит как по писаному, что, собственно, так и было. Она знала: Андрей много читает, и потому тоже старалась не ударить лицом в грязь – начала покупать книги, причём, старательно избегала всяких «дамских» романов, к которым он относился пренебрежительно. Прочитанное иногда помогало ей четче и яснее формулировать свои мысли, открывало неизвестное в, казалось бы, обыденном и привычном, а то и вовсе приходило на выручку, когда говорить уже было не о чем. В

таких случаях она усердно припоминала что-нибудь интересное из недавно прочитанного и, стараясь выглядеть умнее, чем есть на самом деле, многозначительно говорила: «А знаешь, я тут недавно вычитала кое-что интересненькое...» И прилежно об этом рассказывала.

Так что её мысли о любви были не совсем чтобы её собственные, но, тем не менее, она верила в то, что говорила. И ещё она была благодарна Андрею: всё-таки именно он невольно приучил её к чтению.

— Извини, но без этой технологии самая возвышенная любовь уже вроде как и не любовь, а мираж какой-то, — не согласился Андрей.

— Скажи своему другу: любовь – сама большая выдумщица, и не стоит её торопить, — покачала головой Надежда. – Знаешь, сейчас все будто помешались на сексе: откроешь газету – обязательно о траханье что-нибудь написано, включишь телевизор, особенно после полуночи, — наглядно демонстрируют все приёмчики, а в каком-нибудь дорогом журнале для богатых дамочек обсуждается техника анального секса или ...как там его?...ах, да!... фистинга...

— А что это такое?

— И не спрашивай, — Надежда сконфузилась. – Мне неприятно об этом говорить. Возьми словарь да прочитай!

Вообще-то, он знал. А спрашивал Надежду о фистинге лишь затем, чтобы смутить её. Ему нравилось, когда она сначала тушевалась, а потом, осмелев, показывала на практике, что это такое. Может, говорить о чём-то ей было и неприятно, но её действия свидетельствовали об обратном: ей нравилось всё, что приходилось Андрею по вкусу. А он, между прочим, вёл себя с ней как самый распоследний эгоист: больше заботился о себе, чем о ней.

Он хотел, чтобы и Настя отдавалась ему без всякого стеснения и оглядки на неписанные правила приличия. В своих фантазиях на эротические темы он был безудержен и неистов, порой ему рисовались такие непристойности, что он сам себя пугался: любимая девушка – это всё-таки не полигон для испытаний новых приёмов удовлетворения его вожделения. Надо быть законченной шлюхой, чтобы виртуозно исполнить то, что он нафантазировал.

И что интересно, Ниохта его поддерживала:

— Если ты ей на самом деле нравишься, то она *это* сделает.

Это было оргиями Вальпургиевой ночи, развратом древнеримских кесарей, утонченной истомой восточных сералей, негой спальни Клеопатры, похабщиной Вавилонской блудницы, восторгом бунинских «Тёмных аллея», наивностью греческих буколик и откровенностью лупанариев с их животной простотой и ясностью. Спешиваясь в воображении Андрея в нечто страстное, тёмное, яркое и невыносимо прекрасное, *это* напоминало каприз тайного эротомана, который, приличный и вполне партикулярный с виду, жаждал всего и сразу, полностью, без оглядки, и пусть благочестивые граждане называют его выдумку распутством или блудом, ему плевать – он хотел узнать, что есть высшее наслаждение.

— Развратник! – смеялась аоми. – Ах, если бы ты знал, как мне хорошо знакомы такие робкие блудники: в мыслях – всё, что угодно, а наяву – и сотой части того, что хотят, не получают. А знаешь, почему? Потому что ты сам считаешь любовь грехом. В ней нет запретов, милый.

— Ты меня пугаешь...

— Вот-вот! Пуганый ты мой! – аоми хмыкала. – Иногда вы, люди, напоминаете мне домоседа. Сидит такой человек в четырёх стенах, а за их пределами – большой город, в нём кипит жизнь, миллион соблазнов, вечно что-то происходит, но домоседу никуда не хочется выходить. При этом он мечтает о большой жизни...

— Я не мечтаю. Я живу.

— Ага! – язвительно кивнула аоми. – Знаешь, «большая жизнь» — это симптом. Бывает, люди живут на дальнем севере с одной-единственной целью: заработать кучу денег и уехать на «материк», где, по их представлениям, их ждёт большая жизнь. А пока, мол, можно и тут как-нибудь перебиться, без всех этих театров, музеев и красоты. И вот, переезжают они с севера в какой-нибудь благословенный уголок, и всё, вроде, хорошо: красиво, тепло, уютно, а большой жизни как не было, так и нет. Она, оказывается, заключается не во внешних проявлениях. Большая жизнь – внутри человека. И она проходит мимо, если он не живёт, а существует, и боится что-то изменить, и даже в любви – с оглядкой, вечно неудовлетворённый...

Она явно пыталась растормошить его, а, может, даже разозлить своими подначками: кому ж охота без конца слушать одно и то же, и далеко не самое лучшее? Но, скорее всего, аоми добивалась своей цели. Как-то она сказала: шаман и его дух-помощник – это одно целое, и если помощник – женщина, как она, то шаман обязан жить с ней: она становится его женой, и даже лучше всякой жены – его вторым «я», истинной половинкой. Женщина-дух прекрасно осведомлена о всех желаниях тела и души своего носителя, и угадывает малейшие его капризы; она всегда в соитии с ним, и достаточно лишь намёка, чтобы мужчина получил желаемое наслаждение. Оно несравнимо с ласками земных женщин, из которых очень немногие – царица Савская, Клеопатра, Екатерина Великая — знали об истинной природе мужчин, их вожделениях, страстях, честолюбии, влечениях и греховности.

Земных мужчин всегда сводили с ума феи, пери, наяды и прочие то ли небесные, то ли адские создания – названий им придумано много, но на самом деле это женщины-духи, которым не хватает теплой живой человеческой плоти. Лишь в соединении с нею они обретают истинное могущество, а их избранник становится пронизательнейшим из смертных.

Однако Ниохта пока что вела себя пристойно, и Андрей порой даже не ощущал её присутствия: казалось, её и не было вовсе, всё ему приснилось, а внутренний голос – это, может, он сам с собой разговаривает? Ну, бывает же такое; может, это то, что называют голосом совести, или что-то иное, всё-таки не связанное с психикой... Хотя, конечно, это был довольно слабый довод, и он понимал: в нём действительно присутствует *нечто*, что медленно и неотвратно вырастает в него, становится им самим, изменяет его, а хорошо это или плохо, он пока не понял. Вернее, аоми не давала ему поразмыслить над этим вопросом. Как только он начинал задумываться, так она лениво потягивалась, как выпавшаяся кошка, и тихонечко царапала его ноготками, и хихикала, и что-то начинала говорить, смеяться, отвлекать от размышлений.

Порой он вообще ощущал что-то странное, восхитительное, головокружительное – это чувство сродни тому, которое испытываешь выйдя из душного прокуренного зала на свежий воздух, и в лицо тебе ударит ласковый ветерок, и ты почувствуешь запахи солнечного луга, и водяную сырость бегущего где-то неподалёку ручейка, и густой аромат резеды напрочь вышибет смутность настроений. Что-то задрожит в тебе как маленький серебряный колокольчик, и быстрый легкий жар пробежит по всему телу, чтобы смениться холодком восторга, и снова – беглый огонёк, почти неощутимый, но от него будто бы очищается душа и, восторженно, наполняет тебя чем-то волшебным-прекрасным.

Андрей стеснялся признаться сам себе, что это ему нравилось, и это было похоже на лёгкий оргазм, а может, на нирвану? Что, если это она и есть? Чувствуешь себя частью всего, что вокруг, и в то же время – будто бы паришь над привычными вещами, всё – ярче, полнее и в то же время словно размыто, как на картинах импрессионистов: сочные краски, щедрое солнце, безумная красота, но образ размыт и непредсказуем, как непредсказуема сама жизнь.

Иногда внутренние касания аоми напоминали ему страстные объятия, такие, от которых задыхаешься, и хочешь освободиться, но нет сил, и сам смыкаешь руки, и

летишь в губительную пропасть или, напротив, поднимаешься в сияющие выси? Это пугало и в то же время захватывало его, а лукавая Ниохта жарко шептала:

— Нет-нет, ты ещё не готов принять мои ласки, ты – не вполне шаман. Ты, миленький, не выдержишь любви аоми. Подожди ещё немного, всё впереди...

Она не любила его женщин. Он это чувствовал. Когда являлась Надежда, беспечная Аями, до того болтавшая с ним о том – о сём, обиженно замолкала и пряталась куда-то глубоко-глубоко, затихала там и не подавала никаких признаков своего присутствия. Сначала он думал: это, так сказать, от деликатности – аоми не хотела быть свидетельницей любовных сцен. Но тонкостью, однако, она не отличалась, и пару раз довольно резко отозвалась о Надежде: ходит, мол, к молодому парню, навешивается сама – навалиха, одним словом, лучше бы о ребёнке позаботилась, один дома сидит без материнского пригляда...

К Насте аоми вообще относилась как к сопернице. Явно она это не выказывала, но обязательно как-нибудь напоминала Андрею:

— Неслучайно ты видел Настю в образе лярвы. Это её незримая сущность.

Он тут же вспоминал отвратительное чудище и содрогался. Но, поразмыслив, Андрей решил: не обязательно видишь на самом деле то, что видишь. Вот, к примеру, многие наблюдают НЛЮ, а на поверку выходит: всего-навсего фантом, рожденный собственным воображением или какой-то природной аномалией. А тут... Он вообще то ли спал, то ли бредил, то ли вправду оказался Где-то Там, в ирреальном мире, полном причудливых образов, но это не значит, что всё было самым настоящим.

— Подлиннее не бывает, — подавала голос Ниохта. — Ты был там, куда обычным людям вход заказан.

— А ты не подслушивай...

— Мысль, даже вслух не произнесённая, существует независимо от тебя, — утверждала аоми. — Зачем мне подслушивать? Я знаю всё, что ты думаешь. И даже то, о чём ты только собираешься подумать, мне тоже известно: я – часть тебя...

— А говорила, что ещё нет!

— Мало ли что я говорила, — Ниохта несколько замешкалась с ответом, и по её голосу было понятно: Андрей уязвил её. — Ты уже мой!

— У аоми развито чувство собственности? – язвительно усмеялся он. – Если ты сказала правду, что живёшь столетия, то должна бы уяснить: больше всего на свете человек любит свободу. И если я буду чьим-то, это зависит от меня.

— Знаю, я знаю эти человечьи ритуалы! — почти взвизгнула Ниохта. — Мужчины считают: это они выбирают женщин, в то время, как женщины выбирают их. Женщине кажется: мужчина – её, но на самом деле он всего лишь позволяет ей так думать. Аоми плевать на эти условности. Мы выбираем того, кого считаем нужным.

— Ха! Такая древняя, а не знаешь простую истину: насильно мил не будешь, — язвил Андрей. — Народная мудрость, между прочим.

— Хо-хо! – Ниохта изображала смех. — Кажется, у народа и другая есть поговорка: стерпится – слюбится!

Так они порой переругивались довольно долго. Причём, аоми постоянно намекала: без неё, мол, Андрей не устроился бы в престижное «Какао», и его там не ценили бы – ну и что, что он кулинар высокой квалификации, подумай: поваров пруд пруди, и лучше его есть, а довольствуются работой в какой-нибудь забегаловке. Так что пусть не мнит себя новоявленным Вателем*43!

Андрей оскорблялся и, обиженный, замолкал. Ниохта же, поняв, что наговорила лишнего, начинала ластиться, но он не поддавался. А пару раз даже наказал аоми, оставив её без запахов еды. Сам ничего не ел, но зато и она была голодной.

— Сама себе добывай пропитание, — мстительно отвечал он на все её увещания. — Ты же у нас великая повариха. А я что? Я так себе, никчёмный кулинаришка, по твоей протекции, милая, попавший в хорошее место...

Голодная Ниохта неистовствовала. Это самым непосредственным образом отражалось на Андрее: аоми металась внутри него, отчего его корчило, сводило судорогой руки-ноги, в голове шумело и, казалось, она вот-вот лопнет от боли, а хуже всего были щипки женщины-духа, её покусывания и царапанье: коготки вонзались куда ни попадя. Он терпел, сколько хватало сил, и даже пытался подтрунивать над аоми: «Ну-ну, давай – давай! Покажи, на что способна. Только помни, дорогая: не на того напала. Будешь так себя вести – ничего вообще не получишь. Мне-то и сухофруктов хватит, или вот прямо из пакета кефирчика сейчас попью. Прокушу дырочку и выпью, чтоб тебе ни грамммульки запаха не досталось...»

Он заметил: аоми почему-то не любила сухофрукты, предпочитала только свежеприготовленную пищу – скорее всего, по той причине, что от неё поднимался вкусный пар. Им она и питалась. Похрюкивая и причмокивая, она смачно глотала испарения, истово вдыхала ароматы, попутно издавая что-то наподобие довольного урчания, сытно отрыгивала и кашляла. После хорошего угощения она становилась покладистой и умиротворённой.

Пары раз хватило, чтобы Ниохта уяснила: себе же делает хуже, когда ругается с Андреем; у него хватит силы воли, чтобы выдержать её бесчинства. Хотя на самом деле ему приходилось терпеть из последних сил, чтобы не взвыть от боли, но он не подавал вида и старался не думать о причиняемых ему неприятностях: аоми читала все его мысли и, ясное дело, тут же воспользовалась бы своим преимуществом. В это время он думал о чём угодно, но чаще всего, мстительно сжимая губы, о Тиле Уленшпигеле, особенно о том моменте, когда желчный Иост собирал у себя старых кумушек, самых ехидных и зловредных. Эти старые совы, держа под мышками вязальные спицы, грелись у очага и угощались сладким вином и гренками. В самый разгар пиршества Иост бросал в огонь щётку, и комната мгновенно наполнялась смрадом. «Ух, ах!» — вопили тётушки, и каждая корила другую за то, что испортила воздух, за собой вины никто не признавал, и старушечки немного спустя вцеплялись друг дружке в волосы. Иоста это забавляло, и он всякий раз использовал великую силу запахов, чтобы поссорить кумушек и повеселиться самому, глядя на великое побоище. Осматривая потом поле битвы, он обнаруживал клочья юбок, чулок, сорочек и старушечьи зубы. «Эх! Потерянный вечер! — думал он в глубокой печали. – Никому не вырвали в драке язык!»

Эхе-хе, думал Андрей, с каким бы удовольствием напустил смрадного дыма, чтобы Ниохта расчихалась и раскашлялась, и взмолилась бы прекратить это безобразие, а он бы смеялся в ответ и, закрывая нос полотенцем, бросал бы и бросал на сковородку щетину из щётки для обуви – на, жри, подавись своей блевотиной! Ишь, распускает свой длинный язык. И почему это до сих пор его никто ей не выдрал, ехидине столетней?

Он думал об этом так прилежно, что Ниохта пугалась его мыслей и затихала, стараясь ничем не обнаружить своего присутствия. Андрей старался не вспоминать, что аоми может превращаться в кого угодно, например, в тигра – ух, какой он большой, красивый и могучий! Догадайся она припугнуть его в таком образе, он бы ни минуты перечить ей не стал. Однако аоми, слава Богу, простодушно верила его лукавым размышлениям о том, как хороши зажаренные кошки, и если бы ему попался, к примеру, упитанный амба, то уж он не преминул бы приготовить из него знатное жаркое. Без разницы, что это священное животное, пусть ему всякая чудь поклоняется, а для него это всего-навсего объект для кулинарных упражнений. Ну, Ниохта, давай, где же твой тигришка?

Большинство малых народов, обитающих на Дальнем Востоке, до сих пор отличаются редкостной бесхитростью и простосердечием. Наверное, и Ниохта, не смотря на то, что многое видела, знала и умела, тоже не избавилась от этого качества, — и даже широкая поступь цивилизации, сметающая на своём пути весь уклад жизни таёжных людей, не смогла растоптать их обычаи и нравы. Древний свет, теплящийся не только в площадках перед сэвенами – они по-прежнему стоят в избах стариков, но и в охотничьих зимовьях, балаганах, шалашах рыбаков, освещает вечно юные и наивные омми малых

народов. Впрочем, не обязательно чтобы он тлел в глиняном или каком ином сосуде – этот свет мерцает в глазах детей, освещает темные морщины стариков, играет в зрачках круглолицых девушек, и они смущённо опускают ресницы, столкнувшись с прямым взглядом чужого мужчины...

Может, Ниохта в чём-то была права, когда утверждала: именно она надоумила Андрея добавить кафе «Какао» шарма – ну, например, готовить таёжный чай и подавать к нему лепёшки из черемуховой муки. Эта нехитрая местная экзотика неожиданно пошла на «ура». Публика, падкая до всего новенького, верила в чудесные свойства дикорастущих растений, к тому же в составе травяного сбора были листья и корни элеутерококка, ягоды лимонника, бадан и заманиха, которые, как считается, повышают тонус и, следовательно, возбуждают желания.

Терпкий и приятно пахнувший чай обходился заведению в сущие копейки: всё, что требовалось для него, было буквально под ногами – только не ленись, собирай да правильно суши листья, стебельки, ягодки. Сначала, правда, всё это закупали в аптеках, но потом наняли двух старушек из Сакачи-Альяна, которые и занялись собирательством. Они же и черемуху перетирали в больших каменных ступках. Счастливые, что имеют к своим грошовым пенсиям прибавку, они были рады радёшеньки: хорошо, не отдали эти ступки в музей, уж как их Эдуард Игоревич просил-уговаривал, и денег сулил – целых двести рублей, но умные люди посоветовали не расставаться с раритетами (эва, слово-то какое выдумали!), они, мол, дороже стоят, эти ступки-то... И вот, правда! А Эдуард Игоревич пусть довольствуется халатами и коврами, которые для его музея гордичка Чikuэ вышивает. Подумаешь, художницей считается, её в какой-то союз приняли и даже билет выдали – вроде как удостоверили: настоящая мастерица! А толку-то? Она с одним халатом, считай, полгода возится: кроит, вышивает, петельку к петельке старательно считает, все пальцы исколола, а денег-то меньше ей дают, чем за эти травы, что вокруг села в избытке растут, только не ленись их собирать да сушить, как встарь все женщины делали.

В последнее время, однако, тандем бабулек то ли стал халтурить, то ли на сушилке что-то случилось: травы были чуть сыроватые, отдавали дымком и уже не ломались меж пальцами легко, с сухим потрескиванием, — чай, в общем-то, заваривался густой, но в нём не доставало крепости и того легкого особенного аромата, который витает над чашкой, напоминая о солнце, ярких бликах на глади лесного озера и ветерке, запутавшемся в высоких стеблях медяного шеломайника. Напиток пах просто травой. Это, конечно, был не тот запах, который свойствен аптечным травам: не смотря на самые герметичные упаковки, они, видимо, всё-таки вбирают в себя едкую химию, пусть и в мизерных долях, и, как результат, отдают то ли карболкой, то ли хлоркой. По этой причине в «Какао» от них отказались, и вот – нате вам! – снизилось качество собственных заготовок.

— У чая должна быть душа! – сокрушался Андрей. – Чай без души – это совдеповский напиток из общепита! Он должен не просто жажду утолять, а доставлять наслаждение, понимаете?

— Понимаю, — кивал Роман Викторович. – Ещё как понимаю! Посетители стали меньше чая пить – выручка падает.

— И когда вы наконец съездите в Сакачи-Алян? – допытывался Андрей. – На той неделе обещали – не вырвались. Надо понять, что у сборщиц случилось. Экспедитор рассказывал, будто старушки накрыли сушилку толем. Прохудилась она у них, что ли? Представляете: травы под вонючим толем сушатся!

— Хорошо, завтра съезжу, — обещал Роман Викторович.

Но завтра образовывались какие-то ужасно неотложные дела, вдруг возникла масса проблем – заместителю директора приходилось крутиться не хуже белки в колесе и, взмокший, с посеревшим лицом, он вспоминал о данной обещании лишь к вечеру. Ехать уже было поздно, да и не хотелось: за день насобачился до чёртиков, обещал жене

вернуться домой пораньше, чтоб наконец-то сына поучить уму-разуму (учителя жалуются, а соседка заметила: покуривает и сквернословит), а тут – изволь ехать по грунтовой дороге, в потёмках да по колдобинам, ещё чего доброго шину проткнёшь, майся потом до утра. Нет уж, лучше завтра...

Завтра он опять наткнулся на вопросительно-удивленный взгляд Андрея. Роман Викторович почувствовал неловкость, но, впрочем, тут же справился с нею: не в его обычае быть чем-то обязанным подчинённому – пусть знает своё место, но, с другой стороны, это всё-таки ценный кадр, и с ним поделикатнее надо бы обойтись.

— А сам бы и съездил! – сказал Роман Викторович.

Это вырвалось у него так неожиданно, что он даже сам опешил. С какой стати кондитер стал бы разъезжать с проверкой других работников? Это вроде как не его дело. Но слово – не воробей.

— А что? – Роман Викторович непринуждённо развил мысль. – Посмотришь, что случилось. Поговоришь с женщинами. Определишь, что к чему.

— На завтра банкет заказан, — напомнил Андрей. — Авиаторы своего юбиляра чествовать будут. Работы много у поваров. Без меня-то как?

— А! Пустое! – отмахнулся Роман Викторович. — Я смотрел их заказ: меню простенькое, никаких изысков. И вообще, лётчики не какие-нибудь особенные гурманы, что ни поставь на стол – всё сметут за милую душу. Они же к быстрому перекусону привыкли. Ты в самолётах летал – знаешь, что за стряпню стюардессы на обед разносят. Не волнуйся, всё будет хорошо...

Так что ранним утром следующего дня Андрей сел на автовокзале в рейсовый автобус до Сакачи-Альяна. Пассажиров было немного, и он порадовался этому обстоятельству: можно устроиться на двух задних сиденьях и подремать. Последнее время у него был хронический недосып. И всё из-за аоми: она взяла в обычай бодрствовать среди ночи — что-то бормотала, напевала, хихикала сама с собой, возилась и гукала как потревоженная сова, — естественно, он спросонья цыкал, ругал её. Ниохта, однако, нимало не смущаясь причиняемым ему беспокойством, нахально отвечала: «Сам себя вини: ты храпишь! Вот уж выпало мне счастье в теле храпуна оказаться. Глаз из-за тебя не сомкнуть!».

То, что он храпит, для Андрея было открытием. Никогда за собой этого не замечал, да и не говорил ему никто о храпе. Впрочем, кто бы сказал? Надежда у него никогда не оставалась, а с Настей он сам до утра не закрывал глаз, а если закрывал, то по совсем-совсем другой причине.

Ну, хороша же волшебница аоми! Утверждает, что может всё, или почти всё – ей якобы ведомы многие тайны мира, и с разными духами она водится, и от недугов, не моргнув своими узкими глазёнками, избавляет в один присест, а его храп — не по зубам, что ли?

Он решил, что Ниохта ведёт себя так по причине зловредной природы. Если аоми – дух, иначе говоря сеон, то несёт в себе недобрую силу. Она сама как-то проговорила: шаман – жрец демонической сущности, но, как человек, он старается обратить её на пользу людям. Зло начинает творить добро. Это ли не парадокс? Но настоящий шаман, став товарищем могущественного духа, лишается слишком многого: у него нет друзей, люди благоговеют перед ним, но и боятся его, чаще всего он остаётся без жены, особенно если его дух – аоми, берущая на себя роль его суженой; он – среди людей, но бесконечно одинок; он собирает блуждающих вокруг сородичей сеонов, ублажает и насыщает их, как иные кормят птиц и тем самым приучают их к себе, — сытые и довольные духи служат ему, но их смирение напоминает поведение тигра в цирке: они исполнительны и послушны, пока чувствуют силу дрессировщика, так же и сеоны: шаман каждый момент должен быть с ними наготове, и если допустит послабление, то злая сила обязательно покажет себя.

Но то – настоящий шаман. Андрей же был обыкновенным человеком и, не случись с ним такого казуса, никогда бы даже и не задумался об этом экзотическом феномене, а если и заинтересовался, то исключительно из любопытства.

Шаманом обычно становится тот, кого изберёт один из сеонов; у амурских народов это чаще всего дух Харги: он является человеку во сне и ведёт его в свой таинственный мир. Отказываться нельзя – обиженный Харги станет мучить, насылать болезни и всячески вредить.

Вообще же, нанайцы без труда определяют потенциального кандидата в шаманы. Такой человек обычно нервический, задумчивый, страдает падучей болезнью. К эпилептикам относились с трепетным уважением: людей поражало, что их сородич без всякой причины вдруг падал, из его рта показывалась пена, а сам он корчился и дёргался, бормотал что-то маловразумительное и, наконец, обессилено затихал. Не сверхъестественный ли дух в него вошёл, заставляя трепетать тело? И почему сородич долго лежит без движения? Может, его душа улетела вместе с сеоном в мир духов? На эти и другие вопросы гольды не знали иного ответа, кроме одного: это – избранный. В чём они убеждали и самого эпилептика, который начинал верить в своё особое предназначение.

Каким образом кандидат в шаманы становился им на самом деле, — всегда особенная история. Но существует один странный феномен, связанный со смертью шамана, и он уже не индивидуальный – общий.

Похоронив шамана, стойбище испытывает уныние. Всё людям не в радость, ничто не любо и не мило. Некоторых из сородичей почившего избранника духов охватывает панический страх. Им кажется: полчища злых духов окружают стойбище, грозят из-за каждого дерева, прокрадываются ночами в жилища и мучают маленьких детей – те кричат, покрываются красными пятнами, тяжело дышат. Взрослые становятся всё более задумчивыми и рассеянными, ничто их не интересует – полная апатия, ни на охоту, ни на рыбалку они не ходят, почти ничего не едят, много спят, а во сне бредят и мечутся, будто от кого-то отбиваются. Иные, не размыкая глаз, встают с постели и с диким криком устремляются в тайгу, оттуда они не возвращаются несколько дней: бродят по урочищам, не подпускают к себе людей, прячутся на высоких деревьях или скрываются в пещерах. Оставшиеся в стойбище чувствуют себя не лучше: на многих нападают истерические припадки, они корчатся в судорогах, боятся света, не узнают своих близких.

— Духи мстят, — шепчутся старухи. — Обрадовались, что теперь люди беззащитные. Только сильный шаман их усмирят.

И новый шаман вскоре объявляется. Каким-то одному ему известным способом он определяет, какие сеоны бродят вокруг его стойбища, одних он вселяет в себя, другим готовит деревянные фигурки-сэвены, куда и загоняет зловредных духов. Чтобы они присмирели, шаман кормит их и доставляет всё, в чем они нуждаются. Бывшие беспризорники довольно быстро привыкают к нему и начинают ему служить. А больные люди идут на поправку, от депрессии и хандры не остаётся и следа.

Один из дореволюционных исследователей шаманизма, С.М. Широкогоров, был убеждён: «Шаманство у тунгусов коррелятивно связано с психическими заболеваниями. Быть может, основною причиною своего существования оно имеет стремление народности освободить себя от распространения вредных, с биологической точки зрения, психических и нервных заболеваний, т.е. шаманство в качестве предохранителя является способом самозащиты и проявлением биологических функций рода».

Андрей об этом не знал, а его аоми предпочитала ничего такого не рассказывать. Ей нравилось молодое, здоровое тело, в котором она чувствовала себя уютно и беззаботно. О пропитании тоже заботиться не приходилось: кондитер всегда при еде, а ей всего-то и надо, чтобы запахи были поаппетитнее и погуще. Спокойный характер Андрея тоже вполне подходил аоми, за долгую жизнь уставшей от своих прежних вспылчивых и нервных избранников.

Аоми Ниохта не спешила побыстрее сделать Андрея настоящим шаманом. Без желания самого человека ни один, даже самый могущественный дух Харги, не сумеет посвятить его в тайная тайных и открыть мир таким как он есть – неожиданный и прекрасный, ужасный и полный чудес. Не каждый, пусть и трижды храбрец, готов к стремительным изменениям, не каждый откажется от стандартных представлений, и порой даже собственные привычки, милые и забавные, оказываются теми веригами, которые не дают птице Коори вознести человека в блистающий и вечный мир. Иногда легче биться одному против пятерых, чем принять сердцем простые и ясные истины, стать терпимее, добрее и отказаться от своей прежней жизни. Она, конечно, чаще всего была не такая уж и плохая, эта жизнь, но однообразная, обыкновенная, без ярких взлётов и сокрушительных падений – человеку довольно и того, что есть, а с неба звёзды пусть хватают романтики и мечтатели. Но отчего же, отчего же нападает иногда проклятая бессонница, и причин для неё, вроде, нет, а мучает, сжимает сердце холодной лапкой, тормозит и не даёт спокойно спать? И почему, внезапно просыпаясь в серый предутренний час, вперяешь взор в потолок и, не видя его, с отвращением думаешь о том, как заурядно и скучно живёшь: утром – быстро-быстро чистишь зубы, бреешься, наспех готовишь кофе и глотаешь обрыдшие сосиски, потом – скачками к автобусной остановке, давка-тряска, что-то вроде группового транспортного секса, когда в твою спину упирается чья-то грудь четвертого размера, а между ног ощущаешь то ли чью-то трость, то ли – грешно подумать, что; затем — привычная работа, перекуры-пересуды, лёгкий флирт от нечего делать, но не больше, потому что ты умный и знаешь: не е...сь там, где живёшь, и не живи там, где е...ся – себе дороже все эти служебные романы обходятся; а вечером – ужин, который вообще-то готовить неохота, потому кусочничаешь, диван, телевизор, немногословный разговор с женой (если она есть), душ, быстрый секс, потому как не до нежностей и всякого такого, ведь завтра утром, о боже, вставать так рано, и снова всё по кругу.

Но попробуй, однако, вырвать человека из этого привычного круга! Ещё недавно стенающий и скорбящий, желающий хоть каких-то перемен, он мёртвой хваткой цепляется в то, к чему привык, и не отдерешь его побелевших от напряжения рук.

Андрей, однако, не цеплялся за привычное. Ему было интересно всё новое, и он без сожаления расставался как со старыми вещами, так и с людьми, которые становились ему не то, чтобы скучны — вдруг оказывались чужими, не своими. Как, например, Макс. А ведь, кажется, были не разлей-вода... Но Макс – не свой. Свой – такой человек, которого, как увидишь, так сразу и почувствуешь: этот тот, с которым легко и просто, потому что вы оба настроены как бы на одну волну, и даже смеётесь и смущаетесь одинаково, что, однако, не мешает думать и поступать совершенно по-разному, но всегда по справедливости и ради добра. Свой – тот, кто честен и прямодушен, и никогда не заносится, и даже зная твои не самые лучшие черты характера, великодушно мирится с ними: он не хочет никого переделывать, тем более тебя, потому что принимает тебя таким, как ты есть. И он просто не научен творить гадости, как, впрочем, и ты сам в этом деле не мастак.

Но таких *своих* у Андрея почти не было. Только Настя и Надежда, и он мучительно разрывался между ними: обе были ему нужны.

Может быть, он всё-таки не случайно стал поваром. Ему нравилось смешивать самые разные продукты, порой, кажется, никак не сочетаемые, экспериментировать, соединять, парить-тушить-жарить, искать какие-то новые ингредиенты (например, веточки полыни и стебли конского щавеля – трав, которых полно на любой помойке, он добавил как-то в баранину, получилось: пальчики оближешь!), пробовать самому самые экзотические специи и без страха добавлять их куда угодно, даже чай он научился заваривать с розмарином и щепоткой корицы: вкус, мягко говоря, необычный, но есть же любители кофе по-мароккански – с перцем, а почему чай не сделать ярким и острым? Эта страсть к экспериментам, желание попробовать что-то новенькое не оставляла его и в обычной жизни, что, наверное, и привлекло к нему аоми.

Впрочем, в автобусе он об этом не думал. Его одолевала сонливость, и даже проносящиеся за окном идиллические перелески, поля, луга со стогами сена, красивые озера, поросшие по берегам рогозом и камышом, его как-то не впечатляли. Андрей откинул ручку-перекладину, отделявшую одно кресло от другого, повозился-попристраивался и, в конце концов, сбросив туфли, более-менее сносно устроился.

— Соня! – проворчала Ниохта. – Проспишь самое интересное!

— А ты на что? – возразил он. – Если просплю – расскажешь!

— Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, — напомнила Ниохта.

— Не будь занудой...

Закрыв глаза и напустив на себя равнодушный вид, он привычно перебранивался с аоми, пока та не замолчала, поняв, что бодрствовать Андрей не намерен.

Проснулся он от резкого толчка. Водитель неожиданно надавил на тормоза, и дремлющие пассажиры чуть не попадали с кресел.

— Чёрт! – выругался шофер. – Что за притча?

Посреди дороги спокойно лежал огромный тигр. Вытянув перед собой передние лапы, он, наклонив лобастую голову, внимательно смотрел на автобус. Его полосатый хвост лениво шевелился, время от времени приподнимаясь и хлопая по земле – тут же взвивался серый фонтанчик пыли. Она попадала в ноздри зверя, и он, зажмуривая желтые глаза, чихал.

— Брысь! – крикнул водитель. – Чего разлётся тут? Тайги тебе мало!

Гигантская кошка, однако, оскорбилась на это «брысь» и громко рыкнула, оскалив два мощных клыка. При этом тигр и не думал сдвигаться с места.

Водитель надавил на клаксон, думая, что зверь испугается резких звуков. Тот, наострив уши, прислушался к звукам, но, видимо, особого впечатления они на него не произвели. Тигр равнодушно зевнул и положил голову на лапы.

— Не знаю, что делать, — пожаловался водитель пассажирам. – У меня первый раз такое. Никогда не слышал, чтоб в этих местах тигры водились, да ещё вели себя так нагло. На всякий случай закройте все окна. Мало ли что... Вдруг эта образина решит напасть на автобус? Вон как зеньками-то сверкает!

— Да ну! – откликнулся бичеватого вида мужичок, сидевший на переднем сидении. – Тигр уважает людей. Таёжники знают, что он первым ни за что не нападёт. Может, ты попробуешь его объехать?

Водитель, однако, не решился тронуться с места. Объяснил: если, не дай бог, столкнётся со зверюгой, всякое может случиться – раненый тигр, говорят, беспощаден, может наброситься на автобус и, чего доброго, внутрь проникнет, тогда туши свет: лапища-то у полосатой кошечки знатные, раз махнёт – и наповал!

Андрей почувствовал, что аоми напряглась и спросил её, не знает ли она, в чём дело: неспроста ведь таёжный зверь вышел на человеческую дорогу. Однако Ниохта молчала, он лишь ощутил её легкое волнение.

И тут случилось вовсе неожиданное. Пыльные придорожные кусты лещины зашевелились, над ними взлетел потревоженный сорокопуд и недовольно застрекотал. Нижние ветки кустарника раздвинулись, и на обочину вышел карапуз лет пяти. Он был одет в нечто белое, напоминающее мешок с прорезями для головы и рук, на ножках – белоснежные чуни, расшитые ярким бисером.

Ребёнок остановился и, как показалось Андрею, укоризненно покачал головой, глядя тигру прямо в глаза. По своему малолетству он, видно, не понимал: это не какая-нибудь домашняя кошара, а лютый зверь. Мама-папа определенно не водили его в зоопарк и не читали ему детский стишок: «Эй, не стойте слишком близко! Я тигрёнок, а не киска».

Но что ещё удивительнее, сорокопуд перестал кричать и, покружив над малышом, без опаски опустил ему на плечо. Ребёнок машинально погладил птицу и, не отрывая глаз от тигра, затопал к нему, смешно переваливаясь с боку на бок.

— Эй! Ты что? – окликнул его водитель, высунувшись из окна. – Нельзя! Не ходи к нему! Беги к нам!

Ребёнок даже не обернулся на крик. Он двигался медленно словно сомнабула, и на плече его покачивался молчаливый сорокопут. Птица тоже будто заснула.

— Стой! – вразнобой закричали пассажиры. – Вернись!

— Вот не было печали! – водитель испуганно присвистнул. – То тигр на дороге, то откуда-то пацанёнок берётся. Да не тот ли это ребёнок, которого мой сменщик намерен высадил? Его какой-то древний дедок встречал...

Андрей встрепнулся. Марго рассказывала о странном малыше, который увязался за ней и Сергеем Васильевичем, но неожиданно их покинул. И ещё ему показалось: он где-то уже видел этого ребёнка. Но где?

— Значит, где-то тут жильё есть? – спросил Андрей водителя. – Дайте сигнал. Может, кто с оружием прибежит?

— Да нет тут никакого жилья! – откликнулся водитель. – Сменщик ещё удивлялся, откуда этот дед взялся. Видок у него ещё тот был: халат-не халат, весь побрякушками-железяками увешан, в руке – посох, да дивный такой: будто из змеиной кожи сделан, какие-то фигурки на нём болтаются. Хипповатый дедок! А может, у здешних стариков мода такая? – и вдруг он заорал благим матом. – Эй! Ты что? Не трогай его!

Андрей перевёл взгляд с водителя на дорогу, и его взяла оторопь: ребёнок без всякой опаски приблизился к тигру и положил руку на его холку. Зверь томно потянулся и, совсем как кошка, лёг на бок, подставляя малышу голову – ему определённо нравились поглаживания и почёсывания.

— Чертовщина какая-то! – удивлённо присвистнул мужичок бичеватого вида. – Мы с одним нанайцем в тайгу ходили изюбра бить. Так он рассказывал: у них несколько родов есть, и один называется Ахтанка – тигриный род. Будто бы нанайцы этого рода от амбы произошли, и некоторые умеют тигра заговаривать...

— Сказки всё это! – отмахнулся шофер. – У этого ребёнка, наверно, гипноз или уж не знаю что. Глянь-ко: он тигра, как лошадку оседлал!

Ребёнок спокойно восседал на спине тигра. Он держался прямо и счастливо улыбался, поглаживая холку гигантской кошки. Сорокопут по-прежнему неподвижно сидел на его плече.

Потрясённые пассажиры молча наблюдали, как тигр степенно зашагал по дороге; седок покачивался в такт его шагам и по-прежнему улыбался, его лицо было безмятежно и, казалось, ребёнок совершенно не замечает ни автобуса, ни людей, в нём сидящих, ни всего, что было вокруг – углублённый в себя, он казался маленьким толстеньким божком: таких обычно изображают японские фигурки-нэцке, которые вдруг стали у нас модными. Малыш держался уверенно, словно верховая езда на амбе была для него привычным делом.

Сорокопугу наконец надоело сидеть на плече пацанёнка, и он слетел с него. Ребёнок повернул голову и, как показалось Андрею, что-то сказал птице. Сорокопут затрепетал крылышками на месте и вдруг камнем свалился в придорожные заросли. Тигр тоже повернул лобастую башку в ту сторону, рыкнул и чинно, стараясь не раскачивать седока, двинулся в кусты лещины. Сорокопут тем временем появился снова: он кружил над облюбованным им местечком, громко кричал и всем своим видом показывал, что тигру следует идти именно туда.

— Счастлив тот, кто его видит, — прошептала Ниохта. – Глупые людишки не понимают своей удачи.

— Кто этот удивительный карапуз? – спросил Андрей, уже догадываясь: малыш, видимо, и не малыш вовсе, а какой-то местный дух – слишком уж почтительно аоми о нём говорила, даже дыхание от волнения прерывалось. – Обыкновенный человек себя так с тигром не вести не может...

— А ты припомни: не его ли видел по ту сторону входа? – напомнила Ниохта. – На берегу реки, в которой старухи ловили маньчжурский орех...

Точно! Это был тот самый ребёнок, только он стал чуть крупнее и упитаннее, и на нём была другая одежда – простая, свободная, напоминающая хитон.

— Ты называла его по имени, — сказал Андрей. — Тьфу! Забыл, как именно. Как же?

— Вспомнишь сам, когда будет надо, — совсем тихо произнесла аоми. — Его имя просто так не говорят...

— Все не упоминают только имя бога!

— И чёрта, — язвительно заметила Ниохта. — Помянешь амбала – он тут, как тут: готов пакостить, мучить душу, сеять неприятности.

— Значит, этот ребёнок – сеон?

— Таких глупых, как ты, ещё надо поискать, — рассердилась Ниохта. — Или ты специально меня злишь?

Вообще-то, да, он намеренно задавал ей дурацкие вопросы, чтобы аоми ответила определённо, почему она так благоговееет перед этим малышом, который для неё всё равно что божество. Как же его имя? Кажется, Бо-Эндули? Да, точно! Именно так Ниохта назвала *тогда* малыша...

— Ничего я тебе больше не скажу, — насупилась аоми; он физически ощутил, как она поджала узкие губы и нахмурилась. — Ты недостойн знать его имя...

— Бо-Эндули! – торжествующе выкрикнул Андрей. — Вспомнил!

Аоми цыкнула на него, зашипела как змея и по своему обыкновению ущипнула, да так пребольно, что Андрей невольно поморщился. До самого Сакачи-Альяна он уже не заговаривал с аоми и даже не принимал участия в жаркой дискуссии, разгоревшейся среди пассажиров автобуса. Одни считали: стали свидетелями чуда, и этот мальчик на тигре – не иначе, как какое-то знамение всем. Другие чуть ли не с пеной у рта доказывали: ничего необычного нет, потому что нанайцы близки к природе, с малолетства умеют находить общий язык с дикими животными, а может, знают секреты гипноза, действующего на птиц и зверей.

Спор дошёл до высшей точки кипения: казалось, оппоненты, исчерпав аргументы, вот-вот уже и руки в ход пустят, но тут автобус въехал в село. И, как по команде, дебаты внезапно прекратились. Люди замолчали и, как ни в чём не бывало, с любопытством глядели в окно, зевали, собирали вещи, чтобы поскорее выйти из автобуса, как только он остановится. Казалось, никто и не помнит ни о тигре, ни о странном карапузе.

— Слава богу, без приключений доехали, — шофер довольно улыбнулся. — Дорога-то давно не ремонтировалась, который год обещают её заасфальтировать, эх!

— Отремонтируют! – радостно оживилась одна из пассажирок – полная нанайка неопределённого возраста в теплой серой кофте. — Туристический комплекс начали строить – говорят, даже иностранцев к нам возить станут. Музей скоро откроют, тоже народ в него поедет. Как же без дороги-то? Построят и дорогу!

— Дай-то бог, — вздохнул водитель. — Глядишь, и новые машины нам выделят, а то ездим на разбитых драндулетах...

И никто уже не упоминал о происшествии на дороге.

— А что, тигры-то часто на трассу выходят? – решил напомнить Андрей.

— Какие тигры? – удивился водитель. — Да ты что? Человек давно всех зверей тут распугал. Тигры если и водятся, то в глухой тайге.

Ясно, подумал Андрей, из памяти пассажиров стёрлось удивительное происшествие, свидетелями которого они невольно стали. Малыш, видно, постарался. Ему совершенно не нужно, чтобы люди помнили о виденном. Но, однако, странно: почему одному единственному очевидцу он всё-таки сохранил память?

— Это ведомо только ему, — уклончиво ответила аоми. — Если всё помнишь – значит, так надо. А почему так надо – всё равно не поймёшь.

Андрею не нравилось, что Ниохта, поначалу обещавшая объяснять ему всё непонятное, постепенно забыла своё слово и даже, напротив, что-то слишком часто стала язвить и многое недоговаривать. Аоми постоянно подчёркивала своё превосходство над ним, обыкновенным человеком, который только по её прихоти может войти в число избранных, а может и не войти – смотря как себя поведёт. «Будто бы я сам напросился к ней в ученики!» — злился Андрей, но вида, однако, не показывал.

Он довольно быстро нашёл дом, в котором жила бабушка Дачи – одна из двух работниц бригады по заготовке дикоросов (так официально именовалось это подразделение кафе «Какао»). Она оказалась невысокой, улыбчивой, в круглых очочках, которым, наверно, было лет сто: оправа, сделанная из серой пластмассы, потрескалась, дужки перемотаны черной изолентой и держались на ушах исключительно при помощи платка, повязанного поверх них. По одной линзе затейливым зигзагом шла глубокая трещина, другую покрывал зеленоватый налёт.

Заметив недоумённый взгляд Андрея, бабушка Дачи шмыгнула носом:

— Очки от мужа мне достались. Культурный был, всегда книжки читал. А я и без очков вижу. Но не пропадать же добру, вот и нацепила их. Так, вроде, тоже культурная.

Дачи сразу повела его к навесам, под которыми сушились травы. По дороге объяснила: недели две назад поднялся сильный ветер, разбесился будто это сам келе*44 был, сорвал с построек часть крыши, в ключья растрепал полиэтиленовые занавески, и в довершение всех бед припустил сильный дождь – намочил уже высушенное сырьё, пришлось его выбрасывать.

Старушки сами кое-как подлатали сушилку, накрыли её толем, но, видно, он для этих дел не годится: на солнце от него густые испарения поднимаются – трава впитывает их и дурно пахнет. Попробовали сушить дикоросы на чердаке, так туда умудрились пробраться воробьи – загадили всё.

— Беда! – вздохнула Дачи. – Надо крышу делать.

Тут подоспела её напарница, бабушка Дашка. Сначала Андрей решил, что ослышался – как-то несолидно пожилую женщину так звать-величать, но та засмеялась:

— А! Когда родители пришли в сельсовет имя мне давать, сказали: «Пусть Дашкой будет». А Дашка в селе была тогда одна – русская красавица. На самом деле она, конечно, Дарьей по паспорту-то величалась, но все говорили: Дашка да Дашка. Так меня и записали в метрике – Дашка Ахтанка. Потом уж ничего сделать было нельзя. Да и ладно, — она махнула сухонькой рукой. – Хорошее имя, весёлое!

Дашка подтвердила рассказ своей напарницы, простодушно посокрушалась, поохала: старались, мол, старались, столько всяких травок назаготовливали, даже хато-охто*45, подумать только, нашли и высушили, и всё пропало!

— Да что ж вы толком-то ничего экспедитору не объяснили? – удивился Андрей. – Давно бы с ремонтом вам помогли!

— А он траву забирает не отсюда, а из дома Дашки, — объяснила бабушка Дачи. – Ничего сам не видел. И нас, однако, не спрашивал ни о чём.

— Да как бы он спросил, если ничего не знает? – недоумевал Андрей. – Надо было самим обо всем рассказать.

— Всё село знает, а он не знает, как же так? – искренне всплеснула руками Дашка. – Раз он молчит, мы тоже молчим. Думаем: зачем лишние слова говорить?

Старушки наивно полагали: городской человек – особый человек, всё знает и понимает, большой, наверно, начальник, серьёзный такой, и на дорогой машине всегда приезжает, всё время на часы смотрит – спешит, видно. Экспедитор действительно торопился: на рыбацкой тоне неподалёку от Сакачи-Аляна его ждали местные мужики из артели, промышленявшей на законных основаниях калугу. Не смотря на то, что вылов этой рыбы запрещён, хитроумные дельцы придумали способ, как обойти закон. В городе Ха существует научно-исследовательский рыбохозяйственный институт: тамошние ихтиологи, ясное дело, должны как-то изучать рыб Амура, и для этого придуман так

называемый научный лов. Институт получает разрешение на добычу калуги, причём, в таких количествах, что ихтиологам всего мира материала хватило бы для исследований на год, а то и больше. Но всегда находятся лукавые обоснования, почему ценной рыбы требуется на опыты так много, а её избытки идут на продажу – якобы в интересах всё той же науки, которую недостаточно финансируют.

Институт заключил договор с местной рыболовецкой артелью на научный лов калуги. Причем, дело обставили так, что получалось: ихтиологи облагодетельствовали коренное население, для которого рыбалка – исконное занятие и, следовательно, институт способствует развитию традиционных промыслов малых народов. Но рыбаков эти заявления грели мало, им больше нравилось другое: имея на руках официальные документы на промысел, они ловили калуги, сколько хотели. Вот и экспедитор кафе «Какао» договорился с ними на поставку свежей рыбы для городских гурманов. Этот скоропортящийся товар надо было доставить в Ха как можно скорее, и потому он всегда торопился, не уставляя травниц долгими разговорами.

Андрей же разговаривал с ними долго. Бабушка Дачи ради гостя из города расстаралась стол накрыть, по её понятиям, щедрый: рыба вареная, жареная, вяленая, свежая картошечка, посыпанная укропом, баночки с соленьями-вареньями, пышные пампушки, щучья икра – густая, на солнце янтарем мерцающая и, конечно, чай из трав.

Женщины старались угодить Андрею, но когда речь снова заходила о сушилке, они как-то смущались и явно что-то недоговаривали. Он подумал, что, возможно, и у нанайцев та же беда, что и у русских: зависть. Кто-то позавидовал удаче старушек, их небольшому, но постоянному приработку – и навредил им.

— Ну, что ты! – Дашка покачала головой. – Это не человек навредил.

— Верно: не человек, — подтвердила Дачи. – Бурэкта, наверное.

— Тсс! Что ты болтаешь? – сердито нахмурилась Дашка, подавая знак: молчи, мол, экэни*46.

Дачи смущенно замолчала, но Андрей настырно не оставал: какой такой бурэкта, да что же случилось всё-таки?

Наконец, Дачи, виновато глянув на подружку, вздохнула:

— Э, какое дело-то! Пошли мы в одно место багульник собирать – он там густо растёт, высокий, красивый. Два мешка веток наломали. Пришли назад, сушить ветки разложили. Довольные такие. Дашка домой ушла, а меня сон сморил. И видится мне, будто входит в комнату старик – весь словно каменный, зеленым мхом порос, а вместо волос лишайник на голове. Протягивает руку, за горло меня схватить хочет, я – от него, он – ко мне, душить начал. Тут я проснулась, вскочила с постели, страшно мне. Всю ночь не спала. За окном, слышу, ветер воет, гроза началась...

— Ага, — кивнула Дашка, — и я глаз не сомкнула. Ко мне тоже этот старик приходил. Душил меня, ругал: зачем священное место оскорбили?

— Какое священное место? – не понял Андрей.

— Багульник в священном месте рос, — пояснила Дашка. – Туда никто не имеет права ходить без надобности, тревожить покой бурэкта – святого камня. Ему наши предки поклонялись, он вроде торо-идола, вокруг него чэктырить водку*47 положено, угощение оставлять, а мы, наоборот, забрали ему принадлежащее.

— Непочтительно со священным камнем обошлись – даже не заметили его, — подтвердила Дачи. – Дух на нас рассердился. Грозу насрал, сушилку ветром порушил, ещё бы натворил бед, если бы мы перед ним не извинились.

— Плохо, шамана у нас нет, — вздохнула Дашка. – Он бы с бурэкта быстрее договорился. А мы два раза ходили чэктырить, прежде чем он успокоился. Хорошо, Чикую помогла: подсказала, как с ним разговаривать надо.

— Э! Ничего-то мы не знаем, всё забыли, что наши предки знали, — нахмурилась Дачи. – Молодые были, в комсомол нас записали, комсомол сказал: сеоны – предрассудки, темные люди в них верят, смеяться надо над шаманами – обманывают они

народ. Ничего мы тогда не понимали, думали: неграмотные, совсем глупые будем, если бабушкиным сказкам поверим. А нынешние молодые совсем ничего не знает, даже по-нанайски многие не говорят...

Дачи принялась ругать современную молодёжь, которая не уважает старших, забывает обычаи, предаётся веселью, хочет всего, сразу и бесплатно, совсем от рук отбилась, иные заткнув уши какими-то пробочками с проводами – и ничего не слышат, ровно глухие: оказывается, это у них радио такое – бабушка явно не знала, что такое плейер, а компьютер принимала за телевизор, в котором всякие бесенята прыгают, стреляют-убивают один другого, и что хорошего в таких играх? Дашка вторила ей, сокрушённо покачивая головой и беспрестанно шмыгая носом. Их суждения ничем не отличались от мнений их собственных бабок, вспомнили бы их – наверняка смутились бы: поводы для осуждения молодых почти те же самые, ибо внуки всегда хотят жить своим умом, юность всегда полна максимализма и желания заглянуть за горизонт, а новые идеи и увлечения зачастую просто непонятны старшим: у каждого поколения свои привычки и пристрастия.

— Лицемерки! – вдруг возмутилась аоми, до того не дававшая о себе знать. – Спроси-ка у Дашки, зачем она деревянных сэвенов в костер бросала. А молодая Дачи помогала комсомольцам стаскивать крест с церкви. Кто её заставлял это делать, а? Спроси!

Андрей не хотел спрашивать старушек об этом. Зачем? Как говорится, дела давно минувших дней. Глупые были, да и время такое было: если ты не со всеми, то, значит, против всех, да и поди разберись, где правда, если все углы плакатами увешаны: «Мы к коммунизму держим путь», «Светлое будущее строим сами!», «С отсталым элементом нам не по пути». Кому ж захочется оказаться в таких отсталых?

— Ну, побрани их, что ли, за то, что травы плохо заготавливали, — настаивала Ниохта. – Не давай им спуску!

В последнее время аоми слишком часто заставляла Андрея делать то, что сам он не хотел. Зудела, ныла, даже кричала – делай, мол, как тебе сказано, иначе тебе самому плохо будет. Если он отказывался, Ниохта скребла когтистой лапкой по его сердцу, что-то такое задевала в нём, наверное, нервы – он весь напрягался, дрожал, лоб покрывался испариной, а по спине холодной змейкой пробежал озноб. Чтобы избавиться от этих неприятных ощущений, иногда он всё-таки уступал Ниохте, и та, довольная, злорадничала: «А! Уважаешь мою силу!»

Однако Андрей заметил и другое. Если он резко и категорично говорил «нет», то Ниохта обычно ни на чём не настаивала – побухтев, затихала и не подавала признаков своего присутствия. По каким-то причинам, воля человека оказывалась выше власти вселившейся в него аоми.

— Развесил уши и слушаешь их рассказы, — не успокаивалась Ниохта. – Они тебе с три короба наплетут не только про старика-камня... Как это Дашка до сих пор не рассказала о тигре – хранителе своего рода? Она эту сказочку любит вспоминать.

Но о тигре первой вспомнила Дачи. Она вдруг глянула на Дашку и хитро прищурилась:

— А знаешь, наверно, нам и амба помог? Старик-камень просто так не успокоился бы. А как ты почэктэрила на сэвен-тигра, так сеон и перестал нас пугать.

— Может, и тигр помог, — кивнула Дашка. – Род Ахтанка – тигриный род как-никак. Но я не мастерица об этом рассказывать. Вот моя бабка хорошо рассказывала, на разные голоса, в лицах изображала – всё село сходилось её послушать. А я так не могу...

— Скромница, — язвительно хмыкнула Ниохта.

— Тебя пока не спрашивают! – оборвал её Андрей. – Помолчала бы, а? Надо будет – спрошу.

Бабушка Дачи заметила, что Андрей порой о чём-то как бы задумывается или прислушивается к себе – не поймёшь. Она знала: у некоторых людей заводится

внутренний голос – это сеон пытается вселиться в тело человека, и плохо, если он не хочет шаманом стать: измучает его злой дух, с ума может свести.

Андрей заметил напряженный взгляд Дачи и нарисовал на губулыбку:

— Извините. О работе подумал. Как-то там без меня?

Обманул старушку. Эх, нехорошо! Но не скажешь же первой встречной, что внутри тебя *некто* сидит, да ещё и регулярно разговоры разговаривает.

Он решился рассказать Дашке о том, как тигр выходил на дорогу. И о странном мальчишке, который на него верхом сел. О том, что пассажиры по какой-то причине тут же и забыли о происшествии, Андрей умолчал.

— Ай, однако что-то случится! – вскрикнула Дачи. – Тигр просто так не приходит.

— И мальчик был не простой, — поддакнула Дашка. – Не знаю, что за мальчик это.

— Может, из вашего рода кто-то? – предположила Дачи. – Род Ахтанка умеет с амбой разговаривать, и не боится его.

— Да! С самого начала не боялись, — гордо подбоченилась Дашка.

Она вспомнила историю о том, как в давние-давние времена, когда люди совсем тёмные были, ничего не знали, жили-были брат и сестра. Как брата звали, старушка не помнила, а имя девушки – Фудин.

Брат на охоту ходит, Фудин домашними делами занимается. Как-то слышит: в дверях что-то шуршит. Поглядела: тигр лапу просунул, в лапе – заноза. Фудин не робкая была, спокойно взяла нож и с его помощью занозу вытащила, рану шёлком зашила. Амба благодарно рыкнул и прочь ушел. Но потом стал каждый день приходиться, а однажды взял и унёс девушку в тайгу. Стал её мужем.

Брат везде искал сестру. Нигде не находил. Однажды сон видит: сидит Фудин на канане*48, качает люльку и говорит: «Не там меня ищешь. Я в каменном доме живу!»

Узнал брат: живёт Фудин в каменном логове тигра, оно всё равно что дом – и дверь, и окна есть. Пошёл он туда и видит: на канане не его сестра, а большая красивая тигрица сидит. Говорит ему голосом Фудин: «Не могу я к людям вернуться. Навсегда тигрицей останусь. Мужа своего не брошу. А вот моих детей заberi к себе, пусть людьми растут...»

Забрал брат мальчика и девочку, увез их на лодке до места Ахтар, там жилище построил. От этих детей и пошёл род Ахтанка, а те скалы, в которых Фудин осталась, так и зовутся до сих пор – Тигриный дом. Любой человек из рода Ахтанка туда без опаски может ходить: амба – родня им.

— А откуда тот тигр на дороге взялся, ума не приложу, — Дашка покачала головой. – Что-то случилось. Амба просто так людям не показывается.

— Вот и я о том же говорю, — кивнула Дачи.

Аями снова решила подать голос:

— Наругай этих старух, — зашипела она. – Сил нет слушать обманщиц. Всё они знают! Вот только не хотят правду говорить.

— Возможно, это связано с какими-то запретами, — предположил Андрей. – Всё-таки я не нанаец. Наверное, людям чужого роду-племени не полагается знать то, что знает любой нанаец.

— Так-то оно так, но могли бы честно сказать: табу! – настаивала Ниохта. – В любом случае врать нехорошо. Противные старушки! Проклясть их мало...

— Сама же как-то говорила: нельзя другого человека проклинать по пустякам – наказание за это получишь, — напомнил Андрей. – Историю даже мне рассказывала об этом. Что, память короткая?

Аоми пристыжено замолчала, но её замешательство длилось недолго. Она прыснула, будто что-то весёленькое вспомнила, и счастливым голосом протянула:

— Ну, мало ли что старики рассказывают. Сказочки всё это!

Дачи снова что-то заподозрила и, поправив очки, пристально посмотрела на Андрея.

— Опять о чём-то задумался?

— Да, — честно признался он. — Есть о чём думать.

Дашка тоже глянула на Андрея, по её светло-коричневому от загара лицу мелькнула тень и спряталась в глубоких морщинках на переносице.

— Ай-яй! — Дашка жалостливо качнула головой. — Плохие, видно, думки-то. Печальный ты становишься.

— Прогнать их надо, — поддакнула Дачи. — Молодой весёлым должен быть. Задумчивый — это плохо. Может, тигр на тебя посмотрел, а?

— Посмотрел.

— Плохо посмотрел?

— Не знаю. Просто я его глаза увидел.

— Ты не испугался? Плохих слов не говорил ему?

— Да вроде бы нет.

— Проклинать тигра нельзя, — встряла в разговор Дашка. — В десять раз большими неприятности к тебе вернутся...

Андрей сознался, что слышал старую нанайскую легенду о проклятиях. В ней о двух сёстрах рассказывалось — богатой и бедной. Такто*⁴⁹ у богатой полон всяких припасов, а у бедной крупинки чумизы не найдёшь. Попросила бедная чашку крупы у сестры. Та ей дала чумизы. Пришло время отдавать долг. Бедная не знает, что и делать: крупы у неё мало. Ладно. Сделала так: насыпала в чашку речного песка, а сверху горсть крупы бросила. Отдала долг. А когда старшая пересыпала чумизу, песок-то и увидела. «Ах, ты, такая-сякая! Пусть тебя Бо Эндули накажет!» — сказала старшая сестрица. Вскоре младшая умерла. А спустя некоторое время во дворе старшей сестры неизвестно откуда чёрная курица появилась. Подошла к женщине, приласкаться хочет. «Ах, негодница! — закричала сестра. — Испачкаешь ещё меня!» И убила её. А ночью ей сон снится. Будто бы пришла к ней младшая сестра, вся в чёрных одеждах, и говорит: «Я приходила к тебе, чтобы свой долг отдать. Бо Эндули меня послал, сказал: «Отдай сестрице долг хотя бы куриными яйцами». А ты меня убила. Довольная теперь, наверное? Прощай!»

— Э! Знаешь, однако, наши обычаи, — удивилась Дачи. — Нанайцы по пустякам никого не проклинаят. Всегда помнят о тех сёстрах.

— Старшей-то стыдно стало, она от плохих дум и умерла, — сказала Дашка и полезла за пазуху, вытасила маленькую трубочку. — Покурить захотелось. Как вспомню старые сказки, так расстраиваюсь. В них бедные в конце концов хорошо жить начинают. А в жизни так не бывает почему-то...

— Глупая ты, глупая! — засмеялась Дачи. — Что у русских, что у нанайцев сказки одинаковые: добро в них всегда побеждает зло.

— Вот я и говорю: в сказках всё хорошо кончается, а в жизни так не получается, — кивнула Дашка. — Помнишь, подруга, молодые были, песню распевали «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...»? Старики на нас глядели, да только головами качали: глупые, дескать, пороха не выдумываете — чьи-то чужие слова повторяете, а их смысла не понимаете.

— Ага, — поддержала её Дачи. — Передовыми хотели стать. А того не понимали, что сама наша жизнь и есть самое настоящее чудо.

Слушая её, Дашка насыпала в трубочку табака из кисета, зажгла спичку и закурила. Потянуло лёгким приятным ароматом. Видно, бабулька каких-то особенных травок в табак добавляла.

— Своё курево, — сообщила она Андрею. — Лист дуба, березы сушим, мох в табак добавляем... Мне ещё в детстве бабушка трубку-носогрейку подарила. Привыкла к ней.

— Твоя бабушка, помню, как задымит трубочкой, значит, готова истории нам, ребятишкам, рассказывать, особенно мы про баян-маму и дебой-маму любили слушать, — напомнила Дачи. — Баян-мама — значит, богатая. Дебой-мама — бедная старуха. Однажды дебей-мама повесила свои единственные пэру — штаны сушить. Мимо ворона пролетала, схватила их и унесла за реку. Бедная старуха кинулась за птицей, да как ей

через Амур переплыть? Тут видит: стоит на том берегу человек, говорит: «Плыви сюда! Отдам твои штаны!» Да как переплыть-то? Лодки у дебой-мамы нет.

— Ага, шибко бедная была, — кивнула Дашка. — Бабушка изображала дебой-мamu маленькой, худенькой, и того человека из-за реки жестами обрисовывала: шея длинная, голова маленькая, руки как крылья. Словом, ворона то была. И говорит этот человек: «Вот щепочка! На ней приплывёшь ко мне...» Старуха удивилась, а щепочка пристала к ногам старухи и лодкой обернулась. Привезла её лодка на тот берег. Видит дебой-мама: две лестницы — одна золотая, другая серебряная. « По какой из них хочешь лезть за пэру?» — спрашивает мужчина. Старуха подумала: «Ой! Не привыкла я к золоту да серебру, мне бы по земляной лестнице привычнее подниматься...» Только так подумала, как ноги её сами собой по золотой лестнице взбежали. «Ну, иди в золотой дворец теперь», — говорит мужчина.

— Ну, ей-то непривычно в золотых дворцах бывать, она и подумала: «Нет! Лучше в хижину какую-нибудь, так мне привычнее...», — подхватила с улыбкой Дачи. — И оказалась, конечно, в золотом дворце. А там слуги ей предлагают трубку покурить, на выбор — золотую или серебряную. А она уперлась: деревянную, говорит, дайте мне!

— Как у меня, — Дашка повертела свою носогрейку, черную от времени и копоти. — Такие трубочки самые лучшие, мне тоже не надо ни золотой, ни серебряной. Однако дебой-мама трубочку выкурила, получила свои пэру, да ещё мужчина-ворона протянул ей узелок мусора в подарок: «Раз ты к хорошему не привыкла, так хоть мусор возьми. Только до самого дома его не развязывай. А как домой придешь, не забудь горшок на печь поставить...» Она так и сделала. В горшке всякая вкусная еда тут же наварилась, а мусор превратился в золото. Хорошо зажила дебой-мама. А баян-маме завидно стало. Она спросила: «Да как же ты разбогатела?» Дебой-мама правду рассказала.

— Ну, повесила свои пэру баян-мама на забор, ворона их схватила, унесла, — со смехом продолжила рассказ подруги Дашка. — И всё было так, как бедная старуха рассказывала. Только баян-мама сразу захотела по золотой лестнице попасть в золотой дворец, там золотую трубку схватила, с жадностью закурила, да губы обожгла: золото-то нагревается, не то, что дерево! Вытерпела, однако. Подарка ждёт. Мужчина вынес ей узелок, наказывает: «До самого дома его не развязывай!». Но не утерпела баян-мама, присела на коряжину по пути, развязала, а оттуда как полезут змеи!

— Всякие! И большие, и маленькие, ползут, извиваются, шипят, — всплеснула руками Дачи. — Да такие злые! Напали на богатую старуху, искусили её. От того она и померла. Жадная была.

Эта легенда напомнила Андрею русские народные сказки — в них богатые тоже высмеивались, бедняки становились счастливыми. Сказка — ложь, да в ней урок, добрым молодцам намёк. Что за чудо, эти были и небылицы! В них с незапамятных времён обитает душа народа, освещаемая неярким переменчивым пламенем древних светильников, — она поёт, смеётся, что-то тихо шепчет, окликает, лукаво подмигивает и грустно вздыхает; кому, как не ей, знать: люди слушать слушают, и всё понимают, но тьма низких истин и возвышенность высоких слов, трогая их сердца, не всегда принимаются на веру — каждый проходит свой путь ошибок, тревог и заблуждений. Это одинокое путешествие и есть жизнь, которая порой сама становится сказкой, легендой или былью, в ней — опыт и наука, как прожить одну-единственную свою жизнь достойно; идущие вослед, смеясь и плача, однако, знают, что такое хорошо и что такое плохо, и умнее, и лучше, и образованнее, но мало что принимают на веру, потому что до сути вещей желают дойти не чужим умом. И стоит ли их в том винить?

Бабушка никак не могла успокоиться: у молодого начальника (она упорно считала Андрея важной птицей, коли он приехал её с Дашкой проверять) что-то неладное творится на душе, слишком, мол, задумчив и постоянно прислушивается к себе, да и лицом несвеж, глаза хоть и смеются, но усталые: видно, не высыпается, отчего-то тревожится. Желая не только угодить, но и помочь ему, она снова и снова заводила речь о

старой Чикуэ, бабка которой, Дадха, знаменитой шаманкой была. Сколько она лет прожила, никто не знает, и сама Дадха не знала, говорила: так много, что со счёта сбилась, сколько раз на её веку Амур от зимнего льда освобождался – может, сто, а может, больше.

Дадха последние годы своей жизни почти слепая была, плохо слышала, едва-едва ходила, и всё больше на теплом накане лежала, но иногда на неё что-то находило: старуха облачалась в шаманский наряд и, взяв бубен, сидела без движения, совсем как каменная, ничего не говорила, только глядела, не мигая, в одну точку перед собой, и будто что-то ей виделось: глаза оживали, черные зрачки вспыхивали светлячками, и она начинала чуть слышно постукивать в бубен и тихо бормотала что-то себе под нос. Мало-помалу удары бубна становились всё сильнее, Дадха раскачивалась в такт ему, вздрагивала, икала и сморкалась, сердито кричала молодой тогда Чикуэ: «Подогревай скорее другой бубен!»

Шаманский бубен звучит громче, если его постоянно подогревать. Потому у любого шамана всегда есть помощник, который меняет ему остывший бубен на тёплый, да ещё следит за тем, чтобы сенкура*50 на горячих углях не горела, а медленно тлела: листья этого растения давали густой дым с приятным, но одуряющим ароматом – на этот запах слетались сеоны, служившие Дадхе. Она, забыв о своей немощи, вскакивала, кружила вокруг очага, хватала из него горящие головёшки и, не чувствуя их температуры, грозила ими злым бусеу-духам.

У Дадхи не было одного постоянного сеона. Каждый раз она выбирала себе нового духа, и он не обязательно был нанайским – в неё вселялись ороцкие, якутские, нивхские, китайские и даже русские духи. По тому, на каком языке вдруг начинала говорить шаманка, присутствующие знали, какой иноземный сеон в неё вселился. Иногда люди вообще не могли разобрать смысла слов – значит, дух прилетел к Дадхе откуда-то совсем издалека, и тогда сама Дадха начинала переводить его речь. Давалось это ей с трудом: на коже выступали капельки крови, она страшно вращала глазами, гримасничала, кричала, не переставая при этом яростно бить в бубен и звенеть подвесками.

Сеон помогал Дадхе видеть будущее, подсказывал дни, когда мужчинам следовало идти на охоту или рыбалку, в какие именно места – и эти предсказания всегда были точными; тяжело больные после камланий шаманки быстро шли на поправку, и не было такой хвори, которую бы она не выгнала из тела человека, хотя сама себе помочь не могла или не хотела. Говорят, что она передала внучке Чикуэ какие-то особенные секреты. По крайней мере, Чикуэ умеет выгонять из человека тоску, заключает его несчастья в деревянные фигурки, которые положено зарывать в землю или пускать вниз по течению реки – пусть уплываю прочь и никогда не возвращаются.

Однако стать шаманкой внучка не захотела, это очень тяжело – постоянно жить с духами, которые в любой момент могут обратиться против своего избранника. Чикуэ запомнила другую бабкину выучку — её узоры и орнаменты, которыми украшала свои ковры, халаты, любую одежду и обувь. Она переняла от Дадхи приёмы вышивки, плела затейливые узелки, знала, как сделать краску из разных трав, коры деревьев или корней кустарника – у неё всегда получались яркие, насыщенные тона, и как обработать кожу сазана или кеты, чтобы она годилась на поделки, Чикуэ тоже прекрасно знала. Она многое ведала, и лучше её не было в селе мастерицы.

Бабушка Дачи была доброй, но не только из-за своего сердоболия предложила Андрею сходить к Чикуэ. Её можно назвать патриоткой, в том смысле, что она считала Скачи-Алян ничем не хуже других сёл, а, может, даже и лучше, и не только сёл, а и больших городов: что там, в этих городах-то, — шумно, дышать от машин нечем, сутолока, ничего не поймёшь, а тут, на берегу Амура, — тишина, покой, красота, древние камни с загадочными рисунками лежат и, главное, живёт такая мастерица, как Чикуэ. Ничего, что ей многие завидуют, а местные кумушки косточки то и дело перебивают: мол, жадная Чикуэ – говорят, ей опять почтальонша Шура большой перевод принесла, из какого-то музея, куда, видно, старуха халат продала, а вот надо же, ничего лишнего себе не

покупает, в старом во всём ходит, и куда только деньги деваает? Злые языки балакали: в тюфяк их складывает, спит на них, как на перине ...

Дачи тоже считала Чикуюэ странной, но это не мешало ей гордиться, что именно в их селе живёт нанайка, которую знают умные городские искусствоведы, художники и всякие профессора.

— Давай сходим к Чикуюэ, — сказала Дачи. — Всё равно автобус в город пойдёт ещё не скоро. Познакомишься с ней.

— Да я вроде с ней уже знаком, — неловко улыбнулся Андрей. — Как-то эта бабушка помогла мне купить одну вещичку у здешнего жителя...

— Тем более! — обрадовалась Дачи. — Нехорошо поступишь, если не зайдешь к ней. У нанайцев в обычае навещать знакомых.

Аоми, однако, встревожилась. Андрей это физически чувствовал: она напряглась, вся спружинилась, сделалась вдруг тяжелой, будто свинцом налилась.

— Глупости какие! — резким скрипучим голосом сказала аоми. — Зачем время зря тратить? Чикуюэ не умеет делать то, чем её бабка славилась. Дадху я хорошо знала. Великая была шаманка! А Чикуюэ — никто, разве что вышивать хорошо научилась...

— Что ж, посмотрю на её вышивку, — пожал плечами Андрей. — В самом деле, надо же чем-то заняться: автобус ещё не скоро.

— Лучше бы ты пошёл на берег Амура, — шипела аоми. — Давненько свеженькой рыбки не едали. Сторговал бы сазанчика у рыбаков. Что, не хочешь разве сам ухи? И жареный в сметане сазан тоже хорош.

— Хорош, — согласился Андрей. — Но на сегодня рыбному дню конец, — он выразительно поглядел на стол: даже жареного максуна едоки так и не осилили, да и вяленые спинки кеты, нарезанные тонкими ломтиками, покрылись прозрачными желтыми слёзками — казалось: обиделись, что такую вкуснятину оставили на тарелке.

— Ты должен слушаться меня! — прикрикнула аоми. — Разве забыл, о чём я тебе говорила, когда выбрала тебя? Будешь слушаться — откроются многие тайны...

— Ничего я не забыл, — Андрей досадливо поморщился. — Но иногда ты становишься невыносимо занудливой. Извини, но я буду делать, что хочу сам.

Дачи заметила его гримасу, которую истолковала по-своему:

— Что-то с желудком? Может, от моего угощения? Не каждый желудок сразу принимает нашу пищу. Выпей-ка, вот, отвару зверобоя. Вместо чая.

Пришлось выпить. При этом Дашка попыхивала трубочкой и, умильно сощурившись, подзадоривала:

— Ещё! Ещё глоточек. Вот, молодец!

Бабушки явно старались ему угодить, лишь бы он чего лишнего о них в городе не наговорил, а то лишатся, бедняжки, своего приработка.

Дом Чикуюэ оказался минутах в пяти ходьбы от жилища Дачи. Невысокая маленькая избушка с весёлыми ставенками стояла наособицу, на небольшом пригорке, поросшем лещиной и высоченным борщевиком: его огромные резные листья не могли скрыть белокипенных зонтиков размером с хорошую подсолнечную шляпку.

По тропинке, протоптанной в густом ковре спорыша и ромашки, они поднялись на пригорок. Запыхавшиеся бабульки остановились и, как по команде, обе уперлись руками в бока. Дачи смахнула бисеринки пота со лба:

— Уф! И как это Чикуюэ каждый день не по разу тут карабкается?

— Какое карабкается! — изумилась Дашка. — Да она не хуже чифяку-ласточки летает! Даром, что старше нас.

— Натренировалась, — засмеялась Дачи. — Глянь-ка, она и далдама на огороде сделала. Видно, когда в доме жарко, спит там...

Далдама напоминал шалаш, построенный из прутьев и палок, обтянутых сверху берестой и укрытых пучками сухой травы. Рядом с ним стояла летняя печка, даже и не печка, а нечто, её напоминающее: на кирпичях, выложенных буквой П, лежала

треснувшая чугунная плита с донельзя закопченной кастрюлей. Меж двумя берёзками была натянута веревка, но на ней вместо белья болтались в ряд серебристые чабаки с темными спинками – вялились по старому обычаю, и, что удивительно, вокруг рыб не летало ни одной мухи. Да оно и понятно, бугор обдувал приятный свежий ветерок. А может, и другая причина была? Старушки перешёптывались: Чикуэ, мол, какие-то заклинания знает, и мух с комарами тоже умеет прогонять...

Далдама был явно не пустой: полог, закрывавший вход, время от времени кто-то одергивал. Наконец, показалась узкая белая пятерня с ярким маникюром, она ухватила ткань и откинула её в сторону, вслед за рукой появилась соломенная шляпа, причем её полы оказались настолько широкими, что женщине пришлось снять её, чтобы протиснуться в узкий проём. А когда она протиснулась и распрямилась, то Андрей не скрыл своего изумления: это была Марго!

Обмахиваясь шляпой, дамочка с не меньшим удивлением взирала на Андрея и его спутниц.

— О, боже! – наконец вымолвила Марго и надела шляпу задом наперёд. Искусственный цветник оказался позади, а игривые розовые банты закрыли даме поллица. – Откуда вы тут взялись? Как приведенье!

— Мимо шёл, — сказал Андрей. — Можно сказать, почти случайно заглянул.

Марго тем временем изменила положение шляпы и, смущаясь своей неловкости, кокетливо опустила глаза:

— А я вот изучала быт нанайцев, — она изящно направила указательный палец в сторону далдама. — Чикуэ Золонговна разрешила мне посидеть в шалаше. Чудо как хорошо там! Свежий воздух, травой пахнет, нежарко...

Дачи и Дашка во все глаза глядели на городскую дамочку, которая, должно быть, казалась им экзотичной дивой, какие ни за что просто так не увидишь, только по телевизору. А тут, надо же, самая настоящая!

— А по делу приехал, — Андрей кивнул на своих спутниц. — Эти женщины заготавливают травы для нашего чая. Проверить кое-что надо было.

— И Чикуэ Золонговну тоже заодно решили посетить? – лукаво улыбнулась Марго. — Она тут вроде местной достопримечательности. Все на неё желают поглазеть...

— А что? Нельзя? – нахально спросил Андрей.

— Она не обезьянка какая-нибудь, — решительно сказала Марго. — Чего на неё просто так смотреть? Но вы-то, Андрюша, уверена, по особому случаю пришли. Угадала? Когда мы на кухне у вас сидели – помните? ах, да! как же не помнить? – я рассказывала, как мы к Чикуэ Золонговне ездили. Она сообщила: вы тот, кто нам нужен. Значит, и вы тут не случайно появились. Ничего в этой жизни случайного, Андрюша, не бывает...

Андрей подумал: если Марго тут, то рядом непременно должен быть и Сергей Васильевич. Эта парочка, похоже, друг без друга жить уже не может. И, словно догадавшись о его мыслях, Марго подтвердила:

— Кстати, Уфименко пошёл в магазин за водкой. Чикуэ Золонговна сказала: чэктэрить надо в пещере, задабривать каких-то духов — может, они сжалятся над нами и откроют вход...

Дачи, как услышала последнее слово Марго, так сразу изменилась в лице: глаза округлились, морщинки на лбу от удивления собрались в гармошку. Она шмыгнула носом и тихо, ни к кому не обращаясь, сказала:

— Тот вход может открыть только шаман. Никому больше нельзя это делать. Беда придёт!

Но Марго пренебрежительно глянула на Дачи, засмеялась и театрально всплеснула руками:

— Ах, уж эти табу! Чикуэ Золонговна то же самое сказала. А ещё она сказала: шаман сам придёт. Только духам почэктэрить всё равно надо. Так положено. Кстати, вон и Чикуэ Золонговна из дома вышла...

Андрей обернулся. На крылечке стояла маленькая сгорбленная старушка в длинном до пят халате, расшитом ярким витиеватым орнаментом. Подслеповато щурясь, она козырьком приставила ладонь ко лбу и, оглядев Андрея с ног до головы, совсем тихо сказала:

— Вот ты и пришёл...

13.

Он упорно карабкался по шероховатому уступу скалы, боясь сорваться с камней вниз. Цеплялся за короткие, но толстые ветки каких-то колючих растений, покрытые шипами – они вонзались в ладони, но он терпел эти занозы: отпустишь руку – полетишь вниз, туда, где гудит водоворотами река Саян-бирани*⁵¹, злобно наскакивает на скалу, пытаясь подгрызть её, будто сам свирепый змей Сахари Дябдан*⁵² разевает ненасытную пасть. Вода в Саян-бирани мутная, темная и тускло блестит аспидной чешуёй, то и дело вскипая бурунами. Вдоль берегов – завалы из гниющих деревьев, вырванных Саян-Бирани с комлем; могучие корни, отполированные водой до костяного блеска, распластались хищными осьминогами.

Кажется, в такой реке ничего живого быть не может. От тяжелого сырого запаха тины и тухлых яиц кружилась голова, к горлу подступала тошнота, и Андрей с трудом удерживал позывы рвоты. Он не заметил, как из бурунов вдруг выплеснулись две нгова*⁵¹ – на их прекрасных лицах мерцали зеленые глаза, но тела их были ужасны: длинное змеиное туловище, короткие толстые лапы, кожа как у лягушек, а стоило нгове открыть рот, как из него показывались изогнутые клыки. За плечами чудищ вяло болтались мокрые вороньи крылья.

Нговы, держась друг дружки, выплыли к большому валуну, вскарабкались на него и, растопырившись по-собачьи, встряхнулись – брызги серыми фонтанчиками разлетелись в разные стороны. Сирены, нахохлившись, расправили намоченные крылья и выставили их для просушки на резком, холодном ветре.

Одна из этих красоток подняла голову и увидела ползущего по скале Андрея. Она заурчала и радостно подпихнула лапой подругу:

— Мясо!

— Где?

— Вон, рядом, — нгова ткнула лапой в сторону человека.

Андрей, не подозревавший, что представляет для кого-то интерес как кусок мяса, пока что был озабочен одним: как перехватить рукой ветку покрепче – та, за которую он держался, угрожающе треснула и могла в любую секунду обломиться, а до соседней, более толстой ветки, ещё надо было дотянуться.

Нгова, первой заметившая человека, подпрыгнув, поднялась на крыло. За ней тяжело взлетела и её спутница. Они старались не выдать своего присутствия, и потому летели молча, но сырые крылья, мощно рассекая воздух, свистели на ветру. Звенели металлические подвески, постукивали друг о друга человечьи черепа, свисавшие с нговых поясов. Этот шум заставил Андрея обернуться.

Обнаружив направляющихся к нему крылатых дев-чудовищ, он весь похолодел, сердце будто сорвалось и упало куда-то вниз, пульсирующей болью отдавая в пятки. В этот момент ветка, за которую он держался, всё-таки обломилась, и Андрей остался висеть на одной руке.

Нговы заверещали и ещё усиленнее замахали крыльями. Андрей, обмерев, не мог оторвать взгляда от впереди летящей сирены: она словно гипнотизировала его, притягивая, как магнитом, малахитовой зеленью расширившихся глаз. Черные зрачки казались бездонными и холодными, и в них скрывалась сама смерть.

Он понял: если не пересилит себя и не отведёт глаза в сторону, то пропадёт, и чем тогда человек отличается от кролика, дрожащего под взглядом удава? Андрей почему-то хранил надежду, что ему поможет аоми – подсказкой ли, действием ли, но Ниохта не

подавала никаких признаков жизни. Это и прежде случалось: аоми в критических ситуациях, словно желая испытать силы Андрея, не оказывала ему никакой поддержки, — молодому человеку казалось: затаив змеиную усмешку, она ждёт его мольбы о помощи, но каким-то шестым чувством Андрей понимал: до подмоги может и не снизойти, потому что ей лестно его унижение, и чем он слабее, тем она сильнее и значительнее.

Андрей закрыл глаза и перевёл дыхание, а когда снова посмотрел перед собой, то с облегчением обнаружил торчащий из скалы камень. И как раньше-то его не видел? Ухватившись за него, он сумел подтянуться, уцепился за ветку, свесившуюся с вершины скалы, ещё рывок – и он выполз на каменистую площадку.

Нговы громко кричали и хохотали, приближаясь к скале. Они отлично знали: человеку деваться с неё некуда и, значит, он станет их лёгкой добычей.

Ветка, за которую уцепился Андрей, оказывается, принадлежала низкорослой, но крепкой берёзе. Дерево каким-то чудом выросло на краю каменистой площадки и наперекор всем злым ветрам сумело тут прижиться.

Кроме березы, другого укрытия от нгов на скале не было. Да и навряд ли дерево могло защитить Андрея от злобных тварей: слишком маленькое, ветвей не так много, за стволом не спрячешься. Но, тем не менее, Андрей подполз к березе и прижался спиной к её неожиданно тёплой коре, он даже не ожидал, что обдуваемое всеми ветрами дерево может сохранить энергию солнца.

Листья березы играли-переливались зеленью, её гибкие длинные ветви развевались, словно косички весёлой нанайской девчонки. Они трепетали, касались друг друга, и в их шуршании слышалось:

— Чагдян чалбан*52...

Чагдян чалбан... чагдян чалбан... белая берёза... На какую-то секунду словно звезда вспыхнула перед глазами, и в её ярком свете безмолвно высветилась картинка: шесть мальчиков и девочка играют на берегу реки. Девочка очень красивая, все ею любят, слушают её песни. Одному лишь чёрному змею Сахари Дябдяну не нравилось, что дети поют-танцуют, его покой нарушают. И превратил он братьев и сестру в камни, раскидал в разные стороны. Но добрый дух сумел превратить окаменевшую девочку в белую березу, чтобы она всегда была гибкая, веселая и красивая, её старших братьев дубами сделал, а младших обернул черными березами.

Чагдян чалбан... Обечайка бубна сделана из её древесины – красивая, узорами покрытая. То весело, то грустно поёт бубен. Или это не звуки бубна? То камушки скатились из-под ног Андрея...

Всего на секунду вспыхнул свет перед глазами, и лишь на мгновение мелькнула картинка, но Андрей каким-то чудом рассмотрел её подробно. Аоми как-то предупреждала его: каждый будущий шаман должен найти своё дерево. Из его древесины делают обечайку бубна. Нужно обязательно поблагодарить и это дерево, и духа Фиоху, живущего в стволе – тогда он станет помогать избранному в добрых делах, придёт в трудную минуту на выручку. Однако никакого Фиохы рядом и в помине не было.

Корни березы цеплялись за зеленые мшистые камни, меж которых что-то темнело. Андрей непроизвольно упёрся ногой в соседний валун, и он вдруг подался, открывая под собой расщелину. А что, если его вообще сдвинуть? Там, под ним, виднелось какое-то углубление. Возможно, впадина окажется достаточно глубокой, чтобы в неё спрятаться.

Андрей обеими руками вцепился в шероховатый валун, надавил него коленом и, напрягшись, изо всех сил толкнул. Камень подался вперёд, но расселина была слишком мала, чтобы попытаться залезть в неё. Между тем, нговы уже кружили над скалой, готовые спикировать на человека.

Он снова толкнул камень, и на этот раз более удачно: валун, крякнув, как потревоженный лежебока, откатился, и Андрей обнаружил под ним зияющую тьмой

дыру. Она была круглая, с ровными краями, будто когда-то тут стоял столб или какая-то колонна. Столба не осталось, а углубление сохранилось.

Не думая о глубине ямы, Андрей прыгнул в неё, и вовремя: над его головой просвистели крылья одной из нгов, растопыренная когтистая лапа была готова его ухватить, но вышла промашка. Нгова дико взвыла, и звериным рыком откликнулась её спутница.

Яма оказалась глубокой. Задевая её шероховатые стены, Андрей упал на что-то мягкое и склизкое. В темноте было трудно разобрать, что это такое, но, попытавшись встать на ноги, он оторопел: его левая ступня повисла в воздухе; хорошо ещё, что поосторожничал, не вскочил резко, а то бы загремел вниз. Повозив вокруг себя руками, Андрей обнаружил, что находится на каменном уступе – места вполне хватает, чтобы даже лечь на эту площадку, но под ней, видимо, была бездна.

Света из дыры вверху не хватало, чтобы осветить пещеру. К тому же, подлые нговы попеременно заглядывали в отверстие, пытались понять, куда девалась их добыча, которую они мысленно уже было разделали на аппетитные кусочки мяса. Заслоня свет, сирены жалобно завывали, бранились друг с другом: каждая винила в неудаче другую – их спор перерос в потасовку, только перья полетели. Несколько острых, как бритвы, перышек упало к ногам Андрея.

Сказать, что он был в отчаянии – значит, ничего не сказать. Андрея охватил страх, и он даже не пытался успокоиться: на лбу выступил холодный липкий пот, он попадал в глаза, отчего их щипало; руки дрожали, и этот мелкий трепет передавался всему телу – вскоре он почувствовал озноб. Ему казалось: в кромешной тьме прячутся какие-то чудовища, они только и ждут подходящего момента, чтобы протянуть к человеку когтистые лапы и разорвать на части. Однако в напряженной тишине, установившейся после того, как нговы отлетели от дыры, никакого движения не ощущалось. И потому, когда Андрей неловко пошевелился и спихнул вниз небольшой камушек, от неожиданности он вздрогнул: камень с глухим стуком ударился о стену, и этот невинный звук произвел эффект трубного гласа.

Отскочив от стены, камешек полетел вниз – Андрей слышал, как он рассекал густой спертый воздух, ещё раз брякнулся о стену и наконец с глухим шлепком упал в воду. То, что это была именно вода, он не сомневался: вначале послышался шлепок, и почти сразу всплеск.

Он немного успокоился и, свесившись с уступа, попытался разглядеть, что находится под ним. Тьма внизу показалась ему ещё черней, но в ней ощущалось что-то вроде дыхания – осторожное, чуть слышное, оно могло принадлежать существу, которое боится выдать своё присутствие.

Андрей в отчаянии подумал о том, что это существо, вполне возможно, видит или, по крайней мере, ощущает его по запаху. Он же не видел ничего и, значит, терял преимущество.

В этот момент аоми и решила с ним заговорить.

— Хочешь спуститься вниз? – спросила она.

— Ты это можешь сделать?

— Конечно.

— Тогда не хочу. Мне не нравится зависеть от тебя.

— Ты не понимаешь, что делаешь, — аоми хмыкнула. – Гордец!

— Если ты заметила, я давно тебя ни о чём не прошу.

— Хотя иногда очень хочется попросить, не так ли?

— Да, так. Но я уж как-нибудь сам...

— Пропадешь!

— Но ты обо мне не заплачешь, — он попытался сказать это как можно более ехидным голосом, который вдруг предательски дрогнул. Но, сглотив, Андрей даже рассмеялся: Найдешь себе новое тело, да и человек, может, покладистее будет.

— Глупец! – рассердилась аоми. – Мне нужен избранный, а не просто тело. Ты так ничего и не понял, малыш...

— Я давно не малыш, милая.

— Твоя милая – лярва, а не я.

На этом их общение и закончилось, потому что на лярву Андрей не знал что ответить, хотел сказать что-нибудь обидное, даже выматериться, но решил не доставлять аоми удовольствие: похоже, ей нравилось, когда он выходил из себя. И как тут не поверишь в энергетический вампиризм? Ведь и вправду есть люди, которым и жизнь не в жизнь, если с кем-то не поругаются, не разозлят другого человека, просто кайф от этого получают, хотя и сами, конечно, орут, мечут громы и молнии, но противник-то в худшем положении – он обороняется, выплёскивает свою энергию, в искреннем негодовании открывается – и тут-то, говорят, открываются какие-то чакры или что-то в этом роде: вампир присасывается к источнику энергии и получает «подпитку». Так это или не так, Андрей особенно и не задумывался, но всё-таки предостаточно видел вокруг себя людей, вызывающих других на конфликт: перебранки в автобусах, вечно всем недовольные хмурые личности, любители поехидничать, подковырнуть – о, как их много! Ниохта же вообще была духом, питалась запахами и, наверное, психические, эмоциональные излучения тоже были ей в сласть?

Ниохта, однако, не дождавшись ответной реплики, почла за благо молчать.

Как ни странно, Андрей после разговора с ней немного успокоился. Может, потому, что у него возникла иллюзия: он всё-таки не один, и какой бы Ниохта ни была, а голос у неё живой, настоящий.

Ощупывая выступ, Андрей то и дело попадал руками в липкую массу. Она напоминала густой кисель, и он даже подумал: плохо сварен, какие-то комочки попадают, будто не разошедшийся крахмал. Запаха у месива не ощущалось, разве что немного отдавало чем-то прелым и землянисто-сырым.

Он провёл ладонью по стене, пытаясь нащупать хоть какое-то углубление или выступ. Ну, не может же шахта быть идеально ровной! К тому же, не признаваясь сам себе, он наивно думал: возможно, она рукотворная и, чем чёрт не шутит, по шахте спускались вниз, а, значит, могут остаться скобы, вбитые в камень, или что-то вроде лестницы...

Никаких скоб он не нащупал, но зато наткнулся на выбоину, из которой медленно сочилась та самая мешанина, в которую поневоле вляпался.

Решив, что непонятное месиво не что иное, как размоченная глина, Андрей принялся ковырять выбоину. На удивление, она оказалась мягкой и податливой, и тогда он с удвоенной энергией, уже обеими руками, как крот, стал ввинчиваться в рыхлый грунт. Куски земли, мелкие камушки так и летели по сторонам!

Наконец, его пальцы наткнулись на что-то твёрдое, похожее на трубу. Андрей ухватился за неё и с ужасом и восторгом почувствовал: труба поддаётся его рывкам, более того, она гибкая и покрыта какими-то мелкими отростками – как корень дерева.

А это он и был. Чагдьян чалбан пустила свой единственный корень внутрь расщелины, забитой землёй и глиной, и он, стиснутый со всех сторон камнями, вытянулся, ушёл на глубину, по прочности не уступая пеньковому канату.

Берёза во второй раз выручила Андрея. Каждый, кто хоть раз корчевал деревья, знает: занятие это не простое, сто потов с тебя сойдёт прежде, чем вывернешь комель из земли. А тут – на удивление легко, будто бы чагдьян чалбан специально помогала человеку, не жалея для него ничего. К тому же, корень оказался эластичным, чего у обычных берёз не бывает.

Особо не задумываясь о сказочности происходящего, Андрей опустил корень с выступа, ухватился за него и, перебирая руками, соскользнул вниз. Корня чуть-чуть не хватило, чтобы парень коснулся ногами земли. В темноте он не мог понять, какое расстояние отделяет его от пола, и потому, не разжимая рук, болтался в воздухе.

Темнота внизу показалась ему не такой кромешной, как вверху: она, скорее, была сероватой, будто черную акварельную краску разбавили водой. Под его ногами что-то смутно поблескивало. И Андрей решил: это, скорее всего, подземное озеро, но что его освещало, было не понять.

Прыгать в воду ему не хотелось, и он надеялся попристальнее приглядеться к окружающему, авось удастся приземлиться на кромку озера. Но берёза уже была не в силах удержать Андрея – корень треснул и обломился.

Всё-таки пришлось принять водное крещение. Озеро оказалось холодным, но не глубоким: Андрей сразу же нащупал дно и, встав, обнаружил – вода по пояс.

Он огляделся, пытаясь обнаружить источник света, и к своей радости, быстро понял: луч пробивался в широкую щель слева от него.

— Прямо луч света в тёмном царстве! – воскликнул он, вспомнив хрестоматийное произведение из школьной программы. – Ура-а-а, ля-ля-ля! Вперёд, к свету!

Правда, до щели ещё надо былокак-то добраться: отверстие находилось на уровне его головы, но Андрея это уже не смущало. Он по-мальчишески обрадовался своей удаче, и готов был тут же, в воде, отплясать безумный индейский танец с дикими выкриками – как в детстве.

— Постой! – остановил он сам себя. – Ещё рано. Сначала, мил друг, подтянись... вот так... надо было по утрам физкультурой заниматься... ещё раз!... держись-держись, сукин сын... упираться ногами в стену... так-с!... влазим в окошечко... узкое-то какое оно!... ничего-ничего, протискивайся, жирный пингвин, — он сделал ударение на первом слоге и рассмеялся. – Да-с... тренировочка тебе, Андрюха, ещё та сегодня выдалась...

По ту сторону расщелины было светло. Он даже зажмурился, как невольно зажмуриваешься, включая среди ночи ночник.

Перед ним была пещера. Впрочем, таковой её было трудно назвать: темный каменный свод нависал над почти ровной площадкой, покрытой квадратными плитами из какого-то пористого материала, видимо, известняка; некоторые плиты были разбиты, другие покрывали глубокие трещины – наверное, уложили их тут давным-давно и не следили за состоянием; на стенах с двух сторон, параллельно, горели четыре факела. Их огонь, удивительно чистый и яркий, освещал полуясные, непонятные рисунки, выбитые на продолговатом сером камне.

Это были, скорее, даже не рисунки, а иероглифы в виде рыб, птиц, стрелок, квадратов, деревьев, каких-то непонятных закорючек, спиралей и даже ...головастиков. Они напоминали пиктограммы древних племён, некогда населявших Дальний Восток; подобные рисунки Андрей видел и в Сакачи-Аляне.

Он провёл ладонью по изображению рыбы: глубокие, чёткие линии – видимо, их тщательно вырубали в камне каким-то острым инструментом. Потрогал стрелу с оперением, направленную на квадрат – линии тоже чёткие и глубокие, такое впечатление, что их проводили по линейке. Подушечки пальцев скользнули на следующий иероглиф, и тут рисунок поплыл перед глазами Андрея, смазался и потускнел: линии колебались, мерцали, извивались змейками, оплавлялись как свечи.

Андрей хотел отдёрнуть руку, но она будто приклеилась к камню, который становился всё горячее: внутри него что-то на мгновение вспыхнуло, погасло и снова – короткий разряд, похожий на миниатюрную молнию. С обжигающей ясностью Андрей увидел рушащиеся приземистые дома, обломки колонн, руины некогда прекрасных храмов, толпы бегущих в страхе людей – на них с неба обрушились молнии, а под ногами горела земля. Это был Мохенджо-Даро!

Откуда Андрей узнал название этого древнеиндийского мегаполиса, погибшего в грандиозной катастрофе в 2000 году до нашей эры? Он никогда не интересовался историей Индии и не знал, что остатки Мохенджо-Даро находятся на территории нынешнего Пакистана, продолжая задавать загадки многомудрым учёным. В одночасье невиданная сила оплавилась камни города, испепелила его жителей – археологи не нашли

ни одного скелета, но неистовый огненный смерч не смог уничтожить память о цветущем оазисе тогдашней цивилизации: сохранились-таки таблички со странными иероглифами, и остались легенды о заносчивых людях, посмевавшихся спорить с самими богами...

В огненном смерче погибли не все жители Мохенджо-Даро. Небольшая группка жрецов сумела укрыться в тайной пещере под храмом. Они, посвященные, знали о подземном ходе, ведущем туда, куда простым смертным путь заказан: даже если обычный человек сумеет проникнуть в него, то невидимые духи погубят его или, в лучшем случае, сведут с ума и выбросят в незнакомом месте, где язык бедняги никто не поймёт, а если даже и поймёт, то не поверит его диким рассказам.

О, безумцы! Они бродят по пыльным дорогам, влача шлейф сердоболия и насмешек, хохочут и рыдают, проповедуют и смиренно просят милостыню, и если внимательно глянуть в глаза некоторых из них, то за хитрым прищуром обнаружишь мудрость и печаль, — они что-то такое знают о нас с вами, и об этом мире им ведомо больше, чем нам, иначе отчего бы юродивые, стеная и скорбя, оплакивали ещё живых земных владык, которые завтра умирали, они предрекали гибель царств, и знали, что творится за сотни километров от них, и в исступлении озарения им ведомо всё, что случится с каждым из нас, и не потому ли вопят и страдают тронутые? Тронутые – кем? Чья длань коснулась их чела, и кто открыл им глаза?

Жрецам Мохенджо-Даро было ведомо: многия знания – многия печали, и за всё, что даётся свыше, придётся платить, порой – самой жизнью. Но, исполняя особые ритуалы, они смогли пройти весь путь без ущерба для себя. С собой они несли священные письма – главную ценность их храма. Путешествие жрецов закончилось в пещере возле погасшего вулкана, где обожал бывать владетель Рапануи. Он являлся сюда в окружении свиты из людей с чёрной, красной и белой кожей. Три расы мирно соседствовали в этом государстве, и у них была общая святыня – магнитный камень, напоминавший формой гигантское яйцо. Считалось, что когда-то он покоился в одном из храмов Лемурии – материка, ушедшего под воды океана. В нём скрывалась большая сила, но никто, кроме посвящённых, не должен был знать тайну этого валуна.

Люди, окружавшие владетеля Рапануи, были красивыми и высокими, но, однако, непривычно было видеть их длинные уши, касавшиеся плеч. Некоторые специально подрезали их, чтобы походить на белых людей европейской внешности – они, видимо, считались тут самыми знатными. Многие белые мужчины носили бородки, а у чёрных и краснокожих волосы на лице росли слабо.

В тени балдахина владетель Рапануи пил пальмовое пиво и лакомился бананами. Это было удивительно: на здешней каменистой почве не росло ни одного дерева, и не было ни рек, ни озёр, чтобы поливать растения. Однако секрет оказался прост: туземцы разбивали банановые плантации в пещерах, куда привезли землю с соседних островов; хитроумная система зеркал и каких-то особенных устройств помогала ловить солнечные лучи – в подземных оранжереях было светло. Люди тоже жили в пещерах, но не как первобытные, — уютные помещения покрывали мягкие ковры, на роскошных ложах лежали шкуры невиданных зверей, пища подавалась на драгоценных блюдах...

Владетель Рапануи знал, что на его земле находятся кратеры семидесяти потухших вулканов, и он старался в течении года побывать возле каждого из них, чтобы воздать хвалу могущественным огненным богам, и первому среди них – солнечному Ра. Но звездочёты предсказали: из пещеры возле одного из самых больших вулканов должны появиться пришельцы, которые принесут необыкновенный дар. Их город, зазнавшийся в гордыне, поразили стрелы рассвирепевших богов, — некогда небожители точно так же наказали и Лемурию, не оставив от неё и следа. Люди открыли тайну жизни и перестали бояться тех, кто их сотворил. Они узнали секрет небесных молний и научились добывать энергию невиданной силы из горстки особых камешков. Лишь одному человеку боги явили милость. Он спасся от катаклизма на воздушной лодке – так лемурийцы называли летательный аппарат, напоминавший самолёт. Избранник небожителей взял с собой

жену, немногих родственников, темнокожих прислужников, стайку кур, запаса сладким картофелем и пальмовым пивом.

Они смогли добраться до треугольного пустынного острова, название которому – Рапануи. Кругом – камни, на которых даже лишайники не росли; беженцы не обнаружили в округе ни единой хижины, хотя по острову проходили мощные дороги и, значит, тут должны были жить люди. Однако все дороги вели к океану и скрывались под его бурными волнами. На берегу высились истуканы – грубо вытесанные головы великанов повёрнулись к морю, но они его не видели: в больших глазах, размером с крупное яблоко, не было зрачков. Отчаянный и скорбный взор некоторых статуй был обращён в небо.

— Маои! – воскликнули беженцы.

От своих жрецов они не раз слышали об этих удивительных статуях, которые несколько миллионов лет назад создала удивительная колдовская раса гигантов*54. Скульпторы-маги вырубали их из камня у подножия священного вулкана Рано-Параку, и когда истукан был готов, в него вдыхали особую живую энергию – и гранитный великан сам двигался на берег, где и застывал навсегда. В каждой такой скульптуре была заключена большая сила, но только посвящённые знали, как ею пользоваться. Обычным людям не дано было знать об истинном предназначении каменных голов.

Вспоминая это предание, владетель острова смотрел на пещеру. Солнечные часы показали время, предсказанное звездочётами. И, о чудо, из пещеры вышли изможденные пилигримы. Они знали, куда пришли. И знали, что могущественный владыка изгонит их, если его не задобрить. В дар ему была принесена единственная ценность – письмена...

Что такое Рапануи, Андрей не знал. В этом слове слышалось что-то морское, соленое, лёгкое, наполненное ветром странствий и приключениями на далеких неизвестных островах. Блеск золота, таинственное мерцание кораллов, плеск сотен вёсел, ослепительная белизна песка, высокие пальмы и гордые альбатросы тоже имели какое-то отношение к этому слову, прекрасному и лёгкому, странному и подёрнутому дымкой цветного тумана.

На Рапануи превыше всех сокровищ ценились знания, и дар жрецов привёл в восторг его владетеля. Иероглифы, такие простые, изящные, но несущие в себе энергию смысла, со временем сделались официальной письменностью: до того тут использовались египетские, более сложные иероглифы.

Андрей не понимал, откуда он мог знать обо всём этом. Эти сведения появлялись в мозгу помимо его воли, а в памяти каким-то непостижимым образом возникали смутные воспоминания о большеуких людях, просторных подземных галереях, удивительных садах, тоннелях, ведущих с материка на материк, быстроходных повозках, которые передвигались сами по себе, огромных воздушных шарах, украшенных изображениями хвостатых змеев. И всё это не было сказками. Всё это – правда. Правда, похожая на галлюцинацию безумца. Или наоборот: галлюцинация, похожая на правду?

Он усмехнулся этому парадоксу. Любой нормальный человек на его месте наверняка думал бы о другом: например, о том, как выбраться из этих катакомб, остаться в живых, в конце концов – где просушить одежду: она противно липла к телу, в туфлях хлюпала вода, и сырая кожа натирала ступни. И уж совершенно точно, нормальный испытывал бы страх. Попасть в такую переделку да ещё оказаться чёрт знает, в какой пещере – это испытание не для слабонервных!

Но боязни у него не было. Участок мозга, отвечающий за страх, словно отключился — сработал какой-то защитный механизм организма: в экстремальной ситуации главное не поддаваться ужасу, и тут наше естество порой ведёт себя непостижимо рационально, охлаждая эмоции и чувства, если надо – до полного онемения. Потом, правда, когда они оттаивают, накатывает волна запоздалого трепета: боже, а ведь могло бы случиться то-то и то-то! Но ведь не произошло...

Как ни хотелось Андрею высушить одежду, делать этого не стал. Пещера со странными письменами показала ему не тем местом, где можно спокойно выжать и

развесить штаны. Скорее всего, это было какое-то особое место: чисто, горят факелы – значит, тут кто-то часто бывает. А ему не хотелось быть застигнутым врасплох. К тому же, он не знал: кто сюда приходит – духи или, не дай бог, к примеру, какие-нибудь нгвы, чёрт бы их побрал!

В углу пещеры Андрей обнаружил квадратный проём, занавешенный циновкой из цветной соломы. Осторожно отогнув её, он увидел узкий лаз наверх, снабженный скобами из какого-то серебристого металла.

Взобравшись по скобам, Андрей упёрся головой в круглый люк. Он надавил на крышку рукой, но она не поддавалась – видимо, была закрыта с обратной стороны. Но, поведив ладонью по прохладной металлической поверхности, Андрей нащупал полукруглую выпуклость. Он решил: скорее всего, это устройство, открывающее люк, но что следует сделать, чтобы оно сработало?

Выпуклость показалась ему теплее, чем сама поверхность крышки. Он крутил её, давил, пытался повернуть в сторону и, в конце концов, видно, что-то такое задел в устройстве: оно вдруг осветилось изнутри мертвенным зеленоватым огоньком – появилось окошечко, напоминающее циферблат обыкновенного будильника, только на нём была одна стрелка, а вместо цифр – пиктограммы: птица, рыба, медведь, дерево, затейливые геометрические фигурки и, что его особенно поразило, — лось с роскошными рогами. Этот рисунок напоминал тот, который Андрей видел на камнях у Сакачи-Аляна.

Поразмыслив, он решил направить стрелочку на изображение лося. Все другие пиктограммы его не особенно впечатлили, но почему Андрей выбрал именно сохатого, этого он, пожалуй, не смог бы объяснить и сам. Может, потому что уже видел его на писаницах, считающихся священными? А может, и потому, что это животное однажды примерещилось ему прямо в городе?

Все другие изображения, кроме лося, исчезли с циферблата, но его пиктограмма переместилась в центр, а по окружности побежали цифры, какие-то крючочки, чёрточки и среди них – спираль, напоминающая веретено.

Видимо, теперь стрелку надо было направить на один из новых рисунков. Андрей, опять-таки, припомнил древнее изображение на камне: внутри лося – спираль. Этот знак явно подходил уже выбранной им пиктограмме. Соединённые вместе, они становились одним целым: рисунок приобретал сакральный смысл.

И он угадал! Как только стрелочка попала на спираль, внутри устройства послышался слабый щелчок – и крышка люка отодвинулась в сторону. Выбравшись из него, Андрей понял: радоваться рано – он очутился в другой пещере, размером гораздо меньше первой, из неё вверх шёл темный ход. Пол вымощен каменными плитками, на стенах тускло светили редкие чаши-светильники. В их переменчивом свете собственная тень казалась Андрею фигурой зловещего горбатого колдуна, крадущегося за своей жертвой. Он понял, что от напряжения согнулся и вытянул голову вперёд, а ноги ставит осторожно, боясь себя выдать, — тень всего лишь повторяет его движения. Но откуда на его голове этот колпак чародея?

Андрей тронул макушку и невольно улыбнулся: мокрые волосы встопорщились и сбились в эдакий островерхий хохолок.

— А всё-таки ты боишься, герой! – пожурил он самого себя и тут же оправдался: страх – защита от того (или всё-таки – кого?), что может оказаться в темноте.

Внезапно мимо него кто-то стремительно прошмыгнул. Андрею показалось: это лёгкая тень, и от неё на него пахло морской свежестью – будто бы освежителем воздуха прыснуло. А может, это был просто порыв ветерка, проникшего в подземелье сверху?

— Значит, выход где-то рядом, — сказал Андрей самому себе. Он надеялся, что аоми наконец откликнется и хоть что-нибудь скажет, но та упорно молчала. Ему хотелось услышать хотя бы её голос, чтобы не чувствовать одиночества. Оно угнетало, хотя Андрей и храбрился. Если бы он прежде не попадал – во сне, видениях, а может, это всё-таки были галлюцинации? – в подобные ситуации, то дрожал бы ещё больше. Этот

проклятый трепет, казалось, охватил всё тело, и он не мог с ним совладать: чем больше думал об этом, тем сильнее дрожал, даже губы подергивались, и левый глаз почему-то тоже дергался. Но Андрей не хотел казаться перепуганным: возможно, кто-то за ним сейчас наблюдает – и, скорее всего, да, наблюдают: аоми постоянно твердила, что вокруг людей летают сонмы бесплотных духов, просто человеку не дано их видеть, иначе он давно сошёл бы с ума. Показать свою слабость – значит, уже уступить.

Но Андрей не собирался уступать. Он вдруг с отчаянной злостью подумал: «Ха! Дрожу, потому что одежда сырая. А тут – сквозняки, тело от них холодит. Это всё равно как спросонья выйти ранним утром во двор: сразу начинает бить озноб, а роса на траве просто обжигает ноги...»

В проходе постепенно становилось яснее, и вскоре, миновав очередной поворот, Андрей увидел круглый сквозной проём. Свет был таким ярким и радостно блистающим, что он невольно прищурился.

В проём, как в окно, вливался поток солнечного света, и свежий ветер доносил громкие, неприятные крики чаек, остро пахло йодом, солью и дымом. Он прокрадывался в пещеру длинными белесыми полосками, извивался и закручивался серпантинными лентами; запах у него был особенный: горьковатый и чуть отдающий жжёным сахаром, он смутно напоминал аромат какого-то экзотического фрукта.

Возле проёма лежал прямоугольный камень – вроде приступочки. Андрей встал на неё и выглянул наружу. Перед ним расстилался угрюмый берег, без единой травинки, — кругом, сколько хватало кругозора, лежали камни всех мыслимых и немыслимых размеров, над ними возвышались огромные головы великанов: казалось, они представляли не только все земные расы, но и какие-то вовсе неизвестные народы – длинноухие, коротконосые, круглолицые, на некоторых красовались охристые шапки, и эти великаны отличались от других тонкими чертами лица, взгляд их был смел и напряжен: казалось, они что-то разглядели в низком ослепительно голубом небе и чего-то с нетерпением ждут...

— Господи! – осенило Андрея. – Да это же... Нет-нет, неужели? Такие истуканы стоят на острове Пасхи. Но как я-то тут оказался? О, боже! Что это?

На большом плоском камне горел костёр. Вокруг него полукругом восседали люди в белых одеждах. Они держались прямо, сосредоточенно глядя на огонь. Ветерок шевелил их густые черные волосы, откидывал с плеч накидки, но сами фигуры словно оцепенели: они не двигались, не переговаривались и, похоже, их мало занимало всё, что было вокруг – внимание этих людей привлекало только пламя, танцующее на полуобгоревших поленьях.

Рядом с камнем высился идол с продолговатым лицом и узкими полузакрытыми глазами. Внешне он напоминал нанайский сэвен: черты такие же грубые, чёрное отверстие рта раскрыто, словно готово принять пищу, глаза без зрачков и, главное, нос чуть намечен. Это был истукан-маои.

В тени маои стоял человек. Он почти не был заметен на сером фоне камня, и потому, когда оторвался от идола и двинулся в сторону сидящих белых фигур, Андрей даже опешил: никак не ожидал увидеть тут ещё одного человека, к тому выраженного в шаманское облачение.

Мужчина держал в руках бубен, время от времени он поднимал его над головой и бил по ободку колотушкой. Высокую шапку шамана украшали оленье рога, на них сидела, поблескивая опереньем, железная птица с длинным клювом. Серый невзрачный халат мужчины был подпоясан широким поясом, на котором болтались бесчисленные колокольчики, какие-то побрякушки и начищенные до блеска толи. Грудь прикрывал круглый щит, он тоже поблескивал на солнце – видимо, шаман постарался подготовиться к камланию как следует. И то верно, считается: духи, увидев свои отражения в священных толи и щите, непременно пугаются и норовят выказать их обладателю уважение.

Шаман, приплясывая, заколотил по бубну резко и чаще. При этом он что-то громко пел, поддерживаясь ритма ударов колотушки о туго натянутую кожу.

У нанайцев и других народов Приамурья бубен обычно имел форму овала, а этот инструмент был яйцевидным с зауженной нижней частью. Сам не понимая, зачем это делает, Андрей прикинул на глаз: ширина бубна примерно 45–55 сантиметров, длина — чуть больше, пожалуй, сантиметров шестьдесят-семьдесят. В ободе друг напротив друга прорезаны четыре пары отверстий. В каждую пару отверстий пропущена нитка, к которой крепился ремешок. Нитки были особенные — из жил крупных животных. Впрочем, Андрей откуда-то знал: шаманы использовали в бубнах и конопляные нити — когда-то это растение славилось не только своим наркотическим действием: мореходы, например, уважали пеньковые канаты из конопли.

В центре овала ремни соединялись с обратной стороны одним металлическим кольцом — за него шаман держал бубен левой рукой. Он, учащая ритм, бил по нему колотушкой.

Опытному шаману достаточно нескольких минут такого боя, чтобы впасть в легкий транс. Наверяд ли случайность то, что разнообразные ударные инструменты — барабаны, бубны, трещотки, кастаньеты — издревле использовались для всяческих медитаций. Учёные выяснили: барабанный бой вызывает изменения в центральной нервной системе; ритм воздействует на обычно бездействующие области мозга. Даже звук одного удара по бубну содержит много частот, потому он воздействует на большое количество нервных окончаний мозга. Кроме того, у барабанных звуков низкая частота, а она, как выяснилось, передает в мозг больше энергии, чем высокие частоты.

Шаман звенел колокольчиками, металлические подвески на его поясе лязгали, бренчали, стукались друг о друга; при этом он ритмично бил в бубен и что-то монотонно пел, время от времени вскрикивая.

Фигуры у костра медленно повернули головы в сторону шамана, и Андрей увидел: их лица скрывали чёрные маски.

Шаман, между тем, короткими шажками, приседая и извиваясь, приблизился к подножию камня. Взобраться на него было непросто: вершина плоского валуна приходилась на уровень головы шамана. Но тот, обернувшись к маои, что-то резко и требовательно прокричал, не переставая бить в бубен и раскачиваясь из стороны в сторону. Огонь в костре встрепенулся, из его середины вырвался раскаленный огненный столб и взвился к небу. Белые фигуры, однако, сохраняли спокойствие, хотя, казалось бы, их непременно должно было обдать пышущим жаром.

Шаман продолжал что-то гортанно и резко кричать каменной голове великана. И она неожиданно покачнулась, из глаз брызнули тонкие ослепительные стрелы и ударили под ноги шамана. Тот подскочил и плавно, будто это было для него привычным делом, вознёсся над землёй. Он парил в воздухе, раскинув руки, как птица крылья.

Белые фигуры внимательно следили за его полётом. Огонь в костре успокоился, дым по-прежнему отрывался от него узкими белесыми полосками, и ничто не напоминало об ослепительном столбе пламени, доставшем само небо.

Шаман, мелко и часто перебирая в воздухе ногами, завис над камнем, и тогда одна из фигур в белом медленно поднялась и приветственно простёрла руку. Без этого знака шаман, видимо, не имел права оказаться рядом с сидящими у костра людьми.

Андрей перевёл взор на каменную голову. В глазах великана мерцали желтые огоньки, его губы, казалось, расплылись в улыбке. Истукан устремил внимательный взгляд на людей в белых одеждах.

Шаман, получив приглашение, опустился на камень, широко расставил крепкие ноги, но тут же подпрыгнул и двинулся вокруг костра, беспрестанно что-то вскрикивая, при этом он держал бубен над головой и бил в него уже не колотушкой, а ладонью.

Из глаз истукана снова брызнули тонкие молнии. На этот раз они ударили под ноги белой фигуре, которая стояла с простёртой рукой. Её окутало сияющее голубоватое

пламя, в котором мерцали бесчисленные золотые песчинки, — и человек, вытянувшись в струну, поднялся над камнем и неожиданно исчез. А может, упал на землю?

Андрей недоумённо закрыл глаза, думая, что это ему привиделось. Но, проморгавшись, он всё равно не обнаружил эту фигуру ни на земле, ни на камне. Зато на её месте оказался следующий человек — и снова последовала вспышка у его ног, и он также взлетел и пропал из виду. Шаман криком и ободряющими жестами поддерживал каменную голову, требуя от неё новых действий, и так до тех пор, пока не остался у костра один: люди в белых одеждах возносились и бесследно растворялись в сияющем воздухе.

Костёр почти догорел. По черным углям ещё пробегали тусклые красноватые вспышки, но пламени не было. Шаман, как подкошенный, рухнул у кострища и затих. Камлание, видимо, выжало из него много сил. Истукан тоже казался уставшим и ещё более печальным. Его взгляд теперь был устремлён в небо: где-то там, наверное, летели белые фигуры, и он следил за их движением...

Андрей, увлечённый этим необычным зрелищем, не заметил, как из темного хода позади него выползла лярва. Плотно ухмыляясь, она медленно переставляла кривые лапы, стараясь не стучать когтями по каменным плитам. В голубых глазах лярвы, которые отдельно от её чудовищной морды были бы даже прекрасными, светилось обожание и любовь.

Лярва смотрела прямо в спину Андрея, готовясь прыгнуть на него и подмять под своё бугристое тело, истекающее, как у сучки в период течки, красноватыми соками, пропитанными вождением — этот особый запах похоти ударил Андрею в голову, и он почувствовал странное, ничем не объяснимое возбуждение. Однако, оглянувшись, понял, в чём дело.

Припёртый к стене, он не смог бы выскользнуть из объятий монстра. Лярва же, трогательно вперила в него ангельский взгляд, уже повизгивала от предвкушения обладания: молодой мужчина, предмет её мечтаний, был в нескольких шагах.

В отчаянии Андрей взобрался в проём, служивший ему окном. Высота была приличная — всё равно, что прыгнуть со второго этажа, к тому же внизу лежали острые камни. Но и попадаться в лапы мерзкой твари он не собирался.

— Кыш! — неожиданно сказал он. — Кыш отсюда!

Это прозвучало, конечно, смешно. Но ничего иного ему почему-то не вспомнилось.

Лярва растянула мясистые губы в ухмылке, обнажив при этом желтые клыки. Из её пасти вырывалось смрадное дыхание, от которого Андрея чуть не стошнило. Он заметил, что перепончатые крылья чудища напряженно подрагивают: лярва была готова в любой момент расправить их. Правда, узкий проход помешал бы ей взлететь, но это ровным счётом ничего не значило: окно было достаточно широким, и она свободно пролезла бы в него вслед за Андреем.

Понимая это, он всё-таки решил прыгать. При благополучном исходе вполне можно укрыться в камнях, найти какую-нибудь узкую расщелину и уж, во всяком случае, под рукой окажутся мелкие булыжники: оружие, конечно, дикарское, но способное причинить мерзавке боль.

Шаман у костра, видимо, уловил движение в проёме пещеры и поднял голову. Глаза Андрея и шамана встретились. Их взгляды сцепились, и по отчаянному взгляду Андрея он понял: человеку угрожает опасность.

Шаман вскочил, обернулся к каменной голове и призывно забил в бубен. Но это не произвело на маои никакого впечатления — истукан бесстрастно взирал в небо.

Лярва медлила, остановившись в каких-то метрах пяти от Андрея. Она бесстыдно оглаживала взглядом тело Андрея, вздрагивала от охватывающих её спазмов похоти, постанывала и плавно, как кошка, била хвостом по полу. Жемчужно-серая слюна гроздьями свисала с пасти, шмякалась на каменные плиты и с шипением разъедала их.

Андрей ещё раз глянул вниз, с тоской оценил островерхие камни, но всё-таки решил прыгать: авось, повезёт, и он всё-таки не разобьётся, а если разобьётся, то это лучше, чем погибнуть в лапах мерзкого монстра.

Шаман между тем пустился вокруг почти догоревшего костра, призывно вздымая бубен и не переставая выкрикивать заклинание. Каменный идол шевельнулся, поднял веки и в его глазницах загорелись желтые огоньки. Они казались расплавленными золотыми монетками.

Андрей, как загипнотизированный, не мог оторвать взгляда от этих странно осветившихся глаз. Из глазниц маори вылетели голубоватые молнии и устремились к ногам парня. Шаман кричал, бил в бубен, неистово прыгал, падал, катался по плоскому камню.

Молнии, ударив под ноги Андрею, рассыпались яркими звёздочками. Легкий цветной туман укутал его тело, и он почувствовал, что отрывается от проёма, соскальзывает с него и, о, чудо, куда-то летит. Сверкающее пространство окружало его со всех сторон, мимо проносились звёзды, кометы, взрывались фейерверки, что-то блистало и звенело – он ничего не понимал, оглушенный восторгом и счастьем полёта.

Он видел, как лярва, издав оглушительный вопль, кинулась вслед: каждый взмах мощных крыльев сокращал между ними расстояние, нечисть торжествуя гудела и уже нацеливала на Андрея передние лапы. Однако его окружало что-то вроде прозрачного кокона: Андрей чувствовал его вибрацию и даже ощущал легкие прикосновения нежной, но плотной материи. Он не видел её, но почему-то знал: находится под мощной защитой, и ничто не сможет прорвать эту незримую оболочку.

Лярва попыталась схватить Андрея, но, наткнувшись на невидимую преграду, отскочила от неё, как мячик от стены, и кувыркнулась через голову. В недоумении она потрясла мордой и, разъярённая, снова кинулась в атаку. На этот раз вокруг Андрея засверкали молнии, их огненные стрелы довольно метко разили чудовище – оно взревело и, отпрянув, закрутилось юлой. Перепончатые крылья лярвы превратились в черные обугленные лохмотья, и она уже не могла держаться в воздухе. Жалобно застонав, образина схватила себя за голову и рванула со лба кожу. Она остервенело сдирала её, окровавленные шматы падали вокруг, серая чешуя брызгами разлеталась во все стороны, острые иглы перьев, подбрасываемые ветром, возвращались обратно и втыкались в туловище — это было ужасное зрелище.

Лярва, однако, не оставляла попыток сбросить с себя кожу, и её усилия дали результат: из нутра омерзительного чудовища выплыла сияющая, радостная Настя. Она улыбалась Андрею и призывно махала рукой. Её волосы развевались на ветру, а сама она как фея скользила в мягком голубоватом воздухе – легко, свободно, весело.

Андрей понимал, что настоящая Настя летать не умеет. Но обнажённое тело дивы, жемчужно мерцающее в призрачном свете, манило его и притягивало. Оно было совершенно и прекрасно – именно таким Андрей представлял в своих мечтах женщину. И ею оказалась Настя. Настя, которая летела за ним и звала его к себе. Волшебная. Удивительная. Нежная. Такая родная. И в то же время – чужая...

Внезапно всё кончилось. Чья-то невидимая длань прикоснулась к его лицу и закрыла глаза. Он не сопротивлялся. Рука напомнила ему пальцы бабушки, такие нежные и ласковые, грубые и прекрасные. Никто так не жалел его, как бабушка. А он, бесстыжий, вечно отгалкивал её: «Ну, чего ты, баб? И опять у тебя рука грязная...» А бабка смущенно оправдывалась: «Не грязная. Я всё время что-нибудь делаю – то стираю, то полы мою, то овощи в воде чищу. Где ж она грязная-то? Это она от солнца такая чёрная. Загорела, будь неладна!»

Темная рука бабки закрыла ему глаза, а когда он их открыл, то увидел старуху Чикуюэ.

— Ну вот, ты и пришёл, — сказала она. И засмеялась. Добрые морщинки веером разбежались вокруг уголков её темных глаз.

14.

Андрей давно понял: сон или видение может длиться всего ничего, но в него порой вмещается так много событий, что кажется, будто проходит несколько часов. Время каким-то непостижимым образом растягивается, как удлиняется, допустим, жевательная резинка, если её потянуть, а отпустишь – она спружинится и, перекатывая её языком, вообще скатаешь в шарик, а скатав, можешь расправить и надуть пузырьком: опять-таки, она поменяет форму. Наверное, время тоже обладает удивительным свойством растягиваться, скатываться, оплывать как горящая свеча, струиться, превращаться в воздушный шарик – а что, если его надувать и надувать? Лопнет он? Или станет большим-пребольшим и взлетит, увлекая за собой шалуна? А был таким маленьким и смешным, напоминая презерватив...

Подумав об этом, Андрей чертыхнулся. Блин-блин, ё-моё! Ну, почему он такой несерьёзный? Размышлял о времени, можно сказать, о вечном, и вдруг – презерватив на ум пришёл. Свёрнутый колечком. Прозрачный и ребристый. Как змея.

Кстати, почему не пришла в голову аналогия с ней? Всё-таки более философично, что ли. Змея – символ всеведения и вечно обновляющейся жизни. Её яд и убивает, и лечит. Кто там из древних богов ходил с посохом, обвитым змеей? Ах, да! Асклепий, бог врачевания. Он направлял посох на старика – и тот молодец, прикасался к умершему – усопший восставал. Этому искусству Асклепия научила змея. А если с ней подружиться, то она может отрыть человеку язык птиц, зверей и рыб, даст власть над стихиями, владеющими миром.

Змея – кольцо, и змея – спираль. В ней начало и в ней конец, но конец всегда начало, а начало – конец: змея, сбрасывая шкуру, как бы умирает, но на самом деле возрождается. Может, не случайно большие шаманы ходили с палкой, обтянутой змеиной кожей? Таежные женщины, особенно почитаемые нанайцами за то, что они были матерями близнецов, опирались на посох, нижний конец которого вставлялся в особую фигурку кутуэ – она изображала жабу. Сам посох обвивала спираль, символизировавшая змею. Такие таежные женщины обладали даром ясновидения. А шаман своей тростью-булау мог остановить лодку на реке: направит в её сторону палку, украшенную в навершии маси-сэвенном, — и оморочка замрёт: как ни старается рыбак сдвинуть её веслом, ничего у него не получится. Стукнет шаман булау по земле – и откроется ему прошлое, стукнет ещё раз – перенесётся в будущее: у времени нет ни начала, ни конца – его движение подобно пути змеи в песке: такое же непостижимое, оно прихотливо струится, без конца меняет линию движения, и осыпаются песчинки, стирая его следы...

— А сиун – это не змея, — услышал Андрей голос бабушки Чикуюэ. – Сиун – солнечный круг. Где сиун, там и мудур – водяной дракон, он в Амуре живёт. Ещё его солнечным змеем называют...

Андрей почувствовал себя неловко. Чикуюэ Золонговна что-то старательно рассказывала, а он её не слышал, поглощённый своими размышлениями. Вообще, старуха, конечно, молодчина: уважила всю компанию — привела их к пещере. Путь, кстати, неблизкий, и она порядком устала, хотя вида не подавала. С собой Чикуюэ Золонговна несла узел, который никому не доверяла: как ни просил Сергей Васильевич отдать ему поклажу, старуха недовольно хмурилась: «Что, совсем я немощная, что ли? Тряпки там, ничего тяжёлого...» И Андрея от себя тоже отгоняла: не нужно, мол, её позорить, сама не без рук, сила ещё есть, а то посмотрят люди, как её, словно городскую барыню ведут, так и скажут – совсем Чикуюэ старая стала. Однако Марго она всё же доверила сумку со съестными припасами.

Перед пещерой Чикуюэ развязала узелок, достала из него серое полотнище и расстелила его прямо на траве. На ткани ярко засверкала вышивка: нарядное, как новогодняя ёлка, ветвистое дерево упиралось верхушкой в солнечный круг, вокруг него сияли хосакта – звёзды, меж ними реяли два мудура: похожие, как близнецы, они смотрели друг на друга

и, казалось, улыбались. Туловище драконов напоминало змеиное, но чешуя была крупная и блестела золотом, а голову каждого мудура украшали рога.

Параллельно мудурам внизу полотнища расположились два чёрных змея – сахара дядя с бычьими головами и страшными клыками. Их предок некогда сотворил Дерево зла и всячески мешал людям нормально жить.

— Ему помогала исэлэн — ящерица, — продолжала рассказывать Чикую Золонговна. — Ох, страшная она бывает, особенно когда на её спине сидит летучая мышь. Вдвоём они творят недобрые дела. На одежде шамана обязательно вышивали ящерицу – она помогала ему проникнуть в мир духов.

— Но она олицетворяла злые силы! – воскликнул Сергей Васильевич. – И как в таком случае могла оборотиться против своих же?

— Шаман заставляет зло служить себе, — пояснила Чикую Золонговна. – Если какой-то сеон не слушается шамана, то исэлэн нападает на духа, грызёт ему ноги, проникает через рот в живот и крутит ему кишки. Но точно так же шаман мог напустить исэлэн на неугодного ему человека. Потому на Амуре шаманов боялись и старались не гневить их...

Старуха замолчала, вглядываясь в звезды, изображённые на полотнище. Андрей заметил, что если их соединить линиями, то получится фигура какой-то крупной птицы. Причем, на её лапах висели то ли ленточки, то ли верёвки.

— Я могла бы стать шаманкой, — сказала Чикую Золонговна, — но не захотела. Бо Эндури не любит шаманов, и шаманы никогда не обращаются к нему за помощью. Бо Эндури – высшее божество, он добрый, и если захочет, то сделает человека счастливым. Кази-галены*54 никогда ни о чём не просили шамана, они разговаривали с Бо Эндури...

— Кази-галены? – переспросила Марго. – Впервые слышу это слово. Что оно обозначает?

— Так называют людей, которые разговаривают с Бо Эндури, — объяснила старуха. – Кази-гален ставил небольшой столик, на него помещалась чаша с пеплом, в который втыкалось несколько горящих свечей. Надо было смотреть на солнце и, пока свечи горят, просить Бо Эндури о счастье. Никаких жертвоприношений он не принимал – его радовал только огонь.

— А вам он помогал? – Марго во все глаза глядела на Чикую Золонговну. Её почему-то поразило, что не все нанайцы доверяли искусству шаманов и среди них были, оказывается, люди, которые апеллировали к какому-то высшему существу. Ни в каких книгах Марго про это не читала.

— Он не слышит, если его часто о чём-то просят, — уклончиво ответила старуха. – Когда муха жужжит над ухом, человек к этому привыкает и уже не обращает на муху внимания...

— Или пытается её прихлопнуть, — вставил Андрей. – Чтоб не надоедала!

— Так что лучше не тревожить его просьбами, он сам всё сделает в положенное время, — невозмутимо продолжала Чикую Золонговна. — Но можно попросить о помощи Орлицу. Она посланница огня, несущая на своих крыльях свет. Бо Эндури любит её...

Марго, как зачарованная, слушала Чикую Золонговну, даже перестала по своему обыкновению вертеться. Андрей же снова посмотрел на полотнище, ещё раз мысленно соединил звезды линиями – снова получился силуэт птицы, но теперь он точно увидел: это орлиная фигура!

— Мало кто знает об Орлице, — продолжала Чикую Золонговна. – Первыми её заметили в ночном небе манчжуры, и долго хранили своё знание в тайне. Дадха, моя бабка, знала об Орлице и рассказывала, как однажды летала к ней: ни один сеон не мог помочь вылечить тяжело больного человека, а Орлица сразу помогла. Даже не рассердилась на Дадху за то, что та посмела её тревожить: Орлица в основном приходила на помощь маньчжурским шаманкам, считалась их покровительницей...

— А что, шаманки могли летать, как ведьмы? – заинтересовался Сергей Васильевич. – Те, правда, в основном на шабаш носились, голые и на метле. А как же шаманки-то? В тяжелом халате, с побрякушками разными, бубном...

Его вопрос, наивный и в то же время не совсем некорректный, однако не сбил Чикуэ Золонговну. Она погладила звёзды на полотнище, словно успокаивая их, а Сергея Васильевича спросила:

— Ты во сне летал?

— Да. Когда мальчишкой был.

— Так что ж ты удивляешься, что человек может летать?

— Но это же сон! Кстати, сейчас я уже не летаю...

— Душа у тебя огрубела – вот и не летаешь, — покачала головой Чикуэ Золонговна. – Ничего насчёт ваших ведьм не знаю. Может, они наяву на метле носятся, а у шаманов душа летает: тело остаётся на земле, а его оми отправляется в путешествие. Только это не сон, это – другое. Дадха рассказывала: всё – правда, всё по-настоящему!

— И Орлица тоже настоящая? – не сдавался Сергей Васильевич.

— Зачем спрашиваешь? – Чикуэ Золонговна обиженно моргнула. – Орлица — это светила созвездий Близнецов, Ворона, Ориона, Тельца, Малой и Большой Медведицы. Ты спросишь, откуда я, старая неграмотная бабка, знаю такие названия. Дадха их не знала, она просто показывала мне их ночью. А мне интересно стало, как их учёные называют, вот и попросила учебник по астрономии у соседской школьницы – сама по карте звёздного неба нашла эти созвездия. Вот, даже вышла их, смотрите...

Звездная орлица величаво парила на небосклоне, распластав широкие золотые крылья. Она вся светилась, и от неё веяло добром, покоем и умиротворением. Под ней перекатывалось круглое яйцо солнца, и священная птица зорко следила за чёрными драконами, которые могли его похитить. Мудуры, не смотря на то, что выглядели довольно миролюбивыми созданиями, грозно топорщили рога: дябдя пришлось бы плохо, посмей они подняться в сияющую высь. Их удел – ползать по земле, охранять вход в нижний мир, таиться во тьме и задыхаться от переполняющей их злобы: куда слюна дябдя упадёт, всё враз мертвеет, и чего коснётся их смрадное дыхание, то, задыхаясь, погибает, и лишь богатыри-мэргены да хитроумные шаманы могут прогнать чёрных змеев со своего пути.

— Я не умею камлать, — бабушка Чикуэ виновато вздохнула. – Лишь иногда прошу Орлицу помочь. Когда не получается орнамент или устаю вышивать – глаза уже плохо видят, нитку в иголку вдеть не могу, стежок кривым получается, — шепну тихонечко так: «Дай мне сил...» Не знаю, что откуда берётся, но работать сразу легче становится. Смотрите, какой орнамент из лоскутков по краям полотнища у меня получился: потача*55 и кирадама*56 как по линейке сделаны, а такие хэучилэмэ*57 не у каждой молодой мастерицы полчается, — она провела указательным пальцем по мозаике, погладила её. – Хэсиктэ*58 я ножом-куцэ вырезала, поточить его надо бы: не совсем ровные края получились...

Андрей, однако, видел красиво выложенный ряд чешуек из ярко-желтой материи, и они были, на его взгляд, без каких-либо изъянов, но старуха, наверное, хотела достичь совершенства и потому испытывала вечное неудовлетворение как всякий истинный творец. А может, она напрашивалась на похвалу?

— Ну, что вы? Отличная работа! – искренне сказал Андрей и оборотился к Сергею Васильевичу. – Вам тоже нравится, правда?

Тот кивнул, да и Марго зачирикала что-то восторженное. Но Чикуэ Золонговна сконфузилась:

— Вы элта*59 видите, а на доко*60 лучше не смотреть, — она положила на край полотнища камешек, поискала глазами ещё один; Андрей, угадав её намерение, подобрал у своих ног два кусочка гранита и придавил ими другой конец ткани. Теперь ковер лежал прямо, и ветер не отдувал его края.

— Ну, давайте садитесь, — пригласила Чикуэ Золонговна. — Теперь чэктэрить надо. Пусть дух пещеры видит: угощение ему принесли, нет у нас худых мыслей...

Старуха ловко свернула с бутылки белую шапочку, набулькала водки в пластмассовый стаканчик и обмакнула в неё пальцы, собранные в щепотку. После этого принялась брызгать в сторону пещеры, и ещё раз обмакнула пальцы, и ещё раз побрызгала.

— Вы тоже чэктэрьте, — велела она остальным присутствующим, при этом особенно внимательно поглядела на Андрея, кивнула ему: Давай-давай! От тебя кое-что зависит. Ты знаешь об этом?

— Нет, ничего не знаю, — Андрей удивился. — Я вообще первый раз вижу это место. Никогда тут не бывал прежде.

— Может, и не бывал, но знаешь, — загадочно сказала старуха. — У тебя пояс есть. Тогда, когда ты мне его показывал, я не успела сказать: в нём большая сила. Она даёт знание...

— Теперь я это знаю, — подтвердил Андрей. — Но тут никогда не бывал. Это совершенно точно.

Он оглядел окрестности, желая ещё раз удостовериться: место действительно незнакомое, даже на рекламном буклете той турфирмы, которая привозила его с Настей в Сакачи-Алян, фотографии пещеры не было.

Марго и Сергей Васильевич сосредоточенно разбрызгивали водку, не обращая никакого внимания на бабушку Чикуэ и Андрея. Казалось, эта парочка даже не слышала их разговор.

— Они и не слышат, — кивнула Чикуэ Золонговна. — Мы с тобой говорим молча. Кажется, ты уже привык так разговаривать?

Она явно намекала на его разговоры с аоми. Но это было тайной Андрея, и никто не знал о его странной связи с женщиной-духом. Чикуэ же откуда-то знала, и, более того, сама умела говорить мысленно. Как это у неё получалось? Посмотришь: обыкновенная нанайка, только очень старая, низенькая такая, ничего особенного, хотя глаза живые, яркие, будто отсвечивает в них пламя костра — переменчивое, с лёгким дымком, искорки в нём блещут. И вот эта бабуська, оказывается, почти что экстрасенс: чувствует его мысли, не дай бог и всю подноготную знает.

— Не забывай: моя бабка, Дадха, великой шаманкой была, к ней люди специально приезжали из самых далёких мест, — напомнила Чикуэ Золонговна. — Я многое от неё узнала. Но даже обычные люди могут говорить друг с другом молча. Наверное, ты ещё никого не любил по-настоящему. Влюблённые часто обходятся без слов, они им не нужны. Близкие духом люди тоже могут говорить молча, предупреждать желания друг друга...

— Я где-то читал: в древности люди общались мысленно, — сказал Андрей. — Потом они потеряли этот дар.

— А знаешь, почему? Потому что перестали любить друг друга, — вздохнула старуха. — Жадными стали, нечестными, золото полюбили, грешить привыкли. Э! — она насупилась и махнула рукой. — Зачем я слова зря трачу?

Андрей знал, зачем они пришли всей компанией к пещере. Сергей Васильевич и Марго были твердо убеждены: где-то в ней есть вход в подземелье, ведущее аж до самого города Ха, и это непростой тоннель — его якобы прорыла какая-то древняя цивилизация, и, может, в нём сохранились всякие археологические редкости. Кроме того, Марго постоянно намекала на мистический смысл тоннеля: в нём, мол, время течёт по-особому, и кто знает, вдруг это вход в иное измерение?

Андрея всё это забавляло. Знали бы они, что он сам в своих видениях витал в каких-то эмпириях, путешествовал по некоему тоннелю и даже, вроде, на острове Пасхи побывал, надо же! Но о том, что где-то под Ха существует таинственный вход в Куда-То Там, он, честное слово, даже не подозревал.

— *Вход* есть, — кивнула старуха. — Может, даже в этой пещере. Не знаю. Люди всякое говорят. Я слышала: некоторых пещера принимала, они что-то тут видели, а что — им велено не говорить. Другие, болтают, избавлялись тут от болезней — засыпали, просыпались здоровыми. Правда-неправда, не знаю. Но знаю другое: не всякому туда дано войти. Будет такой человек рядом с *входом*, а не увидит, даже если подведешь и пихнешь туда — не попадёт. Кажется: вот он, *вход*, но на самом деле он в другом месте.

— Загадками вы говорите, — заметил Андрей. — То ли есть, то ли нет...

— А знаешь, я, когда читала тот учебник астрономии, узнала одну вещь, может, ты в курсе: бывает, на Земле мы видим звезду, которой уже нет, — Чикуэ Золонговна покачала головой. — Надо же! Она погасла, но её свет всё ещё идёт к нам. Для нас она есть, но на самом деле — мёртвая. А возникнет новая звезда — мы её не видим. Потому что её свет не успел дойти до нас. Но она есть!

— Какое это отношение имеет к входу? — Андрей недоумённо пожал плечами. — Звёзды это звёзды, они далеко. А пещера — вот она, рядом.

— Пещера рядом, и вход в неё есть — видишь, зарос лещиной и березками, — кивнула Чикуэ Золонговна в сторону пещеры. — Но тот *вход*, что внутри, не обычный. Дадха мне намекала: не всякое время он открыт. Надо час знать. Толку-то с того, что увидишь его: попробуешь войти — только лоб о стену разобьёшь. Он, как свет далёкой звезды, был — и нет, а когда есть, то кажется: нет.

— Зачем же вы пообещали помочь этим людям? — Андрей наклонил голову в сторону Марго и Сергея Васильевича. — И к чему этот обряд? — он обмакнул пальцы в водку и разбрызгал её. — Чэктэрь — не чэктэрь, а толку никакого. Вы же сами говорите: надо знать час, когда вход открыт. Но этого не знает никто. Так?

— Дух пещеры знает, — Чикуэ Золонговна упрямо наклонила голову. — Ублажишь его — может намёк дать. Но я сюда не только за этим пришла...

Старуха неожиданно замолчала, к чему-то прислушалась и, подхватив полы халата, резво вскочила. Андрей, не ожидавший такой прыти от пожилой женщины, невольно даже присвистнул. Чикуэ Золонговна мелкими шажками перебежала к тому краю ковра, на котором было вышито созвездие Орлицы, остановилась как вкопанная и снова прислушалась.

Сергей Васильевич и Марго тоже с удивлением воззрились на Чикуэ Золонговну. Тишина стояла такая, что было слышно, как с соседней ольхи упал лист, а где-то рядом в траве, пискнув, осторожно прошуршала мышь. Но, что удивительно, враз замолчали птицы, до того беззаботно перекликавшиеся в густых зарослях. И кузнечики перестали звенеть.

Андрей напряг слух, пытаясь уловить новые звуки. Ему показалось: где-то хрустнула сухая валежина, опасно отогнулась ветка и её листья чуть слышно зашуршали, покатылся с косогора камешек...

Чикуэ Золонговна, взглядевшись в косогор, видно, заметила там что-то необычное и, подбоченившись, громко закричала:

— Га-а-а-а!

От её неожиданного крика Марго даже вздрогнула и почему-то схватилась за свою шляпку. Она не знала, что «га-а-а-а!» — это что-то вроде междометия-заклинания, которым нанайцы отгоняют бусяку-чертей. По своему звучанию оно схоже с тем воплем, который испускает шаман, обнаруживший злого духа. На бусяку это действовало магически: нечистый старался убраться куда подальше.

— Га-а-а-а!

Старуха подпрыгивала на одном месте, бросала грозные взоры и перестала кричать, лишь услышав, как где-то в перелеске закуковала кукушка и в траве снова затренькали кузнечики. Она устало опустилась на край ковра и смахнула со лба бисеринки пота.

— Кто-то злой рядом ходил, — объяснила она. — Помешать нам хотел. Пришлось прогнать его.

— Ой! Как вы кричали, я чуть не оглохла, — Марго наивно округлила глаза. — А кого вы пугали? Это был человек? Или...

— Человек по-другому ходит, — сказала Чикуюэ Золонговна. — А этот кто-то крался как хищный зверь.

Она упорно говорила неопределённое «кто-то», не желая вслух называть имя бусяку. Считалось: он услышит, как его поминают, и снова вернётся.

— Хорошо, сэвен Дюлин*61 это место охраняет, — продолжала старуха. — Смотрю: Дюлин насторожился, значит, услышал кого-то. Я тоже стала слушать...

— Что ещё за Дюлин? — спросил Сергей Васильевич. — Тут кругом одни деревья да камни. А сэвен — это, вроде, такой божок, из чурки выструганный...

— Неужто вы его сразу и не заметили? — Чикуюэ Золонговна, казалось, искренне удивилась; при этом она как-то по-особенному взглянула на Андрея. — Вон, смотрите, он стоит на пригорке, — она показала на высокий продолговатый камень.

— Камень как камень, — оценил увиденное Сергей Васильевич. — Ну, необычной формы разве что — вверху вроде как голова, но она какая-то марсианская: треугольная, или будто заготовка для кола ...

— А ты встань-ка рядом со мной, — предложила Чикуюэ Золонговна. — Отсюда хорошо видно, как лучи солнца высвечивают фигуру Дюлина.

Андрей тоже вслед за Сергеем Васильевичем встал рядом со старухой. Солнце действительно отредило трещины и выбоины вершины камня так, что казалось: это огромная треугольная голова, причем, грубо отесанная — намечены лишь её контуры. На ней явственно обозначились высокий лоб, крупный нос и большой плоский рот. Фигура напоминала те изваяния великанов, которые Андрей видел на острове Пасхи. Он поразился сходству Дюлина с ними.

Лик Дюлина был обращён в сторону окрестных сопков, поросших невысокими деревьями. Великан грозно хмурил брови, под которыми темнели пустые глазницы. Но в граните, видимо, находились вкрапления кварца: время от времени в незрячих очах нерукотворного истукана тускло вспыхивали искорки.

Конечно, наивные древние люди, обнаружив такой особенный камень, наделили его сверхъестественной силой: он напоминал фигурку домашнего божества, да ещё был таким огромным, и глаза его таинственно светились. Охотники и рыбаки приходили к великану просить удачи в промысле, шаманы заручались его поддержкой перед началом особо важных камланий, а болезные люди надеялись, что Дюлин выгонит из них бусяку, насылающих хвори.

— Можете называть меня отсталой, тёмной — как угодно, — сказала Чикуюэ Золонговна, — но Дюлин стоит тут не случайно. Он охраняет пещеру от злых сил. Прежние люди рассказывали, что Дюлин поражает их молниями.

— Ну, надо же! — Сергей Васильевич сказал это так иронично, что сам же и спохватился, боясь обидеть старуху. — Я хотел сказать: во многих языческих верованиях были подобные истуканы. Выходит, это всеобщая мировая традиция...

Он явно пытался выпутаться из неловкой ситуации, но не мог подобрать нужных слов, отчего говорил первое, что приходило на ум, и смущался ещё больше.

Бабушка Чикуюэ это поняла и, вздохнув, опустила глаза:

— Ладно. Всё понимаю. Трудно поверить в то, что говорю. Дело ваше: хотите — верьте, хотите — нет.

— Верим, верим! — зачирикала Марго. — Если бы не верили, то разве обратились бы к вам? Есть вещи, которые выше всякого человеческого понимания. Древняя магия не только способ познания мира, но и метод воздействия на него. У чародеев...ой, не то сказала... у шаманов было своё ноу-хау. В трансе им открывались все тайны мира. Я верю в их ясновидение...

Старуха слушала её болтовню, покачивая головой – то ли поддакивая, то ли осуждая, то ли просто так. Однако из глаз Чикуюэ сквозило лукавство, будто она знала что-то такое, до чего Марго ни в жизнь не додумается.

Андрею наскучило словоизвержение Марго: она так разошлась, что даже не интересовалась, слушают ли её. Вытянув шею и вся устремившись вперёд, она размахивала руками, поводила плечами, притопывала в такт своим словам, и ей очень нравилась её речь – страстная, громкая и вроде бы убедительная.

Чикуюэ Золонговна снова мысленно заговорила с Андреем:

— Эта Марго сама как шаманка, — заметила она. — Ишь, как разошлась! Никого не видит и ничего не слышит. Будто глухарь на току.

— Она хочет вам понравиться, — улыбнулся в ответ Андрей. — Но как же её остановить?

— По правде говоря, устала я от них, — пожаловалась Чикуюэ Золонговна. — Мужчина ещё ничего – скромный, больше молчит, учёность свою не показывает. А женщина удержать языка не может. Плохо, когда человек много говорит. Его может услышать бусяку. Такое поверье у нас есть. Услышит – придёт к человеку, мучить его станет. Потому наш народ молчаливый, зря слова не тратит. Женщины рассказывали детям короткие сказки, и не имели права в них петь. А мужские сказки – длинные, в них мэргены-богатыри со злыми духами борются, шаманы камлают, муханы на выручку девушкам-красавицам отправляются, и каждый герой свою песню поёт. Мужчины, они сильные, не боялись бусяку...

— Ничего не пойму, — Андрей недоумённо посмотрел на старуху. — То молчать надо, слова лишнего не скажи, то, пожалуйста, болтай, сколько хочешь. А как же духи? Они ведь всё слышат, вдруг придут...

— Э! Почему только духи? — улыбнулась Чикуюэ Золонговна. — Илан хосякта может услышать бранное слово, хвастовство или злобное проклятие.

Поняв, что Андрей не знает, что такое Илан хосякта, она объяснила: это три звезды – всевидящее око хозяина тайги тигра. Нанайцы верили: ночью амба поднимался на небо и смотрел оттуда на землю, он всё видел и слышал – горе тем, кто говорил нехорошие вещи или хвастался: тигр жестоко карал таких людей. За всякое праздное слово человек должен нести ответ – если не в этой жизни, то в загробной точно. Может быть, ещё и поэтому в сказках нанайцев так много звукоподражаний: летит птица – сказитель обязательно изобразит движение её крыльев и жестом, и звуком, ползёт змея – скажет: «Ср-р-р» — каждый понимает: в сухой траве ползёт аспид, длинный, скользкий и шершавый, а если таинственным полусшепотом произнесёт: «Ленд-е ланд, ленд-е ланд» — это злой сеон крадётся: сделает шаг – халат у него ветер раздувает, другой шаг сделает – полы халаты опадают.

Голоса птиц и зверей, шорохи охотничьей тропы, потрескивание огня в костре, плеск воды, все звуки подлунного мира повторялись и в сказках, и в шаманских ритуалах. Человеческое слово оберегалось от злых сил, но звукоподражания явно адресовались им: эта дословесная форма общения позволяла создавать образы, понятные и человеку, и сеону. Если даже он услышит рассказ, то пусть знает: добро всегда побеждает зло, и нет на свете такого бусяку, которого не победил бы мэрген.

— А правда, что прежде нанайцы с незнакомым человеком в тайге не разговаривали?

— Ага, — старуха улыбнулась. — Прежние охотники всегда с собой тало-бересту брали, на ней рисовали Ари-амбана. Это такой лесной дух, который криком отгонял зверей от промысловика. Но если его на тало изобразить, да покормить хорошенько, то Ари-амбан замолкал. Но всё равно в тайге нельзя было с незнакомцем разговаривать. А вдруг это не человек, а злой дух, притворяющийся человеком? Охотник должен быть молчаливым. Любое лишнее слово могло ему повредить. О, большая сила в сказанном слове!

— Наука теперь считает: мысль материальна, — сказал Андрей. — Значит, слово может стать реальностью. Конечно, я упрощаю, но смысл передаю правильно. Меня удивляет, что об этом ещё в глубокой древности догадывались. Русские недаром поговаривали: как аукнется, так и откликнется. Сказанное нами слово, доброе ли, злое ли, непременно отзывается в судьбе...

— Э, учёным и не снилось то, что прежние люди знали, — оживилась Чикую Золонговна. — Раньше сказку только старикам разрешалось рассказывать — они знали, как это нужно делать. Перед рыбалкой или охотой никто ни о чём плохом вообще не говорил. Потому что по земле слова далеко разносятся, а по воде — ещё дальше и быстрее. Сеоны могли их услышать и помешать человеку.

— Силы враждебные веют над нами! — рассмеялся Андрей. — Послушаешь вас, так получается: кругом — зло, и надо держать ухо востро, а то попадёшь в лапы какому-нибудь бусяку.

Марго, между тем, продолжала изливать восторженные слова. Сергей Васильевич, поскучнев, вытащил из своего потрёпанного портфельчика карту и углубился в неё. Наверное, в её линиях ему виделись таинственные подземные галереи, уходящие в непроглядный мрак. В боковых ответвлениях, называемых спелеологами латеральными альвеолами, таились летучие мыши. Они гроздьями свисали с колонн сталактитов. Виделись Сергею Васильевичу и загадочные катакомбы, похожие на капища, где проходили мистерии древних: на стенах — рисунки, загадочные иероглифы, стоят каменные идолы...

Ему очень хотелось, чтобы эти галереи были по-прежнему обитаемы. Нет, речь не о летучих мышках, пауках или мокрицах! Под землёй могли сохраниться те, которые построили эту сеть тоннелей, простирающуюся подобно сосудам и капиллярам под оболочкой планеты. Чтобы не привлекать к себе внимание людей, подземные обитатели, конечно же, постарались защитить свои ходы — и что это за система, человеку неизвестно. Но в неё должен существовать *вход*. Сергей Васильевич, забывая о своём возрасте, верил в это с поистине детской непосредственностью.

Он чувствовал: Андрей каким-то образом связан с предметом его мечтаний, но либо не хочет, либо не может помочь. Уфименко решил, что, скорее всего, не может: молодому человеку, наверное, запрещено делиться тайными знаниями с кем бы то ни было.

Сергей Васильевич оторвался от карты и посмотрел на Андрея. Ему показалось: парень о чём-то живо беседует со старухой. Однако они сидели молча, правда, при этом вид у них был такой, будто они разговаривали: губы растягивались в улыбке, руки подрагивали, брови приподнимались-опускались, да и слишком уж внимательно они глядели друг на друга.

— Кажется, Сергей Васильевич понял, что мы молча разговариваем, — заметил Андрей. — Смотрит на нас с подозрением...

— Глаза есть — вот и смотрит, — сказала Чикую Золонговна. — Я с ним, как с тобой, говорить не могу. Он другой.

— Сергей Васильевич, судя по всему, уже истомился, — продолжал Андрей. — Ему не терпится, чтобы вы наконец-то открыли тот самый вход. Если он, конечно, существует на самом деле.

— О! Женщина, кажется, устала говорить! — воскликнула Чикую Золонговна. Марго в самом деле смолкла и с умилением взидала на пожилую нанайку.

— Скорее, скорее что-нибудь делайте, лишь бы она снова не заморочила нас всех говорильней! — попросил Андрей.

— Я пришла сюда не столько из-за них, сколько из-за тебя, — сказала Чикую Золонговна. — Попыталась сказать тебе об этом, но не получилось...

— Из-за меня? — он искренне удивился. — Это потому, что Дачи взбрело в голову, будто меня какая-то болезнь изнутри грызёт...

— Дачи ни при чём, — поморщилась старуха. — Она добрая, но порой сама не знает, что болтает. Выдумала, будто я порчу снимаю. Тебя не болезнь грызёт. Ты сам знаешь, кто в тебе сидит.

— И вы знаете тоже? — осторожно спросил Андрей. Хотя, конечно, глупо было спрашивать об этом бабку Чикиуэ, которая видела его насквозь.

— Можешь не бояться её, — усмехнулась старуха. — Когда молча разговаривают два человека, аоми ничего не слышит.

— Она последнее время предпочитает молчать, — сообщил Андрей. — Я догадался: если не хочу, чтобы она со мной общалась, нужно ей запретить говорить. Оказывается, воля человека — большая сила.

— Ой, не всегда! Аоми очень хитрые. Сколько они уже извели мужчин, в которых вселялись, — вздохнула старуха. — Человек, конечно, становился большим шаманом, но быстро уходил в верхний мир: аоми иссушает своей любовью, выедаёт мозг, она только сильнее делается — от человека одна оболочка остаётся...

— Но некоторые шаманы жили долго, — напомнил Андрей. — Ваша бабка Дадха, к примеру, тоже до глубокой старости дожила.

— Э, она сама выбирала сеонов: на каждое камлание — другой дух, — объяснила Чикиуэ Золонговна. — Ни одному сеону или аоми бабка не позволила жить в своём теле. Они хитрые, но Дадха хитрее была. Каждый очередной сеон считал: шаманка выбрала его, потому что он самый-самый, и со всем усердием служил ей — рассчитывал остаться вместе. Сеон, он тот же мужчина: думает, что сам выбирает женщину. На самом-то деле это мы вас выбираем, — она лукаво прищурила глаза. — Аоми тоже женщина, и она выбрала тебя. Но это ещё ничего не значит. У мужчины может быть несколько женщин, сам знаешь, не маленький. И что, каждую пускаешь в душу?

— Да нет, — смутился Андрей. У него возникло подозрение, что проницательная старуха не только про аоми, но о Надежде с Настей тоже знает.

— Вот и настоящий шаман не каждого сеона или аоми пускал в душу, — продолжала Чикиуэ Золонговна, не обращая внимания на покрасневшие мочки ушей собеседника. — Он всегда помнил: это злые силы, которые могут послужить добрым делам. Но верить им нельзя. А ты, похоже, доверился...

— Как вы всё-таки узнали о Ниохте? — задал Андрей давно мучавший его вопрос.

— Э, не знала, что её так зовут, — старуха покачала головой. — Кажется, она служила одному ороцкого шаману, имя его запомнила уже. Он с ней как с женщиной жил, и до того полюбил, что про всё на свете забыл. Научила она его многому, но забрала у него жизнь. Быстро он сгинул: камлать перестал, юрту никому не открывал, не ел, не пил, одна любовь у него на уме. Ох, губельна страсть аоми: всю мужскую силу забрала, выпила его соки, сердце выгрызла...

Андрей слушал Чикиуэ Золонговну, и ему казалось: она рассказывает страшную сказку, чтобы попугать его. Если бы он не знал, что аоми на самом деле существует, причём в его собственном теле, то, конечно, давно бы потерял интерес к разговору со старухой. Она, не мудрствуя лукаво, сообщила: духи остаются жить в вещах умершего шамана, вот почему его сэвены, бубны, шапка, пояс и другое добро обычно переходят к новому шаману.

Пояс, который купил Андрей, всё-таки принадлежал сильному старику-шаману. Злые языки утверждали: он на склоне лет будто с ума сошёл, всё что-то о любви бормотал, с кем-то невидимым обнимался-целовался, на камланиях призывал женщину-духа, но имя её почему-то не упоминал — боялся, видно, что сеоны и другие аоми из зависти вредить ей станут. А когда его душа навсегда отправилась в буну, люди нашли тело шамана лежащим рядом с поясом. В нём, наверное, был заключён дух аоми. Так крепко держала его рука мертвеца, что насилу пальцы разжали, и когда тот пояс брали, заметили люди: скатилась слеза из правого глаза шамана.

Передать вещи умершего было некому: в те годы с шаманизмом велась отчаянная борьба – так что преемника у него не оказалось, а в музей никто из родни не догадался отвезти всю эту атрибутику – положили её в сарай, да и забыли, пока не возникла мода на всякие нанайские древности. Но Андрею, считай, пояс попал случайно. Если бы тот мужичок не захотел срочно опохмелиться, то его, скорее всего, продали бы Эдуарду Игоревичу – ездит по сёлам такой специалист из городского музея. Сам по-нанайски ни бум-бум, обычаи плохо знает, но зато за всякое старьё платит хорошо.

— Вот что мне известно про твою аоми, — подытожила Чикуэ Золонговна. — Больше догадалась, чем знала наверняка.

— Ниохта называет меня избранником, — сказал Андрей.— Она даёт понять: немногие смертные удостоиваются этого. Если бы её не было, я бы никогда не узнал то, что теперь знаю.

— А, может, она помогла тебе открыть то, что ты узнал бы и без неё? – Чикуэ Золонговна пытливо заглянула ему в глаза. – Знаешь, это как в сказке: не открывай ту комнату, говорит Синяя Борода, туда ходить нельзя, но женщина нарушает запрет – и узнаёт тайну. Таких комнат вокруг нас много, просто мы о них не знаем, а если знаем, то боимся открыть. А может, просто ленивы и нелюбопытны, а? Скажи, ты часто рассматриваешь семейные фотографии?

— Нет, — Андрей удивился: При чём тут фотографии?

— Старые фотографии, письма, какие-то записочки на салфетках, засушенный цветок в томике стихов – это история, — Чикуэ Золонговна почему-то вздохнула. – История твоих предков. И твоя – тоже. Иногда стоит внимательно посмотреть на лица на желтом, истрёпанном снимке – и они заговорят, да-да, заговорят, только нужно уметь их слышать.

— Сейчас старые вещи не хранят, начинается ремонт – стараются избавиться от ненужного хлама, — заметил Андрей. – В мусорных кучах чего только не увидишь: выбрасывают книги, кипы почётных грамот, фотоальбомы, всякие бумаги. Да я и сам недавно генеральную уборку дома делал: выкинул свои школьные дневники, тетрадки с сочинениями, учебники тоже, зачем захламлять полки будут, если они уже не нужны?

— Э! Полистал бы такую тетрадку, посмотрел бы на исправленные учителем ошибки – вспомнил бы, как учился, с кем за партой сидел: всё, как в кино, прокрутилось бы в памяти, — сказала Чикуэ Золонговна. – Но память любого человека не ограничивается только его жизнью. В ней хранится всё, что знали прежде живущие. Но как открыть эту потайную комнату, мало кто знает.

— Понимаю, на что вы намекаете, — догадался Андрей. – По-научному это называется подсознание. Ученые даже проводят опыты с ним, и выясняются удивительные вещи: например, я читал о том, что одна женщина под гипнозом заговорила сначала на древнеегипетском языке, потом – на французском, и представляла себя то прислужницей фараона, то блистательной светской львицей, то нищенкой где-то в российской тьмутаракани...

— Не знаю, что там выдумали ваши учёные, да и что они могут сочинить нового? – усмехнулась Чикуэ Золонговна. – Они даже не знают то, что наша самая неграмотная старуха знает: каждый человек связан незримой нитью с небом, — она благоговейно подняла глаза. – И если ухватить эту нить, то тебе откроется будущее...

— Мистика какая-то! – невольно изумился Андрей. – Похоже на миф о Парках, которые прядут судьбу человека. Когда нить обрывается, человек умирает. Неужели нанайцы тоже придумали нечто подобное?

Чикуэ Золонговну вопрос Андрея обидел. Она даже поджала губы, поскуцнела лицом и отвернулась от него. Для неё не было секретом, что многие русские считают нанайцев отсталым, тёмным народом, который так и ютился бы в своих тесных юртах, ловил рыбу да промышлял зверя, не подозревая о высокой цивилизации, если бы не пришли на берега Амура первопроходцы. Приобщили малоразвитых к культуре, приневолители креститься и бить поклоны своему богу, научили пить водку, показали, как садить картошку, а потом,

после октябрьского переворота 1917-го года, можно сказать, заставили прыгнуть из феодального строя сразу в передовой социалистический. А то так бы и сидели у своих костров, молились бы своим идолам да хитрых шаманов слушались...

— Нанайцы – тоже люди, — наконец произнесла Чикую Золонговна. – Того, что есть у других народов, мы тоже не лишены. Ты можешь смеяться над тёмной старухой, но я думаю так: люди всей Земли сотворены одним высшим существом, только каждый народ называет его по-разному.

— Нет-нет, что вы! – вскинулся Андрей. – Никакая вы не тёмная! Мне с вами так интересно общаться...

— Не пустословь! – старуха пренебрежительно поморщилась и продолжала, будто и не слышала его реплики. — Разбрелись люди по планете, но общее у них осталось. Все женщины, будь то королева или самая последняя беднячка, рожают детей одинаково, и у каждого младенца есть пуповина. Она связывает новорожденного человека и высшее существо. Пуповину-то можно перерезать, но незримая нить остаётся. Кому-то плетут судьбу Парки, кому-то — другие божества. Раньше любой шаман, войдя в фанзу больного, первым делом просил показать ему пояс. По нему он видел, в каком состоянии находятся нити, связывающие человека с небом. На твоём поясе, кстати, эти нити тоже сохранились. Может, они уже совсем оборвались, а может, и нет: шаман был сильный, и о нём многие помнят – до тех пор, пока помнят, он связан с этой жизнью.

Андрей не знал, куда деваться от стыда. Невольно обидел старуху. Не хотел ведь ничего плохого сказать. Он снова и снова что-то мямлил в своё оправдание, смущенно терев рукав рубашки, но бабка не желала извинять его, по крайней мере, её лицо оставалось непроницаемым, будто застыло.

— Когда того шамана хоронили, к пальцу его руки привязали длинную чёрную нитку, — продолжала рассказывать Чикую Золонговна. — За свободный конец взяли родственники покойного, стали тянуть нитку, как положено, в сторону востока: живые остаются тут, а мёртвый должен уйти на запад. Нитка долго не рвалась, все удивлялись и перешёптывались: держится, мол, старик за эту жизнь, не желает уходить. Но всё-таки в конце концов нить оборвали, и в ту же минуту, говорят, сам собой подпрыгнул пояс шамана, висевший в фанзе на гвозде, — будто кто-то пошевелил его или сильно дунул. Глупые старухи, а других у нас не бывает, — рассказчица скосила глаза на Андрея и пожала губы, — конечно, решили: в поясе спряталась аоми, не хотела она уходить со своим хозяином в буни. Другие глупые старухи, напротив, болтали, будто нить дороги – именно она связывала шамана с другими мирами – не прервалась и, значит, какая-то часть его души осталась в поясе.

Андрей снова, запинаясь и краснея, повторил, что не хотел обидеть Чикую Золонговну, а глупых старух в принципе не бывает: они прожили большую жизнь и накопили мудрость – почаще бы, мол, молодым к ним прислушиваться, глядишь: меньше ошибок делали бы.

— Хе-хе! – вздохнула Чикую Золонговна, сердито поглядела на Андрея смеющимися глазами и вдруг, как девчонка, прыснула. – Не смей меня! Не все старые люди мудрые. От возраста это не зависит. И сколько бы глупые старики не учили молодых, жить чужим умом те не станут: каждый должен пройти свой путь сам. Подсказки, конечно, всегда пригодятся, но что толку без конца талдычить: делай то, не делай это? Молодой, если умный, сам вспомнит какую-нибудь сказку: а как в ней мэргены из подобных переделок целыми и невредимыми выходили? Или обычный разговор о жизни с отцом ему вспомнится, или примета, или обычай... Тебе разве нравилось, когда взрослые без конца учили тебя жить? То-то!

Андрей вспомнил бабку свою, Марию Степановну. Старуха Чикую чем-то походила на неё – не обличьем, конечно, а внутренним смыслом. Баба Маша тоже подмечала всё, что творилось вокруг, чувствовала сущность других людей, и если человек чем-то ей не нравился, то, хоть золотом осып, знакомства с ним не водила: только «здравствуйте – до

свидания», не больше. Мораль и нотации внуку предпочитала не читать, потому как, по её мнению, это совершенно зряшное дело: ребёнок всё равно попытается сделать по-своему. Но предупредить его о всякого рода опасностях Мария Степановна считала непосредственной миссией каждой настоящей бабушки.

Правда, при этом она иногда поступала странно. Андрей вспомнил, как бабка сто и один раз сказала: «Не подходи к огню. Он кусается!» В тот день она варила малиновое варенье на летней печке, представлявшей собой несколько кирпичей, уложенных параллельно друг другу, сверху – плита с кастрюлькой. Маленький Андрей, как зачарованный глядел на огонь, и ему очень хотелось взять головёшку, пышущую жаром – сама сизая, с черными краями, она красиво переливалась бордовыми огоньками. Никаких зубов ни у горящих поленьев, ни у огня он не видел, и потому, когда бабка отвернулась, он схватил выпавшую из печки головёшку. И она действительно жадно куснула ему ладонь. «Ах, непослушный какой! – всполошилась бабка. – Наказывала ведь: держись от огня подальше!» Каким-то чудом в её руках оказалась разрезанная пополам картофелина. Мария Степановна приложила её к ладошке Андрея, и боль вскоре прошла, да и ожог, в общем-то, был так себе, пустяковый. Уже потом, через несколько лет, бабка со смехом напомнила об этом случае: оказывается, она сама незаметно выкатила головёшку изнутри печки, дала ей остыть, а потом сделала вид, что не следит за пострелёнком. Вот так-то!

От воспоминаний его оторвал возглас Марго:

— Чикуэ Золонговна!

Мадам, оказывается, никак не могла взять в толк, почему старуха и Андрей молча сидят друг напротив – вроде, и не беседуют, а вид у обоих сосредоточенный. Между тем, часики-то тикали: уже вечер скоро, а дело не сделано, хотя, вроде, почэктэрили – покормили духа пещеры. Обряд, конечно, языческий, кому расскажи, чем они тут занимались, в ответ пальцем у виска покрутят: совсем, мол, крыша поехала с этими твоими, Марго, эзотерическими увлечениями. Но она всё-таки верила: Чикуэ Золонговна поможет им найти то, что они с Сергеем Васильевичем искали. *Вход* наверняка где-то тут.

Андрею же показалось, что он молча говорил со старухой всего-ничего, каких-то, может, пять минут. Неужели время странным образом растянулось? Но Чикуэ Золонговна не дала ему подумать над этим вопросом.

— Вот что, — сказала она. — Ты должен вспомнить, что когда-то было возле этой пещеры. Давным-давно. Тьму веков назад.

— Но я...

— Не перебивай. Если аоми взялась учить тебя, то она должна была показать тебе вход. Может, ты и не понял, что это именно тот вход, который нам нужен. Но все будущие шаманы через него проходят...

— Я не шаман...

— Ладно. Не шаман. Знаю. Но знаю от прежних людей и другое: когда-то тут что-то было, может, капище какое-то или что-то ещё. И был в этом капище особый знак, указывающий, куда идти...

— Кажется, мне что-то снилось. Вроде, тут были Посредники, но их я не видел...

— А что видел?

Андрей вспомнил странную поляну, на которой высилось сооружение из трёх базальтовых плит в форме буквы "П". Нижние плиты были наклонены к центру, верхняя лежала на них идеально ровно, прямо посередине её был установлен столбик из камня. Его тень вслед за солнцем двигалась по кругу, аккуратно выложенному из черных и белых камушков — так люди, именовавшие себя Посредниками, следили за ходом времени. По каким-то, только им одним ведомым правилам, они точно знали, когда злой черный ворон снова поглотит солнце — и наступит мрак, завоят собаки и притихнут птицы, и они же ведали, долго ли, коротко ли это продлится. Посредники были в курсе, когда луна станет круглолицей — по ней они гадали о предстоящих дождях, начале хода кеты, разливах реки, и даже могли предсказать пришествие страшных духов,

напускавших на людей мор и болезни. Однако незримые сеоны боялись Посредников, потому что те знали, как их увидеть и сразить своими меткими стрелами.

Напротив П-образной постройки находился камень с плоской макушкой в виде чаши, в ней горел костер. Белёсый дым от него ветер относил в сторону громадных валунов, которые стояли в ряд как хорошо обученные воины. На этих камнях были выбиты изображения духов, священных животных и какие-то таинственные знаки, значение которых знали только Посредники. Чуть поодаль высился прямоугольный камень, его вершина напоминала треугольную голову, заостренную вверху.

Когда Андрею снился этот сон – или не сон? – он не обратил внимания на этот камень. Его как-то больше занимала зловещая старушка, из-за которой он и полетел в тартарары. А камень-то был Дюлином!

— Вспоминай, вспоминай, — шептала Чикую Золонговна. — Должен быть знак! Что-то необычное, особенное.

Он снова и снова мысленно прокручивал в мозгу эту картинку: базальтовые плиты в форме буквы «П», примитивные солнечные часы, камень-чаша с горящим огнём, голова Дюлина... Тень от неё медленно двигалась к пещере. Да, конечно же, она неотвратимо приближалась к темному входу!

— Ещё, ещё припомяни! – просила Чикую Золонговна. – Что дальше было?

Когда остроконечная тень Дюлина врезалась в самую середину темного отверстия пещеры, внутри что-то вспыхнуло. Будто кто-то зажигалкой щёлкнул: чик, загорелся красный огонёк, и почти тут же погас, но чёрное нутро не потемнело ещё больше, как \это обычно бывает после яркой вспышки, а чуть заметно посерело. Скорее всего, внутри пещеры появился слабый источник света. Но вскоре он погас – и внутри отверстия мгновенно потемнело.

— Кажется, это длилось всего несколько секунд, — припомнил Андрей. — Я, считай, почти ничего и не видел. Меня поразила постройка, похожая на мегалиты, и камень-чаша тоже удивила. А Дюлина я как бы боковым зрением видел, он стоял в стороне, да и не присматривался я к нему особо. Но теперь-то всё это кажется мне странным...

Не сговариваясь, он и Чикую Золонговна одновременно посмотрели на серую тень, отбрасываемую гигантской головой: она уже приблизилась к отверстию пещеры. Над кустами лещины порхали большие чёрные махаоны, где-то неподалёку резко закричал и так же внезапно смолк сорокопуд; басовито гудя, важно пролетел большой шмель, он степенно опустился на высокий стебель татарника, сплошь покрытый фиолетовым куполом соцветий; лёгкий порыв ветра всколыхнул куртину иван-чая – и сразу потянуло густым медвяным ароматом. Ничего особенного вроде бы не происходило, разве что ни насекомые, ни птицы старались не попадать в тень Дюлина: подлетали к ней, но, будто натолкнувшись на преграду, поворачивали обратно.

Сергей Васильевич, устав рассматривать свою карту, положил её в портфель и от нечего делать воззрился на прямоугольный камень, который старая Чикую назвала Дюлином. Он решил, что при очень большом воображении его вполне можно принять за голову великана, и даже найти некоторое сходство с теми деревянными фигурками, которые местные умельцы вырезают из обычных чурок, выдавая их за изображения сэзенов. Туристы охотно раскупают эти поделки: какая-никакая, а экзотика.

Уфименко не понимал, почему старуха ничего не делает: уселась на край ковра, молчит, ничего не говорит, да ещё и Андрея от себя не отпускает – смотрит на него, будто гипнотизерша: глаза в глаза. Что вообще происходит? Они все притащились сюда не для того, чтобы прохладиться. А если Чикую захотела отдохнуть, то можно ведь совместить приятное с полезным: хоть бы достала припасы, зря он, что ли, кроме водки, набрал в сельповском магазине всяких консервов? Уже пора бы и перекусить, маковой росинки с утра во рту не было...

И только он подумал про эту самую маковую росинку, как к нему сзади тихонечко подкралась Марго и тронула за плечо:

— Смотрите-ка! Вон туда, куда старуха с парнем выпялились. Видите?

Сергей Васильевич посмотрел на темное отверстие пещеры. Вроде ничего особенного. Разве что длинная тень от каменной головы вползла в дыру.

— Чуть влево поглядите, — шепнула Марго. — Там березка стоит, а под берёзкой... Я просто своим глазам не верю!

Он перевёл взгляд влево и чуть не вскрикнул от удивления. Под невысокой берёзой сидел тот самый карапуз, с которым Сергей Васильевич и Марго познакомились волей случая и потом везли с собой в Сакачи-Алян, а пацанёнок вышел посреди дороги и его забрал древний дед.

Малыш лучезарно улыбался. Из уголков его пухлых губ сочилась слюна, он бессмысленно глядел перед собой, покачивал головой, как китайский болванчик, и монотонно тянул:

— Да-да-да-да!

14.

Целый день у Насти всё валилось из рук. За что ни бралась, всё получалось не так. Причем, с самого утра не заладилось. Вымыла голову, включила фен, а он зашипел как злобная гадюка, издал неприличный пукающий звук и пристыжено замолчал. Как Настя его ни трясла, не ругала, фен хранил полное молчание. Если бы отец был дома, то наверняка что-то бы в нём подшаманил: он обожал приводить в чувство забастовавшие электроприборы. Вот, казалось бы, уют, который у них, наверное, лет двадцать пахал, совсем от старости загнулся, а отец разобрал его, какие-то контакты заменил, что-то почистил, дунул-плюнул – и, надо же, уютюжок как новенький стал!

С мокрыми волосами, однако, из дома не выйдешь. А Настя обещала ровно в девять-ноль-ноль принести в одну фирму дискету с набранным на компьютере текстом: засиделась полночь, уже полусонная дотюкивала какие-то бессмысленные фразы – рукопись была наполнена такой тарабарщиной, что смысл текста совершенно ускользал от понимания; да и с таблицами пришлось повозиться: на стандартный лист бумаги они не помещались, хоть плачь. Но Настя лить слёз не привыкла. Нашла-таки выход: что-то сжала, где-то сокращенные обозначения сделала, линейки чуть ли не впритык к краям листа поставила – и, пожалуйста, всё вышло красиво и даже элегантно.

Она набирала тексты на компьютере ради приработка. Делала это быстро, чисто, без ошибок, и работы у неё хватало: довольные заказчики обычно рекомендовали Настю другим, не преминув заметить — пунктуальная, исполнительная, грамотная. «Из рук в руки перехожу», — шутила она.

И вот, из-за фена её реноме могло пострадать. Настя позвонила в фирму, но там никто не брал трубку: до начала рабочего дня оставалось ещё сорок минут. Автоответчик, как на грех, был отключён, и она не смогла даже оставить извинительное сообщение.

Положение спас вентилятор, и хоть он гнал прохладный воздух, волосы всё-таки высохли. При этом Настя умудрилась нанести тушь на ресницы, подкрасить губы – самую малость, чуть-чуть, потому что считала: макияж – это всё-таки не боевая раскраска женщины, а способ подчеркнуть естественность. Тем более, что эта самая естественность вроде как была ничего так, вполне нормальная, не страхолюдина какая-нибудь.

Наверное, она сделала ошибку, положив свежевыглаженную кофточку на стул рядом с собой. Непонятно как, но тюбик с тушью выскользнул из рук и – бац! – приземлился прямо на одежду: по белой ткани поползла чёрная амёба. Не так чтобы большая, но вполне впечатляющая. Замывать её было бесполезно – во-первых, Настя собиралась купить хороший стиральный порошок на обратном пути: дома оставалась полупустая пачка «Лотоса», которым эдакое пятно не сведёшь, а во-вторых, она уже и так опаздывала. Пришлось срочно искать, что бы надеть взамен. Более-менее приличной и

чистой оказалась яркая блузка, в роскошных экзотических цветах. Она вполне подошла бы для пикника или вечеринки-междусобойчика, но никак не для делового визита.

— Чёрт! – сказала Настя. – Руки-крюки!

Замечание про руки-крюки она, конечно, адресовала себе. А зря. Самокритика возымела неожиданное действие: когда Настя расстегнула сумочку, чтобы положить в неё дискету, та выскользнула из рук, шмякнулась о край пуфика и отлетела в угол прихожей.

Похолодев, Настя почему-то подумала о том, что свободных дискет у неё нет, и надо было бы всё-таки распечатать текст на своей бумаге. Предоставила бы его в фирму и, как говорится, извольте оплатить работу и до свидания. Договоренности насчёт бумаги не было, она обошлась бы Насте рублей в восемьдесят. Зачем же зря тратиться? Получается: сэкономила, блин! а теперь-то что делать? Не дай бог, понадобится новая дискета. Ближайший компьютерный магазин открывается только в десять утра.

Чтобы проверить состояние дискеты, пришлось включить компьютер. Как всегда бывает в подобных случаях, машина грузилась невыносимо долго, а когда Настя наконец-то вставила в флоппи злополучную дискету, на дисплее появилась ехидная надпись, извещавшая о её неисправности.

Делать нечего, Настя в отчаянии упала в кресло и закрыла глаза, чтобы не видеть ни этого проклятого компьютера, ни смятую и брошенную на пол запятнанную кофточку, ни фена, с которого так неудачно начался день.

Фен лежал на вчерашней газете. Настя хотела вырезать из неё рекламную заметку о кафе «Шоколад» да, занявшись набором текста, забыла это сделать. Материал был так себе, ни ума – ни выдумки: корреспондент подробно описал интерьер заведения, рассказал об «изюминках» меню, назвал цены на некоторые блюда – текст халтурный, трафаретный, скучный. Зато какая к нему была фотография! Крупным планом – Андрей в франтоватом высоком колпаке повара, улыбка в пол-лица, на вытянутых руках – овальное блюдо с выложенным на него златоглазым сазаном. Рыба будто бы плыла в волнах из зеленых, фиолетовых и слабо-розовых листьев салата, вокруг, по ободку блюда, – красиво нарезанные овощи: огурцы, помидоры, кольца сочного лука, изумрудные соцветия брюссельской капусты.

Андрей на фотографии получился не просто симпатичным – красивым. Настя почему-то считала, что только она смогла разглядеть, какой он на самом деле интересный и пригожий. Писаным красавцем Андрея назвать было трудно: на Аполлона или Алена Делона он точно не походил, да и навряд ли его взяли бы сниматься в рекламных роликах, пропагандирующих всякие мужские дезодоранты или туалетную воду: в них обычно фигурируют яркие самцы, посмотрит такой с экрана – загадочно, лениво, но с призывным намёком – и всё, считает, уже в койку уложил тебя. А фиг вам, знойный мачо! Есть неброская красота лица, ясный взгляд, самая замечательная на свете улыбка – она для тебя, и только для тебя...

Случайно купив эту газету ради телепрограммы на следующую неделю, Настя не ожидала увидеть в ней заметку с фотографией Андрея. А увидев, сначала даже обиделась. Ведь мог бы сказать, что его снимали для газеты! Но потом, остыв, решила: Андрей промолчал, скорее всего, из скромности, ведь он не знал, получится ли снимок, и точно ли в редакции его отберут для печати, да и когда появится эта заметка, он тоже наверняка не догадывался.

Она позвонила Андрею, чтобы сообщить о публикации и незлобиво поехидничать: жди, мол, теперь писем от поклонниц – такой красавчик получился, что фотка прямо в сам «Плейбой» просится. Но его мобильник выдавал один и тот же ответ: «Абонент ответить не может». На СМС-ки Андрей тоже не отвечал.

Скользнув глазами по газете, Настя вдруг вспомнила: в киоске, кроме прессы, продают всякую всячину и, кажется, дискетки – тоже.

Она выскочила на улицу, подбежала как ошпаренная к газетному киоску и чуть ли не закричала:

— Дайте дискету!

Продавщица, напуганная её отчаянно-решительным видом, чуть дар речи не потеряла. Ей показалось: девица явно не в себе, какая-то возбужденная, громогласная и, не дай бог, психованная, вон глаза-то как блестят! Мало ли что у неё на уме? Давеча одна такая придурочная в киоске на соседней улице устроила представление: попросила пачку сигарет, а вместо денег пистолет выставила, грозить принялась, а киоскёрша – вот дура набитая! – возьми да заори, аж стекла зазвенели. Девица и выстрелила. Пистолет, правда, зажигалкой оказался, но от огня газеты на прилавке загорелись. Киоскёрша орёт, а юная особа знай себе подпаливает и подпаливает бумагу. Хорошо, мимо мужик проходил, шуганул ту девицу.

От греха подальше она трепещущей рукой протянула Насте дискетку:

— Возьми, деточка, возьми! И не надо мне никаких денег.

— Да что вы? Я не нищенка!

— Иди-иди, деточка, — чуть не плача, уговаривала её киоскерша.

— Да что это творится-то сегодня? – в сердцах воскликнула Настя и, бросив на прилавок деньги, кинулась домой.

Киоскёрша ещё долго приходила в себя, а вечером, присев на лавочку в своём родном дворе, она, округляя глаза, доложила сплочённой компании местных бабусь о бывшем с нею происшествии. Всем коллективом, поквохтав и посудачив, они решили: нет, молодёжь в их время была совсем-совсем другая, с жиру не бесилась, старших уважала, а сейчас – прости-господи, не знаешь, чего и ждать, ни стыда – ни совести.

При этом киоскёрша забыла сообщить одну деталь. Когда прибамбахнутая, по её мнению, девица умчалась, в киоске отрубилось электричество. Будь у неё фантазия побогаче, неисправность в электросети она бы тоже свалила на молодых. А что? Всё, что угодно, гады такие, сделают, лишь бы им не скучно было. Но, однако, свет отключился во всём микрорайоне: экскаватор рыл яму и зацепил кабель, только и всего. В городе Ха это случается частенько, и все уже привыкли: сколько ни штрафуй строителей, а они всё равно не удосужатся согласовать свои работы с владельцами всяческих подземных коммуникаций.

Настя никак не ожидала, что ко всем её напастям ещё добавится и отключение электроэнергии. Компьютер, естественно, не работал. Новомодный телефон с определителем номера и другими прибабасами без электричества тоже не действовал, а сотик – естественно, сто бед – один ответ! – Настя забыла зарядить.

— Чёрт! – она искренне, от души помянула нечистого и даже ногой топнула.

Когда Настя нервничала, то ей почему-то хотелось есть. Может, еда успокаивает? Всё-таки, когда грызёшь яблоко или хрумкаешь морковку, отвлекаешься, да и сам процесс поглощения пищи не располагает к волнениям. Как бы то ни было, а Настя, топнув ногой, решительно отправилась на кухню, открыла холодильник и взяла большую сочную грушу. Груша была китайской, и называлась она странно – яблуша: вроде как гибрид яблока и груши – так этот фрукт называли на рынке.

Яблуша напоминала яблоко, чуть вытянутое кверху. Под её светло-коричневой кожурой, похожей на обёрточную бумагу, скрывалась сочная белая мякоть: по вкусу она действительно напоминала и на грушу, и яблоко – скорее всего, это был плод генной инженерии, так сказать, генетически модифицированный продукт. Но Насте он нравился, и она не задумывалась, вреден ли он, полезен ли, справедливо полагая: иногда то, что нравится, — нельзя, но если очень хочется, то можно.

Хрумкая яблушей, она вернулась в комнату и уселась в кресло. Её рассеянный взгляд скользнул по серому экрану телевизора, задержался на пыльной фигурке японки в красивом кимоно: отец привёз куклу из Осаки, и зачем её только из пластикового футляра

вынули – как теперь пыль-то вытирать? Куколка была настолько хрупкой, что к ней страшно прикоснуться, тем более тряпкой.

Вздыхнув, Настя перевела взгляд на картину, висевшую прямо над японкой. Это был типично дальневосточный пейзаж: высокие кедры, густая, в рост человека, трава, на заднем плане – смутные очертания голубых сопок, а на переднем под воздушной, раскидистой аралией, напоминавшей пальму, притаился тигр. Гигантская полосатая кошка, напряженно наострив уши, взирала на Настю.

Сколько раз, казалось бы, она видела и эту картину, и тигра на ней, но никогда прежде не замечала злобного оскала амбы, напротив, он казался ей добродушным и вполне миролюбивым. Мрачные глаза тигра будто бы освещались изнутри лампочками: они полыхали странным желтым пламенем, зрачки сузились и превратились в черные мерцающие полоски.

Рука, державшая яблущу, непроизвольно вздрогнула. Настя чертыхнулась, на этот раз про себя. Где-то глубоко в груди возник странный трепет. Он вспыхнул на мгновение, как внезапный разряд далекой молнии, и сразу же исчез, но через секунду-другую снова беззвучно повторился, — и будто рядом с сердцем задрожала невидимая туго натянутая струна.

Настя подумала, что, скорее всего, перенервничала – вот и видится ей всякая чушь. Ну, может ли тигр, написанный каким-то провинциальным мазилой, вести себя как живой? Да ещё и моргать!

Последнее обстоятельство Настю не напугало, а, скорее, изумило.

— Ну, совсем уже! – сказала она.

Это относилось не к изображению на картине, а к ней самой.

— Совсем разнервничалась девушка, — уточнила она и засмеялась. – Вот, даже сама с собой разговаривать стала. Плохой признак, милочка.

Настя решительно повернулась к картине спиной и вышла из комнаты. Она решила: нечего тут рассиживаться да злобой наливать – этим себе не поможешь, лучше пока картошки почистить да с ветчиной её пожарить, а то отец придёт на обед и поест ему нечего. Кто знает, когда-то свет дадут? Газ, слава богу, есть. А пока готовит, глядишь, включится электричество, тогда она быстренько скопирует текст на дискету и помчится в фирму.

Но почистить картошку ей не удалось. Как только Настя взялась за нож, на кухне вспыхнула невыключенная лампочка.

— Ура!

Она кинулась к компьютеру, который на сей раз не выделялся и запустился довольно быстро. Спустя пять минут Настя уже оказалась на улице, а ещё через двадцать – вручила злополучную дискету начальнику фирмы.

— Очаровательно! – произнёс он.

Настя не поняла, к чему он это сказал.

— Какая милая непосредственность! – уточнил он, выразительно глянув на наручные часы.

Настя попыталась снова объяснить, что у неё случилось утром, но начальник, игриво покачав головой, понизил голос:

— А на свидание вы точно так же приходите?

Настя изобразила непонимание и скромно потупилась. Начальник был занудливый и, чего доброго, мог отложить выплату заработанного ею на конец месяца. А деньги ей нужны сейчас.

— Ну, так как? Плюс – минус пятнадцать минут? В пределах общепринятого?

— На свидание, надеюсь, дискету нести не надо, — наконец нашлась она, а сама подумала: «Старый козлик! А туда же...»

— Как-нибудь поужинаем? – он ещё больше понизил голос. – Не подумайте ничего плохого. Просто так, поговорим, перспективы обсудим...

Никакие перспективы Настю в этой фирме не интересовали, но не могла же она ответить прямо. Но зато могла прямо намекнуть:

— Финансовых проблем у фирмы, кажется, нет? А то некоторые по полгода зарплату не выплачивают...

Начальник надменно улыбнулся, снял телефонную трубку и кому-то сказал:

— Алла Евгеньевна, к вам девушка сейчас подойдёт... Она у нас по трудовому соглашению... Да-да, та самая! Всё в лучшем виде сделала... Я с ней передам распоряжение. Оплатите сразу.

Алла Евгеньевна, главбух, с интересом глянула на Настю, по её пухлым губкам скользнула многозначительная усмешка:

— Вы у нас теперь часто появляться будете? Тут не всех так высоко оценивают.

— Посмотрим, — неопределённо передёрнула плечами Настя.

— А и смотреть нечего! — парировала главбухша. — Пользуйтесь моментом, пока начальство доброе.

— Угу, — кивнула Настя, с интересом наблюдая, как Алла Евгеньевна считает купюры: она разложила их веером и, слюнявя палец, быстро-быстро перебрала по одной, после чего сложила стопкой и легонько провела по ней мизинцем.

Получив деньги, Настя первым делом пошла в универмаг. Ей давно хотелось подарить Андрею галстук. Сам он знал, как их выбирать, потому и костюм надевал редко, всё больше в джинсиках да свитерке бегал. Но ведь бывают моменты, когда без пиджака никак не обойтись, например, пойти в театр или на званый обед. Отец давно намекал: приведи, мол, своего парня, пора и познакомиться...

Настя даже присмотрела один галстук: нежно-серый, с чуть заметным металлическим блеском, без дурацких аляповатых рисунков — как раз в тон костюму, и, что немаловажно, к нему прилагалась заколка с тусклым, гранитного цвета камнем: вроде, скромно, но это была выдержанная, аристократическая скромность.

Но, увы, того самого галстука Настя в облюбованном отделе не обнаружила. Продавец, узнав, что именно она ищет, всплеснула руками:

— Ну, что вы? Да на такие галстуки знаете, какой спрос! Вон та дама — видите, уже к выходу направляется? — только что последние забрала, пять штук! Не иначе, у них корпоративная вечеринка — мужикам на подарки взяла. А может, она пере...

Что там эта дама «пере...», Настя не дослушала — бросилась догонять незнакомую перехватчицу облюбованного галстука. Наверное, вид запыхавшейся и раскрасневшейся девушки произвёл на неё впечатление: она даже испуганно отпрянула от Насти, прижимая к животу хозяйственную сумку.

Женщина была не так молода, как ей хотелось казаться: слишком плотный слой тонального крема всё-таки не смог скрыть глубокие морщинки, идущие от крыльев носа; под старательно накрашенными глазами темнели вполне натуральные круги, а двойной подбородок не утаивал даже высокий затейливый воротник. Но при всём том в ней чувствовался особый шарм, присущий дамам, некогда бывшим предметом вожделения мужчин и знавшим себе цену. Впрочем, судя по тому, с каким достоинством дама несла своё на удивление фигуристое тело, едущей с ярмарки она себя не считала.

— О, вы меня напугали! — женщина театрально положила руку на сердце. — Что, думаю, за погоня в магазине? Не иначе, как кто-то карманника преследует. Знаете, я однажды сама бежала за вором: вытащил из сумочки кошелек, наглец, и бросился наутёк, а я рот раскрыла, пока-то сообразила, что к чему, он уж далеко был...

Дама оказалась словоохотливой, но, услышав о том, зачем Настя за ней бежала, резко поскучилась:

— И не просите. Не уступлю.

— Да зачем вам сразу пять одинаковых вещей?

— А это уж моё дело.

— Поймите, я хочу сделать приятный сюрприз одному человеку.

— Вы считаете, что мне уже некому делать подобные подарки?

— Извините, но я – тому, кто мне очень нравится.

— Сказала: нет!

Дама казалась неприступной. Её маленькие глаза излучали превосходство, и ещё в них было нечто такое, что одновременно завораживало и пугало: чёрная радужная оболочка, очерченная желтым кругом, сливалась с чуть зеленоватым зрачком, отчего во взгляде женщины появлялось что-то змеиное. Он притягивал к себе, и был как-то слишком остр, будто проникал внутрь, мгновенно и резко вспарывая холодным лезвием саму душу.

Настя не выдержала этот взгляд и опустила глаза.

— Вот вы стараетесь для него, а он того стоит? – насмешливо спросила дама. – Знаю я этих молодых людей! У них одно на уме. И единственной девушкой не ограничиваются.

— Он не такой.

— А какой? – женщина собрала губы в куриную гузку, иронично покачала головой. – Необыкновенный, конечно? Лучше всех на свете?

— Это моё личное дело.

— А хотите, скажу, какой он? – вдруг предложила дама. – Покажите-ка мне ладонь правой руки...

Настя ни в какие гадания не верила, но решила дать руку женщине: пусть посмотрит, ясновидица доморощенная; может, между ними возникнет всё-таки контакт, дама расчувствуется и, смотришь, уступит ей этот злополучный галстук.

— Ага, вижу: у тебя это, считай, первая настоящая любовь, — важно произнесла женщина. – Он старше тебя, и зовут его Андрей.

Настя невольно вздрогнула, а дама, ощутив трепет её руки, выпустила ладонь и продолжала говорить:

— Он вас тоже любит, но пока не может освободиться от страсти к другой женщине. А что вы хотите? Он же как-то до вас жил, и у него были увлечения, что вполне естественно для молодого мужчины. Но, знаете, на вашем месте я бы не галстуки ему дарила, а бежала от него сломя голову...

— Это почему же?

— Он не так прост, как кажется, — вздохнула дама. – Работа у него какая-то вполне обычная, но в ней он – виртуоз. А, кроме того, у него есть некий тайный дар. Не могу сказать, что это за дар – права не имею. Зато могу сказать другое: он хочет больше того, что вы можете ему дать. О, какое чудовище!

— Не говорите так об Андрее!

— А! Значит, верно имя угадала, — женщина внимательно поглядела на Настю. – И ваше имя тоже знаю, вы – Анастасия. А чудовище не он. Чудовище он сотворил сам. Но это не важно.

— Что же мне делать? Вы такого наговорили...

— А ничего не делать! – засмеялась дама. – Просто – жить. Ещё лучше: бежать от этого мужчины и не оборачиваться.

— Скажете тоже! Да и не верю я ни единому вашему слову.

— Настя, мы впервые в жизни видим друг друга, — женщина жалостливо посмотрела на неё как на убогонькую. – Ну, откуда бы я, допустим, знала ваше имя? Всё – на ладони, вся ваша судьба там. Я всего лишь чтец.

— Ну и что? Всей этой хреномантии грош цена, если она не оставляет человеку свободы выбора!

— Вот и выбирайте, милая!

Дама насмешливо поклонилась и отошла от Насти, но вдруг, что-то вспомнив, повернулась и с лучезарной улыбкой спросила:

— Всё равно подарок дарить будете, Настя?

Настя, ошарашенная неожиданными откровениями случайной гадалки, не сразу поняла, о чём речь, но, поняв, закивала:

— Да, конечно.

— Вот, возьмите, — дама вытащила из сумки галстук и протянула его девушке. — Любимым мужчинам нужно оставлять приятные воспоминания.

Настя видела, как женщина вышла из магазина, но за стеклянной дверью будто сразу испарилась: по ту сторону так и не появилась. Затеряться в толпе она тоже не могла, поскольку народ на выходе не кучился. Правда, отошла какая-то странная фигура – то ли женщина, то ли мужчина, не понять: человек был одет в бежевый халат, украшенный яркими узорами, на голове – шапочка с дурацкими кисточками; широкий пояс стройнил фигуру, и на нём болтались то ли колокольчики, то ли что-то вроде них.

Настя решила, что эта фигура – «живая реклама»: в городе Ха производители товаров и услуг с некоторых пор стали нанимать и обряжать во всякие несусветные одежды молодых людей. Идешь по центральной улице имени графа Муравьёва-Амурского, глазеешь по сторонам, вывески рассматриваешь, а к тебе вдруг, допустим, аист подлетает: под два метра ростом, клювом щёлкает: «Купите стиральный порошок нашей фирмы!» Или Чебурашка подкатит, или медвежонок, смешно косолапя, протянет визитку: «Все мишки любят мёд. Берите его только в этом магазине. Он там самый натуральный!» А смешнее всех было нечто прямоугольное, окрашенное в металлический цвет и с эмблемой одного местного банка: «Открой счёт и прими участие в розыгрыше приза. Можешь получить большой килограмм серебра!» Как будто килограмм бывает большим или маленьким, килограмм и есть килограмм.

Фигура в экзотическом халате медленно проплыла до перекрёстка, постояла там, ожидая зеленого огонька светофора, но тот почему-то долго не зажигался. Фигура потопталась-помялась, поозиралась по сторонам, а потом вдруг подскочила на месте, оттолкнулась от асфальта и перепрыгнула через поток машин на противоположную сторону.

Этот прыжок вполне можно было бы занести в Книгу рекордов Гиннеса: взять четыреста метров в длину без разбега – это круто! Но люди, стоявшие у светофоров по обе стороны дороги, вели себя обычно: переговаривались, смеялись, одёргивали детей, которым надоело ожидание. Никто, кажется, не заметил необычное. Настя, кстати, тоже не видела, как фигура перепрыгнула дорогу и, оказавшись на другой стороне, степенно и с достоинством прошествовала до антикварной лавки.

Подлинных раритетов там, в общем-то, не водилось: город Ха всё-таки сравнительно молодой, и 150 лет ещё нет, так что подлинных старинных вещей у горожан не скопилось, зато лавка была сплошь уставлена всякими сувенирами. Чего тут только не было! И корзинки, плетенные из бересты, и большие блюда, вырезанные из тиса и липы, и деревянные фигурки каких-то божков, и меховые тапочки с яркими узорами из кожи, и курительные трубки самых разных размеров и форм, и поделки из полудрагоценных камней, и красочные панно из высушенных листьев и плодов лесных растений, и глиняная посуда, и вполне современная керамика, но посетителей больше притягивал маленький отдел с самыми настоящими древностями амурских аборигенов.

Тут можно увидеть темные фигурки сэвенов, склизкие от накопившегося на них тука: не одно поколение какой-нибудь ульчской или нанайской семьи выполняло древний обряд кормления идолов – потчевало их самыми вкусными кусками мяса, обмазывало рыбьим жиром; взамен духи покровительствовали людям. Подвешенные, как корюшки на вешалах, болтаются различные обереги из коры березы, дуба, осины, порой это просто какая-нибудь щепка или кусок луба, на котором выцарапана жуткая образина: считается, что она обладает магической силой и охраняет владельца от всяких невзгод. Отдельно разложены коврики, халаты, варежки, чуни с бисерным орнаментом – всё это, как сказали бы в комиссионке, «б/у», но оттого ценность вещей в глазах коллекционеров только возрастает. Одежда пахнет рыбой, чем-то кислым, затхлым.

И уж совсем наособицу выложены шаманские ритуальные предметы: пояса, бубны, темные толи, колотушки, бубенчики, полуистлевшие маски с едва различимыми на них

рисунками, фигурки жаб, ящериц, змей, каких-то неправдоподобно ярких птиц, похожих одновременно на кукушку, дикушу и лебедя – эдакий гибрид языческой культуры. Под белой тряпицей продавец держит несколько деревянных сэвенов. Говорят, шаманы носили их на поясице, и в этих грубо отесанных, засаленных фигурках большая сила — сэвены помогали своему владельцу в его путешествиях за пределы привычного мира, посылали порчу на врагов, излечивали недуги у сородичей.

А держат их под тканью по той причине, что от них якобы исходит какая-то тяжёлая энергия. Продавец обязательно расскажет посетителям, пришедшим в лавку в первый раз, что у него от духа сэвенов кружится голова, а к концу вечера просто разламывается, и если прислушаться, то почувешь тихое, злобное урчание – идолы, видно, давно не кормлены и жалуются на плохое с собой обращение. Ритуалов антиквар не знает. Пробовал как-то обмазать одну фигурку куриным жиром, но она выскользнула из рук и чуть не раскололась, а вечером, если верить продавцу, изнутри её слышались глухие завывания. Обиделся, видно, дух на кормление курицей. Может, он предпочитает мясо вепря или медведя?

Вот в эту-то полутемную и экзотическую лавку и вошла странная фигура. Прикрыв за собой дверь, она провела ладонью по лицу – и оно преобразилось: это была уже не та дама, которая гадала Насте, это была довольно миловидная нанайка с большими, чуть раскосыми глазами, и если бы Андрей её мог увидеть, то, конечно, узнал бы Ниохту.

Аоми скользнула взглядом по шаманскому отделу, задержала его на белой тряпице, неопределённо хмыкнула и посмотрела на фигурки животных, которые были выложены под стеклом. Зрачки её темных глаз расширились, она высвободила руку из широкого рукава халата и, стараясь выглядеть спокойной, небрежно спросила:

— Откуда у тебя эта ящерица?

Продавец, привыкший к обходительному с собой обращению, сначала хотел возмутиться «тыканью», но, оглядев странную визитёршу в национальном облачении, решил: эта нанайка, скорее всего, приехала из каких-нибудь Нижних Халб, наверное, режиссёрка тамошнего самодеятельного театра или ансамбля – поразвелось их сейчас: все, кому не лень, играют в возрождение национальной культуры. Энтузиазм, как считал антиквар, порой и рядом не ночевал: такие ансамбли из глубинки частенько приглашали в город Ха, возили в Москву, а то и куда подальше – в Париж, Лондон, Марсель. Общаться даже нормально не могут, никакой культуры, а, гляди-ка, по Европам ездят, и не толстосумы какие-нибудь, обыкновенные аборигены.

Ящерица, которую облюбовала посетительница, стоила дорого. Когда-то она принадлежала старой шаманке из Сакачи-Аляна, а до того, говорят, эта фигурка висела на поясе у другой шаманки, умершей в столетнем возрасте, и до того она была сильной, что на её камлания люди приезжали даже с Чукотки и Камчатки. А время-то дореволюционное, ни самолетов – ни поездов и в завиданье не было: на оленях, собачках, лыжах шли к ясновидящей нанайке.

— Эта вещь дорогая, — тактично сказал продавец. — Деньги-то у тебя есть?

Он тоже решил её «тыкать», не велика барыня!

— Откуда, спрашиваю, ящерка? – повторила вопрос Ниохта. — А насчет платы не беспокойся, купец.

— Сакачи-Алян, начало девятнадцатого века, за подлинность вещички ручаюсь, — пробормотал продавец.

— Вижу: ящерица шаманки Дадхи, — аоми провела узким языком по сухим губам. — Старуха, что ли, тебе её сдала?

— Это коммерческая тайна, — осклабился продавец. — Но если тебе так хочется узнать, то нет, не старуха. Девушка. Студентка. Она шаманке праправнучкой приходится. Всё проверено.

— Старуха, значит, ни при чём?

— Не знаю я никакой старухи

— Дай-ка посмотреть ящерицу!

— Осторожно, — продавец бережно передал фигурку. — У неё хвост на честном слове держится. Хотели её реставрировать, но решили: пусть покупатель сам решает, стоит ли. Всё-таки заметно будет.

— Глупые, — пробормотала Ниохта. — Ящерица и без хвоста ящерица.

Она внимательно разглядывала фигурку, поворачивала её и так, и сяк, гладила по спинке, что-то шептала – и, о чудо, ящерка шевельнулась и повернула к аоми плоскую головку. Продавец решил, что это ему померещилось и встряхнул головой, прогоняя наваждение.

— Настоящая, — удовлетворенно констатировала посетительница.

Продавец снова поглядел на фигурку. Нет, решил он, явное переутомление: ящерка не подавала никаких признаков жизни. Да и могла ли деревяшка шевелиться? Это, наверное, покупательница каким-то особенным образом её поворачивала – вот и показалось.

— На! Сдачи не надо! – Ниохта вывалила кошелек всю наличность. Беглого взгляда на холмик смятых купюр хватило продавцу, чтобы понять: денег более, чем достаточно.

— Завернуть? – продавец засуетился, отыскивая под прилавком приличный пакет.

— Это колбасу заворачивают, а приличный товар подают, — назидательно покрутила пальцем аоми. – Я её в хорошее место определю, — и она, не стесняясь, засунула ящерку за пазуху. – Тут она целее будет.

Ниохта, не простившись, повернулась, мимолётным взглядом скользнула по витринам, усмехнулась, что-то пробормотала себе под нос и хлопнула дверью. Продавец недоумённо пожал плечами и пододвинул к себе кучку денег, чтобы их пересчитать. Первая же пятисотенная купюра, взятая в руку, показалась ему странной: шершавая, сухая и ломкая, она пахла осенним палым листом.

Продавец пощупал банкноту, проверяя бумагу на прочность, — и она вдруг рассыпалась. То же самое случилось и с другими купюрами: они превратились в ворох трухи.

Ниохта же в это время спокойно дошла до Уссурийского бульвара. Он славился куртинами диких яблонь, живописно посаженными сосенками, густыми кустами чубушника – цветы этого кустарника напоминают соцветия жасмина, и весной бульвар благоухает тонким благородным ароматом. Однако в конце лета пыльный чубушник ничем не напоминал изысканное растение – был неказистым, с полуувядшими грубыми листьями.

Аоми наверняка было известно: на бульваре есть особенный уголок, засаженный чубушником и шиповником так густо, что в эти заросли не рисковали забираться даже бродячие собаки – кусты прочно сцепились друг с другом, ошетинились колючками и преградили путь к провалу в земле: некогда его старательно засыпали песком и гравием каждый год, но безуспешно, и тогда городское начальство распорядилось засадить гиблое место кустарником. Со временем горожане забыли, что тут в земле есть как бы прореха, в которую не раз оступались подвыпившие граждане, а также ротозеи и вездесущие дети. Поговаривали, будто они попадали в какой-то тоннель и бесследно исчезали. Поскольку рядом, на взгорке, высилось бывшее здание НКВД, в котором потом поочередно располагались КГБ и ФСБ, народ выдвинул версию: всеильное ведомство построило под землёй какое-то тайное сооружение, со временем оно стало ненужным, следить за его сохранностью перестали, вот тоннель и осыпается.

Ниохта знала, что НКВД тут ни при чём. Тоннель существовал, но представлял собой нечто иное, что эти презренные людишки даже и вообразить себе не могли. Правда, нашёлся один въедливый старичок, Сергей Васильевич, который заподозрил о не совсем обычных свойствах подземного хода. Но с точки зрения здравого смысла – э, сколько раз он уже подводил людей! – его предположения выглядели бредом психически больного, и умники-разумники, облаченные властью, конечно же, всерьёз их не воспринимали. А что касается этой красотки Марго, о которой Ниохта не могла вспомнить без улыбки, то она и

сама не знала, что хотела найти в катакомбах – то ли застывшее время (ну и фантазёрка!), то ли следы каких-то мифических катаклизмов, то ли неведомых существ, покинувших поверхность земли тысячелетия назад. Поскольку дамочка отличалась экстравагантностью и без конца что-то такое чирикала об экстрасенсорике, то она тоже производила впечатление неадекватной личности и, следовательно, рассчитывать на серьёзное к себе отношение не могла.

Ниохта сразу же невзлюбила Марго. Ей не нравилось, как эта женщина смотрела на Андрея, постоянно заговаривала с ним, незаметно подкрашивала губы, чтобы выглядеть ещё лучше. Она явно рассчитывала понравиться ему, и даже о своём возрасте забыла, а может, и вовсе не помнила о нём. Ниохта знала: человеческие самки иногда страдают странными расстройствами памяти – им кажется, что они вечно молоды, свежи и привлекательны, и чего только, бедняжки, не делают, чтобы остановить старение брэнного тела! Однако Марго могла сколько угодно кокетничать с Андреем, он всё равно был слишком увлечён Настей, да и о Надежде не забывал.

Аоми пыталась сделать всё, чтобы выставить Настю в самом неприглядном виде. Для этого она даже выпестовала лярву. Можно сказать, почти из ничего слепила паразитку. Лярва обычно рождается из сладострастия, порочных мыслей и желаний; чем разнузданнее темные фантазии мужчины и чем хуже он думает о женщине, тем крепче становится этот энергетический паразит. Лярва заставляет его искать новые способы удовлетворения низменных желаний, насыляет неуёмное сладострастие, внушает порочные мысли, разжигает огонь в крови, отчего человек возбуждается и готов предаться блуду с кем угодно, лишь бы освободиться от томящего его желания. Ему и невдомёк, что семя, излитое в вожделении, питает чудовище. Но чудовищу этого мало – лярва начинает точить его душу, мало-помалу, крошечку за крошечкой слизывает саму суть человека, превращая его в выродка, извращенца, маньяка или гнилого ветреника – кому как повезёт.

Лярвы обрушивали целые царства, ввергали в войны народы, заставляли мужчин убивать друг друга, бросать к ногам красоток всё своё состояние, завоёвывать полмира и умирать в полном одиночестве, безнадёге и безысходности: любовь – это совсем не то, что они думали, любовь – это свет, зажигающийся в душе. А души-то уже и не было.

Ниохта специально улучила момент выбраться в город Ха, когда Андрея там не было. Она хотела одного – посеять сомнения в душе Насти. Пусть думает, что её любимый человек совсем не такой преданный, верный и честный, каким кажется. Почувствовав себя обманутой, она, скорее всего, бросит Андрея, что аоми только на руку: Ниохта хотела владеть человеком безраздельно. Она слишком долго была бесплотной, но, наконец-то заполучив вожделенное тело, не могла полностью ощутить всех радостей жизни: мужчина не желал принадлежать только ей, перечил, не открывал душу и, похоже, его мало радовало само присутствие аоми.

С Надеждой Ниохта решила не разбираться. Аоми слишком давно жила на этом свете и уяснила истину: по-настоящему любящая женщина способна отступить, лишь бы тот, кто ей нужен больше всех, был счастлив; она счастлива, когда он благополучен. Такой блажененькой достаточно знать: он где-то рядом, и ему хорошо, а если станет плохо и грустно, тона всегда откроет ему дверь. Если, конечно, он захочет. Раба любви, она бескорыстна и потому неопасна для аоми, не то, что Настя.

Так же, как и Андрей, Настя не держалась за свои привычки. Привычка – это то, что ограничивает человека и вгоняет его жизнь в рамки, за которые он даже не пытается выйти. Люди, в общем-то, не задумываются, что их обычаи определяют судьбу. Вот, кажется, пустяк: приезжает какая-нибудь фря в Китай, её ведут в ресторан, там – пятьдесят блюд, и все необычные, никогда не пробованные. А фря подбоченивается и недовольно отклячивает губы: «Борщу хочу! И жареной картошки! А почему хлеба нет?»

Нет ничего худого, что она любит какие-то определённые блюда. Пусть любит! Но она хорошо чувствует себя, если её привычки не ломаются. И дело не в том, что она брезгует нежнейшим филе лягушки или водкой, настоящей на змее, — дело в том, что она, по

большому счёту, не расширяет своих возможностей, и видит мир через замочную скважину ограничений и табу. В нарядах от Версаче, пахнущая дорогим парфюмом, выпрыгивающая из «Мерседеса», читающая модные книги, она, вся такая-претакая, внешне раскрепощённая и продвинутая, на самом деле мало чем отличается от дикаря, скачущего вокруг тотема. Её тотем – её привычки.

Настя же любила посмотреть в ресторане меню, чтобы отыскать в нём что-то новенькое, никогда не пробованное. И ей нравилось, когда Андрей устраивал для неё что-то вроде романтического ужина, но, так сказать, со спецификой: «А сегодня, — говорил он, к примеру, — у нас Марокко!» Это значило, что он приготовил нечто оригинальное – из знойной африканской кухни, и даже кофе с чёрным перцем, обжигающий и злой, казался Насте страстным поцелуем под бешеным самумом.

Когда у Насти не выходила какая-нибудь особенно сложная работа, она, долго не думая, выключала компьютер, протирала стол, тщательно проходила салфеткой по монитору, меняла местами все канцелярские прибабасы, а на мышку ради смеха могла наклеить какую-нибудь картинку. И снова включала компьютер, но не для того, чтобы мучительно корпеть над несделанным – нет, она тыкала в клавиши наугад, рисовала какие-то рожицы и совершенно не думала о том, что её измучило до невозможности. Самое интересное, вскоре откуда-то само собой приходило нужное решение – и вот тогда, вдохновенная, она принималась за дело, и всё получалось легко!

Андрей тоже любил что-то делать ради самого делания. Иногда на него находило странное желание – переставить, допустим, мебель в комнате. Просто так, без всякой причины. И он переставлял, даже не думая объяснять самому себе, зачем он это делает. Порой он мог проснуться среди ночи, включить везде, где только можно, свет, после чего пойти на кухню и заново, тщательно, с толком и расстановкой, перемыть всю посуду. Зачем? А захотелось! Не странно ли это? Да, наверное, бессмысленно, но разве вся наша жизнь состоит из объяснимых вещей?

Ниохта знала, что всё это – признаки людей, которые могут сместить чашу весов своей жизни в ту сторону, в какую захотят. Гири привычек и пристрастий их не отягощали. Если два таких человека объединятся, то с их силой не совладать.

Хорошо, что люди об этом не знают, подумала Ниохта. Они вообще о многом не догадываются, эти двуногие, переставшие слышать голос силы. Сила – это то, что внутри, а не накачанная гора мышц. Сила – это то, о чём поёт ветер, шумит крона дерева, журчит ручеёк, трубит марал, сверчит сверчок или шепчет самая обыкновенная трава под ногами. Но человек не слышит их подсказок.

Ниохта погладила ящерку, которая притаилась на её груди. Гладкая фигурка была холодной и скользкой, но в ней теплилась жизнь: ящерка чуть заметно дрожала, мягко карябала цепкими лапками.

— Помощница, — ласково протянула Ниохта. — Помогать мне будешь.

Она внимательно огляделась вокруг. Поблизости на бульваре никого не было, лишь в отдалении гулял пожилой мужчина с лохматой собакой.

Аоми легонько подпрыгнула на месте и повисла в воздухе. Полы её халата распахнулись, и стало ясно: тела под нарядом не было. Это напоминало компьютерные эффекты кинокартины о человеке-невидимке: одежда тоже висела в воздухе вполне натурально, но у Ниоха всё же отличалась – у неё были лицо и руки. На вид вполне настоящие, но при внимательном рассмотрении обнаружилось бы: лик – маска, руки – то ли особые перчатки, то ли искусная имитация.

Ниохта подлетела к середине куртины чубушника с шиповником и высмотрела в зарослях бетонную плиту: она прикрывала выемку в земле.

Мужчина, гулявший с собакой, в эту минуту как раз бросил взгляд в сторону Ниохты. Он увидел нечто странное: какая-то гигантская птица, а может, и не птица – воздушный змей, к примеру, рухнула в густые заросли. Над ними поднялось лёгкое сизое облачко, которое быстро развеял ветер.

Собачник немного подождал: не покажется ли птица вновь? Но всё было спокойно. Любопытство, однако, разбирало старика, и он решил поглядеть, что же за объект упал на бульваре?

В густых зарослях ничего нельзя было разобрать, а на кустах не виднелось ни одного сколько-нибудь заметного пёрышка или лоскутка ткани, если это всё-таки был воздушный змей.

Лохматая собака, однако, принялась, и что-то её напугало. Шерсть на загривке вздыбилась, она припала на передние лапы, ощерилась и громко залаяла.

15.

Ребёнок тронул серую тень Дюлина. Она походила на узкую дорожку, ведущую внутрь пещеры. К ладони малыша прилипли песчинки, и он пошевелил пальцами, стряхивая их: крупинки кварца, попав из тени на солнце, ослепительно вспыхнули и звездочками опустились в траву. В ту же секунду и в темном нутре пещеры мелькнуло что-то яркое – мгновенно, как лёгкая молния. Если бы Андрей не следил за движениями ребёнка, то и не заметил бы этой вспышки.

— Там что-то происходит, — шепнул он Чикую Золонговне, кивнув на пещеру. — Кажется, я видел...

— погоди, — старуха покачала головой. — Туда нельзя.

— Почему?

— Он сам туда пошёл, — старуха глазами показала на ребёнка. — Если разрешит, то и нам можно будет войти...

Крепыш, смешно переваливаясь, дошёл по дорожке-тени к темному провалу и, вытянув шею, с любопытством заглянул туда. Видимо, что-то его заинтересовало, потому что он радостно засмеялся и, опираясь пухлой рукой о валун у входа, попробовал ступить внутрь. На ногах у него ничего не было. Видимо, ребёнок, как большинство деревенских детей, привык ходить с весны до поздней осени босиком: на камушки он наступал легко и даже не смотрел вниз.

Марго, как увидела это, подбежала к Андрею и Чикую Золонговне:

— Надо его остановить! — воскликнула она. — Он несмышленный, ничего не понимает, и как таких маленьких детей родители оставляют одних? Лезут куда попало!

— Не говори ничего, — оборвала её Чикую Золонговна. — Он всё лучше всех нас знает.

— Да что же это за ребёнок такой? — Марго почти в отчаянии заломила руки. — Появляется неизвестно откуда, пропадает чёрте куда, ничего про него не скажи — не спроси...

— Меньше знаешь — крепче спишь, — заметила Чикую Золонговна. — Вон, смотри, твой спутник правильно себя ведёт. Смотрит и молчит. Ум затмевает взор.

— Причём тут ум? — не поняла Марго.

— Иногда лучше смотреть, чем думать, — ухмыльнулась старуха. — Больше поймёшь.

Ребёнок, между тем, уже почти скрылся в проёме, но, словно что-то вспомнив, повернул обратно, одной рукой опёрся о валун, а другой помахал людям. При этом он лучезарно улыбался и не отрывал глаз от Чикую Золонговны. В его взгляде было столько радости и нежности, будто малыш впервые увидел старуху после долгой отлучки.

Чикую Золонговна встала и, просияв лицом, двинулась к пещере. Она шла медленно, и напоминала сомнамбулу: прямая спина, мягкие движения, полузакрытые глаза — не идёт, а плывёт.

Малыш дадакнул, засмеялся и, поворотившись ко всем спиной, снова полез вглубь пещеры.

— Что, уже можно идти туда? — прошептала Марго, дёрнув Андрея за рукав. — Мне что-то не по себе. Чертовщина какая-то.

— Не знаю, — Андрей ошеломлённо смотрел на старуху, которая плавно передвигалась по земле. — Я сам ничего не понимаю.

— Бабушка будто под гипнозом, — заметила Марго. — И все птицы снова смолкли, вон туча к солнцу движется, да какая большая! Гроза, что ли, будет?

За их спинами хрустнула ветка. Они испуганно обернулись и чуть ли не разом облегчённо вздохнули: к ним подошёл Уфименко.

— Сергей Васильевич, ну хоть вы что-нибудь дельное скажите! — взмолилась Марго. — Что происходит?

Марго выглядела удручённой. Уфименко прищурился, задумчиво глянул на неё и хмыкнул:

— Неужели вы сами, сударыня, ничего не ощущаете? Кажется, у вас есть особый дар. Или уже нет?

Он намекал на то, что Марго гордилась способностью хорошо чувствовать людей, даже их тайные мысли порой открывались ей. Но в Сакачи-Аляне с ней явно что-то произошло: женщина перестала улавливать тонкие импульсы, исходящие от собеседников; то, что называют интуицией, словно отключилось. Она больше не испытывала странного волнующего трепета, который серебряным холодком прокатывался по всему телу, чтобы в конце концов сконцентрироваться пульсирующей точкой чуть выше переносицы, — и тогда с обжигающей ясностью она слышала то, что думал другой человек. Это были даже не слова, а, скорее, мысли, которые каким-то чудесным образом перетекали в её мозг, и она их понимала.

Марго показалось, что она лишилась этой способности, когда попыталась понять, почему Андрей и старая Чикуюэ оказались наособицу; ей почудилось: они ведут молчаливый диалог. Интуиция её не подвела, но, уловив первые обрывки каких-то фраз, Марго почувствовала неясный шорох: будто бы кто-то ворошил граблями сухое сено, и подвигался, валок за валком, всё ближе и ближе, пока её мозг не наполнился сплошным оглушительным шелестом. Голова, казалось, была готова лопнуть от раздражающей острой боли, в ушах стоял непрерывный звон, а в переносице будто сверло завертелось — Марго не смогла бы перенести эти мучения, если бы внезапно всё не прекратилось. Прекратилось в тот момент, когда старуха Чикуюэ со значением глянула в её сторону и положила свою сухонькую ладонь на край ковра — туда, где светились златотканые звёзды.

— Со мной что-то случилось, — призналась Марго. — Я не такая, какой была.

— Может, и к лучшему, — Сергей Васильевич ободряюще улыбнулся. — Старуха не зря намекнула: иногда лучше смотреть, чем думать. Наверное, она хотела сказать больше: не стоит выделяться, порой надо забыть о своей уникальности.

— Но это не мешало мне жить, скорее, наоборот, — вздохнула Марго. — Я чувствовала людей и понимала их мысли...

— А не считаете ли вы, что это может досаждать другим? — Сергей Васильевич вопросительно приподнял брови. — Нередко мы просто забываем об этом.

Андрей, прислушиваясь к их разговору, наблюдал, как Чикуюэ Золонговна приблизилась к темной дыре, потопталась возле неё, нерешительно заглянула внутрь, снова попереминалась с ноги на ногу, зачем-то потрогала валун, на который перешла тень Дюлина и, наконец, преодолев робость, шагнула внутрь.

Туча, на которую первой обратила внимание Марго, напозла чернильным пятном на солнце. Всё вокруг посерело, и даже сам воздух стал тусклым. Порыв ветра пригнул траву, подёргал длинные косы ив и растрепал аккуратную берёзку у пещеры. Он снёс бы с головы Марго и её очаровательную шляпку, если бы дама не вцепилась в неё обеими руками.

В сизом нутре тучи заурчало и послышалось долгое зловещее шипение, сменившееся оглушительным выхлопом грома. В ту же минуту небо осветила мертвенно зеленоватая вспышка, и в траву упали первые тяжелые капли дождя. Ветер приободрился, и очередным его порывом чуть не унесло ковёр старухи Чикуюэ: камешки скатились с его

краёв, и полотнище, напоминая ковёр-самолёт, приподнялось над землёй. Однако Сергей Васильевич успел подбежать и ухватить конец трепещущей ткани.

— Вымокнем! – крикнула Марго. – Сейчас хлынет ливень. Надо искать убежище!

В подтверждение её слов туча оскалилась рядом мелких быстрых молний и раскашлялась частыми ударами грома. Её покрасневшее от натуги нутро распахнулось — и хлынул поток серой воды.

Единственным местом, способным укрыть от непогоды, была пещера. Вся троица, не сговариваясь, и бросилась туда. Сергей Васильевич при этом тащил за собой, как матадор плащ, старухин ковёр. Марго, бежавшая за ним, не рассчитала движения и, когда уже оказалась в пещере, наступила на полотнище, поскользнулась и упала. Сергей Васильевич, однако, удержался на ногах, но ковёр выскользнул-таки из его рук. Ткань оказалась на удивление прочной и не разорвалась, как в подобных случаях нередко бывает со старыми вещами. Чикую Золонговна явно не так часто стирала его отбеливающими порошками.

Марго при падении сильно ударила колено, но вела себя стойко: на боль не жаловалась и делала вид, что всё в полном порядке, подумаешь, какая-то царапина. Но, тем не менее, она отыскала в сумочке носовой платок и перевязала ногу. Сергей Васильевич был озабочен изучением старухино ковора на предмет его полной сохранности и даже не пытался оглядеться вокруг. Получилось, что Андрей первым заметил: в пещере был рассеянный, как бы сумеречный свет; всё плавало как в разведённом молоке. Свет, казалось, заливался не столько из входа, сколько откуда-то изнутри подземелья, что, вообще-то, было удивительно: вся пещера являла собой довольно небольшой грот, без признаков каких-либо ответвлений и углублений на стенах.

Ни ребёнка, ни Чикую Золонговны в пещере не было. Сначала Андрей решил, что они, должно быть, испугались грозы и, может, сидят, прижавшись друг к другу, где-нибудь в темном углу. Но вспышки молний, смешиваясь с рассеянным светом, достаточно хорошо освещали пещеру и, если бы в ней кто-то был, это сразу бы обнаружилось.

— Куда они пропали? – недоумевала Марго. – На наших же глазах сюда зашли!

Сергей Васильевич молча озирался вокруг. В призрачном свете вспыхнувшей молнии он заметил на стене какой-то рисунок: то ли большой круг, то ли примитивное изображение лица: точка-точка, огуречик, вот и вышел человечек.

Андрей почувствовал неясное напряжение: воздух будто чуть всколыхнулся, что-то в нём пронеслось и замерло, не долетев до выхода. Темный свод пещеры, казалось, стал ниже, и Андрею пришлось наклонить голову, чтобы не задевать о него макушкой.

Очередная вспышка молнии на несколько мгновений осветила рисунок на стене. Это была довольно странная личина: маленькая сморщенная мордочка с большими глазами, уши – круглые, от них до клиновидного подбородка – курчавые волосы. Очень похоже на изображение обезьяны.

— Да это и есть обезьяна, — определил Сергей Васильевич. – Такие личины я видел в старинных книгах. Очень даже интересно!

— Да что в них интересного-то? – отмахнулась Марго. – Интереснее другое: куда Чикую Золонговна и тот мальчик девались, а?

Андрей непонятно откуда уже знал ответ на этот вопрос. Сначала он решил: его подсказала аоми, но та обычно как бы говорила с ним – пусть и внутренним, но голосом. А тут – вдруг чёткая, ясная мысль: вход открылся, и ребёнок вошёл туда вместе с бабкой Чикую. Личина обезьяны на стене – не что иное, как указатель. Тот, кто знает, как им воспользоваться, попадёт туда же.

— Да вы просто ничего не знаете, Маргарита! – взволнованно прошептал Сергей Васильевич. – Фигурки обезьян украшали погребальные изваяния чжурчженьской знати, считалось: они охраняют усопших. Более того, рисунки обезьян находят на древних китайских кладбищах. Я читал о том, что эти животные стерегут вход в нижний мир. Изображение обезьяны тут вовсе неслучайно!

— А что, разве обезьяны когда-то водились в этих местах? — наивно осведомилась Марго. — С чего вы взяли, что это личина примата? Может, древний художник так изобразил какого-нибудь старика или уж не знаю кого, но только не обезьяну, которую в жизни не видел!

— Мы не можем знать, что видели или не видели древние, — ответил Сергей Васильевич. — Видимо, существовали какие-то общие символы. Художники их повторяли, и повторяли вовсе не случайно. Трудно представить, чтобы древний человек от нечего делать стал бы высекать в камне никому не нужное изображение неизвестно кого.

— Да мало ли... Скучно было — вот и баловался, — не сдавалась Марго.

— Нет! — Сергей Васильевич даже рассердился. — Скорее всего, эта обезьяна указывает на вход в буни.

— Куда? — не поняла Марго.

— Буни — нижний мир, попросту — то место, где живут души умерших, — пояснил Сергей Васильевич. — Возможно, это и есть тот *вход*, который мы ищем.

Марго оцепенела. Меньше всего она считала, что в том таинственном тоннеле, о котором грезила, находится ни что иное, как царство мрачное Аида, пусть нанайцы и называют его буни, суть-то от этого не меняется. Марго виделись совсем другие картины, иногда чёткие, ясные, но чаще — сумбурные, смутные, словно подёрнутые дымкой: там сверкали три солнца, светили другие звёзды, росли невиданные деревья, достававшие кронами до неба, и в то же время — привычный небосвод, расплавленный диск единственного светила, вполне обычная трава и легкие перистые облака, ничем не напоминавшие гигантские тучи, низко бурлившие над пышущей жаром землёй. Свиные драконы летали рядом с самолётами, слоны ломались сквозь тайгу, распугивая обезьян и пингвинов, облюбовавших небольшие озёра, под пальмами бродили медведи, и в дымище костров плясал ярко разряженный шаман, вызывая аплодисменты вполне современно одетых людей, на которых спесиво взирали дамы в пышных турнюрах и под зонтиками — казалось, смешалось всё, что только можно было смешать: времена, звери, народы, нравы.

— У нанайцев совсем другое представление о нижнем мире, — сказал Сергей Васильевич, заметив недоумение Марго. — Там живут не мертвецы, а вполне обычные живые люди. Так же охотятся, рыбачат, любят друг друга. По легенде, могущественный дух создал буни, когда на Земле стало слишком много народа. Каждому человеку был определён свой срок, после которого — извольте, пожалуйста, переменить место жительства, — он рассмеялся. — Не знаю, как вам, а мне это нравится: живёшь тут, и там — тоже живёшь, — он кивнул себе под ноги. — Нижний мир, кстати, не так уж и плох: каждый получает в нём то, чего у него не было в нашем мире. Что, разве плохо?

— Всё бы вам шутить, Сергей Васильевич, — Марго поджала губки. — Ещё скажите: Чикуэ Золонговне пришло время в эту самую...буни... отправиться. Иначе мы бы её тут увидели.

— Насчёт Чикуэ Золонговны ничего сказать не могу, — серьёзно ответил Сергей Васильевич. — Видите ли, дражайшая Маргарита, некоторые люди обладают способностью перемещаться из одного мира в другой, и не обязательно при этом умирают. Шаманы, например, так путешествуют.

Андрею показалось: Сергей Васильевич ухмыльнулся и со значением глянул в его сторону.

— Она сама говорила, что не шаманка, — напомнила Марго. — Перестаньте чепуху молоть! Сами подумайте: какое такое может быть буни? Первобытные представления! А Чикуэ Золонговна, возможно, знает какой-то секрет пещеры. Наверное, тут есть потайной ход. Я просто уверена в этом!

Иногда Марго, вопреки своей вере во всякие чудеса, отважно покидала стан ясновидцев и экстрасенсов, чтобы найти вполне разумные объяснения необычным явлениям. Правда, довольно скоро ей наскучивала роль прагматичной реалистки — и беженка, виноватаясь, возвращалась к своим.

Такая непоследовательность Марго изумила Андрея, но он решил: для человека, озабоченного поиском истины, нет ничего хуже твердолобой упёртости – пусть ошибается, увлекается модными теориями, смотрит на мир с самых разных точек зрения, лишь бы не возводил вокруг себя неприступный бастион из тщательно отобранных фактов, авторитетных мнений и общепринятых концепций. Он сам ещё совсем недавно верил: мир полностью открыт, всё в нём ясно и понятно. Оказалось – совсем-совсем не так.

— Андрюша, а вы-то что думаете? – спросила Марго, с надеждой взирая на него. Ей хотелось, чтобы Андрей её поддержал.

— Пока ничего не думаю, — он уклончиво покачал головой. — Но, может, Сергей Васильевич в чём-то прав?

— И чего ж вы тогда оба ещё находитесь тут? – саркастически расхохоталась Марго. — Вот она, обезьянка! У неё есть золотой ключик от входа. Ну? Возьмите его – и идите! Слабо?

— Не знаю, — Андрей прикоснулся к изображению обезьяны. Его ладонь ощутила шероховатые глубокие линии рисунка. Он провёл пальцем по бороздкам, символизирующим, должно быть, морщины на лбу обезьяны, спустился ниже – и подушечка пальца коснулась широкого носа с круглыми отверстиями ноздрей. Ему показалось: они теплее, чем каменная стена, и чуть заметно подрагивают в такт осторожному вдоху-выдоху.

— Осторожно. Обезьяны довольно милостивые существа, но зубки у них остренькие, — услышал Андрей насмешливый голос аоми. Сам того не заметив, он всё-таки спросил, оказывается, её, не показалось ли ему, что личина подала признаки жизни.

— Давненько же ты во мне не нуждался, — сварливо буркнула аоми. — Самостоятельный, однако!

Он проигнорировал её замечание. Главное – не давать Ниохте воли, она должна перестать чувствовать себя хозяйкой положения. То, что аоми вначале верховодила им, — вполне объяснимо: случившееся слишком потрясло Андрея, и он не сразу понял, что Ниохта всё-таки зависит от него. Она, конечно, старалась это скрыть, не давая ему опомниться, — так обычно действуют цыганки, которые подходят к человеку на вокзале и сразу выводят его из равновесия какой-нибудь необычной репликой. Однажды и Андрей так же попался им. «Всё у тебя хорошо, красавчик, но жди беды от близкого человека», — остановила его высокая толстая старуха, увешанная монистами, серьгами и бусами – они сверкали не хуже новогодних украшений. «На нём порча, чавелла, — махнула рукой подошедшая к ним другая цыганка. — Долго сводить её придётся. А парень, видишь, не верит ни в сглаз, ни в порчу, думает: обманут его цыганки. Брось его! Мы опаздываем», — и потянула старуху прочь от Андрея. Но ведьма вперила острый темный глаз в Андрея: «Ой, пропадёт парень, ох, жалко его, чавелла!»

Как раз в этот день Андрей понял: Макс, которого он считал своим лучшим корешем, — человек с гнильцой, и доверять ему не стоит. Но как цыганка об этом узнала? И что за порча на нём? Заметив его смятение, гадалки взяли парня в оборот: не давая ему опомниться, что-то нашёптывали, кричали, ворковали, водили пальцами по его ладони, заставили отдать им кошелёк – вынули деньги и на его глазах положили обратно, лишь десятку взяли за услугу. Ничего толком не запомнив из их болтовни, Андрей отошёл от цыганок как в тумане: перед глазами — всё плывёт, голова – ватная, в ушах – звон.

Опомнившись, он заглянул в кошелёк. Пусто! Лишь в боковом карманчике осталось немного мелочи.

Потом знакомые рассказали ему: существует особый «цыганский гипноз»; не он первый и не он последний попал под его действие. Андрей выяснил и другое: так называемый эриксоновский гипноз, по сути, строится на тех же принципах, что и «цыганский».

Ниохта тоже долгое время не давала Андрею опомниться, и он даже согласился с её ролью учителя и проводника, пока не понял: ему навязывается чуждая воля; ему вовсе не нужно то, что щедро сулит аоми: он – человек, и хочет им остаться.

— Обезьяна видит незримое, — снова прошелестел в голове Андрея голос аоми. – Тебе она тоже откроет глаза.

— Но как?

— Ты не просишь меня помочь тебе, — уклончиво ответила Ниохта. – И уже убери руку с носа обезьяны! Ты мешаешь ей дышать.

— Она знает, где *вход*?

Ниохта засмеялась, будто колокольчик зазвенел.

— Знает?

— Она и есть *вход*. Только не каждый догадается, как открыть его. А рассердишь обезьяну, она искушает тебя...

— Ты это уже говорила.

— А ты так и продолжаешь держать её за нос...

Андрей сдвинул ладонь вверх, и его пальцы коснулись двух параллельных точек – это были глазные впадины личины. Осторожно притрагиваясь к ним, он нащупал продольные линии, напоминавшие сомкнутые веки, и даже что-то вроде ресниц было на них: мягкие гребенчатые полоски.

Андрей подумал, что аоми не случайно несколько раз упомянула о глазах обезьяны. А что, если они и есть тот тайный механизм, который открывает *вход*? Он прикоснулся к ресницам личины, погладил её закрытые веки – вначале робко, потом, осмелев, настойчиво надавил на глазные впадины.

Аоми затрепетала у него в груди. Её явно взволновали его действия, но, против своего обыкновения, она никак не прокомментировала их.

То, что Андрей считал ресницами обезьяны, задрожали, а веки медленно растворились – из-под них выплыли два красноватых огонька, обрамленных желтыми ободками.

— Ну, теперь держись! – вдруг хихикнула Ниохта. – Ты разбудил зверя!

Зверь, однако, добродушно мигнул и уставился на Андрея, внимательно его изучая. Красноватые огоньки оказались зрачками, которые, подобно уголькам в костре, быстро затухали; вскоре они стали чёрными, зато желтые радужные оболочки засверкали всеми цветами радуги.

Обезьяна, видимо, была косая: обе маленькие радуги с черными зрачками сместились к переносице. От них расходились концентрические круги, которые слабо мерцали, напоминая гало после проливного летнего дождя. Бабка Андрея называла гало «ушками солнца» и радовалась ему: по её мнению, их появление предвещало долгую теплую погоду. Андрею же они казались ушами Чебурашки. А может, солнце и было на самом деле Чебурашкой, только об этом никто-никто не знал, кроме маленького мальчика? Может, он играл в прятки с крокодилом Геной и вспомнил самое лучшее правило: таиться надо на самом видном месте – тогда точно никто не найдёт. Андрей фантазировал, представляя, как крокодил Гена и эта хитрюга старуха Шапокляк ищут Чебурашку, а он глядит на них сверху и вот-вот лопнет от долго сдерживаемого смеха. Ха! Многие люди почему-то предпочитают глядеть себе под ноги, в лучшем случае – по сторонам, но мало кто смотрит вверх.

Андрей хотел отвести взгляд от неправдоподобно ярких глаз обезьяны, но не смог этого сделать: они притягивали будто магнит. Тёмные, как уголь зрачки расширились, в них будто бы что-то менялось: откуда-то из глубины всплывал чёрный пласт, абсолютно беспроглядный, — вокруг него бурлила неясная хмарь, тоже черная, но как будто чуть выцветшая, какой бывает вода в лесном омуте.

Чернота, казалось, выползала тягучими длинными полосами из зрачков обезьяны и цепко повисала на каменных стенах, липла к плечам, лицу, волосам Андрея, застилала ему глаза. Он сначала пытался смахнуть холодные тёмные паутинки, но чем чаще размахивал

руками, тем их больше налипало на него — и вскоре глаза прикрыла непроницаемая повязка. Андрей поневоле смежил веки. Голова кружилась, он растопырил руки, пытаясь хоть что-нибудь нащупать вокруг себя: ему хотелось прислониться к стене, чтобы унять противную дрожь в ногах. Лучше бы, конечно, сесть, но, странное дело, он не чувствовал земли: будто бы парил, вокруг ничего нет — от этого голова кружилась ещё больше и к горлу подступала тошнота.

Андрей почему-то вспомнил картины Марка Шагала, на которых люди летали. Парить в ослепительных высях им, кажется, было легче и привычнее, чем ходить по земле. И никого, вроде, не мучило: счастливые лица, покой и умиротворение, нега и блаженство, — особенно у тех из них, кто держался за руку другого. Интересно, а если бы эти же самые люди оказались в самолёте, то как бы себя чувствовали, а? Не пришлось бы стюардессам бегать к ним с пакетиками для рвоты? Отчего некоторые готовы взлететь от счастья под небосвод, но в то же самое время не переносят воздушные ухабы?

Дурацкие вопросы, подумал Андрей. Это всё от того, что болтало во все стороны, переворачивало как сухой лист и несло неизвестно куда — ощущения не из самых приятных. Но, пожалуй, если бы кто-то взял за руку, то...

— То что? — спросила аоми.

Она всё это время молча таилась в его теле.

— Тебя-то я меньше всего имел в виду, — огрызнулся Андрей.

— У меня есть рука, даже — две, — сказала аоми.

В подтверждение своих слов она крепко обхватила оба его запястья.

— Оставь, — попросил он.

— Футы-нуты! — аоми, казалось, даже ножкой притопнула. — О, какой недотрога! Ну-с, поглядим, что будет, когда пелена с глаз спадёт. Сам помощи попросишь!

Нюхта явно знала, что происходит и где вскоре окажется Андрей. Судя по её злорадному смешку, ничто хорошее его не ждало. Андрей же почему-то решил: он снова попал куда-то наподобие того тоннеля, в котором уже бывал, и если у него самого уже есть об этом представление, то Марго и Сергей Васильевич могут испытать сильнейшее потрясение. Если они, конечно, тоже последовали за ним...

— Смотри-ка, какой заботливый, — удивилась Нюхта. — О других беспокоится!

— Но они-то ничего не знают...

— И не узнают, — простодушно сообщила аоми. — Они сейчас гадают, куда ты у них из-под носа исчез.

— Но обезьяна же открыла вход...

— Ты сам его открыл, — Нюхта вздохнула и сокрушённо поцокала языком. — Удивляешь ты меня, Андрюша. Кажется, уже хоть что-то должен кумекать, а ты самых простых вещей не понимаешь.

Его покорило не столько её тон, а то, что аоми назвала его Андрюшей, словно подчёркивала их близкие отношения. Ей казалось: если проникла в нутро человека, то стала его частью. Но может ли, допустим, вирус или какой-нибудь микроб претендовать на то же самое? Они способны навредить, сделать жизнь невыносимой, обезобразить тело, изъязвить кости и даже подточить саму душу, но никогда не сольются с ней в одно целое.

Говорят, есть такие особые жучки, которые проникают в муравейник. Они лакомятся трудолюбивыми и рачительными хозяевами, а те вместо того, чтобы их изгнать, как захватчиков, наоборот рады-радешеньки супостатам. Потому что у жучков на задних лапках растут волоски, содержащие лакомую для муравьёв жидкость: она действует на них как наркотик. Вкусив её, муравьи уже даже не обращают внимания на то, что жучки откладывают свои яйца в их куколки, откуда вскоре появляются прожорливые личинки и, не отставая от родителей, поедают муравьиные яйца. Но блаженство, испытываемое хозяевами, столь велико, что они забывают обо всём на свете, и даже забрасывают тех немногих своих личинок, которые ещё не тронуты жуками, — из этих дистрофиков

выходят уроды. Больные и дебилы, они плодят себе подобных, и вскоре муравейник вымирает, а жучки отправляются пленять следующий.

Жучков по-научному зовут ломехуза. Муравьям они кажутся, наверное, посланцами небес, дарующими напиток богов. Прельстившись им, мимрики перестают владеть собой: чужой организм творит, что хочет, и зло принимается за благо. Но разве не то же самое происходит с человеком, когда в него вселяется дух? Пусть при этом он становится шаманом, и сородичи уважают и превозносят его, но обретенный дар – не плата ли за то, что перестал быть самим собой?

— Нашёл с кем меня сравнить – с жучком! — оскорбилась аоми, прочитав мысли Андрея. Он, кстати, и не пытался их скрыть. Наоборот, хотел услышать, что Ниохта скажет в ответ.

— Дух – не презренная ломехуза, — продолжала аоми. – Ты даже не представляешь, как тебе повезло, что у тебя есть я. Был бы ты обычным поваришкой, дальше собственного носа не видел, вращался бы по привычной орбите дом-работа-дом, иногда по пятницам напивался бы в компании себе подобных, скандалил бы с женой, тянулся из последних сил, чтоб жить не хуже других... А я открыла тебе другую сторону мира, ты можешь стать выше и сильнее всех, понять тайный смысл всего, что есть вокруг.

— Но пока я не понимаю, куда меня несёт, — усмехнулся Андрей. – Сплошная тьма. И тишина. Мухе в чернильнице и то лучше: она хотя бы знает, куда попала и что происходит...

— Вечер занимательной зоологии! – аоми повеселела. – Тема: тайная жизнь муравьёв, ломехуз, а также мух. Причём, не каких-нибудь там навозных, а исключительно эстеток, предпочитающих экзотические нынче чернила. Не очинить ли тебе, милый, гусиное перышко, не обмакнуть ли его в чернила и вывести первое слово какой-нибудь дивной истории? Кстати, совершенно замечательный метод: пока отрываешь стило от бумаги, подносишь его к чернильнице, опускаешь в неё кончик пера и, вытаскивая, непременно постукиваешь им о край чернильницы, чтобы стряхнуть лишнюю капельку, а то клякса получится, — пока всё это проделываешь, на ум приходит следующее слово. Так и выстраиваешь их в порядок: слово за словом, запятая, тире, двоеточие, и тщательно выписанные буквы «ё», мягкий и твёрдый знаки, с нажимом и тонкой линией, где положено, — и выходит строка, за ней – другая. Буква к букве, слово к слову, строка за строкой – глядишь, и роман сочинился: написано о мухах, но читатель непременно отыщет в этом аллегории. Однако жук в муравейнике – лучше: надо же, какая метафора!

— Ага, братья Стругацкие целый роман об этом написали, — весело, в тон аоми, съёрничал Андрей. – Мне оставили муху. Но, боже, прилипнет она к перу – и что выйдет? Клякса!

— Пожалуй, я бы прочитала роман под названием «Клякса», — мечтательно вздохнула аоми. – Сразу столько ассоциаций возникает – от банальной кляксы, испортившей, допустим, какой-то важный документ, — отсюда интрига детективного сюжета, до помарок, которые человек сам делает на своей судьбе. А может, это будет история о том, как художник нечаянно капнул краской на готовое полотно – и эта клякса вдруг сделала картину гениальной. Или ещё лучше: тебе попадают записи какого-нибудь знаменитого кулинара, ты их листаешь, вдруг находишь изумительный рецепт редкого блюда, читаешь, переворачиваешь страницу – на ней должны растолковываться особенности приготовления, соотношения ингредиентов, но там – жирная клякса, будто бы нарочно кем-то поставленная...

Аоми продолжала выдумывать новые истории с кляксами. Она была словоохотливой и веселой. Андрей давно подметил: настроение Ниохты никогда не менялось случайно. Если она только что сердилась и вдруг стала добродушной – выходит, есть тому причина: например, ей пришла удачная мысль, как Андрея урезонить, а то и откровенно подкузьмить, чтоб знал, негодник, своё место. Он ждал, что аоми обсмеёт его, станет подначивать, играть на его самолюбии – всё, что угодно, лишь бы рассердить.

Когда он серчал, Ниохта обычно игриво шептала: «Юпитер, ты сердишься – значит, ты не прав». И это ещё больше выводило его из себя. Аоми же была довольна: гнев выплескивает из человека энергию, которая слаще сахара – горячая, живая, искренняя, эдакий сгусток настоящей человечинки! Всё-таки Ниохта была вампиром, но не тем, который вульгарно лакомится кровью, а тем, которому нужна живительная сила людских эмоций.

Но, однажды поняв это, Андрей старался не доставлять аоми такого удовольствия. Он даже купил какую-то сумасбродную книгу с сумасшедшими советами: почувствовав энергетического вампира, мысленно соорудите вокруг себя непроницаемый стеклянный купол, или суньте руку в карман и сложите кукиш, или повесьте на шею пучок трын-травы, или закройте глаза, сосредоточьтесь на каком-нибудь прекрасном образе и не обращайтесь внимания на того, кто вас выводит из себя, — в общем, сохраняйте, граждане, спокойствие! Вот эта рекомендация и пришлась Андрею по душе.

— Спокойствие, только спокойствие! – велел он самому себе и перестал слушать аоми. Благо, это умение выработалось ещё в школе: когда надоедает внимать занудным разжевываниям темы урока или учительским нравоучениям – самый лучший способ преданно уставиться на педагога и... отключиться.

Ниохта что-то говорила, хихикала, спрашивала — Андрей не отвечал. Он вспоминал картины Шагала, а также праздничные воздушные шары, бумажных змеев, дельтапланы и модели самолётов, которые когда-то сам клеил из картона и фольги. Ему всегда хотелось взлететь в небо – неважно, на шаре или самолётике, но взлететь и парить как птица, и кувыркаться в золотой лазури, и оседлать самое пушистое облако...

Вот, он летит. Но это совсем не похоже на ту детскую мечту. Он, скорее, не летит, а движется, и ничего вокруг не видит. Ни особого восторга, ни ощущения счастья. Да ещё эта липучка Ниохта лепечет всякую чушь ему в ухо!

Андрей не мог понять, сколько продолжалось его летание – может, несколько минут, а может, и часов. Он не чувствовал времени, как, впрочем, и само движение тоже не ощущал: его тело, казалось, просто висит в пространстве, и не испытывает ничего особенного, даже на стены тоннеля он ни разу не наткнулся.

Тело, возможно, и парило, но пространство по отношению к нему всё-таки двигалось. Андрей не видел, как мимо него стремительно проносились какие-то светящиеся точки, клубился синий дымок, возникали и бесследно пропадали страшноватые химеры, прорисовывались в зыбком тумане очертания темных замков, которые сменялись высокими пирамидами, мчались серые камни, похожие на астероиды, и диковинные звери с ласковыми глазами тянули к нему мощные когтистые лапы. Всё это походило на смутное отражение в старом потёртом зеркале — неясно, зыбко, как будто дымкой подёрнуто.

В жидком сером тумане извивалась длинная черная лента. Сначала неясная, она постепенно вырисовывалась: её очертания становились резче, рельефнее – змееподобное туловище, короткие лапы, крылья летучей мыши, крокодилья голова. Лярва!

Она летела медленно, неторопливо и осторожно взмахивая перепончатыми крыльями. Лярва не сводила сияющих глаз с Андрея, и в них было столько обожания и страсти, что такого их количества вполне хватило бы на дюжину мужчин. По углам клыкастой пасти пузырилась серая слюна, ноздри хищно раздувались, длинный хвост выделял немислимые пируэты.

Андрей ощутил присутствие лярвы по смрадному духу, похожему на запах гниющей селёдки. Он по-прежнему ничего не видел, но обоняние обострилось, и потому, пригнувшись к воздуху, парень попытался увернуться от надвигающегося на него монстра. Растопырив руки, он метался из стороны в сторону, падал и взмывал в равнодушно беззвучном пространстве, которое, казалось, было бескрайним. Но очередной взлет закончился плачевно: Андрей обо что-то ударился головой, да так крепко, что в ушах зазвенело, — и от неожиданности он, сделав сальто-мортале, шмякнулся на землю.

Это была именно земля – тёплая, покрытая короткой густой травой. Темная пелена спала с глаз, и Андрей обнаружил: он снова оказался перед пещерой. Всё тут было по-прежнему: Чикую Золонговна сидела на краю своего ковра, рядом – Марго, чуть поодаль, на плоском валуне, примостился Сергей Васильевич. Вот только дебиловатого ребёнка нигде не наблюдалось.

Потирая ушибленную макушку, Андрей ждал, что вся троица хоть как-то обратит на него внимание – вскрикнет от удивления, обрадуется, кинется расспрашивать, что да как с ним было, но, удивительно, они вели себя как обычно. Марго тихо улыбнулась, чуть приподняв указательный палец: тихо, мол, Чикую рассказывает нечто интересное.

Старуха и в самом деле, полузакрыв глаза, чуть раскачивалась и бубнила:

— Давным-давно люди в землянках жили. У одного старика со старухой родился ребенок, мальчик. Этот мальчик рос не по дням, а по часам. Вот ему уже восемнадцать лет стало. В те времена было три солнца, люди от жары умирали, не могли жить. Этот мальчик, его Самнюном звали, говорит: «Отец, мать, как мы дальше жить станем? Жарко, когда три солнца. Как люди жить будут? Отец, мать, я с солнцами воевать пойду. Отец, сделай мне стрелы и лук».

— Ой, Чикую Золонговна, а я уже подобную сказку слышала, — шепнула Марго. — Только в ней о Хадо говорилось и о какой-то женщине, которая пальцем рисовала на мягких камнях...

— Так что с того, что слышала? — отозвалась старуха. — Людей тогда много жило, и предания каждый по-своему хранил. Это, знаешь, как свидетели какого-нибудь происшествия: начинает их следователь расспрашивать — и выясняется: одно и то же все по-разному видели. Так и тут. Слушай, не перебивай.

— Больше не буду, — Марго зажала рукой рот и преданными глазами уставилась на Чикую Золонговну.

Андрея поразило: Чикую Золонговна, как ни в чём ни бывало, рассказывала любопытной Марго очередную сказочку о трёх солнцах, которыми она буквально бредила. Халат на старушке — чистенький, ни единой пылинки, хотя в узкой и тёмной пещере на него непременно налипла бы пыль и грязь. Такое впечатление, будто она и не спускалась в неё — сидела вот тут, на травке, и бубнила свои бесконечные истории.

Марго тоже ничем не напоминала человека, совсем недавно ходившего в подземелье. Будто бы это вовсе и не она стояла перед изображением обезьяны и язвительно советовала найти золотой ключик от *входа*.

Обе женщины, к тому же, безмятежно прихлёбывали чай, налитый из термоса в пластмассовые стаканчики (молодец Сергей Васильевич, позаботился!). Ярко-красные полоски юколы с выступившими янтарными капельками жира лежали кучкой на салфетке.

Чикую Золонговна хлебнула чая и продолжила свой рассказ:

— Значит, отец сделал Самнюну лук и стрелы из лиственницы, сказал: «Сынок, как ты пойдешь? Солнечный жар не вынесешь, умрешь». А Самнюн отвечает: «Ничего, отец. Все равно пойду, пусть умру». Отец всё беспокоится: «Сынок, еду возьмешь?» А он говорит: «Еды не возьму». Отец, конечно, удивляется: «Как без еды пойдешь?» «— Ничего, — сын отвечает. — Как еду понесу? В котомке только одну юколину унести смогу. Хватит мне сухой юколины. Отец, мать! Будьте здоровы! Обратно через три года приду. Если через три года не приду, считайте, что умер». Утром встал, лук-стрелы взял и отправился. Пешком пошел. Долго шел. Когда полдень настал, юколы поел, дальше пошел. Долго шел, стемнело. Когда все солнца почти уже сели, к одному маленькому дому пришел. Из трубы дым вьется. В том доме люди живут. Подошел к этому дому, дверь открыл. Когда дверь открыл, внутрь посмотрел: там одна старуха только. В дом вошел: «Бабушка! Пусти меня переночевать». Старуха ему говорит: «Сынок, ты Самнюн?» «— Да, я», — отвечает. «Сынок, оставайся у меня». Самнюн сел, а старуха спрашивает: «Сынок Самнюн, ты куда идешь?» «— Бабушка! С солнцами

воевать иду. Когда три солнца есть, как люди будут жить? Если люди и рождаются, то от жары умирают. Поэтому с солнцами воевать иду. Бабушка, помоги мне чем-нибудь».

— Наверное, непростая это старуха была? – не удержалась Марго от вопроса. – В нанайских сказках волшебницы — всегда пожилые женщины.

— Не всегда, — усмехнулась Чикуюэ Золонговна. – Ты не перебивай меня, слушай. Эта старуха, в общем, сказала Самнью: «Помогу тебе. В дороге помогу. А пока поешь немного». Утром она его разбудила и говорит: «Возьми вот это». Самнью взял, посмотрел: что-то круглое и блестящее, как мячик. За пазуху спрятал. «Ну, сынок, иди. Когда на улицу выйдешь, положи на землю то, что я тебе дала, ногой толкни, оно впереди тебя пойдет...» Самнью вышел на улицу. То, что ему старуха дала, из-за пазухи вынул, на землю опустил, оставил. Оглянулся, на дом посмотрел, а дома нет, только деревья кругом стоят. Самнью толкнул то, что ему бабушка дала, и вдруг память потерял: или умер, или еще что с ним случилось, не поймёт. Когда очнулся, в ушах стоял сильный шум. Посмотрел кругом — очень высоко он летит. В ушах сильно гудит. Оказывается, выше деревьев Самнью летит.

— Говорят, из этой пещеры попадаешь в какой-то тоннель, и точно так же память теряешь, летишь куда-то, — сказала Марго, забыв о своём обещании молчать. – Интересно-то как!

— Не буду дальше говорить, — рассердилась старуха. – Когда слушаешь сказку, молчать надо. Это каждый ребёнок знает.

Марго опять наложила ладонь на плотно сжатые губы и сделала жалостливые глазки домиком. Бабка поглядела на неё, махнула рукой и рассмеялась:

— Ох, какая ж ты болтушка! Ну да ладно. Слушай дальше. Самнью летел долго. Солнце уже низко, вперед посмотрел: что-то блестит, на золото похожее. К тому месту подлетел и увидел золотой дом. К этому дому Самнью спустился. На землю когда встал, что-то похожее на его мячик, около ног лежит. Взял мячик, за пазуху спрятал. К этому дому подошел, дверь открыл. Там находилась только одна молодая женщина. Женщина говорит ему: «Войди!» Самнью вошел. «— Самнью, ты зачем пришел? Сюда до сих пор никто не мог прийти». Самнью говорит: «С солнцами воевать иду. Когда три солнца есть, как люди будут жить? Люди рождаются и от жары умирают». Эта женщина говорит: «Ой-ой, Самнью! Как ты солнца убьешь?» А он – ей: «Если ты мне будешь помогать, солнца убью. Солнца — это люди, три брата. Люди-солнца на самой середине земли живут...» Женщина послушала его и отвечает: «Завтра рано утром тебя разбужу, и ты пойдешь солнца караулить. Сам подумай, как будешь воевать. Ешь теперь, сил набирайся!» Досыта поел, спать лег. Долго спал. Эта женщина, наконец, говорит: «Самнью, вставай, вставай!» Он встал, поел, потом лук и стрелы взял, пошел. Долго шел, к концу земли пришел, сел. Лук взял и стал караулить. Долго караулил. С моря, из воды солнце поднимается. Самнью смотрит: солнце вышло из воды очень быстро. Выстрелил Самнью — солнце умерло. Еще одно солнце поднимается. Самнью хотел выстрелить, но не успел. В самое последнее, в третье солнце выстрелил, среднее же солнце ушло. Два светила только он убил.

— Ой-ой-ой, миленькая Чикуюэ Золонговна, не могу молчать, — вскочила Марго. – Вы даже не представляете, какие изумительные метафоры украшают эту историю! Лук Самнюна сделан из дерева, зрелого и закаленного временем, как разум мудрого человека. Поэтому лук символизирует человеческий рассудок. Тетива, сплетенная из сухожилий, была натянута туго, как воля. Рука Самнюна олицетворяла его дух, направляющий стрелу точно в цель. Колчан — это вместилище для стрел, и он олицетворял тело героя. Стрела же символизирует жизненный путь, как результат свободного выбора воли и разума.

— Ну, хорошо, — усмехнулась Чикуюэ Золонговна, — а как же быть с тем шариком, который Самнью дала женщина?

— Я где-то читала, что у древних были свои представления о личной силе, — Марго напряглась, пытаясь припомнить книгу, но это ей не удалось, и она, вздохнув, махнула рукой. – А! В общем-то, и нанайские шаманы, говорят, тоже искали места, где скрывалась

их личная сила. Они получали её от деревьев, камней, животных. Но, возможно, та женщина из сказки была волшебницей, а шарик, подаренный ею парню, — его личной силой...

— Много ты знаешь! — Чикуэ Золонговна иронично покачала головой. — Лучше слушай, что было дальше. Значит, пошёл Самнюн обратно. К этому золотому дому пришел, вошел. Та женщина говорит: «Ой-ой, Самнюн, ты могучий человек. Поешь и домой иди». Самнюн поел. Когда есть кончил, на улицу вышел. Мячик на землю спустил. Ногой его толкнул. После этого он снова уснул или умер — неизвестно, что с ним такое приключилось, но когда очнулся, в ушах гудело. Долго шел, к маленькому дому приблизился. Когда приблизился, солнце почти село. Над этим домом дым вьется. Мячик на землю спустился. Самнюн его взял, за пазуху спрятал. Дверь открыл, там — старуха. Самнюн сказал: «Бабушка, бабушка, я все-таки два солнца убил!» — «Сынок Самнюн, хорошо. Теперь-то ваши люди будут расти. Сынок, досыта поешь и спи». Самнюн уснул. Проспав, встал. Когда посмотрел на небо, там было только одно солнце. Однако по обеим сторонам два умерших солнца находились.

— Какая интересная трактовка гало! — воскликнула Марго. — Никогда не слышала такой!

Чикуэ Золонговна выразительно глянула на неё, и Марго опять прикусила язычок.

— Та старушка и говорит Самнюну: «Домой иди. Мячик мне обратно отдай», — продолжила Чикуэ Золонговна. — Самнюн мячик вынул, отдал, а старуха и говорит: «Сынок Самнюн, я дочь человека-волшебника. Теперь-то ваши люди, когда одно солнце только осталось, все будут хорошо жить. Ну, сынок Самнюн, довольно, обратно иди». Он пошел обратно. Когда домой пришел, говорит: «Отец, мать, я все-таки два солнца убил. Теперь-то наши люди все будут жить. Отец, мать, когда я к солнцу пошел, только три дня шел и вот вернулся. Смотрите: по обеим сторонам солнца два умерших солнца находятся». Все люди обрадовались. А с тех пор, если хорошая погода стоит, вокруг солнца можно увидеть два других — убитых Самнюном...

Чикуэ Золонговна замолчала, отхлебнула из стаканчика чая, бросила в рот тоненькую полоску юколы и милостиво кивнула Марго:

— Теперь можешь говорить.

— Как красиво! — восхитилась та. — Человек, самый обычный, меняет картину мироздания! Космос для него не нечто запредельное, а самая обычная реальность: он даже звёзды может убрать с неба — и всё обыденно: лук-стрелы взял и отправился охотиться, встретил волшебницу — та ему помогла, и ничего удивительного в этом тоже нет: всё само собой разумеющееся — и шарик, который катится, указывая путь, и транс, охватывающий героя: то ли он живой, то ли мёртвый, и даже аппетит у него не пропадает! Реальность и другая, невидимая глазу жизнь переплетаются, дополняют друг друга — это совершенное мировоззрение, увы, утраченное нами.

Марго говорила выпренне, подкрепляя сказанное вдохновенными жестами; её глаза блестели, уголки губ увлажнились. Сергей Васильевич, прислушиваясь к её словам, время от времени морщил лоб и насмешливо покачивал головой. Кажется, Уфименко больше занимала небольшая ящерка, внезапно вышмыгнувшая из-под камней у его ног.

— А как необычна эта метафора с двумя умершими солнцами! — продолжала вещать Марго. — Они никуда не девались — остались на небе, и время от времени являются людям в виде гало. Всё остальное время их вроде как нет, но на самом деле они существуют. Человеку даётся подсказка: есть мир, который является взору при определённых условиях. Только нужно знать эти условия...

Ящерка показалась Сергею Васильевичу довольно необычной: тёмная, как мореная древесина, она волочила за собой длинный шероховатый хвост. С туловищем его связывало одно-единственное сухожилие: казалось, хвост вот-вот отпадёт — наверное, какой-то хищник пытался ухватить ящерку, но та сумела увернуться. Плоская голова ящерицы напоминала крокодилью, и когда животное глянуло на Уфименко жёлтыми

глазами да ещё и оскалило зубатую пасть, тот от неожиданности даже вздрогнул. Ну, совсем она не походила на милое добродушное существо!

Ящерица, между тем, проскользнула меж двух больших камней и скрылась с глаз Сергея Васильевича.

Андрей видел, что Уфименко сосредоточенно рассматривает что-то в камнях, но его не интересовало, что привлекло внимание Сергея Васильевича. Больше всего Андрея занимал вопрос, почему и этот господин тоже не обращает на него внимания и даже не пытается выяснить, куда он пропал, коснувшись этого растреклятого изображения обезьяны на стене пещеры.

Андрей подошёл к Сергею Васильевичу и присел на камень рядом с ним. Уфименко скользнул по нему рассеянным взглядом и снова уставился на те два булыжника, под которыми, должно быть, притаилась ящерица.

— Странно, — пробормотал он.

Андрей принял это на свой счёт, решив, что Уфименко озадачен происшествием в пещере и его неожиданным явлением.

— Сам не пойму, что это было, — пожал плечами Андрей.

— Вы тоже её видели? — осведомился Сергей Васильевич.

— А я считал, что её вижу только я, — заметил Андрей, имея в виду ни что иное, как лярву.

— У вас хорошее зрение, — похвалил его Сергей Васильевич. — Увидеть неприметное существо оттуда, где вы были, смог бы далеко не каждый. Вы не находите, что она какая-то странная?

Продолжая считать, что речь идёт о тоннеле и лярве, Андрей решил уточнить:

— Сначала я вообще ничего не видел – сплошная темнота, а потом будто пелена с глаз спала. У вас тоже так было?

— Да нет, — Сергей Васильевич бросил недоумённый взгляд на Андрея. — Вы, наверное, на солнце глядели? Вот и потемнело в глазах.

— Никакого солнца там не было, — настаивал Андрей. — Я это чудовище сначала даже и не заметил, если бы не тошнотворный запах...

Сергей Васильевич вынул из нагрудного кармана очки, водрузил их на переносицу и бесцеремонно принялся разглядывать Андрея. Его глаза, увеличенные линзами, внимательно скользнули по лицу парня, пробежали по его одежде, задерживаясь на частичках грязи и пыли, прилипших к ткани, — выпуклые зрачки Уфименко заметно округлились, а радужные оболочки посветлели, будто за ними зажглись лампочки. Сергея Васильевича, наконец-то, озарило: они говорили о разных вещах. И если он сам наблюдал за какой-то весьма странной ящеркой, то молодой человек лицезрел отнюдь не её, причём, даже и не здесь, а...

— А где ж вы, Андрей, были-то? — осторожно спросил Сергей Васильевич.

Он хотел задать вопрос не так прямо, боясь, что собеседник может не пойти на откровенность, но слова вылетели как-то сами собой, помимо его воли. Поторопился он напрасно. Андрей догадался: Уфименко понятия не имеет ни о том, где он был, ни о том, что собой представляет лярва. На ящерицу, конечно, похожа, но только размером в сто раз больше, и не такая симпатичная.

Пока он раздумывал, как ответить на вопрос Сергея Васильевича, ибо говорить правду не хотелось: мало ли, ещё подумает, что умом тронулся, — возле его ног шевельнулась галька, из-под неё высунулась плоская серая головка с янтарными глазками и уставилась на Андрея. Он догадался: видимо, Уфименко и вёл речь о ней.

— А! — воскликнул Андрей. — Вот её-то я и имел в виду, — он показал на животное, которое, совершенно не пугаясь людей, выбиралось из гальки. — Эта ящерица чем-то напоминает тех драконов, которые бабушка Чикунэ вышила внизу на своём ковре. Не правда ли?

Сергей Васильевич оценил замечание Андрея. Ящерица в самом деле смахивала на чёрных драконов, по поверьям нанайцев, приносивших беду. Правда, на этот раз её мордочка выглядела умильной, но, пожалуй, лишь только потому, что животное не показывало зубы.

Ящерица проворно скользнула к ногам Андрея и безбоязненно забралась на его ботинок. Её повреждённый хвост свесился до земли и напоминал высохшую ветку бересклета.

Чикиуэ Золонговна оглянулась на сидящих позади неё мужчин и, заметив ящерицу, насторожилась. Добродушное выражение её лица мгновенно сменилось испугом.

— Андрей, осторожно! – предупредила она. – Скорее сбросьте её с себя!

Ящерица, напуганная криком старушки, вместо того, чтобы кинуться наутёк, проворно ринулась вверх, цепляясь когтистыми лапками за брюки Андрея. При этом она широко раскрыла пасть, и стали видны её острые частые зубы; раздвоенный, как у змеи, язык высовывался далеко вперёд и напоминал ужасное жало; животное зловеще шипело и пыталось хлопнуть по ноге Андрея тяжелым хвостом.

Парень протянул к ящерице руку, намереваясь схватить её, но животное выбросило свой язык как дротик и ожгло пальцы Андрея. Он никогда не слышал, чтобы ящерицы обладали подобным свойством, и, поморщившись от боли, нагнулся, чтобы поднять палку, валявшуюся у камня. С её помощью можно было бы скинуть это отродье с одежды. Однако ящерица, будто уразумев, какая опасность ей грозит, изо всех сил ударила хвостом по колену парня и вцепилась зубами в брюки: ткань затрещала и разорвалась.

— Не дай ей коснуться тела! – кричала Чикиуэ Золонговна. – погоди, я камень возьму. Надо её хорошенько стукнуть!

Старушка подобрала булыжник и решительно двинулась к Андрею. Марго, следуя её примеру, тоже вооружилась камнем. Но обе женщины запоздали с помощью: ящерица, проникнув под брюки, впиалась в ногу Андрея и, кромсая её острыми, как бритва, зубами, ввинтилась в тело. Оторопевший Уфименко с нескрываемым ужасом видел, что маленький монстр быстро погружается внутрь раны, напоминая нож, вонзающийся в кусок мягкого сливочного масла. Сергей Васильевич настолько растерялся, что даже не догадался пустить в ход свой довольно объёмистый портфель: им бы он наверняка если не прихлопнул гадину, то смахнул её с колена парня. Правда, Андрей оставил попытку поднять палку и ухватил ящерицу за хвост, но толку-то! Животное резко дёрнулось и, оставив хвост в руке человека, проникло в кровоточащую плоть.

Ящерица ввинчивалась в ногу со скоростью сверла дрели – у Андрея потемнело в глазах от невыносимой боли, и он, уже не сдерживая себя, глухо застонал. Сухой ребристый хвост, который парень сжал в руке, каким-то непостижимым образом извернулся и острым концом втиснулся в ладонь между большим и указательным пальцами; он пропорол мягкую ткань, наткнулся на кость и, обогнув её, сноровисто заскользил под кожей. Она вспучивалась и там, где отходила от мышц, появлялась извилистая багровая полоса сплошного кровоподтёка. Резкая боль волнами разбегалась по всему телу, стучала набатом в висках, сжала сердце стальной хваткой и, перехватив горло узким обручем, заставила Андрея хватать воздух широко открытым ртом.

Парень попытался согнуть руку в локте, чтобы не дать хвосту ящерицы проникнуть в плечо, но дьявольский обрубок принялся неистово таранить кость, чем причинял ему ещё большие страдания. Сама ящерица, ввинчиваясь в плоть, уже добралась почти до его бедра. Прогрызая себе путь, она рвала мягкие ткани, задевала когтями жилы и пребольно царапала берцовую кость.

Андрей, не помня себя от боли, упал на траву; он катался, вопил, прижимался ногой к земле, чтобы хоть как-то притормозить движение злобного животного, но всё было тщетно. Наконец, он взмолился:

— Ниохта, что ж ты медлишь? Помоги!

В ответ – холодное молчание. Будто бы аоми и не слышала его.

— Останови это отродье!

Кажется, Андрей в эту минуту отдал бы всё на свете, лишь бы мука мученическая прекратилась. Ему казалось: поедая его изнутри живо, ящерица становится больше, и с ещё большим ожесточением вгрызается в плоть.

Побледневшая от страха Марго сначала стояла в немом оцепенении, не зная, что предпринять. Её ужаснул не только вид корчащегося в муках Андрея, но и то, что в мозгу внезапно лихорадочно замелькали обрывки когда-то виденных документальных фильмов о животных, непостижимым образом всплывали в памяти целые страницы энциклопедий, справочников, какие-то заметки из газет и журналов – всё это мелькало, наслаивалось друг на друга, спрессовывалось в тугой комок, снова распадалось на части, и вдруг мелькнула картинка: мужчина стягивает резиновым жгутом ногу человека, укушенного змеей. Почему ей ярко привиделась именно эта картина, Марго и сама не понимала, но, тем не менее, это была подсказка: если крепко перевязать ногу Андрея, то гадине будет труднее двигаться вперёд.

Не мешкая, она сорвала со шляпки капроновые ленты, связала их жгутом и набросила его на ногу парня. Сергей Васильевич, поняв смысл действий Марго, проделал то же самое с плечом Андрея: он ухватил его мёртвой хваткой, пытаясь остановить ползущий под кожей чудовищный обрубок. И лишь бабушка Чикую хранила спокойствие. Широко открытыми глазами она вглядывалась в чистое небо и что-то тихо бормотала себе под нос.

— Проклятая старуха! – услышал Андрей злобное шипение Ниохты. – Напрасны твои старания. Орлица высоко, до неё не доходит твоя мольба, — она пронзительно хохотнула. – Холодные звёзды безразличны и равнодушны. Им нет никакого дела до строптивного человечка, возмнившего себя сильным и свободным.

Бабушка Чикую продолжала что-то шептать, ритмично покачивая головой. В небе появилась тёмная точка. Она стремительно увеличивалась, надвигаясь на солнце, и вскоре стало понятно: летит какая-то очень большая птица. Её крылья закрыли светило, и в ту же самую минуту подул ветер. Он скользнул прохладной лапкой по лицу Андрея, примял траву и запутался в ветвях берёзы, стоящей у пещеры. Дерево содрогнулось и вытянулось. С ним что-то случилось: его тонкий ствол быстро расширился; устремляясь вверх, он обрастал новыми мощными ветвями, и на них появлялись не березовые, а вовсе неведомые листья, напоминавшие сверкающие зеркальца-толи. По стволу сновали изумрудные ящерицы с синими глазами, медленно передвигались степенные жабы, а полусонные лягушки норовили забраться в глубокие трещины коры. В густой листве прятались птицы-чока; они сидели молча и даже не шевелились – ни дать, ни взять: искусные чучела, выполненные умелым таксидермистом.

— Старуха надеется на чудо, — шептала Ниохта. – Блажен, кто верует! Никто и ничто уже не сможет помешать моей помощнице завершить начатое. Скоро, совсем скоро на месте души у тебя окажется маленькое яростное существо, которое ты видел в образе ящерицы. На самом деле это нечто иное, способное изменить тебя полностью. Зло – вот что отныне ты будешь сеять вокруг себя, тобой станет двигать ожесточение, смертельная тоска не даст тебе покоя, и в желании избавиться от собственной боли ты с наслаждением примешься наделять горечью и несчастьями других людей. Чем им будет хуже, тем лучше тебе...

Она пророчила Андрею злое будущее. Сущность его существования отныне будет заключаться в невидимом, принадлежащем к иной реальности. Жизнь находится во всем сущем, и есть немало способов ее восприятия; человеческое восприятие — лишь один из них. Звери, птицы, рыбы, деревья, насекомые ощущают бытие таким, как оно есть, но в своей перспективе. Ящерица, став частью Андрея, заставит его смотреть на мир иначе – он увидит в нём тьму и мрак, ожесточение и страх, и всё, что есть в нём тёмного, забродит, как дрожжевое тесто, и наполнит собой каждую клеточку тела.

Он станет избегать света, ему милее будет бархат тьмы, и в её головокружительных безднах он найдёт ответы на самые сложные вопросы. Подобно ящерице, Андрей

проникнет в подземелья, скрытые от глаз обычных людей, и поймёт: пустота тьмы – это пространство, обладающее определёнными качествами, в том же смысле, как и физическая материя. Оно существует не только вокруг вещей и между вещами, но также и внутри вещей. Физическая материя, несмотря на свой плотный и, вроде бы, непроницаемый вид, состоит из атомов, которые в свою очередь состоят в основном из пустоты.

Пустота – это и есть внутреннее содержание тьмы, но она не вакуум, она – целый мир. Оказавшись в нём, Андрей сможет воспринимать то, что не видно обычным глазом, и расширять границы своего осознания, соприкасаясь с реальностью, лежащей за рамками привычных явлений. Время там течет не так, как человеку кажется. Оно не постоянно, как принято считать, а обладает эластичностью ящерицы; так же, как и она, время сжимается и растягивается, протискиваясь в незримых коридорах пространства. И путь его непостижим, как движение змеи в песке. Кромешная мгла скрывает тайны пространства и времени, но где-то там, во тьме, поглощающей свет, зреет кристалл истины, и, возможно, Андрей прикоснется к нему, чтобы с холодной и беспощадной ясностью понять: мрак порождает красоту, которая на самом деле – зло.

— Подумай сам: алмаз образуется в земных недрах за многие тысячи, если не миллионы лет, — нащёптывала аоми. — Он был бы навеки скрыт от солнца, если бы человек не выкопал шахту, чтобы найти алмаз и вынести его на свет. Порождение тьмы, этот камень зачаровывает человека, и он очищает алмаз, чтобы огранить его и превратить в бриллиант. Теперь все принимают его за лучистое порождение света, и любят его, и наслаждаются его красотой, но никто не замечает эманации зла, испускаемой драгоценностью. Бриллиант, политый кровью, становится ещё чище и ярче, и не потому ли из-за него рушатся царства, гибнут люди, ведутся войны? Зло, заключённое в камешке, двигает ход истории, и чаще всего получается: движение – прогресс. Сейчас ты сторонись зла, но скоро сам поймёшь его величие, и станешь ему служить искренне и безоглядно...

Андрей с содроганием слушал эти нащёптывания. Нечто холодное и ужасное, двигавшееся в нём, заставляло сердце биться сильнее; тело же оцепенело, как это бывает в страшном сне: хочешь бежать, но не можешь сдвинуться с места. Юркая бесхвостая помощница аоми, похоже, парализовала его волю.

Дерево росло, широко простирая свои могучие ветви; его вершина упёрлась в небо и вскоре закрыла солнце. Однако лучи светила упорно стремились пробить крону, и поначалу это им удавалось, но листья становилось всё больше и больше – высоко над землёй раскинулись настоящие кущи, такие густые, что свет уже не мог проникнуть сквозь них. Потемнело как перед грозой, и всё вокруг стихло.

Андрей почувствовал, что острую невыносимую боль скрадывает холодное онемение, охватившее всё тело – это походило на действие анестезии, которую применяют стоматологи: казалось, только что от зубной боли готов был лезть на стенку, но всего одна инъекция – и вот уже ничего не чувствуешь, воспаленные нервы будто заморозились и потеряли всякую чувствительность.

— Молодец, — похвалила аоми. — Скоро тебе станет совсем хорошо. Ты быстро поймёшь: нам не жить друг без друга, вместе мы – сила, ого-го-го! Люди оценят твой дар, они будут бояться только одного твоего взгляда...

Марго и Сергей Васильевич продолжали цепко держать Андрея. Чикую Золонговна, приставив ко лбу ладонь козырьком, пытливо всматривалась в крону дерева, пытаясь обнаружить в нём просвет. Она ожидала орлицу. Эта птица, по её представлениям, каким-то чудесным образом могла бы помочь Андрею справиться с нечистью, проникшей в него.

Дерево позвякивало листьями, воздух вокруг него сиял и переливался алмазной пылью; над землёй витал крепкий дух нагретой солнцем еловой живицы и могучих дубовых листьев. В изумрудной траве пылали огоньки саранок и жарков, над цветами степенно кружили чёрные махаоны. С высокого куста лабазника снялся мохнатый шмель и,

стремительно пролетев пулей несколько метров, вдруг завис над шляпкой Марго. Искусственный букет на ней он поначалу принял за настоящий, но, разобравшись, недовольно загудел и с расстройством шмякнулся в заросли чистотела. Неуклюжий, он потревожил каких-то мелких желтеньких жуков: они прыснули с ажурных листьев растения в разные стороны.

Старуха Чикуюэ перестала смотреть вверх и перевела взгляд на чистотел. Ей нравились его веселые, простые цветы, соперничающие в яркости с такими же желтыми лютиками и одуванчиками. Но, увы, они быстро вяли, если попадали в букет, — даже самая чистая родниковая вода не могла спасти их: оторвавшись от земли, это растение словно бы лишалось силы. Хотя, с другой стороны, высушенной травой чистотела лечат самые разные хвори — значит, мощь никуда из него не пропадала, наоборот — лишь усиливалась. Однако нежные цветы не могли обойтись без связи с землёй — только её соки поддерживали в них жизнь.

Обстоятельства жизни и человека порой отрывают от его истоков, привычного существования, убеждений, нравственной основы, — он и не замечает, что новые веяния, модные теории, чужие идеи, восхитившие смущённый разум, лишают его чего-то очень важного, неосязаемого, как воздух, — того, что не наблюдаешь, пока не утратишь. Но и потерявши нечто в себе, многие довольствуются приобретённым, не задумываясь о поскученной душе. Она, между тем, где-то рядом, скорбит и любит, пытается напомнить о себе внезапным приступом тоски или уколом грусти. Но к чему сантименты? Весело улыбаясь, пренебрежительно махнём рукой и, не обращая внимания на душевную непогоду, поднимем над собой зонтик удовольствий и радостей — он защитит и спасёт от тяжёлых раздумий. Однако находятся такие люди, которые не в силах смириться с потерей души, они чахнут, страдают и сохнут подобно цветку чистотела. То чуждое, что стремится захватить их естество, старается напрасно, ибо ему достанется увядшая, ни на что не годная телесная оболочка.

Старуха Чикуюэ подумала: какой, право, пустяк, этот нежный желтый цветок, проку от него никакого, разве что глазам — радость. Но если бы в изумрудном кружеве листьев чистотела не сверкали эти золотые капли, разве было бы растение красивым? Может, и пользы от него никакой не было бы, ведь цветы вбирали в себя силу солнечных лучей, впитывали свежесть утренней росы, дышали густым знойным воздухом, наполнялись свободой ветра и принимали таинственное мерцание полной луны.

Старуха перевела взгляд на Андрея. Ей показалось: он силится встать, но тело не слушается его. Марго и Сергей Васильевич по-прежнему стискивали парня с двух сторон, не давая нечисти двинуться внутрь его организма.

Чикуюэ Золонговне почему-то пришло на ум сравнение Андрея со стеблем чистотела, брошенным на землю: вроде, парень такой же, как обычно, но что-то в нём будто бы увядает — подавленный, квёлый, бледный. Она знала, в чём дело, иначе бы мысленно не звала Орлицу на помощь. Душа Андрея находилась не в нём, она была где-то рядом; может быть, её похитила аоми или другой сеон, чтобы заменить подобием, которое на самом деле мерзопакостная сущность вроде этой ужасной шаманской ящерицы.

— Да! — сказала Чикуюэ Золонговна сама себе. — Да! Однако он не знал: духи хитры и коварны, нельзя ни на минуту доверять их сладким речам. Они ввергают в соблазн и искушение, незаметно захватывают не только тело, но и оми — душу...

Правда, она знала: оми — это то, что принадлежит Небу, и ни один сеон, даже самый могущественный, не в силах долго удерживать эту божественную частичку. Духи обычно прячут её в укромных местах, вместо неё возникает двойник: человек поначалу даже и не замечает, что лишился чего-то очень важного, пока мало-помалу его жизненная сила не перетечёт в дьявольскую подмену. Хорошо, если он заподозрит неладное и позовёт шамана — пусть покамлает, выяснит, куда что девалось. Молодые сейчас, конечно, смеются, слушая подобные рассказы старух: эх, тёмные, мол, люди прежде были, ничего не понимали, о медицине и, тем более, психике — никакого понятия. А что эта медицина

сама-то понимает? Послушаешь иного профессора – название каждой косточки у него от зубов отскакивает, все тайны любого органа известны, анатомию с закрытыми глазами помнит, а где находится душа – не знает; нет её, и всё тут. Но что же тогда врачуют психиатры, если душа для них не существует?

Старуха Чикиэ считала, что никакому психиатру не под силу отыскать душу человека и вернуть её обратно. Это может сделать только сильный шаман. Но шаманы в Сакачи-Аляне перевелись, и вся надежда у Чикиэ Золонговны была на Орлицу.

Высоко в золотистой кроне дерева ворохнулся ветерок – и тут же листья тоненько зазвякали, будто шевельнулись подвески на подоле халата. Громко вскрикнула пугливая сойка, ей отозвался трещотка-сорокопут. Невесть откуда взялась любопытная ворона. Она уселась на нижнюю ветку и с достоинством огляделась вокруг. Не заметив ничего интересного для себя, вещунья склонила голову набок и поглядела вверх: что там происходит?

Молчаливые чока ничуть ворону не заинтересовали. Она встряхнулась, пренебрежительно каркнула и уже почти собралась сниматься с ветки, как вдруг замерла, съёжилась и плотно прижалась к охристой коре дерева, стараясь себя не выдать. Даже забыла, бедняжка, что перья-то у неё чёрные, приметные.

Странное поведение вороны старуху сначала озадачило, но, взглядевшись в трепещущую крону дерева, она обнаружила там большую птицу. Вернее, ей показалось, что птицу – на самом деле это был силуэт, напоминавший орла. Он походил на фигуру из театра теней. Чёрный и чёткий контур скользил по ветвям, шевелил клювом листья, дотрагивался кончиками крыльев до чока; некоторых из них призрак хватал лапой и внимательно рассматривал – он явно искал что-то определённое.

Чикиэ Золонговна благодарно сложила руки, её лицо посветлело:

— Спасибо, что услышала меня!

Андрей ощутил в себе резкое движение – аоми, казалось, съёжилась и, особо не церемонясь, ухнула вниз; на уровне поясницы она притормозила и ухватилась за его жилы, отчего у парня чуть глаза из орбит не вылезли: ему показалось, что Ниохта намотала жилы на кулак и специально вытягивает их, чтобы причинить боль. На самом деле она была озабочена другим: явление Орлицы, пусть даже в виде тени, ничего хорошего ей не сулило – эта звёздная небожительница не выносила сеонов, которые предпочитали обитать в человеческих телах; она чужала их за версту и, обнаружив, выклёвывала, подобно тому, как обычные птицы добывают упитанных червячков-вредителей из плодов в саду. Чем дальше от неё спрячешься, тем лучше, лишь бы со страха не опуститься на дно желудка, иначе рискуешь вообще вылететь из человека – тут-то Орлица и подхватит тебя железным клювом.

Ящерица, напротив, с удвоенной силой принялась прорываться в грудь Андрея, отчего ему стало совсем плохо. А если ещё учесть, что обрубок хвоста тоже заелозил в бедре, стремясь догнать свою хозяйку, то можно представить, какие муки испытывал парень.

Однако чёрная тень Орлицы продолжала методично обследовать дерево ветка за веткой; она тормозила каждую птичку-чока и заглядывала под широкие листья. На Андрея Орлица не обращала никакого внимания, а сам он и не догадывался, что чудесная небожительница ищет ту самую чока, в которую великан Калгама поместил нечто наподобие рыбки, изъятое из его естества. Зато бабушка Чикиэ знала, зачем её покровительница внимательно и придирчиво осматривает дерево.

Старуха обратила внимание на то, что одна из чока, находившихся на нижней ветке, отличалась от своих товарок: если те сидели спокойно и были хладнокровны, то эта время от времени незаметно поднимала голову и обеспокоенно смотрела вверх.

Чикиэ Золонговна решила, что это неспроста, о чём и оповестила Орлицу. Черная тень переметнулась на указанную ветку. Она накрывала собой маленьких чока – одна за другой, заставляла их раскрывать клюв, ворошила им перышки на грудке, а если какая-

нибудь из птичек, потеряв терпение, робко её клевала, получала от тени лёгкий тумак. Орлица соизмеряла силу удара так, чтобы показать строптивнице, кто есть кто, и если чока, не удержавшись, падала вниз, успевала её подхватить и посадить на прежнее место.

С одной из чока слетело рябенькое перышко. Необыкновенно лёгкое и мягкое, как кусочек шёлка, оно, бабочкой покружившись в воздухе, упало на лоб Андрея. От пера исходило приятное умиротворяющее тепло, оно хоть немного, но всё-таки притупило боль, которую испытывал парень.

Чёрная тень, между тем, накрыла последнюю чока. Птичка была чуть крупнее своих товарок, её перышки блестели ярче, и чуткая Орлица уловила в ней, кроме пульсации сердца, ровное, ясное биение чего-то другого. Она надавила клювом на шейку чока, и та была вынуждена широко открыть клюв. Из него показался легкий, розовый хвост, напоминавший перо хариуса. Орлица ухватила его и вытащила из чока нечто, похожее на извивающуюся серебристую рыбку. От этого существа исходил мерцающий жемчужный свет, и оно не сопротивлялось, оказавшись в могучем клюве, наоборот – успокоилось и смиренно повисло.

Черная тень Орлицы стремительно перенеслась на Андрея. Он ощутил ледяной холод, окутавший его с ног до головы. Казалось, эта стынь проникла в каждую клеточку кожи, отчего тело окоченело, но не так, как это бывает от мороза, а несколько иначе: онемение не вызвало озноба, напротив, холод приятно остудил разгоряченное туловище, охватил легким морозцем ноющее бедро и сковал ящерку, которая, казалось, вот-вот должна была вцепиться в самое сердце.

Орлица, придавив Андрея к земле, приглушенно заклекотала, не выпуская рыбку из клюва. Парень под тяжестью птицы неловко охнул, и как только он раскрыл рот, почувствовал: небожительница, не церемонясь, втолкала в него серебристое существо, которое мгновенно скользнуло внутрь и, как по маслу, миновало горло, а куда попало после этого, он так и не понял: такое ощущение, будто испарилось, во всяком случае, в пищеводе и желудке он ничего не почувствовал. Зато ощутил, как ящерка, добравшаяся почти до сердца, попятилась назад и вскоре выскользнула из раны на ногу. Орлица ухватила её и, переломив напополам, бросила на землю, после чего наступила на обломки могучими лапами и потопталась на них – от деревянной мерзопакости осталась одна труха. Та же участь постигла и хвост, вышедший из бедра Андрея.

Аоми по-прежнему цепко держалась за жилы, пытаясь спрятаться как можно глубже в теле Андрея. Но Орлица, ухватив туловище парня могучей лапой, перевернула его на живот и молниеносным движением острого, как нож, клюва сделала тонкий, но глубокий надрез. Зацепив лоскут кожи, она медленно и осторожно принялась тянуть его на себя, будто очищала с помидора кожицу. Палящая боль ожгла Андрея, и он потерял сознание.

С отдираемого куска кожи кровь сочилась капля за каплей, раскрывшаяся розовая плоть дрожала и покрывалась пузырящейся сукровицей. Темный крючковатый клюв безжалостно погрузился в мясо – брызнул красный фонтанчик, оросивший Орлицу крупными алыми брызгами. Она недовольно встряхнула головой и ещё глубже погрузилась в рану, которая темнела прямо на глазах.

Андрей на какое-то мгновение пришёл в себя, но, застонав, снова впал в беспамятство. Он не почувствовал, как Орлица мертвой хваткой вцепилась в Ниохту и вытянула её из тёмно-красной, пузырящейся раны. Аоми напоминала серый студенистый клубок, который колыхался, как шмат рыбного желе, и оглушительно визжал. Но ещё громогласнее кричала Марго. Она закрыла глаза ладонями, но всё-таки, не в силах побороть своё любопытство, смотрела на происходящее через щёлочку. Истинный вид аоми настолько её ошеломил, что Марго, как ни пыталась, не удержала вопля ужаса.

Сергей Васильевич тоже был поражен, но в отличие от Марго старался выглядеть хладнокровно, лишь побледнел. Он повторял про себя фразу Карлсона из своего любимого мультика: «Спокойствие, только спокойствие!». Конечно, смешно, но, как ни странно, это ему всегда помогало.

Сергей Васильевич словно остолбенел, и молча взирал, как призрачная темная птица разрывала оглушительно визжащий клубок. Его вопль постепенно стихал, а железные шматки, упавшие на землю, растекались по траве и с шипением испарялись.

Покончив с аоми, Орлица подхватила клювом лоскут кожи и положила его Андрею на рану, после чего провела по его пояснице сизым крылом – и, о чудо, на теле не осталось даже царапины.

Чикую Золонговна благоговейно склонилась перед Орлицей и что-то зашептала, скорее всего, это были слова благодарности.

Андрей почувствовал облегчение. Будто с сердца упал камень, давивший его немилосердной тяжестью. Он открыл глаза и с изумлением прислушался к себе: внутри было ясно и пусто, но где-то глубоко-глубоко, может, в сердце, а может, рядом с ним что-то тихонечко звенело, словно по разноцветным камушкам прыгал застенчивый ручеёк. В ложбинке на груди осторожно покалывала тонкая иголка, чуть-чуть, едва заметно – и это было похоже на то, как если бы невидимый хирург накладывал бережный шов. Но такое сравнение показалось Андрею слишком вычурным, и он тут же одёрнул себя: какой, мол, к чёрту хирург – просто на грудь упала сухая травинка. Вот она, длинная, ломкая, с желтым хвостиком-колоском, из которого высыпались мелкие чёрные семена.

— Теперь ты это ты, — сказала ему Чикую Золонговна. – Вставай!

Она протянула ему руку, и Андрей ухватился за неё. Ему было неловко оттого, что приходится принимать помощь пожилой женщины, но подняться самостоятельно он не смог бы: нога ныла, голова кружилась, всё тело охватила мелкая, дрожащая паутина слабости, и на нём, как росинки, выступал пот.

Сергей Васильевич, спохватившись, подхватил Андрея за плечи и помог ему сесть на камень. Шероховатая поверхность серого валуна была испещрена трещинами, напоминавшими крупные звенья цепи. Будто бы камень собирались на них подвесить да раздумали.

Андрей не знал, что в старых нанайских сказаниях упоминаются прекрасные дворцы, построенные из солнечного камня, – они подвешены к небу на цепях. Чтобы попасть в терем, мэргену приходилось прыгнуть, к примеру, в кипящее озеро; на его дне он попадал в какой-то странный мир: всё так же, как и в этом, только на каждом шагу встречаются великаны, злобные старики-шаманы, красавицы-фудин невысказанной красоты, и, главное, нужно выйти на берег реки и суметь прыгнуть на льдину в сажень шириной, как ковёр. На ней богатырь и возносится в небесный дворец, висящий на цепях. Но эти цепи на самом деле не что иное, как шнуры, связующие Верхний, Средний и Нижний миры.

Впрочем, если бы Андрей даже знал об этом, то не обратил бы внимания на оригинальные трещинки в камне. Ему было не до того. Пережив сильную боль, он с трудом приходил в себя. Всё плыло перед ним, подёрнутое слабым призрачным туманом. В этой дымке терялись очертания гигантского дерева, закрывавшего небо, — оно неуловимо меняло очертания, бледнело и уменьшалось в размерах, словно было надувной игрушкой, которую проткнули иглой.

— Всё хорошо, — шепнула Чикую Золонговна. – Посиди, отдохни. У тебя был трудный день. Теперь ты свободен...

— Свободен? – переспросил он и слабо улыбнулся. – От чего?

— Это ты скоро сам поймёшь, — пообещала старуха. – Тебе откроется одна простая вещь. Э! Такая простая, но такая мудрая, что ты сам удивишься: сама по себе жизнь ни плоха, ни хороша. Она такая, как есть. Нужно принимать жизнь, радоваться ей, ценить её и любить настолько, чтобы ни за что на свете не поменять на другую, пусть даже самую расчудесную – плата за это бывает порой непомерная. Доверься своей жизни и не живи чужой. И тогда всё будет так, как надо, даже если по-другому...

— Я это знал всегда.

— Всего лишь знал, — старуха печально покачала головой. – Мы не всегда поступаем так, как подсказывает ум...

Она замолчала, её глаза повлажнели и стали отрешёнными: Чикуэ Золонговна словно вслушивалась в себя. Внезапное оцепенение длилось всего несколько секунд, но за это короткое время старуха узнала нечто важное: её лицо посветлело, морщинки вокруг глаз разгладились, губы тронула лёгкая улыбка.

— Но не всё, что подсказывает ум, заслуживает доверия, — сказала она. — Важнее услышать голос сердца. Человек не может иметь все, что хочет. Нам всегда чего-то не хватает в жизни. Но сердце подсказывает: довольствуйся тем, что есть. Однако ум прельщает нас. Он заставляет считать, что тем самым мы себя ограничиваем, потому что достойны большего. Конечно, можно получить все богатства мира, но при этом потерять свою душу. Сердце рядом с ней, и оно всегда знает, чего хочет душа...

— Странно всё это, — Андрей недоумённо наморщил лоб. — Зачем мы об этом говорим сейчас? Только что пережили чёрт знает что, — он помолчал, подыскивая нужные слова, но, в конце концов, махнул рукой: А! Что говорить? Я никогда не думал, что такое вообще возможно...

— Возможно всё, — вздохнула Чикуэ Золонговна. — Мир не всегда соответствует нашим о нём представлениям, и он не подчиняется нашим желаниям. Ты скоро поймёшь: в этом мире приобретений без потерь не бывает. Принимая в этом мире что-то одно, тем самым человек отказывается от чего-то другого. Знаешь, это примерно как в большой фирме: заходишь в одну дверь — и обязательно пропускаешь другую, за которой, быть может, скрывается именно то, что ты ищешь. А может, вообще там, за этой дверью, — что-то невиданное, чудесное? Но человек уже вошёл в противоположную дверь. И что же, он потерял при этом нечто важное? Нет! Из потерь тоже можно получить приобретение.

— Не понимаю ничего, — Андрей очумело повертел головой. — Извините, но вы говорите как-то слишком мудрёно. Я даже и не подозревал, что вы можете так высказываться...

Кажется, и сама старуха Чикуэ удивлялась своему красноречию. По крайней мере, она выглядела несколько ошеломленной — складывалось впечатление, что слова, слетавшие с её языка, и саму Чикуэ Золонговну изумляли сложностью и учёностью.

Марго, молча прислушивавшаяся к разговору, подошла ближе и, нацепив на нос черные очки, осторожно спросила:

— Можно?

Интонация была такая, будто Марго открыла дверь и просила разрешения войти. Андрей удивился её странному вопросу и пожал плечами:

— Какие вопросы! Мы тут все вроде бы свои.

Марго помялась, переводя взгляд с Андрея на старуху и обратно, потом сделала глубокий вдох, будто собиралась прыгнуть под воду, и выпалила:

— Я вижу!

Сказала — и смолкла.

Чикуэ Золонговна тоже молчала. А Сергей Васильевич с любопытством взирал на Марго, которая решительно выступила вперёд и театрально скрестила на груди руки.

— Да, я вижу! — повторила она. — Это не Чикуэ Золонговна говорила. Это кто-то другой её устами говорил. Она вроде радиоприемника, который принимает и транслирует передачу.

Андрей снова почувствовал, как голова наполнилась мягкой, вязкой тяжестью и закружилась. Ну и выдумщица, эта ясновидящая! Надо же, чёрт знает, что ей померещилось. Ну, какой из Чикуэ Золонговны приёмник? С другой стороны, пожилая нанайка навряд ли могла изъясняться почти что по-книжному.

— Я видела, как мысли входили в неё, — продолжала Марго. — Можете считать меня сумасшедшей, но я точно это видела. Мне даже показалось, что за спиной Чикуэ Золонговны стоял тот самый ребенок и внушал ей мысли.

— Бо Эндули, — благоговейно произнесла Чикуэ Золонговна и умилённо скрестила руки на груди.

— Устами ребёнка глаголет истина, — напомнила Марго. — А этот ребёнок ... как его имя?... ах, да... Бо Эндули... он непростой малыш. Я даже не решаюсь сказать вслух, что думаю по этому поводу...

Слушая Марго, Сергей Васильевич то морщил лоб, то в задумчивости играл бровями и надувал губы, отчего выходили довольно уморительные гримасы, но строить рожицы он хотел меньше всего – просто это получалось как-то само собой, когда он крепко над чем-то задумывался. Однако Марго приняла его мимические жесты на свой счёт и обиделась. Она резко передёрнула плечами, возмущенно поджала губки и, высоко вскинув голову, устремила взор к горизонту. Весь её вид являл из себя оскорблённую добродетель. Усилить образ могла бы нервно покуриваемая сигарета, но, как на грех, пачка «Кэмела» оказалась пустой, и дама, лихорадочно скомкав её, бросила в кусты. Из них с вереском вылетела маленькая испуганная пичуга.

— Мы уже все догадались, кто на самом деле этот мальчик, — вздохнув, сказал Сергей Васильевич. — Одно мне только непонятно: почему *вход* так и не открылся. А ведь он точно находится в этой пещере.

Андрей хотел возразить, но старуха Чикуюэ вдруг дёрнула его за рукав и предостерегающе нахмурила брови. Он понял: лучше помолчать.

— Но мне кажется: кто-то из нас всё-таки там побывал, — продолжал Сергей Васильевич. — Вот, например, вы, Чикуюэ Золонговна, — он испытующе глянул на неё. — Вы вошли в пещеру, следом – мы, и что же? Вас там не оказалось. А где же вы были?

— Не знаю, — простодушно сказала старуха. — Сначала я была в пещере. Откуда-то взялся туман – густой, серый, у меня голова закружилась. Потом снова сюда угодила, — она показала на полянку. — Сама ничего не понимаю.

— Рядом с нами целый мир, — Сергей Васильевич задумчиво покачал головой, — а видеть его не каждому дано.

Марго решила, что достаточно наизображалась оскорблённой добродетели и, встряхнувшись, как ни в чём не бывало, прошептала:

— А я знаю! Мне голос был.

Андрей усмехнулся и подумал: кому голоса бывают, тому надо к психиатру обращаться, — вслух, однако, ничего не сказал, памятуя о том, что ещё совсем недавно сам был готовеньким пациентом для психушки: кому расскажи, что с ним было, точно у виска пальцем покрутят.

— Посмотрите, Андрей, на чём вы сидите, — попросила Марго. — Видите узоры на камне?

Он встал и внимательно осмотрел валун. Трещинки на нём действительно складывались в замысловатый узор, напоминавший звенья цепи. В них вросли полоски тёмно-серого лишайника, отчего рисунок приобрёл рельефную чёткость. Если смотреть на него сверху, то видишь цепочку, но стоит чуть наклонить голову и глянуть сбоку, то узор превращался в замысловатую спираль. Возможно, этому способствовала игра света и тени, а может, всё дело было как раз в лишайниках, причудливо оплетавших углубления камня.

— Забавная абстракция, — удивился Андрей. — Надо же! Сама природа в роли художника!

— Это не природа, — Марго блеснула глазами. — Мне голос был: смотри внимательно – и увидишь следы другой жизни. В незапамятные времена люди постоянно соприкасались с нею, для них ничего не было удивительного в том, что рядом существует иной мир. Он был всегда, так же, как и наш. Тех, кто обитает в нём, люди называли по-разному – духами, элементалами, инкубами и суккубами, феями и гномами, да, впрочем, вы сами можете продолжить перечисление. Если верить древним воззрениям, нас окружают сонмы так называемых духов. Что они из себя представляют, знают, пожалуй, лишь язычники да шаманы.

Чикую Золонговна внимательно слушала Марго. Старуха даже полузакрывает глаза, покачивая головой в такт словам экстравагантной дамы. А та, не обращая внимания на язвительную усмешку Сергея Васильевича, который явно скептически воспринимал её откровения, продолжала самозабвенно вещать:

— Древние люди оставили нам рассказы о другом мире. Мы относимся к этим свидетельствам как к сказкам, легендам и мифам. Нам, таким умным и продвинутым, всё это кажется наивным, смешным и даже глупым. Но следы иной жизни – везде, стоит лишь внимательно приглядеться. Вы считаете, что эта спираль возникла случайно? – она ткнула указательным пальцем в узор на камне. – Вовсе нет! Этот универсальный космический символ – подсказка нам: не воспринимайте лишь внешнюю сторону жизни, у неё есть и другая, не всем видимая сторона.

— А мы об этом догадывались! – воскликнул Сергей Васильевич. – И стремились к контакту! Но вход не открылся. Что вам сказал ваш голос насчёт этого?

Сергей Васильевич замолк и, не отрывая взгляда от Марго, иронично улыбнулся.

— Увы, мне ничего об этом не сказано, — совершенно серьёзно ответила Марго. – Возможно, я кажусь вам взбалмошенной дурочкой, и пусть! Но разве все мы не были свидетелями невероятного чуда? Ожила деревянная ящерица, проникла в Андрея. Мало того, в нём оказалась ещё какая-то сущность. Все это видели! И дерево видели, огромное, невероятное, прекрасное. Вот оно тут было!

Марго обвела рукой полянку. На ней никакого дерева уже не было, а та березка, что росла у входа в пещеру, даже отдаленно не напоминала его форму.

— Не факт! – Сергей Васильевич упрямо тряхнул головой. – Да, мы что-то видели, но это ещё не значит, что это было в действительности. Возможно, мы испытали коллективную галлюцинацию. Науке известны подобные факты.

— Вы что, смеётесь надо мной? – изумилась Марго. – вспомните, как мы вместе держали Андрея и не давали этой нечисти проникнуть в него глубже!

Сергей Васильевич недоумённо опустил уголки губ и пожал плечами:

— Ну и что? Думаю, вы, Маргарита, знаете: человек, который находится под гипнозом, совершенно искренне полагает: всё, что с ним происходит, — самая настоящая реальность. Мне кажется, что нечто подобное приключилось с нами.

— Да кто же нас загипнотизировал? – засмеялась Марго. – О! Покажите мне этого Мессинга! А может, это Юрий Лонго был? Но где же он, этот великий гипнотизер? Ау!

Уфименко оглянулся на Чикую Золонговну, которая скромно сидела на краю своего вновь разостланного ковра. Она слышала весь разговор, но, похоже, то, о чём говорили Марго и Сергей Васильевич, её мало интересовало. Старуха отрешённо глядела вдаль, в её узких глазах будто застыла непроницаемая тьма; она даже не моргала.

— Причём тут Юрий Лонго? – Сергей Васильевич недоумённо приподнял брови. – Бабушка Чикую ничем не хуже. Вы заметили, как она производила некие манипуляции, что-то нашептывала? – Уфименко понизил голос. — Видимо, старуха обладает техникой гипноза. Почему бы не предположить, что научилась каким-то особенным приёмам от своей знаменитой бабки?

Уфименко был противоречивой натурой: с одной стороны, он верил в сверхъестественные возможности человека, и даже, как сам полагал, ощущал энергетику людей, но, с другой стороны, он не привык всё принимать на веру. Ему непременно нужно было сначала подвергнуть необычное явление анализу, скептически покрутить его со всех сторон и, если факт не поддавался логическому объяснению, отнести его к разряду неведомого. То, что произошло в пещере и после неё, конечно, поразило Сергея Васильевича. Он понимал, что столкнулся с действительно удивительными вещами, но в него словно вселился лукавый чёртик и нашептывал: «Не верь глазам своим!»

Марго, позабывшая про своё ясновидение, не знала, что и подумать. Она растерянно поглядела на бабушку Чикую, перевела взгляд на Андрея, который хранил молчание, снова

глянула на старуху. Та сидела совершенно спокойно, не обращая внимания на своих спутников.

— Чикуэ Золонговна! – позвала Марго. – Вы слышите, что говорит Сергей Васильевич? Старуха очнулась, обратила затуманенный взор на Марго:

— Что?

Марго повторила вопрос, и Чикуэ Золонговна, поняв, о чём речь, покачала головой:

— Сама не знаю, что это было. Может, явь, а может, всё привиделось. Кто ж это знает?

Андрей, однако, знал: всё было правдой. И ещё он знал: бабка не хочет говорить, почему *вход* не открылся для Марго и Сергея Васильевича. Они относились к нему, как к вполне реальному объекту, который можно, допустим, потрогать или открыть ключом как самую обычную дверь. Но это был совсем-совсем другой *вход*. И он располагался не за изображением обезьяны в пещеры, а в самом человеке.

Марго была невероятно близка к разгадке тайны, когда заявила: старуха Чикуэ способна принимать и озвучивать чужие мысли. Если бы Сергей Васильевич не обидел её своими мимическими упражнениями, то она, в итоге, по своему обыкновению причиной всего объявила бы астрал: там, мол, находится единое информационное поле – если сумеешь к нему подключиться, то получишь ответы на все вопросы, и не только. Все люди обладают возможностью проникнуть туда, но лишь немногим это удаётся на самом деле: с возрастом мы теряем остроту восприятия, становимся, что называется, толстокожими и не верим ни в какие чудеса. Правда, такое истолкование мало объяснило бы стремление пожилой нанайки ни с того, ни с сего разьяснять Андрею высокие истины. К тому же, ни о каком астрале она понятия не имела и, тем более, не взяла бы в толк, что за информационное поле имеет в виду Марго.

Чикуэ Золонговна не отделяла себя от окружающего мира, она была его частичкой, возможно, такой же маленькой и неприметной как песчинка в бархане: когда дул лёгкий ветерок, она струилась в потоке песка; когда поднималась буря, в восторге вливалась в пыльное облако и с азартом отчаянного мятежника врывалась в цветущие оазисы; она дышала, пела и искрилась в этом вечно меняющемся потоке. Песчинку трудно заметить в куче песка – она сама по себе и в то же время составляет с ним единое целое. Другое дело человек: он вечно стремится выделиться из толпы себе подобных, природа для многих из нас не храм, а мастерская, как выразился один из великих естествоиспытателей, и, значит, люди в ней – работники: руби леса, вторгайся в недра, загрязняй реки, убивай зверей и птиц лишь только потому, что хочется развлечься охотой. Бабушка Чикуэ, однако, различала голоса всех птиц и знала их по именам, она видела не просто траву, а каждую травинку, умела узнавать погоду по облакам, ветру, звездам, а в лепете ручейка ей слышались чудесные песни, и она знала, что с деревьями можно поговорить, попросить у них здоровья для себя и близких. Да что там деревья! Даже маленький, самый обычный камешек на берегу реки не был бездушным созданием: в нём тысячелетиями копилась мудрость и сила природы, и чтобы узнать его тайну, достаточно положить его на ладонь, погладить, поговорить как с человеком. Наивно? Да, наверное. Но именно это позволяло Чикуэ Золонговне понимать весь мир и чувствовать, что в нём происходит.

Пожалуй, сама Чикуэ Золонговна не смогла бы объяснить, как получилось, что она вошла вслед за ребёнком в пещеру и выпала из поля зрения своих спутников. Вроде бы, ничего особенного не произошло: мальчик дотронулся до стены – и она отворилась, как шкаф; ребёнок, не оборачиваясь, вошёл в проём, какая-то неудержимая сила настойчиво потянула старуху туда же, и она оказалась в узком темном проёме, из которого вскоре выбралась на берег красивой реки. Вокруг высились огромные деревья, летали яркие птицы, олени безбоязненно подходили к ней, а свирепые тигры играли как котята. Старуха пила воду из родника и чувствовала, как в неё вливается свежая сила. Срывала смородину ягодка за ягодкой, бросала в рот – и усталость сняло как рукой.

Она побродила по желтому песку у реки, любовалась игрой волн в жемчужной пене, а когда захотела отдохнуть на чёрном плоском валуне, то увидела: на нём спит тот самый

малыш, вслед за которым вошла в пещеру. Чикую Золонговна знала, что никакой это не мальчик – это тот, чьё имя нельзя произносить всуе. У него облик ребёнка, но он сильнее всех на свете.

Бо Эндули спал, и видел сон: берег реки, высокие деревья, красивые птицы, ручные дикие животные, старушка бродит по зеленой траве. Всё, что происходило в его сновидении, у Чикую Золонговны совершалось в реальности. А может, это и не явь была? Может, она тоже спала и видела сон, который снился Бо Эндули? Ведь, в конце концов, старуха очнулась от тяжелой дрёмы на своём ковре, разостланном напротив пещеры.

Она понимала: то, что случилось с ней, приключилось именно с ней, и никого больше не касается, а потому предпочитала не распространяться на эту тему. Есть вещи, которые выше человеческого понимания, и сколько ни бейся над их разгадкой, истина так и не откроется.

Андрей же был совершенно уверен в том, что всё происшедшее в пещере – это игра мозга. Но для того, чтобы он повёл себя так причудливо и необычно, всё-таки нужен импульс извне. Скорее всего, это штучки маленького толстенького мальчика: он каким-то образом воздействовал на сознание людей. По причинам, известным только ему, он подготовил каждому сценарий наособицу, и если *вход* для Марго и Сергея Васильевича не открылся, на то был свой резон.

Андрей знал, что Чикую Золонговна относится к миру иначе, чем другие люди. Для неё всё сущее на Земле имеет свою особенную цель и наполнено не только материальной силой, но, прежде всего, духовной. А душа с душою может говорить, и потому человек способен связаться с душами всех существ и вещей, понять природу и себя в этой природе. При этом старуха была глубоко убеждена в том, что внешний вид порой бывает обманчив. То, что мы видим, на самом деле может оказаться совершенно иным; к тому же, глаза человека устроены так, что многое не воспринимают.

Он вспомнил одну недавно читанную книгу, в которой утверждалось: то, что видят наши глаза, в действительности ни что иное, как энергетические схемы. Человек связан с окружающим пульсирующими волнами световой энергии; они создают на сетчатке электрические импульсы, которые поступают в мозг и истолковываются им как зрительные образы. Но это похоже на паучью тенета: к ним липнет далеко не всё, многое остаётся за пределами сетки. Все сущее вокруг состоит из различных видов энергии, упорядоченной особым образом, — её можно сравнить со сложномодулированными радиоволнами разной частоты. Наши органы чувств позволяют настроиться на некоторые из этих частот; в результате человек принимает глазами отдельные энергетические схемы. А источники энергии, вибрирующие на более быстрых или медленных частотах, находятся за пределами физического восприятия людей. Поскольку мы их не видим, не слышим и даже не можем потрогать, то считаем: их вообще не существует. Однако есть люди, и в первую очередь шаманы, которые настраиваются на некоторые из этих скрытых энергий и воспринимают реальность во всей её полноте, неосязаемой для других.

Сама Чикую Золонговна не относилась к избранным. Если ей и удавалось видеть чуть больше, чем другим, то, как она считала, это получалось только потому, что она умела смотреть ещё и сердцем. При этом она никогда ничего не придумывала и принимала жизнь такой, как есть.

Может быть, думал Андрей, Марго и Сергей Васильевич заранее вообразили нечто слишком фантастическое, сочинили целый мир, наполненный неземными чудесами, придумали лабиринты, населенные иным разумом, — и это не совпало с тем, что есть на самом деле. Потому они и не увидели открывшийся *вход*. А может, даже и увидели, но не поняли, что это именно то, что они так долго искали.

Марго, не получив от Чикую Золонговны сколько-нибудь вразумительного объяснения происшедшему, раздосадовано передёрнула плечиками и снова запустила руку в сумочку, надеясь отыскать там хоть одну завалявшуюся сигаретку. Случается ж такое чудо: уже и не рассчитываешь ни на что – и вдруг получаешь то, что страстно хочешь. Но, видимо,

господин Случай был в плохом настроении и сделал вид, что мучений Марго в упор не видит.

— А не пора ли нам обратно? – произнесла Марго в пространство, конкретно ни к кому не обращаясь, но при этом она постаралась придать голосу максимум недовольства. Когда ей было худо, то виноватыми в этом становились все. А уж какие муки испытывает заядлый курильщик, объяснять не надо.

— Интересно, в этой Тмутаракани вечером хоть один магазин работает? – спросила Марго, но, опять-таки, обратилась, скорее, к самой себе, чем к окружающим. – Хоть бы пачку самых дрянных сигарет раздобыть...

Чикуюэ Золонговна смиренно объяснила, что её село вообще-то ничем не хуже других, были б деньги – всё купить можно в любое время суток. И если уж на то пошло, то и нанайцы нынче не то, что прежде: понимают, к примеру, что такое баксы – иностранцы долларами расплачиваются за всякие сувениры. Раньше старухи шили шапочки и тапочки из меха, мастерили фигурки из коры деревьев и возили их в город на продажу, а теперь преспокойненько выставляют товар у крыльца: заезжие гости сами за ним приходят.

— Рада за вас, — язвительно сообщила Марго. – Национальную культуру перевели на коммерческую основу. Ну, надо же! Видела я эти ваши тапочки: дерматин, клочок кроличьей шкурки, узор по трафарету, — она пренебрежительно скривилась. – Ну да ладно, сойдёт для тех, кто экзотику любит...

— Как-то жить надо, — вздохнула старуха. – Хорошо, что людям занятие нашлось. Какая-никакая денежка у них появилась. Научатся ещё делать настоящие сувениры. Молодые-то, между прочим, стараются: перенимают у стариков ремесло, все тонкости вызнать хотят...

Однако Марго разговор не поддержала. Её решительно интересовали две вещи: сигареты и последний рейс автобуса. Он уходил через полтора часа, и, вспомнив об этом, все засуетились, собирая разбросанные там-сям вещи. Старухин ковёр, к тому же, почему-то не помещался в сумку: как ни старались его свернуть потоньше, он, коснувшись дна, упорно разворачивался и высовывался наружу. В конце концов, Сергей Васильевич в сердцах плюнул и пообещал не спускать с него глаз, авось не выпадет по дороге.

До Сакачи-Аляна дошли без особых приключений, если не считать ужа, который вдруг выполз на дорогу и перепугал Марго. Она решила: это гадюка, и непременно хочет её ужалить. Один раз Сергей Васильевич чуть не прозевал ковер, который всё-таки выскользнул из сумки и упал в траву. Бабушка Чикуюэ, сворачивая его, бубнила под нос что-то насчёт земли: прикоснувшись к ней, ковёр якобы вобрал в себя её силу – вот и увеличился в размерах. «Да он просто отсырел на песке», — пренебрежительно отмахнулся Сергей Васильевич. Но Чикуюэ Золонговна не соглашалась и продолжала бормотать о невидимом духе земли, вошедшем в её рукоделие.

На автобусную остановку они попали минут за пять до отправления последнего рейса. Марго успела купить в придорожном киоске пачку «Кэмела», подивившись, что в такой глуши продают приличное курево. Она с наслаждением подымила сигареткой. Сергей Васильевич, поозиравшись, обнаружил деревянный туалет, куда стремглав и отправился – как будто кто-то мешал ему справить естественную нужду в кустах по дороге. Чикуюэ Золонговна, устало вздохнув, попросила Андрея наклониться к ней и прошептала в ухо: «Всё у тебя будет хорошо, ты сделал свой выбор...»

Он хотел расспросить старуху поподробнее, что она имела в виду, но в этот момент Сергей Васильевич выскочил из туалета и молодецкато вскричал:

— По коням! Пора! Рога трубят!

От неожиданности Марго выронила очередную сигарету, которую собиралась поджечь.

— Господи, — сказала она и с интересом оглядела Сергея Васильевича с ног до головы. – Какой вы, однако, стали экстравагантный!

Экстравагантный Сергей Васильевич первым запрыгнул на подножку автобуса, протянул руку Марго и помог подняться ей. Андрей последовал за ними.

Марго и Сергей Васильевич уселись рядышком, и дама, не сводя со спутника восторженных глаз, что-то беспрерывно ему говорила. Андрей не вслушивался в её речи и даже был рад, что эта парочка не обращает на него никакого внимания. Он чувствовал себя усталым и разбитым, хотелось только одного – чтобы никто его не трогал ни словом, ни жестом. Забраться в кокон одиночества, свернуться в нём калачиком, смежить веки и, ни о чём не думая, медленно обволакиваться чем-то мягким, теплым и пушистым как шерсть кошки Дуньки. Хорошо бы, если бы она ещё и мурлыкала.

Чикуэ Золонговна, по обычаю сельских бабушек, долго махала вслед автобусу. Андрей из окна смотрел на старуху, пока машина не завернула за угол. После этого он откинул спинку кресла и устроился в нём поудобнее. Слава Богу, сказал он сам себе, наконец-то всё позади, и можно хоть немного отдохнуть. Отдохнуть, ни о чём не думать, вытянуть ноги, закрыть глаза, спать.

Ать-ать, — покачивался на ухабах выдавший виды автобус.

Спать-спать, — твердил себе Андрей.

Ать-ать...

16.

Эдуард Игоревич несказанно удивился, когда застенчивый молодой человек вынул из спортивной сумки настоящий шаманский пояс:

— Вот, — сказал он. — Возьмите это. Может, пригодится музею?

С первого взгляда было ясно, что вещь была подлинной: темная, местами изъеденная кожей лосиная кожа испещрена пиктограммами, к ней подвешены колокольчики и особенные побрякушки из позеленевшей меди и черного серебра, но, самое главное, — толи: эти металлические кружочки походили на зеркала, помутневшие от времени, но всё-таки сохранившие ровную блестящую поверхность. Как старинным мастерам удавалось выковать из обычного металла такие изделия, оставалось загадкой.

— Мне объясняли, когда шаман умирает, то его вещи хоронят вместе с ним, — Эдуард Игоревич растерянно вертел пояс в руках. — Неужели неправду говорили?

Эдуард Игоревич совсем недавно занялся поиском и сбором экспонатов для новой экспозиции музея, долженствующей представить традиционную культуру аборигенных народов. Поступило указание сверху: поскольку, мол, международные связи развиваются и крепнут, в городе всё больше появляется иностранцев, но объектов показа для них – кот наплакал; эти господа, видите ли, не интересуются нашими новостройками – у них и своих полно, а хочется им всяческой экзотики, в том числе и связанной с малыми народами. Посему извольте, уважаемые музейщики, обеспечить культурный досуг не только своих сограждан, но и визитёров из сопредельных стран. Туризм, видите ли, доходная отрасль, за его счёт иные страны живут припеваючи и в ус себе не дуют. Больших средств выделить из бюджета не смогли, но всё-таки хоть немного, но дали денег. Остальное, мол, зарабатывайте сами – на экскурсиях, изданиях буклетов, ну и что вы там ещё сами придумаете, а?

— Есть! – по-военному бодро откликнулся директор музея, который знал: с вышестоящими чиновниками лучше не спорить – себе дороже обойдётся. – Мы и сами о подобном подумывали. Специалисты у нас есть, давно рвутся в бой. Вот Эдуард Игоревич и займётся новой экспозицией...

— Да смотри же, чтоб в ней побольше шаманского духа было, — наказал чиновный вельможа. – Ну, бубны всякие, маски, халаты, что там ещё надо-то? Ну, найдите, что ли, стариков-аборигенов, обучите их бить в бубны, пусть перед туристами скажут...

Вельможе казалось, что экзотичнее уже и придумать нельзя. Нечто подобное он видел в резервации американских индейцев, куда ездил в составе делегации по обмену опытом сохранения культур коренных народов. Лет пятнадцать назад это было, сейчас вот вспомнил. А тогда, помнится, вернувшись из поездки, брезгливо топырил губы: «Ну,

ваще... Загнали индейцев в угол, понастроили им вигвамов и заставили, как обезьян, у костра прыгать. Наши-то коренные народы полноценной жизнью живут, о чумах и не помнят уже, шаманов как класс ещё при советской власти искоренили. Это ж надо, как в этих резервациях над людьми измываются! И всё – ради денег. Ротозеи за то, чтоб эти представления посмотреть, готовы бабки платить. А то, слышал, придумали там экстремальный туризм: забрасывают людей на стоянку первобытного человека – и живите в тамошних пещерах как хотите. Извращенцы какие-то!»

Эти свои слова он забыл. У него была одна интересная особенность: думать в том направлении, в котором думал губернатор. Если тот что-то считал плохим или хорошим, то и чиновник ни на минуту в этом не сомневался. А губернатору вдруг втемяшилось в голову, что местная экзотика поможет развитию туристического бизнеса, только нужно серьёзно этим заняться.

— Будьте уверены, сделаем! – склонил голову чиновник.

— Завтра же и погоню сотрудииков в глубинку, — в свою очередь пообещал чиновнику директор музея.

Эдуард Игоревич, естественно, взял под козырёк поездил по национальным сёлам, собрал кое-какую утварь, выпросил у стариков ветхое тряпье, облазил чердаки и подполья в поисках чего-нибудь эдакого, но толком не мог объяснить аборигенам, что именно его интересует. А поскольку ни языка, ни обычаев он не знал, то приобрёл у амурских старожилов славу малосведущего человека. Эдуард Игоревич всё-таки считался специалистом по истории гражданской войны, а этнографы, которые были в теме, как на грех отсутствовали: одна ушла в декретный отпуск, другая вообще махнула рукой на нищенскую зарплату и ушла торговать цветами на рынке, а третий, молодой одинокий мужчина, дописывал диссертацию в славном городе Петербурге и на все телеграммы с требованием вернуться ответил лишь раз, но зато конкретно: «Не дождётесь!»

Так что бедный Эдуард Игоревич пребывал в отчаянии и уже, было, надумал податься на поклон в местный драмтеатр: в тамошней мастерской могли бы смастерить всю шаманскую амуницию. Без этого как экспозицию-то открывать? И вдруг такой неожиданный подарок судьбы: является какой-то парень и просто так дарит старинную вещицу. А ей цены нет!

— Спасибо, — засуетился Эдуард Игоревич, — не знаю, как вас и отблагодарить. Такие дарители не каждый день к нам приходят. А я даже не знаю, как вас звать...

— Андрей. Впрочем, это неважно. Я только хотел это отдать, и всё.

— А как пояс попал к вам? Может, у вас ещё нечто подобное есть?

— Слава богу, нет.

— Почему – «слава Богу»? – Эдуард Игоревич был в недоумении – Подобные древности украсят любой музей!

— Вот и пусть украшают...

Андрей застегнул сумку, решительно поднялся со стула и протянул руку:

— До свидания!

Эдуард Игоревич, ожидавший, что посетитель станет просить деньги за принесенную вещь, даже растерялся:

— А... как же?... вы ничего больше не хотите сообщить?

— Нет, — Андрей покачал головой и направился к двери.

— Скажите хоть, где вы это взяли?

Но Андрей даже не повернулся. Молча открыл дверь и вышел.

На улице его ждала Настя. Она не знала, какая причина заставила Андрея чуть ли в пожарном порядке избавиться от экзотической вещицы. О том, что с ним происходило последнее время, парень никому, даже ей, не рассказывал.

Ему хотелось поскорее всё забыть, а Настя, при её впечатлительности, непременно станет снова и снова спрашивать его, тормозить, ахать, удивляться. Какое уж тут

избавление? Нет уж, лучше ничего не говорить. Пусть это будет его тайной; в конце концов, каждый нормальный человек имеет право на собственные секреты.

Шаманский ремень, который всё ещё висел на стене рядом с подаренной Максом маской, слишком живо напоминал о Ниохте. Андрей считал: если бы не этот пояс, то аоми никогда бы не появилась в жизни Андрея. Она почивала в старом поясе до тех пор, пока человек не взял ветхую полоску лосиной кожи и не принялся рассматривать подвешенные к ней металлические предметы. Брякнул один колокольчик, другой, ударились друг о друга толи, зазвенели тонкие подвески – аоми очнулась от долгого сна и решила бодрствовать. Новый хозяин ремня ей приглянулся. Впрочем, если бы на месте Андрея оказался другой человек, то это ровным счётом ничего не меняло: аоми, подобно сказочному джинну из аладдиновой лампы, материализовалась от прикосновения свежее испеченного обладателя шаманской вещицы.

Андрей не был уверен, что аоми исчезла навсегда. И не знал, какие ещё неожиданности могут скрываться в старом ремне. Вдруг он притянет каких-нибудь новых сеонов? Уж лучше расстаться с таким приобретением!

Выбросить ремень в мусорный контейнер Андрей не решился. Всё-таки его могли найти там «бичи» и забрать себе. Особого сочувствия к этим спившимся и опустившимся бродяжкам Андрей не испытывал, но они ведь люди, и с ними, не дай Бог, могло случиться то же самое. Хотя, возможно, какой-нибудь «бич» почёл бы за благо предоставить своё тело волшебнице-аоми, она всё-таки изменила бы его жизнь. Кто-то же должен быть шаманом...

— Кто-то должен, вот именно: должен! – думал Андрей. – Духи сами выбирают такого человека. Случайно или не случайно? Наверное, иногда это у них всё-таки получается ненароком. Ну, какой из меня шаман? Если мне и нравится камлать, то – на кухне: всё кипит, бурлит, скворчит, ароматы специй витают, пар приподнимает крышки кастрюль – точно кастаньеты стучат, а с овощей-фруктов хоть натюрморт пиши... Это такое чудо: берёшь, к примеру, обыкновенную картофелину, проводишь по ней острым ножом – скользит серпантинная лента очистки, сама картофелина – белоснежная, а, может, чуть желтоватая, это от сорта зависит, — нет, пожалуй, мне больше нравится молодая красноглазка: кожица слабо-малиновая, глазки почти алые, а очищенный клубень — как чистый снег. Красота! И что же, остаться без всего этого? Ниохта всё делала, чтобы я полностью ей принадлежал. А мне по жизни совсем другое нужно. Эх, ошиблась аоми с выбором!

Андрей решил, что шаманский ремень может привлечь какого-нибудь другого духа. Такую вещь не стило держать дома, и потому после долгих раздумий он решил отнести ягпан в краеведческий музей. Там, среди раритетов, ему самое место, и он наверняка пригодится этнографам. Может, они спят и видят эту старинную штуковину.

— И как? Пригодится музею твой подарок? – спросила Настя.

— Кажется, я правильно поступил. Такой вещи у них точно не было.

— Всё равно не понимаю, почему ты не оставил пояс себе, — Настя пожала плечами. — Всё-таки редкость, экзотика, всё такое.

— А я не жадный, — отшутился Андрей. — Пусть другие тоже эту вещь увидят!

У Андрея был выходной день, и после визита в музей он предложил Насте погулять по городу. В последнее время променады случались у них нечасто: Андрей с утра до позднего вечера пропадал в своём «Какао», у Насти тоже было невпроворот работы; так что встречались в основном по субботам-воскресеньям, иногда Андрей брал отгул, и тогда весь день принадлежал им – так, как сегодня.

— Пойдём сначала в парк, — предложила Настя. — Там установили новое колесо обозрения. Говорят, совершенно потрясающие виды открываются...

— А я хотел в картинную галерею отправиться, — сказал Андрей. — Все газеты пишут: новая выставка – это нечто, много экспериментальных работ, есть на что посмотреть...

— Не верь всему, что газеты пишут, — заспорила Настя. — Может, им заплатили — вот и расхваливают. Пойдём сначала в парк...

В конце концов, бросили монетку: вышел «орёл» — победила Настя. И они отправились в парк, расцвеченный яркими клумбами, на деревьях чудесными плодами висели шары, со всех сторон звучала музыка, праздный люд перемещался по тенистым аллеям от лотков с мороженым и напитками под зонтики летних кафе, от которых струился крепкий аромат кофе, пива, сладостей и вяленой корюшки — эта немислимая мешанина, как ни странно, пахла праздником, и от неё чуть-чуть кружилась голова, и хотелось говорить какие-то невообразимые глупости, смеяться и ни о чём серьёзном не думать.

С некоторых пор Андрею нравились такие места, где можно, не стесняясь, творить глупые вещи: в комнате кривых зеркал сколько угодно дурачиться — и никому нет дела, на пикнике за городом — тоже валяй дурака, и друзья тебя поддержат, на колесе обозрения ори, кричи, смейся, дразнись — всем только веселее от этого становится. Но даже тут попадались отдельные личности, старавшиеся ступать важно, взирать на окружающих пренебрежительно и в то же время покровительственно, они хранили значительность и с достоинством кивали себе подобным. Эти люди, скорее всего, относили себя если не к сильным всего мира, то отдельных его районов — точно; и всё, что они делали, освящалось неким высшим смыслом — впрочем, испокон веков сановники-чиновники, банкиры-ростовщики и даже купчишки средней руки наполнялись гордыней от сознания значительности своей деятельности. «Какая глупость!» — думал Андрей. Что значат все их дела по сравнению с тем, что происходит в вечно меняющемся мире? Сегодня ты силен и могуч, завтра тебя похоронят и даже, может быть, посокрушаются: какого, мол, человека потеряли, но через несколько десятков лет равнодушные потомки лишь скользнут безучастным взглядом по ветхому памятнику на могилке. Вся важность, которую человек придаёт своим действиям, в большинстве случаев исчезает вместе с ним; то, что он делал, представлялось значительным только ему и ближайшему окружению. Впрочем, это окружение частенько зависело от его настроения — мог не увеличить оклад, не повысить в должности, обойти вниманием, отклонить интересную идею.

Возможно, правда жизни состоит в том, что многим людям приходится чем-то заниматься лишь только затем, чтобы выжить, не испытывать нужды, считаться счастливыми и успешными, хотя на самом деле они ровным счётом ничего стоящего не делают — перепродают, допустим, автомобили, спекулируют на разнице курсов валют или скупают квартиры на первых этажах, чтобы сдавать их под офисы и магазины. Что, в этом — смысл существования? А может, просто — глупость? Умён ли тот, кто измеряет свою бесценную жизнь звоном золотых монет? И всё ли в порядке с тем, кто завидует богатству другого? Если человек что-то и уносит с собой в вечность, так это отнюдь не бриллианты или пачки долларов, а самая малость — то, что именуется душой. В ней, как на микрочипе, запечатлены добрые и злые деяния, возвышенное и низкое, прекрасное и ужасное — вся жизнь, освобождённая от мишуры и блеска. Взлетит ли она в сияющие выси или низвергнется в мрачные бездны?

Можно безупречно делать то, что положено по службе, но считать основным не это, а нечто другое, более важное — независимость и отрешенность от суеты: быть независимым от бытия, оставаясь его неотъемлемой частью, — вот что, пожалуй, главное. Старательно и даже совершенно выполнять свою работу, осознавая всю её бессмысленность с точки зрения вечности, — значит, двигаться к свободной и прямой жизни, каждое мгновение которой и есть истинное счастье. Не в поисках ли его некоторые из нас и ныне уходят в пустынь, селятся в одиночестве в пещеры, забираются в глухую тайгу? Избавляясь от привычной суеты, мирских забот и всяческих обязанностей, они пытаются обрести силу и свободу. Но всё это, как считал Андрей, можно делать и в обычной жизни.

С Настей он старался не говорить на подобные темы. И не то чтобы он боялся, что она его не поймёт, просто ему казалось: каждый человек сам решает, что для него важно, а что нет. Навязывать своё мнение он никому не хотел.

Эдуард Игоревич в это время внимательно рассматривал шаманский пояс, перебирал прикрепленные к нему колокольчики и старался понять смысл изображенных на них пиктограмм. Одна из них напомнила ему сморщенную мордочку обезьяны, чему он удивился: навряд ли прежние нанайцы когда-нибудь видели это животное. Может, на рисунке всё-таки не обезьяна? У изображения присутствует длинная жидкая борода – такие у стариков-аборигенов бывают. Наверное, это всё-таки портрет человека. Но, с другой стороны, не похоже: треугольная мордочка, сплюснутый нос с большими ноздрями, маленькие злые глазки, морщинистый лобик, уши-калачики. Карикатура на человека! Но для обезьяны – ничего, нормальный портрет. Хотя, конечно, скорее на чёрта смахивает, чем на обезьяну. Чей же образ набросал древний художник на шаманском колокольчике?

От мыслей его отвлёк стук в дверь. Не успел Эдуард Игоревич сказать «да», как в кабинет ввалился Уфименко. Он тяжело дышал, лицо побагровело и лоснилось от пота, рубашка на груди и под мышками потемнела, будто на неё плеснули пригоршню-другую воды.

— Уф! – Сергей Васильевич смахнул со лба бисеринки испарины. – Сумасшедшая жара! Мозги плавятся...

Эдуард Игоревич, не ожидавший визита Уфименко, взирал на него с обиженным видом человека, которого отвлекли по пустякам от дела чрезвычайной важности. Под кондиционером он и думать забыл о жарыни за окном.

— А у вас – прямо север, — Сергей Васильевич, наконец, вспомнил, что забыл поздороваться и степенно поклонился:

— Однако, здравствуйте! Я к вам на минутку...

Эдуард Игоревич внутренне напрягся: если Уфименко об этом заранее предупреждал, то потом постоянно поминал: ещё, мол, одна минутка и я уйду; ах, позвольте, дело-то минутное, но я уж поподробнее объясню; ещё на минуту задержаться можно? И уже, простившись, вставал и шел к двери, но вдруг хлопал себя по лбу и возвращался: «Господибожемой! Минутку! Совсем забыл...»

— Что там у вас ещё? – намеренно усталым голосом спросил Эдуард Игоревич и слабым движением руки отодвинул шаманский пояс от себя; перед ним остался лишь исписанный до половины лист бумаги. Всем видом музейщик хотел показать: трудится аки пчёлка, уморился от трудов праведных и нет у него времени на пустопорожние разговоры.

— У меня, извините, срочная работа, — Эдуард Игоревич кивнул на рукопись. – И потом, мы с вами не договаривались о встрече...

На нормальных посетителей этот прием действовал: они конфузились и спешили удалиться. Сергея Васильевича, увы и ах, смутить было трудно, тем более, что он давно приметил: лист бумаги, будто приклеенный, всегда лежит на одном и том же месте, уже залохматился по краям и ни строчки на нём не добавилось.

— Разве я похож на похитителя чужого времени? – с достоинством осведомился Уфименко. – Сам не в восторге от незваных гостей, так что прекрасно вас понимаю. Но у меня есть доказательство, то самое, — он выразительно понизил голос. – Помните, вы обещали мне поддержку, если представлю подтверждение?

— Какое ещё подтверждение? – не понял Эдуард Игоревич.

— А вот такое! – Сергей Васильевич жестом фокусника выхватил из портфеля мятую бумажку, развернул её и с торжествующей улыбкой положил перед Эдуардом Игоревичем. При этом он, правда, тут же закрыл её широкой ладонью и, весело прищурившись, предупредил:

— Вы не поверите своим глазам, но придётся...

— Что же там у вас такое? – любопытство взяло верх над раздражённостью, и Эдуард Игоревич даже нетерпеливо потянул руку к бумажке.

Сергей Васильевич не сразу, но приподнял ладонь, и взгляду Эдуарда Игоревича предстало изображение обезьяны. Она была почти точной копией примата, нацарапанного на шаманском колокольчике.

— Это изображение указывает на вход в подземелье, — объяснил Уфименко. — Пусть вас не смущает, что я нарисовал его по памяти. Как посмотрел на эту личину, так она будто в мозгу отпечаталась, закрою глаза – и вижу её...

— Вы можете всё толком объяснить? – Эдуард Игоревич начал терять терпение. – Хотя бы для начала скажите, где увидели изображение?

— В пещере старухи!

Сергей Васильевич рассказал, как бабушка Чикуэ водила всю их компанию к пещере и что они там обнаружили. С его памятью что-то случилось: он всё прекрасно помнил до того момента, как увидел на стене личину, но что произошло потом – стёрлось из сознания.

Уфименко очень удивился бы, если бы кто-то спросил его, что он испытывал, когда на его глазах незатейливая деревянная фигурка обернулась живой ящерицей и вгрызлась в ногу Андрея. Он просто не помнил этого, как, впрочем, и всего остального – гигантского дерева, упиравшегося вершиной в небо, странных молчаливых птичек в его ветвях, звенящих на ветру ярких листьев, и даже Орлицу забыл. Впрочем, что-то такое порой мелькало в его тревожных снах – удивительное, живописное, расплывчатое и неясное; каменный великан Дюлин растягивал узкие губы в улыбке, лучезарный мальчик приветливо махал пухлой ладошкой, из-за валуна выглядывала то ли морда дракона, то ли это была маска, надетая на человека – Уфименко вздрагивал, пытаясь рассмотреть видения внимательно, но их будто кто-то медленно стирал ластиком.

Сергей Васильевич был уверен: к пещере они ходили лишь затем, чтобы найти вход в подземелье. Андрей, как ему казалось, приехал в Сакачи-Алян исключительно ради этого, добрый малый, ничего не скажешь! И о Чикуэ Золонговне у Сергея Васильевича тоже остались самые приятные воспоминания. А вот Марго – просто истеричка какая-то: этой доморощенной ясновидице примерещились некие духи, только и знает, что о них твердит – мол, не всё так просто в той пещере было; inferнальные силы постарались скрыть правду – убрали из памяти людей всё, что смертным знать не полагается. Эх, такая симпатичная, интересная женщина, и к тому же не полная дура, но слишком большая фантазерка!

— Самое интересное, что такая же обезьяна изображена на колокольчике от этого шаманского пояса, — Эдуард Игоревич решил ничего не скрывать от Уфименко. — Я просто поражён этому странному совпадению.

Сергей Васильевич внимательно рассмотрел колокольчик, но удивления не выказал. То, что эта личина была изображена на шаманском атрибуте, лишь укрепила его в мысли: он на правильном пути. Обезьяна – страж подземного мира, куда нет входа обычным людям. Вполне вероятно, она охраняет врата в буни. Нанайцы верили, что Вселенная состоит из девяти сфер — трех верхних, трех средних и трех нижних. Причем, согласно некоторым легендам, небес тоже было три – железные, серебряные и золотые. Однако эти представления не отличаются четкостью. Например, считалось: мир, в который уходят души мертвых, находится на западе, но в то же время и под землей. Только шаманы, умевшие путешествовать во времени и пространстве, знали во всех подробностях ведущий туда путь. Они описывали его как узкий тёмный тоннель. На вход в него указывала пиктограмма обезьяны. А может, она была вроде предостерегающего знака: «Внимание, опасно для жизни!». Наподобие табличек на столбах линий электропередач, изображающих череп с перекрещенными молниями. Но, скорее всего, личина – это ключ, которым нужно уметь воспользоваться.

— А что, если шаманы на самом деле попадали в подземелье? – предположил Сергей Васильевич. – И оно то самое, которое ищу я! Оно тут, под нашими ногами, — он постучал носком ботинка по узорчатому старинному паркету. – Мы ходим по параллельному миру, не подозревая о его существовании. Аборигены же всегда знали: наш мир не единственный, его окружают другие миры – Вселенная вроде слоеного пирога... Нет-нет, это банальное сравнение! – он досадливо поморщился; его взгляд блуждал по стенам кабинета, пока не натолкнулся на панно, украшенное нанайским орнаментом.

– Вот! Смотрите! – Сергей Васильевич ткнул в сторону декоративной вещицы. – Этот орнамент называют спирально-ленточным. Искусствоведы описали его, кажется, со всех сторон, но так и не открыли его загадку. Вглядитесь: он – живой, причудливый, при всей своей завершенности странно нелогичен, его спирали будто клубятся: каждая отдельно, но вместе с тем одно целое. Рисунок словно растекается по плоскости и застывает подобно морозным узорам на стекле. Ленточки орнамента не пересекаются – как параллельные миры, и всё-таки находятся в удивительном единстве...

Эдуард Игоревич с восторженным трепетом взирал на Уфименко, в котором вдруг проснулся дар красноречия. Его глаза сверкали, он размахивал руками, хватался за голову и лохматил волосы. Неожиданные сравнения, пришедшие на ум, потрясли и самого Сергея Васильевича.

— Древний народ был настолько мудр, что свои знания о мире вложил не в книги: они горят или истлевают, — продолжал вещать Сергей Васильевич. – Он скрыл их в орнаментах, они передавались от поколения к поколению, но тайный смысл узоров знали лишь посвященные.

— Богатая у вас фантазия! – восхитился Эдуард Игоревич. – Но всё это лишь красивые слова. Подземные ходы, возможно, и существуют, но они могут иметь вполне конкретное природное происхождение: различные пустоты, разломы. С чего вы взяли, что в них какая-то иная жизнь? Доказательств-то нет! Я верю только строгим фактам.

— А это не факт? – Уфименко потряс рисунком и показал на колокольчик. – Личина обезьяны убедительное доказательство. Она изображена на шаманском атрибуте и есть на входе в подземелье. А куда отправлялся шаман во время камлания? В другие миры, в том числе и в буни. Обезьяна помогала ему...

— Извините, — вежливо осклабился Эдуард Игоревич. – Изображение обезьяны на этом колокольчике, скорее, исключение из правила, чем само правило. Мне не приходилось видеть подобные пиктограммы на нарядах других шаманов...

— Ой-ой-ой! – Сергей Васильевич иронично присвистнул. – А много ли вы вообще видели?

Оскорблённый Эдуард Игоревич побагровел и, не скрывая обиды, выпалил в ответ:

— А вы сам-то каков! Носитесь по всему городу со своей ..., — он запнулся, подбирая приличное определение, — сумасбродной идеей! Да над вами все потешаются, если хотите знать!

— А мне плевать! – Сергей Васильевич молодцевато подбоченился. – Хорошо смеётся тот, кто смеётся последним. Вот ключ к входу в подземелье, — он потряс рисунком. – А вот его план, — он вынул из портфеля карту. – Я чувствую: там, под нами, целый мир, а мы и не знаем...

— Лично я и знать не хочу, — Эдуард Игоревич, хоть и делал вид, что карта абсолютно его не интересует, тем не менее скопил на неё глаза. – Всё это ваши фантазии!

— Чего? – изумился Сергей Васильевич. – Да знаете ли вы...

И он принялся с жаром вспоминать рассказы тех людей, которые проваливались в разломы и попадали в весьма странный тоннель, тьма которого была наполнена какими-то шорохами, что-то в ней двигалось, мерцали диковинные точки, и казалось: кто-то внимательно изучает чужака. Холодное кольцо страха сжимало горло, всё тело цепенело, а обостренный слух улавливал чьё-то тяжёлое дыхание.

Может, этот тоннель и есть то самое буну, о котором повествуют старинные легенды? Ведь в него попадают не тела людей, а их души, которые не что иное, как те самые светящиеся точки. Правда, Сергей Васильевич справедливости ради вспомнил, что, согласно мифам нанайцев, души продолжают вести в Нижнем мире тот же образ жизни, что и на Земле. В том мире слабее светит солнце, не так много пищи и она безвкусная. Что интересно, большинство малых народов Сибири верили, что солнце подземного мира — лишь половина настоящего светила, а еду душам заменяют гнилушки и всякая нечисть. Никак, однако, не похоже на загадочный тоннель под городом. Во всяком случае, ещё никто не встречал в нём души умерших и не видел светила.

Правда, в мифах, кроме буни, упоминалось о каких-то более нижних подземных мирах, но что это были за сферы — не совсем ясно, утверждалось лишь: шаманы сбрасывали туда злых сеонов, убитых в жестоких единоборствах. Души невидимы и бесплотны, однако двигаются, дышат, могут напустить на человека страх или, наоборот, вызвать беспричинную радость. Взблаговал — так обычно говорят о том, кто вдруг ни с того, ни с сего начинает хихикать, гримасничать, радоваться неизвестно чему. А всё потому, что дух пощекотал его, дунул в ухо или окутал веселым мороком.

— Сказки! Ах, боже мой, какие сказки! — покачал головой Эдуард Игоревич. — И вы хотите, чтобы я в них поверил?

— Не призываю вас верить, — Сергей Васильевич устало присел на стул и, сделав брови домиком, опечаленно вздохнул. — Всего-то и прошу: проверить! Без вашей поддержки не обойтись...

— А музею-то какой интерес? — Эдуард Игоревич тоже вздохнул. — И вообще, у меня сейчас работы много: новую экспозицию по шаманизму создаем. Голова кругом идёт!

— Не забывайте, что до того, как русские первопроходцы основали город Ха, тут было большое стойбище, — оживился Сергей Васильевич. — Ведь я об этом вам рассказывал, помните? Так вот, о подземелье шаманам, конечно, было известно. И кто знает, вдруг они там что-нибудь хранили? Никто по-настоящему не исследовал эти тайные ходы...

— Считаете, там можно найти что-то интересное?

— Просто уверен в этом!

Эдуард Игоревич давно записал Уфименко в городские сумасшедшие. В этом списке значились люди, которые всех удивляли не то чтобы оригинальностью, а, скажем так, — страстной неадекватностью: они носились с невообразимыми идеями по всему Ха как с писаной торбой, что-то доказывали, волновались, пробивали, пытались обратить в свою веру любого встречного-поперечного; и чем чаще получали от ворот поворот, тем больше заводились. Некоторые из них со временем даже становились чуть ли не народными героями, и все забывали, что когда-то считали их чуть ли не сумасшедшими.

Эдуард Игоревич вспомнил маленькую тихую старушку в старомодных очочках, дужки которых были перевязаны ниточками, чтобы совсем уж не рассыпались. Мало того, что эта бабулька, некогда служившая в захезанной ветлечебнице чуть ли не санитаркой, выйдя на пенсию, по копейке складывала в кубышку, чтобы съездить по пушкинским местам России, так ещё и агитацию развернула. В Ха напротив педагогического института притулился гипсовый памятник Поэту, до такой степени загаженный голубями, весь в трещинах, скособоченный от времени, что и взглянуть-то на него было страшно. «Как не стыдно! — говорила эта старушка, смиренно глядя в глаза какому-нибудь городскому начальнику. — Вы же в школе учили его стихи, любили, наверное. Он наше национальное достояние, а памятник Поэту в таком ужасном состоянии. Я знаю, как его отреставрировать, вот и адреса скульпторов есть. Нужны деньги...»

Её скоро перестали пускать в начальственные кабинеты, так она давай слать письма в редакции газет и журналов. Некоторые издания их публиковали. А время-то было советское, когда на обращения граждан в средства массовой информации было положено реагировать в месячный срок. Чиновники, естественно, отвечали отписками. А старушонка не успокаивалась, снова и снова писала, выступала по радио, и вместо того,

чтобы по бульварам с собачкой, как другие нормальные пенсионерки, прогуливаться, ежедневно отправлялась в обход всяких присутственных мест. И ведь до чего додумалась! Нашла ещё пару-тройку таких же упёртых людей, они организовали какой-то общественный комитет по спасению памятника, зарегистрировали его и объявили сбор денег: выпустили подписные листы, установили урны, куда сердобольные люди кидали смятые рублишки да мелочь; мало того, с этими подписными листами бабушка не постеснялась пройти по тем чиновникам, которых от одного её вида уже трясло.

Худо-бедно, но денег насобирали и тот памятник отремонтировали. Заодно старушка заметила ещё несколько других таких же запущенных скульптур и тоже за них вступилась. В общем, через несколько лет стало понятно: не было бы этой бабки, не было бы и памятников, которые возродились только благодаря ей. «Подвижница, патриотка, замечательный человек!» – сказали те же самые чиновники, которые объявили её чуть ли не сумасшедшей. И присвоили ей звание почётного гражданина города. Правда, прожила с ним пенсионерка недолго – вскоре и померла.

Вспомнив о ней, Эдуард Игоревич задумчиво окинул взглядом Уфименко: а что, если и этот пенсионер не такой уж и сумасшедший? Конечно, смешно, когда он утверждает, что чувствует людей и энергию, от них идущую, футы-нуты, экстрасенс доморощенный! Но, может, не так уж и комична его гипотеза насчет этого чёртового тоннеля, а? Какая-то сермяга в его идее есть. И если он окажется правым, то что потом скажут об Эдуарде Игоревиче? Отказал, мол, подвижнику в помощи.

— Хорошо, — Эдуард Игоревич зябко поёжился, представив, как его имя будут склонять на все лады, если Уфименко окажется прав. – Считайте, я на вашей стороне. Тем более, что наши обезьянки просто сестры-близнецы. Надо же, такое совпадение! И эти пиктограммы, ничего не скажешь, работают на вашу идею...

— Да, загадочное изображение, — Сергей Васильевич, обрадованный согласием Эдуарда Игоревича, однако, из строптивости не спешил с выражением благодарности. – Мне, кстати, вспомнился один забавный случай. Бабка рассказывала: когда увидела впервые обезьяну в цирке, то даже испугалась. Подумала: чёрт! А что, очень похоже, — он рассмеялся. – Где-то читал, что некоторые примитивные племена не переносят ленивцев и опоссумов. Последних считают вместилищем злых духов и уничтожают при любом удобном случае.

— Опоссум разве обезьяна? – усомнился Эдуард Игоревич.

— Какая разница! – пожал плечами Сергей Васильевич. – Главное, что древние считали обезьян как бы приближенными к иному миру.

Эдуард Игоревич терпеливо слушал Сергея Васильевича, не решаясь перебивать его речь вопросами. Ибо на каждый вопрос Уфименко старался ответить подробно, с массой примеров, постоянно отклоняясь на частности. Перенести это занудство мог лишь человек с крепкими нервами.

Он втолковывал Эдуарду Игоревичу, что между земным и подземным мирами существует некая невидимая непреодолимая стена. Тот, другой мир хранит ледяное молчание, не испытывая к нашей реальности ни любви, ни сострадания, ни боли. Вероятно, он прекрасен и ужасен одновременно, в нем, может статься, иное пространство и другое время. Ласковая дымчатая темнота окружает со всех сторон, но где-то там, в черной бездне, вдруг вспыхнет ясное, чистое пламя, и так ярко засверкает, что глазам станет больно на него глядеть. Белый огонь смешивается с агатовым светом, и в этих бурных сполохах высвечиваются крылатые драконы и пресмыкающиеся пуймуры.

— Помните, я как-то говорил вам о пуймурах? – напомнил Сергей Васильевич. – Возможно, они каким-то образом попадают из подземного мира в наш. А что, если мы найдём это существо? Да нам сразу памятник поставят!

Эдуард Игоревич стойко воздерживался от комментариев, лишь иногда кивал или неопределённо хмыкал, крикал и покашливал. Ему всегда казались подозрительными люди с горящим взглядом, которые обещали всё и сразу. А Сергей Васильевич как-никак

сулил слишком многое: и открытие тайн подземелья, и диковинные предметы первобытных культур, и заманчивые шаманские раритеты, и – поди ж ты! – неизвестных зоологам зверушек. «Болтун, болтун, болтун, — твердил про себя, как заклинание, Эдуард Игоревич. – На девяносто девять процентов ему веры нет. Но один процент всё-таки остаётся. А если это и мой шанс?»

Как бы то ни было, свое слово он сдержал: всеми правдами-неправдами выпросил в одном научном институте тепловизор. Съёмки в местах, указанных Сергеем Васильевичем, дали интересные результаты: под землёй, похоже, действительно находились какие-то объекты – возможно, разломы, старые подземные ходы или даже тоннель. Причём, вся эта система практически совпадала со схемой, составленной Уфименко, и, похоже, действительно заканчивалась (а, может, начиналась?) в пещере у старинного нанайского села Сакачи-Алян.

Сергей Васильевич торжествовал. Вместе с ним радовалась и Марго, которая чаще обычного закатывала глаза, ещё больше размахивала руками, беспрестанно чирикала что-то малопонятное о тонких материях, энергетических сущностях и всячески намекала, что там, под нами, таится иная, очень древняя и высокодуховная жизнь. Ей снились всякие странные сны о посвященных, просветлённых и многомудрых учителях, незримо присутствующих рядом с нами. Они таинственно улыбались ей и силились что-то сказать, но женщина, как ни напрягала слух, ничего, увы, не слышала. Голос истины слишком тих и слаб, решила Марго. Не каждому дано его услышать, только – избранным.

— Да ну! – весело присвистывал Сергей Васильевич, пытаясь приободрить сподвижницу. – У вас со слухом всё в порядке. Это у них не в порядке с голосом: лишились дара речи от изумления, что кто-то из землян осмелился выйти на контакт с ними.

Вообще-то, Марго ни на какой контакт не выходила. Мало ли что может присниться одинокой, ещё не старой женщине, особенно если ей хочется внушить себе, что на свете нет ничего важнее непознанного? Мужчин она сознательно сюда не включала, считая их существами довольно ясными, примитивными и понятными: все они, на её взгляд, хотели одного, только одни умело скрывали свои гнусные намерения, а другие, распушив перья, всячески демонстрировали, какие они умелые и опытные Казановы, чёрт бы их побрал со всеми их потрохами! Но... Ах, было одно «но». Сергей Васильевич не подходил ни под одну из этих двух категорий. И чтобы не думать о нём слишком много, Марго предавалась размышлениям о чём угодно, только не о нём.

Сергей Васильевич, между тем, был настолько озабочен снаряжением экспедиции в подземелье, что и вовсе ни о чём другом не раздумывал. Эдуард Игоревич помог со снаряжением, упросил своего давнего приятеля из клуба спелеологов поддержать Уфименко и выделить ему в подмогу двух крепких молодых парней – пусть вместе со стариканом спустятся под землю, авось что-нибудь там обнаружат.

Поползав в темных и душных катакомбах два дня, извалявшись в грязи и нанюхавшись метана, Уфименко ничего особенного не заметил. Разве что однажды ночью ему почудилось: тьма вокруг будто задышала, ожила, что-то тихо просвистело мимо, и раз, и другой; заплясали какие-то малюсенькие огненные точки, не больше мошки, — он решил: это от усталости поднялось давление, вот и мельтешит в глазах. Но точки, казалось, были очами невидимых существ: они то открывались, то закрывались, пристально наблюдая за людьми, — от них исходило холодное любопытство высокомерных тварей, знающих себе цену. Кажется, они даже переговаривались друг с другом – слышался однотонный шепот, прерываемый подобием вздохов; что-то шелестело, будто листья дуба на ветру – жестко и резко; иногда люди чувляли быстрое легкое движение, будто мимо пронесся козодой, а, может летучая мышь, скорее всего, именно летучая мышь, которая издавала, однако, странный писк: тихий вначале, он усиливался, напоминая короткие, бьющие по нервам радиосигналы, — и это уже был даже не писк, а сердитый, истеричный визг.

Уфименко прислушался к этим странным звукам, но вскоре почувствовал, как веки наливаются тяжелым свинцом, глухая сонливость неотвратимо охватывала всё тело – он и не заметил, как откуда-то сбоку появилась высокая светящаяся фигура. Не сказать, чтоб она напоминала человека – вернее назвать её туманным абрисом грубого каменного истукана: удлинённая голова со скошенным лбом, карикатурно глубокая дыра рта, к тому же извергающая языки пламени в голубоватом дымке; башка резко переходила в короткое туловище, к которому были приделаны длинные руки и ноги. Впрочем, всё это было, скорее, туманным образом, нежели чем-то вполне конкретным.

Фигура, зыбко покачиваясь, остановилась напротив Сергея Васильевича, и он услышал монотонный равнодушный голос:

— Не всякому дано войти сюда, и не всякий вошедший выйдет отсюда. Есть черта, преступив которую, можешь навсегда закрыть за собой дверь. Ты не дошёл до неё, и тебе достаточно знать то, что уже знаешь.

Сказав это, фигура медленно поплыла прочь, но через несколько метров повернула голову, и Сергей Васильевич зажмурился: в маленьких дырочках, символизировавших глаза истукана, зажглись ослепительные желтые огоньки. А когда он открыл глаза, то уже ничего не было – только непроглядная тьма, глухие звуки, слабое движение застоявшегося воздуха.

Он решил, что всё ему приснилось. Во тьме, однако, блуждала светящаяся точка. Она то поднималась, то опускалась, двигалась из стороны в сторону, медленно описывая замысловатые эллипсы, — это походило на танец, странный, завораживающий – так кружатся пылинки в потоке утреннего солнца, но светила тут не было, и точка была единственная и настолько микроскопическая, что навряд ли кто-нибудь её смог бы увидеть, если бы она не лучилась и не сверкала так неистово, будто в ней заключалась мощь сотен звезд.

Сергей Васильевич не знал, что и подумать. В голове само собой сочинилось странное двустишие: «Весь мир – эксперимент, ты в нём – танцующий момент». К чему это? Что это значит? А может, просто вспомнилось и перефразировалось одно из стихотворений полузабытой советской поэтессы Анны Барковой?

Когда-то Сергей Васильевич, обмирая от волнения, переписывал её строчки в толстую тетрадь с зеленой обложкой. Стихи Барковой мало кто знал, они, считай, и не печатались нигде, даже сам Твардовский не решился опубликовать её последнюю поэму в своём знаменитом вольтерьянском «Новом мире». Поэтесса, трижды сидевшая в лагерях, состарившаяся, превратившаяся в косматую старуху с потухшим взором, так и не увидела своей большой книги. Очнувшись в больнице от забытья, она сошла с постели и, опираясь дрожащими руками о стену, добрела к выходу, открыла дверь и упала. Когда подбежавшие нянечки и медсёстры подняли её, Баркова прошептала: «Я пыталась догнать колонну...»

Одинокая, неистово сияющая пылинка танцевала во тьме.

«Тебе достаточно знать то, что ты уже знаешь...»

А если нет?

Сергей Васильевич отвёл взгляд от точки в сторону: она ослепляла его и, казалось, была способна прожечь насквозь. Непроницаемая тьма тут же навалилась на него, тяжело надавила на веки, и он смежил ресницы, чтобы дать глазам отдых, а когда снова открыл их, никакой танцующей пылинки уже не было.

«..не стоит переступать черту, — пронеслась в голове ясная, чёткая мысль; это была не его мысль, она возникла внезапно, будто включилось радио, и он услышал обрывок фразы. – Всеми своё время. Но знай: рано или поздно вход открывается каждому. Твоё время не пришло...»

Он подумал, что сходит с ума, но что-то мягкое и нежное прикоснулось к его щеке – осторожно, мимолётно, ласково, и Сергей Васильевич, вздрогнув, внезапно встал, разбудил двух своих товарищей и скомандовал:

— На выход!

Можно сказать, никаких особенных результатов эта экспедиция в подземелье не дала. Если не считать, впрочем, продолговатого серого камушка, он лежал у выхода из провала, через который мужчины выбрались наружу. На камне было выбито изображение то ли маски, то ли лица человека, украшенного волнистыми линиями, точками и спиральями. Скорее всего, это был рисунок личины, которой шаманы прикрывают лицо во время камланий.

17.

— Андрюша, — Марго широко улыбнулась, — вы за какое время пробежали стометровку на уроках физкультуры?

Андрей недоумённо пожал плечами: он этого действительно уже не помнил; его и в школе вообще-то мало интересовала «физра», хотя бегал, прыгал и отжимался он не хуже других, а иногда даже и лучше.

— А это имеет значение? — спросил он. — Не понимаю, зачем вам это надо.

— Да так, — Марго повертела маленький блокнотик в пестрой обложке. — Вот я, к примеру, всегда плохо бегала, а моя подружка — прямо как стрела: фыьыр — и уже на финише, только пыль столбом!

— Ну, и что ж из этого?

Марго жеманно вздохнула, затянулась сигаретным дымом и медленно выпустила его изящными тонкими колечками.

— Ах, не знаю, как и сказать, — она преувеличенно громко хихикнула. — Наверное, вы и так меня считаете чудачкой, мягко говоря. А тут такое дело...

Она раскрыла блокнотик, полистала его, определённо дожидаясь от Андрея хоть какой-нибудь реакции. И он, конечно, вынужден был сказать:

— Ну, мягко говоря, — и подчеркнул интонацией это самое «мягко говоря», — оригинальные люди всегда выделяются на общем сером фоне. Какая разница, кто и что о вас говорит, если мне с вами интересно общаться...

— Ой, не знаю!

— Уверяю вас.

— Я польщена...

Марго, наконец, нашла в блокнотике нужную страничку и, прижав её пальчиком, попросила:

— Взгляните. Сейчас вы поймёте, почему я о стометровке речь завела...

Он посмотрел. Страница была испещрена цифрами со многими нулями, а внизу её небрежно изображен отрезок, разбитый на части с непонятными обозначениями.

— Андрюша, вы будете долго смеяться, но я попыталась изобразить биографию Вселенной, — она неловко засмеялась. — Вот, смотрите, 14 миллиардов лет назад случился тот самый Большой взрыв, из которого Вселенная родилась. Затем, — она ткнула наманикюренным ноготком в другую цифру, — наступила эпоха рекомбинации — излучение отделилось от вещества. Это излучение называется реликтовым. До этого события никто ничего не видел вокруг. Впрочем, — она снова хихикнула, — и смотреть-то было некому, не считая разве что Бога — никаких живых организмов ещё не водилось. Но это и не важно. Важно, что 13 миллиардов лет назад происходит формирование структуры галактик и галактических скоплений — этот период учёные назвали «Тёмной эпохой», а вскоре появляются и первые звёзды, — она показала на другую цепочку цифр. — Только 4,5 миллиарда лет назад родилась наша Солнечная система. Органические вещества на Земле появились три миллиарда лет назад, и всего лишь сорок тысяч лет назад невесть откуда взялся человек.

Андрей, честно говоря, не мог понять, зачем Марго рассказывает всё это ему. Он даже решил: она каким-то образом – недаром считается экстрасенкой! – поняла, что его недавно заинтересовала книжка о происхождении жизни, да так, что он читал её запоем, как другие — какой-нибудь детектив.

— Так вот, — Марго подняла указательный палец, призывая его быть внимательным, — если всю историю Вселенной изобразить как дистанцию длиной сто метров, то жизнь человеческой цивилизации займёт на ней всего лишь тридцать миллиметров.

— Подумать только! – он искренне изумился. Самому ему никогда бы не пришло в голову заниматься подобными вычислениями. Впрочем, в школе Андрей не любил математику с геометрией, он считал: в повседневной жизни уж как-нибудь обойдётся без всей этой зауми, хватит заученной наизусть таблицы умножения, а не хватит – есть калькулятор.

Однако он не понимал, почему Марго вдруг заинтересовалась историей Вселенной, да ещё и график нарисовала. Дама будто услышала его мысленный вопрос: она иронично изогнула брови, мягко улыбнулась и, таинственно прижав палец к губам, прошептала:

— Без калькулятора я тоже не обхожусь. Жуть, как не люблю считать. Но только – тссс, — Марго смешно округлила глаза, — не считайте меня сумасшедшей: я поняла, что если бытие человеческой цивилизации занимает тридцать миллиметров, то оставшуюся часть от этих ста метров нужно отдать Тёмной материи. Она тоже могла создать жизнь! Понимаете, Андрей? Это не фантастика!

Андрей ничего не понимал. Он не знал, что совсем недавно представления учёных об устройстве нашего мира несколько изменились, причем весьма принципиально. Они вычислили: Вселенная на 25 процентов состоит из невидимой Темной материи и еще на 70 процентов. — из Темной энергии. Их физическая природа и свойства пока что неизвестны, и как их изучить – физики ещё не придумали.

Реликтовое излучение открыли в 1965 году на уровне радишума. Ученые не сразу поняли, что оно эхо того самого загадочного Большого взрыва, с которого и началась биография нашей Вселенной, заметим: именно нашей. Невероятно маленькая точка, такая микроскопическая, что любая пылинка по сравнению с ней – гора, стремительно вспучилась, раздулась как воздушный шарик и мгновенно разогрелась — наверное, это была потрясающая мистерия огня и жара, расчистившая пространство под строительство новых миров. Остывая, вещество излучало свет, фотоны которого за 14 миллиардов лет превратились в радиоволны.

По температуре реликтового излучения, приходящего к Земле со всех сторон, учёные измерили величину этих ранних звуковых волн, и по этим данным вычислили количество вещества во Вселенной. Вычислили и сомкнули руки надо лбом, пытаясь осмыслить парадокс: обычного вещества, из которого состоят звезды и планеты, явно не хватает, и, причём, намного. Его масса составляет всего пять процентов от того, сколько должно быть. Но что представляют собой остальные девяносто пять процентов? Оказалось, что это таинственное вещество состоит из двух компонентов: Темной материи и Темной энергии. Первой во Вселенной 25 процентов, а второй – 70 процентов. Что такое темная материя, сказать трудно: она открыта пока что гипотетически, но исследователи уже имеют основания считать, что её частицы — тяжелые, очень слабо взаимодействуют с веществом: не имеют электрического заряда, не участвуют в ядерных силах, иначе их бы давно открыли.

Поразительно: эти тёмные частицы пронизывают всю материю, они носятся вокруг нас, проникают в нашу плоть, влетают в мозг, смешиваются с кровью и, не оставляя следа, мчатся дальше в глубины Вселенной. Возможно, человек для них ровным счётом ничего

не значит: холодные и величественно недоступные, они не желают иметь ничего общего с обычным веществом. И всё-таки, хоть и слабо, но эти частицы взаимодействуют с нейтрино. Кстати, мало кто знает: на нас падает десять миллиардов штук нейтрино в секунду, но никто этого не замечает, как не замечаем мы и тяжелые частицы Темной материи. Но если физики всё-таки научились ловить нейтрино, то в конце концов поймут и Тёмную материю.

А вот с Тёмной энергией всё ещё сложнее. В уравнениях великого Эйнштейна есть только одно вакантное место для недостающих 70 процентов Вселенной — так называемый лямбда-член, характеризующий некую энергию, чем бы она ни была. Ее-то и назвали Темной энергией, которая действует как антигравитация, заставляя расширяться Вселенную всё быстрее. Для физиков это некое новое поле, которое они назвали квинтэссенцией.

До Большого взрыва малюсенькая точка, ставшая нашей Вселенной, была частью чего-то гораздо большего — того, что существовало, существует и будет существовать всегда. Нынешние ученые полагают, будто материя в этом Нечто находится в бесструктурном состоянии — нет ни атомов, ни частиц. Они появились только в нашей Вселенной. Причем, вначале ускорение развития мира тормозила гравитация, но семь миллиардов лет назад он опять стал ускоренно расширяться. Почему Темная энергия так ведёт себя, на этот вопрос ни один, даже самый великий физик, ответить не в состоянии: природа этого явления выше человеческого понимания.

Пока что ясно лишь одно: у нашего мира нет начала, а есть переход из какой-то пока неизвестной предыдущей стадии. Просто однажды вдруг возник пузырёк, который начал раздуваться. Это так похоже на кипящую воду: в её глубине появляются малюсенькие серебристые шарики, которые вывертываются на поверхность, пена принимается пузыриться, и некоторые из пузырьков стремительно разрастаются, чтобы в конце концов лопнуть и снова смешаться с кипятком. Возможно, наша Вселенная — не единственный такой пузырёк? И что же тогда представляет собой тот котёл, в котором Некто варит божественный бульон? А может, это просто гейзер или горячий источник, в котором булькает кипяток? Но где же всё это находится? И что тогда есть вся бесконечная цепь Вселенных?

Слушая объяснения Марго, Андрей невольно представил, как снимает шумовкой с кипящего куриного бульона светло-янтарные пузырьки пены, и она растекается по никелированной поверхности жирным пятном, просачивается сквозь дырочки и капает на подставленную тарелку. А в ней, возможно, целые миры!

— Андрюша, да я совсем не про это говорю! — всплеснула руками Марго. — Хотя, конечно, ваш романтический взгляд на кипящий бульон не лишён оригинальности. Все мы в какой-то степени демиурги — творим и разрушаем миры, особо о том не задумываясь. Но я-то совсем-совсем про другое думаю...

— О том, кто варит этот бульон? — наивно предположил Андрей. Его почему-то никак не отпускала эта воображаемая картинка: повар в высоком колпаке степенно помешивает суп в эмалированной кастрюльке, всё в ней кипит, бурлит, поднимается лёгкий пар, пахнет лаврушкой, свежеперемолотым перцем, пряным хмели-сунели.

— Да нет же! — Марго притопнула ногой. — Я — о другом. Вы только не смейтесь над мной, ладно?

— Не буду, — Андрей изобразил честный взгляд и даже не моргнул, глядя в глаза Марго. — Разве я когда-нибудь смеялся над вами?

— А я бы засмеялась, — вздохнула Марго. — Ещё совсем недавно, если бы кто-то сказал мне, что мы живём в чужом мире, я бы засмеялась и покрутила пальцем у виска. А теперь сама считаю: Тёмная материя — это, возможно, главная реальность, а наш мир, занимающий всего пять процентов, — не что иное, как пузырь, возникший в ней. И если это так, то мы живем рядом с какими-то другими существами. Возможно, они нас видят и знают о нас больше, чем мы можем себе вообразить. А вот мы их видим не всегда. Лишь избранным удаётся перейти границу миров.

Марго говорила тихо, но каждое слово произносила чётко, будто диктовала текст, и потому он звучал внятно и убедительно. Слушая её, Андрей почувствовал лёгкое головокружение, будто оказался на краю отвесной скалы и посмотрел вниз: от высоты он всегда испытывал восторг и ужас; непонятная сила тянула его вниз, завораживала, насмешничала: дескать, слабо тебе пронестись как птице, или ты всё-таки не рождён для высокого полёта? Слава Богу, он брал себя в руки, ещё крепче ухватывался за поручень ограждения и, переведя дыхание, ретировался — ни на балконы, ни на смотровые площадки, ни на крыши многоэтажек Андрей старался не выходить.

Марго говорила, и ему представлялась бесконечная тьма, густая, непроницаемо чёрная, обволакивающая плотным туманом весь мир; сквозь неё лишь кое-где отчаянно пробивались крапинки света, но мягкий бархатный занавес темноты неумолимо надвигался и на них.

Андрей вспомнил, как мать перед тем, как самой лечь спать, непременно заходила к нему в комнату и, подоткнув одеяло и поправив подушку, обязательно задерживала шторы из бордового плюша: «Так лучше, — говорила она. — А то Луна вон какая полная, будет тебя тревожить...»

Он не любил оставаться в темноте. Ему казалось: она — живая, в ней кто-то есть, какие-то злобные существа, может, тролли, а может, гномы или, скорее, домовый подкрадываются к кровати, смотрят на него, тянут к нему свои крючковатые лапищи, и что-то шепчут, бормочут, тихонечко хихикают, стараясь, однако, не выдать своего присутствия. Обмирая от страха, он всё-таки опасливо опускал ноги на холодный пол, выжидал минуту-другую: никто, слава Богу, не хватал его за щиколотки, и, совсем осмелев, он соскакивал с постели, подбегал к окну и отдёргивал пыльную штору: в комнату тут же вливался хоть и слабый, но свет — отблески далекого фонаря на столбе, мерцание звезд, холодное сияние полной Луны. Темнота скукоживалась, неведомые страшилища куда-то пропадали, и даже старые половицы больше не потрескивали.

Но нечто страховитое всё же затаивалось в углах, уползало под кровать, хоронилось в лениво колеблющихся тенях, проскальзывало в щелку под дверь и замирало по другую её сторону: по этой причине Андрей боялся выйти по малой нужде, и порой терпел до самого утра. Темнота и пугала, и притягивала его. В ней была какая-то тайна, и ему казалось: мрак — это живое существо, зыбкое, воздушное и бесформенное, которое, однако, способно порождать чудовищ. Но, на удивление, они лишь намекали о своём присутствии и не трогали его. Андрей, осмелев, свешивал голову с кровати и заглядывал под неё. Никого там не было. И за дверью — тоже. И в углах никто не прятался, разве что лежал скомканный лист акварельной бумаги или какой-нибудь журнал, брошенный туда днём.

Незаметно, как-то сам по себе этот детский страх темноты прошел, но когда аоми в первый раз перенесла Андрея в темный и, казалось, бескрайний темный тоннель, он вспомнил свои давние ощущения. Мрак показался ему живым, холодным и равнодушным существом, для которого человек ровным счётом ничего не значит, а если и значит, то не более, как насекомое, на которое не обращаешь внимания, пока оно не станет досаждать.

— Тёмная материя вечная, — Марго понизила голос до свистящего шепота. — И всё, что создано из неё, тоже вечное. Я в этом уверена.

Андрей отметил: Марго побледнела, но это была особенная бледность – с лёгким оттенком той первой осенней желтизны на листьях, сквозь которую пробивается слабая зелень. Где-то он читал или слышал, что это признак нервного истощения или даже депрессии. Да и глаза Марго, беспокойные и колючие, выдавали её волнение; желтоватые ободки зрачков, казалось, накалились и, расширившись, с трудом удерживали иссиня-черные зеницы.

— Не считайте меня сумасшедшей, — продолжала нашёптывать Марго. — Мне было видение. Верьте мне на слово! Я ничем не могу доказать: тёмная материя это начало и конец всего, она сама вечность и в то же время сиюминутность, — я это просто знаю. В ней хранится всё, что было и, значит, те самые три солнца Сакачи-Аляна – тоже. Они там, в ней, в этой темноте под нами!

Марго волновалась, и, пытаясь справиться с охватившим её смятением, сцепила пальцы рук колесом. Она считала, что так выглядит спокойной: всё-таки уравновешенный, смирный человек вызывает доверия больше, чем эксцентричный. Но, однако, с глазами – безумными, сверкающими, широко открытыми – ничего сделать не могла. Андрей старался не глядеть в них. Ему казалось: в глубине черных зрачков Марго бушует смерч, его завихрения вырываются наружу, а, может, это выскальзывали лучики какой-то невидимой энергии – они покалывали глаза, вышибая из них слезу, и это было не то чтобы больно или неприятно — Андрей ощущал, как в него проникает нечто чуждое, властное, непонятное и оттого страшное.

Опустив голову, он слушал Марго, а та вдохновенно вещала о мифических солнцах, застрявших в потоке спрессованного времени. Энергию светил, подстреленных нанайским мэргеном – ну, надо же! – вобрала в себя тёмная материя, сохранившаяся с незапамятных времён в подземельях. Когда человек совсем уж допекает планету своими войнами, подземными взрывами, рубками леса, сбросами всякой дряни в реки и тому подобными безобразиями, Земля сердится и встряхивается – получают землетрясения, цунами и смерчи. Энергии трёх солнц хватило бы, чтобы полностью разрушить всё, что построили на планете неразумные двуногие, считающие себя высшим звеном эволюции, но её сдерживает неведомая сила. Некие сущности, обитающие в тоннелях, оберегают людей от последнего и окончательного катаклизма: они надеются, что человек одумается и станет вести себя действительно как разумное создание.

— Андрюша, я знаю: вы можете проникнуть в тоннель, — продолжала Марго. — Это не интуиция, я это не просто чувствую, а ясно видела. Не забывайте: у меня дар ясновидения. Вы знаете, где располагается вход в другой мир. Ведь знаете, правда же? Ну, знаете?

Она настойчиво повторяла и повторяла эту последнюю фразу, будто внутри неё, как в старом проигрывателе, что-то сломалось и пластинка без конца прокручивается на одном месте.

— Знаю, — ответил Андрей.

Он даже сам удивился, что чётко и ясно вымолвил ответное слово, хотя ещё мгновение назад хотел небрежно пожать плечами и сделать вид: ничего, абсолютно ничего ему не ведомо.

— Знаю, — повторил он. — Этот *вход* вот тут, — он прикоснулся ко лбу. — Всё — в голове, и *вход* — тоже.

— Не поняла, — растерянно прошептала Марго. — Вы хотите сказать, что я могу оказаться там мысленно? А что, если это будет просто фантазия?

— Значит, это будет просто фантазия, — повторил Андрей. — Но если это всё-таки будет настоящий *вход*, вы поймёте сразу. Туда нет одного-единственного *входа* для всех, для каждого — свой...

— Это не ответ, — Марго начала сердиться. — Вы смеётесь надо мной.

— Вовсе нет, — он смущенно улыбнулся. — Больше ничего не могу сказать.

— То, что вы говорите, слишком элементарно.

— А всё на самом деле гораздо проще, чем мы себе представляем, — Андрей поднял глаза и с сожалением покачал головой. — Извините, если я вас огорчил. Вы хотели услышать от меня что-то потрясающее, может, рассчитывали на откровение, похожее на кошмарный сон, — он смущённо кашлянул. — Но ничего подобного рассказать не могу.

— Не можете или не хотите?

Он оценил невольную двусмысленность этой фразы, но постарался не улыбнуться — сохранил серьёзность:

— Как желаете, так и считайте. А главное я вам уже сказал.

Обескураженная Марго замолчала. Её плотно сжатые губы чуть заметно подрагивали. Она закрыла свой блокнотик и небрежно бросила его в сумочку, при этом чуть не столкнула локтем высокий стеклянный стакан с вишневым соком, стоявший на краю осклизлой поверхности столешницы. Андрей успел выставить ладонь, и стакан вкатился в неё. Марго благодарно кивнула.

Уличное кафе под пестрыми зонтиками, в котором они сидели, было самым обычным: несколько пластиковых столов, окруженных пластиковыми же стульями; хлипкая стойка с двумя кегами пива — светлым и тёмным, рядом — три стеклянных кувшинчика, причем, в одном из них пузырилась светло-жёлтая жидкость — видимо, забродил яблочный сок; на полках, за спиной скучной серой барменши громоздились разноцветные баночки, пакетики с орешками, кириешками, вяленой рыбкой, наособицу стояли блоки сигарет, баночное пиво, тетрапаки, и даже валялись квадратные упаковки с дешевыми презервативами. На табурете, приставленном к холодильнику, мирно дремал хмурый охранник. Единственная уборщица следила не столько за чистотой столов и стульев, сколько за тем, чтобы посетитель, не дай бог, не покинул сие заведение, прихватив с собой пепельницу, стакан или ложечку. А уж если он разбивал посуду, то она мгновенно вырастала перед ним, растопырив руки колесом: «Плати!»

На этот раз ей не повезло. Уборщица с унылым видом нехотя опустила тряпку на стол, провела ею по столешнице – осталась мокрая жирная полоса. Исполнив долг, она посмотрела в пространство над головой Андрея и монотонно произнесла:

— Уже час сидите, с двумя стаканами сока, места занимаете, новых заказов не делаете.

— Ещё захотим пить — купим, — вежливо кивнул Андрей. — Пока не нуждаемся.

— А у нас правило: администратор имеет право попросить освободить посетителей места, если в час пик они не делают заказов, — сообщила женщина. — Вон там, в углу, на щите объявление висит. Можете прочитать.

Вообще-то, в округе не наблюдалось жаждущих попасть под зонтики, а свободных мест было предостаточно. Но Андрей решил не связываться с уборщицей, оказавшейся к тому же – футы-нуты! – администратором заведения.

— Не беспокойтесь, — обнадежил он её. — Вот-вот подойдёт одна особа, которая готова литрами пить холодный апельсиновый сок. Вы бы позаботились, чтобы он в холодильнике стоял...

Женщина, сражённая его спокойным тоном, ещё раз молча прошлась тряпкой по столу, что-то нечленораздельно буркнула и устремила к холодильнику.

Андрей не случайно назначил Марго встречу в этом летнем кафе. Оно находилось неподалёку от одной солидной фирмы, где с самого утра сидела Настя: тамошняя компьютерщица, знавшая её, попросила помочь набрать несколько больших текстов – кровь из носу, их нужно было представить деловым партнерам завтра утром. Разработчики документации, как это нередко бывает, затянули дело, начальство бесилось, метало громы и молнии, чем только вносило ещё большую сумятицу, но, в конце концов, осознав это, кинуло клич: «Кто поможет?» Тут и вспомнили о прилежной Насте.

Однако у Андрея как раз начинался отпуск – первый, самый пленительный день, когда не нужно рано вставать под непрерывный звон ненавистного будильника, и можно с чувством, с толком, расстановкой сварить настоящий кофе из свежесмолотых зёрён, и взять какой-нибудь развлекательный журнальчик, бухнуться с ним в кресло перед телевизором и, неспешно отхлёбывая горячий бодрящий напиток, наконец-то ни о чём серьёзном не думать, разве что только – о Насте, с которой он должен был встретиться в летнем кафе. Но позвонила Марго и, по своему обыкновению, сообщила о чрезвычайно важном деле, которое не терпит отлагательств – надо немедленно увидеться и кое-что обсудить, иначе она с ума сойдёт, мир рухнет и похоронит её под своими обломками.

Очередная идея Марго вообще-то впечатлила Андрея, и не столько оригинальностью, сколько неукротимым желанием проникнуть в неведомое, найти объяснение парадоксам жизни и, может, приблизиться к истине. Но с некоторых пор он понял: есть вещи, которые человеку трудно уразуметь; они не поддаются ни логике, ни строго научным объяснениям, но зато порой воспринимаются непосредственно телом – у него есть собственная мудрость и зоркость. Как тело чувствует, допустим, перемену погоды, точно так же оно ощущает нечто необычное, что человек, возможно, даже не видит, но испытывает странное беспокойство, беспричинное волнение и даже страх. Может, в этот момент мимо проходит великан Калгама, или пролетает сеон, или прелестница аоми бросила лукавый взор. А может, открылся невидимый вход – и вы не подозреваете, что холодом и сыростью потянуло вовсе не с ближайшего луга, а из неизвестного, загадочного

соседнего мира. Но вы ни в какие миры не верите, а если и верите, то не подозреваете, насколько рядом они могут быть.

Тело, однако, реагирует лёгким ознобом, приливом крови, сердцебиением, радостным возбуждением, да мало ли чем ещё! Но человек в эти моменты меньше всего думает о восстановлении в себе всего, что делает его одним целым с окружающим миром, и о месте нахождения души тоже не задаётся вопросами, а уж об открытии своего демона и вовсе не помышляет. Он, между тем, уже может сидеть глубоко внутри человека; его энергия неисчерпаема, и мы могли бы использовать её, не разрушая ни себя, ни свою жизнь, но не знаем, как приручить вселенскую сущность и заставить её быть союзником. Всё чужое и непонятное вызывает смятение и страх – это особенно остро ощущают дети, а с возрастом мы теряем способность чувствовать нечто иное, присутствующее рядом. Впрочем, большинству людей это и не надо. Им вполне хватает каждодневных проблем и забот, чтобы не задумываться о странных вещах, от которых в реальной жизни никакого проку.

— Но так ли уж и нет проку, а? – вдруг спросила Марго. – Мы-то с вами отлично знаем, что это не так.

Андрей не особо удивился тому, что она могла проникнуть в его думы – в конце концов, недаром Марго называла себя ясновидящей, почему ей не быть ещё и ясновыслушающей? Удивило его другое: Марго и рта не раскрыла – её вопрос прозвучал мысленно. Так умела говорить с ним Чикуюэ Золонговна, не считая аоми; но Ниохта – это вообще, как говорится, из другой оперы.

— Не удивляйтесь, — мягко заметила Марго. — После того, как я побывала в *той* пещере, со мной что-то случилось: вдруг начинаю слышать чужие мысли, это бывает не всегда, случается как-то само собой – знаете, примерно так, как крутишь ручку настройки приёмника: раздаются какие-то хрипы, треск, звучат обрывки фраз, некоторые – довольно отчётливо, и чтобы их разобрать, нужно сосредоточиться...

Андрей тоже мог бы слушать невысказанные вслух слова других людей, но не делал этого. Ему было неловко оттого, что невольно становился соглядатаем чужой жизни и подслушивал то, что не предназначалось для посторонних. Он научился замыкать слух: будто вкладывал в уши ватные тампоны; они приглушали шумы, гасили резкие вскрики, размывали слова.

— Я тоже научусь это делать, — пообещала Марго. — В самом деле, тяжело слышать то, о чём думают некоторые люди. Вот, к примеру, вы знаете, что не даёт покоя уборщице, которая к нам подходила?

— Нет. Это её личная проблема. Зачем бы я стал без разрешения слушать её мысли?

Марго смешалась, даже глаза потупила, но, впрочем, тут же и вскинула их, наполнив вроде бы наивным смущением:

— Я не хотела, так получилось. А думала она о человеке, которого очень любила, до того любила, что забывала обо всём на свете, и о себе тоже. А он бросил её, потому что она никогда особенно и не нужна была ему. Обычная история. Но, знаете, что она считает? «Он похитил мою душу», — думала она. Во как! С этого и началось её падение: беспросветная депрессия, ничего не надо, весь свет не мил, стала прикладываться к рюмочке, на прежней работе на неё сначала косо смотрели, потом предложили уйти по

собственному желанию, она и ушла, дальше – безденежье, отчаяние и, слава богу, хоть сюда взяли на временную работу.

— Наверяд ли он сознательно забрал часть её души, — усомнился Андрей. — Она сама отдала её, а, может, просто оставила в своём прошлом – в том времени, когда ей казалось: она любит и любима.

— Но, по-любому, ей нужно как-то вернуть утраченное, — сказала Марго. — Прежде поисками пропавших душ или их частиц занимались шаманы. А теперь мало кто желает брать на себя эту роль, — она многозначительно кашлянула. — Душа это, видимо, комплекс единиц осознания или сгусток духовной энергии. Скорее всего, это энергетическая сущность, соединяющая человека в единое, цельное существо.

— Как многозначительно! – пробормотал Андрей. — Вы умеете говорить так умно, что сразу и не поймёшь, о чём речь...

— Как умею, так и говорю, — обиделась Марго и полезла в сумочку за пачкой сигарет. — И потом, вы прекрасно знаете, о чём я хотела сказать. Все эти единицы осознания, возможно, частички высшей темной материи и, когда человек их теряет, находят прибежище в загадочных тоннелях под землёй.

Андрей уже был не рад, что согласился встретиться с Марго. Ему совершенно не хотелось говорить ни о тоннелях, ни о душах, ни о шаманах и всяких тому подобных вещах. Теперь, когда он совершенно точно знал, что наш мир не единственный, это уже не будоражило его ум и не заставляло метаться в поисках доказательств присутствия неведомого в повседневной жизни. Такое занятие само по себе вызывает усмешку окружающих: делать человеку, что ли, нечего – носится с какими-то сумасшедшими идеями, вещает с глубокомысленным видом нечто несусветное, всё о непонятном болтает, и до того всех запутывает, что уже и сам порой не понимает, за чем гоняется, что ищет и на кой чёрт сдалась эта проклятая истина, которая вечно где-то рядом, многозначительно гримасничает и подмигивает, кажется, из-за каждого угла, но попробуй-ка приблизиться к ней – взлетит из-под ног как фазан, блистая ослепительно ярким оперением: фырк – и нету!

Андрею уже не было нужды ловить этого фазана, притаившегося в придорожной траве. Он довольствовался той действительностью, в которой существовал, а все остальные реальности, восхищая и поражая его, всё-таки оставались посторонними, не предназначенными для постоянного обитания. С чем бы это сравнить? А! Вот, к примеру, когда-то европейские мореплаватели сходили с ума по Индии: как туда попасть, что это за страна такая? Открыли путь в Индию, достигли неведомой Америки и прекрасных, неизвестных островов в океане – поудивлялись, повосторгались, но, в конце концов, все привыкли: таинственные страны – не такие уж и волшебные, как представлялось в мечтах; если пожелаешь, то сможешь оказаться там лично. Просто мир расширился, и ничего особо удивительного в этом нет. Может, нам и приятно оказаться на каком-нибудь коралловом рифе, поплескаться там в теплых водах, порыбачить, раскинуться на белом песочке под развесистой пальмой, на которой сидит самый настоящий дикий попугай, но многие ли из нас захотят остаться тут навсегда? Ведь там, откуда мы приехали сюда в отпуск, осталось наше всё – дом, работа, друзья, привычные милые мелочи, и, возможно, в клеточке перед окном томится-тоскует по нам глупый волнистый попугайчик, или беспокойно дремлет в кресле старый кот, а может, всё ещё гораздо проще: нам нравится жить там, где мы живём, и точка.

— Скучный вы человек! Какая, на фиг, точка? – воскликнула Марго. – Извините, конечно, я опять невольно вас подслушала. Но разве не удивительно, что человек может отправиться в своё прошлое и найти там частичку своей души?

— Замечательно, — устало кивнул Андрей. — Пусть ищет. Кто ж мешает-то?

— Вы бесчувственный! – выпалила Марго. – Вам всё равно! А человек-то мучается, не знает, что делать, как быть...

— Ну, так помогите ему, — Андрей, не выдержав прямого взгляда Марго, моргнул и опустил глаза. — Если вы уж так печётесь о благополучии каждого встречного, ничего иного вам не остаётся. Только, — он задумчиво усмехнулся, — прежде спросите, нуждается ли человек в ваших услугах. Иногда, знаете ли, поиск потерянного становится смыслом жизни. А вы из благих намерений лишите человека этого удовольствия...

— Вы невыносимы! – Марго вскочила, сердито бросила окурок в серую пепельницу, в её руке тут же возникла новая сигарета и, казалось, сама собой задымилась. – Вы, ведающий больше, чем можете сказать, законченный эгоист: держите знание при себе – сам не пользуетесь им и другим его не передаёте.

— А зачем? – Андрей, не в силах выдержать сверканья очей Марго, опустил глаза. – Каждый может сам открыть вход туда, куда и вы тоже стремитесь проникнуть. Это, в принципе, несложно: прислушаться к себе и понять, что делать и куда идти...

Но Марго и слушать его не желала. Она продолжала возмущаться, настаивая на своём. При этом дама намекала на то, что Андрей напрасно отказался от великого дара, который судьба, можно сказать, преподнесла ему на блюдечке с голубой каёмочкой. По её мнению, молодой человек выбрал не тот путь и может навсегда лишиться уникальных способностей.

Ясновидящая, она завидовала той лёгкости, с какой он взмывал в недоступные всем прочим выси и так же беззаботно опускался в мрак и хаос запредельных нижних миров, — ей это не удавалось, не смотря на все старания, и даже не помогали те специальные методики, которых нынче пруд пруди во всяких книжках по эзотерике; они были направлены на расширение сознания, но, видно, их авторы смутно представляли, как раскрыть тайные возможности человека, хотя без конца твердили о беспредельном потенциале мозга. И потому надо быть сумасшедшим, чтобы отшатнуться от дарования, ниспосланного свыше.

— А может, снизу? – Андрей иронично скривил нижнюю губу. – Но в любом случае я выбрал то, что выбрал.

За бурным разговором ни он, ни Марго не заметили, как к их столику тихо подошла Настя.

— И что же ты выбрал, Андрей? – спросила она.

— Тебя! – легко откликнулся он. Это вырвалось у него невольно, как бы в шутку, но было полной правдой.

Он выбрал её. А может, наоборот: Настя выбрала его? Мужчина всегда думает, что это он останавливает свой выбор на женщине. Но если она не захочет, то он, хоть разбейся в

пух и прах, добиться своего не сможет. Разве что, её прельстит что-нибудь совсем другое – шикарный автомобиль, квартира или кругленький счёт в банке, как приложение к соискателю руки и сердца. Руку-то она отдаст, а вот сердце...

Между прочим, именно так поступила Надежда: она всё-таки согласилась стать женой Михаила Алексеевича. Рассудила просто, по-житейски: стерпится – слюбится, как говаривали в старину. В конце концов, он по-своему хорош, надёжен, хозяйственный, и всегда знаешь, чего от него ждать.

Ещё Надежда, будучи женщиной простой, решила: клин клином вышибают. О, не она первая и не она последняя, кто так думает. Андрей был её наваждением: что бы ни делал Михаил Алексеевич, Надежда невольно сравнивала его с бывшим возлюбленным, и это сравнение было не всегда в пользу мужа. Но, впрочем, как-то так получалось, что со временем она стала мысленно произносить «да-нет» одновременно: *да*, Андрей поступил бы по-другому, и это, наверное, ей бы понравилось, но – *нет*, ей теперь всё равно, как он повёл бы себя, потому что Михаил Алексеевич такой, какой есть, и к чему их сравнивать? Всё-таки она считала себя добропорядочной женщиной и потому запретила себе даже думать о том, что как чуть не потеряла голову с молодым и красивым парнем. Страсть, увы, проходит, и надо как-то жить дальше...

Андрей не знал, о чём думала Надежда, да это его и не волновало. Он был благодарен ей за всё, что было, и даже порадовался, что личная жизнь Надежды устроилась: он желал ей только счастья, которого, увы, сам не смог бы дать.

Настя помнила о странной гадалщице, встретившейся в универмаге. Она даже хотела рассказать Андрею о ней, но потом решила: если он захочет, то сам сообщит о своих бывших увлечениях; в конце концов, как-то же он жил до неё, и у него, как у любого нормального здорового мужчины, были любовные романы. Кто-то из великих сказал: в жизни каждого мужчины бывают три женщины – первая, последняя и единственная, Все прочие, видимо, не в счёт. Настя желала бы стать последней и единственной.

Подходя к кафе, она слышала громкий возмущенный голос Марго и тихие реплики Андрея. Видимо, ясновидице, решила она, как всегда, что-то примерещилось во сне ли, наяву ли, а, может, появилась очередная причудливая идея – вот дамочка и навалилась на парня. Настя знала, что и Сергей Васильевич, и Марго считают Андрея каким-то особенным человеком, будто бы он обладает чуть ли не сверхъестественными способностями. Но на все её расспросы он лишь лукаво улыбался, пожимал плечами и с отчаянно-весёлым видом отвечал: «Да мало ли кто и что считает! Я даже думать об этом не хочу...»

Марго, увидев Настю, мгновенно преобразилась: чопорно поджала губы, выпрямила спину и напустила на себя преувеличенно деловой вид. Во-первых, она не хотела, чтобы Настя подумала что-нибудь эдакое, глупость какую-нибудь, ещё ревновать вздумает. А во-вторых, она считала девушку причастной к изменениям, произошедшим в Андрее: если бы он ею не увлекся, то, скорее всего, сохранил бы свой необыкновенный дар – та энергия, которая требовалась для поддержания способностей, трансформировалась в тривиальное плотское влечение. Вообще-то, Марго ничего не имела против любви как таковой, и даже втайне грезилась о своём принце, который, видно, по пути к ней где-то заблудился, а, может, испугался её, такую всю из себя необыкновенную, самую обаятельную и привлекательную, да ещё и с шестым чувством. Свой дар она не променяла бы ни на какую, пусть даже самую дивную любовь.

Марго искренне полагала: стоит только запылать огню чувств, как необычные способности человека улетучиваются, как эфирные масла. Потому, если хочешь чего-то добиться в жизни, стоит сохранять холодную и расчетливую сексуальность. Может, это не так увлекательно и совсем не романтично, но что поделаешь? Один дар не терпит соседства другого, и надо выбирать.

Так думала Марго.

— А мы тут не просто так сидим, — сказала она Насте. — Андрей мне столько классных рецептов продиктовал!

Андрей изумился такой неправде, но уличать Марго во лжи не стал.

— Просто у меня скоро день рождения, — уточнила Марго. — Хочу гостей позвать. И накормить их всякой вкуснятиной. Это так мило – делать приятное другим. Обожаю!

Марго демонстративно полистала блокнотик, чтобы Настя решила, будто его странички испещрены рецептами от Андрея. При этом она восхищённо цокала языком и округляла глаза, давая понять, что восхищается своему приобретению.

— Что же он за тайны вам открыл? – поинтересовалась Настя и протянула руку к блокнотику. – Дайте посмотреть.

— Э, нет! – мгновенно нашлась Марго и проворно засунула блокнот в сумку. – Секрет! Вот придёте ко мне в гости – узнаете.

Она была раздосадована явлением Насти. Ей казалось: не хватило, быть может, каких-то пяти минут, чтобы всё-таки уговорить Андрея открыть свой секрет. Марго чувствовала: он знает гораздо больше, чем говорит, но его тяготят эти внезапно обнаружившиеся в нём способности. Возможно, они не согласуются с привычной жизнью и даже мешают ей. А может, ему действительно трудно совместить два дара, и он не желает жертвовать тем, что уже имеет, чтобы получить нечто другое, способное полностью изменить его. Или тут дело в чём-то другом?

Марго перебрала ещё несколько вариантов, но почему-то упорно пропускала самый простой из них. Человек может испытывать восторг от самой жизни, и не потому, что видит и ощущает её каким-то совершенно особым способом, — он просто живёт, без каких-то мистических озарений и просветлений. Ему нравится просыпаться и ощущать легкость в теле, которое, кажется, готово воспарить над этой прекрасной землёй, и когда он подходит к окну, чтобы взглянуть на термометр за стеклом, то почему-то видит далеко перед собой, сквозь соседние дома, будто взору нет преград: ему открывается чудесная долина, наполненная светом, радостью и чудом нового дня. Никто её не видит, а он даже чувствует легкий ветерок – наполненный чуть терпким, как горький миндаль, ароматом он прикасается к теплой щеке, и сухой, в оранжевых подпалинах, лист неведомого растения плавно куврякается в серебристом потоке воздуха.

Не помышляя ни о каком внутреннем осиянии благодатью, Андрей чувствует свет в сознании и теле, и мрака жизни для него не существует: он сам излучает сияние, впрочем, особенно над этим не задумываясь и даже не предполагая за собой таких чудесных качеств, — окружающие ощущают тепло и радость, которыми такой человек лучится. Сам он может не замечать за собой чего-то особенного, поскольку считает всё это само собой разумеющимся: *так* он ощущает мир, *так* видит жизнь, *так* относится ко всему сущему.

Возможно, это и есть самый настоящий шаманизм: душа сливается со всем миром, становится его частью, и человек расширяет своё собственное внутреннее пространство. Он не боится выйти за пределы физического тела, потому что у него нет чувства собственной важности.

Обычный человек нередко живёт с оглядкой: его волнует, как тот или иной поступок оценивают окружающие, вписывается он или нет в коллектив, не окажется ли в глупом положении, если попробует сделать что-то новое, непривычное большинству. Так он попадает в ловушку самоограничений, которые, по сути, навязаны чужими представлениями о том, что есть правильно или неправильно. Не дай бог, кто-то может подумать, что у вас не все дома, если вам вдруг захочется присоединиться к весело играющим детям или, допустим, громко рассмеяться над какой-то парадоксальной мыслью, внезапно пришедшей в голову. Но почему вы должны смотреть на себя со стороны чужими глазами? И почему нужно ограждать собственное «я» стандартным поведением, привычками и понятиями? Вы – это вы, и зачем перед кем-то оправдываться в своих действиях и поступках, если они никому не вредят?

Наверное, никогда бы не были сделаны великие открытия, если бы человек не решился выйти из круга обыденности. И не были бы написаны самые лучшие картины, и не сочинены потрясающие симфонии, и не сотворена великолепная архитектура, и не нарисованы картины, и не... Ах, многого бы не сделали люди, если бы боялись потерять собственную важность в глазах других! Смешные и порой нелепые, гении всегда выходили за всяческие пределы и преграды, устремляясь в бескрайние пространства познания. Оказываясь по ту сторону привычного, разве не напоминали они шаманов? Господи! Да ведь даже истинный смысл этого слова ведом далеко не всем. Правильно оно произносится так: ша— маан. В переводе с эвенкского языка это означает: тот, кто знает.

Тот, кто знает... Всего-то навсего!

Но Марго не знала, что значит слово «шаман». Ей нравилось более расхожее выражение – «избранник духов». Не известно, кто первым из этнографов запустил это определение в обиход, но оно, звучное и красивое, постоянно встречалось в тех дешевых книжках, которые Марго любила листать.

— Мы ещё обязательно встретимся, — она широко улыбнулась Насте и бросила быстрый многозначительный взгляд в сторону Андрея. — Надеюсь, нам будет о чём поговорить...

— Конечно, — отозвалась Настя. — Мы любим ходить в гости. Только нас редко приглашают.

Ей нравилось произносить: «мы», «нас», подчёркивая тем самым своё единство с Андреем. Возможно, она даже говорила бы о нём «мой», но это, на её взгляд, было слишком уж простовато – так обычно изъясняются откровенные собственницы, а таковой она выглядеть не хотела. Хотя, впрочем, наедине постоянно твердила Андрею что-нибудь наивно-милое, вроде: «Котик мой, только мой, больше ничей...»

— Мы почти ни у кого не бываем, — продолжала Настя. — Домоседы, словом.

— Я знаю, почему! – воскликнула Марго. – Не зовут в гости, потому что стесняются Андрюшу. Что бы хозяйка ни приготовила, поразить его не сможет. Потому что он сам отменный кулинар.

Вообще-то Андрею нравилось, когда его нахваливали. Кому ж из нас не по душе комплименты и дифирамбы? Порой так хочется, чтобы тебя заметили и оценили! Но Марго явно перестаралась, парень смутился и решил внести ясность:

— Да не в этом дело! Просто не к кому ходить в гости. Как-то так получилось, что закадычными друзьями не обзавёлся.

— У меня их тоже нет, — призналась Марго. — Те, что были, разъехались. А те, которые желают подружиться, хотят извлечь из этого выгоду: то денег им одолжи, то предскажи будущее, словно я какая-нибудь гадалка, то надень жилетку, чтоб в неё можно было выплакаться... Эх! — она махнула рукой. — Что тут скажешь?

Марго взяла со столика солнцезащитные очки, небрежно нацепила их на нос, поморщилась и, наклонившись над сумочкой, принялась что-то в ней искать. Скорее всего, она стремилась скрыть своё расстройство, а, может, ей некуда было спешить, и потому она хотела ещё хоть немного побыть в компании.

— Все лучшие друзья заводятся сами собой, — сказала Настя. — И они ничего от тебя не хотят. Им просто нравится быть рядом с тобой.

— Всё так, — кивнула Марго, продолжая рыться в сумочке. — Иной раз обрадуешься: вот, встретила человека, который может стать другом. Но потом оказывается: у него просто нет времени общаться с тобой, или он не нуждается в новых знакомствах, или ещё хуже — ему нравится одиночество...

— Дружба не требует времени, — не согласилась Настя. — Я могу месяц не видеть свою подругу, но при этом то и дело думаю: а что бы она сказала по такому-то поводу, как поступила бы в этой ситуации, иной раз вспомнится какая-нибудь её фраза или особенное словечко, да так явственно, будто она рядом...

Андрей не поддерживал их разговор. Он понимал: Марго не хочется уходить, вот и тянет время. Заговоришь с ней — потом не остановить. А у него были другие планы: повести Настю в комнату кривых зеркал, которую недавно открыли в парке, потом спуститься к прудам, где какие-то предприимчивые люди завели катамараны: вроде бы пустяк, забава для детей, но как давно он не крутил педаль катамарана, и как давно легкие сверкающие брызги не охладили разгоряченное лицо! А ещё неплохо бы прогуляться по набережной, съесть по большому эскимо и запить его шипучкой, она будет чуть-чуть весело пощипывать язык и, как в далеком детстве, на него захочется положить маленький кусочек шоколада: после газировки он кажется особенно вкусным. И плевать на все эти калории, которые Настя в последнее время усиленно подсчитывает! Ей вдруг стало казаться: набрала лишний вес, и всё потому, что мало двигается — прямо как приклеенная к этому компьютеру, прямо его рабыней стала: заказов много, и все срочные, приходится работать, не покладая рук. Никаких мыслей ни о чём постороннем, пальцы проворно скользят по клавишам, автоматически перенося текст с листа бумаги на экран монитора; глаза при этом выхватывают ошибки в оригинале, их приходится править, орфографию некоторых мудреных слов — проверять по словарю, вспоминать правила пунктуации, переделывать неуклюжие длинные предложения. Бесконечная, изматывающая работа, и даже толком поесть некогда — какие-нибудь бутербродики, супчики из пакетиков, быстрорастворивающиеся каши и картофельное пюре. Конечно, разопрёт как бочку!

Однако Настя не казалась Андрею пополневшей, да это, в принципе, и не важно. Если бы она обладала внешностью супермодели, но при этом с ней не о чем было бы

поговорить, навряд ли он вообще захотел продолжить знакомство. Он не любил женщин ни беленьких, ни чёрненьких, ни русских, ни шатенок – он любил женщин необычных. Они не обязательно должны были быть умными, тем более яркими красотками. Все эти миссы с обложек глянцевого журналов казались ему на одно лицо, и даже их улыбки были одинаковыми – старательными, чтоб подчеркнуть ослепительную белизну зубов. Батальоны девчонок, фланирующих по главной улице в одинаковых съехавших с ягодичек джинсах, кофточках-лифчиках или каких-то безумно коротких маечках, тоже оставляли его равнодушным. Ну, что поделаешь, ему не нравилось всё стандартное и одинаковое.

— Андрей, кажется, заскучал, — заметила Марго. Она, наконец, отрыла в своей сумочке пачку сигарет и с наслаждением закурила.

Он молча улыбнулся, только краешками губ – получилось чуть грустно, и это было похоже на сожаление: мол, жалко прощаться, но – придётся.

— Ладно, — сказала Марго и встала. – Не буду вам мешать. Мне пора.

Она всё-таки была женщиной тактичной и, как ей ни хотелось остаться вместе с ними, понимала: пришло время удалиться.

— Увидимся! – Настя бодро вскинула руку. Андрей лишь кивнул на прощание.

— Пока-пока! – Марго тоже подняла руку и чуть-чуть шевельнула пальцами.

Она прошла несколько метров, обернулась и снова помахала рукой. Но когда Марго, спустя минут пять, повернулась опять, Настя и Андрей этого уже не заметили: они, соскучившись друг по другу, говорили, смеялись, обменивались поцелуями.

За соседний столик впорхнули три девицы. Шумные, в красивой и, сразу видно, дорогой одежде, они обращали на себя внимание ещё и килограммами косметики, обильно наляпанной на лица, отчего они были удивительно похожими – одинаково розовые, гладкие, покрытые пятнами искусственного румянца, с чёткими ниточками чёрных бровей и пухлыми губками-бантиками, мордашки смахивали на кукольные. Девушки чирикали, казалось, не слушая друг друга, при этом время от времени какая-нибудь из них раздражалась истошным смехом; подруги подхватывали смешок, причем, на всех троих он напал почему-то именно в тот момент, когда мимо проходил какой-нибудь молодой человек.

Андрей кинул взгляд в сторону соседок, хмыкнул и сказал:

— Курицы!

— Зачем ты так? – заступилась за них Настя. – Девчонки как девчонки, только молодые и глупышки ещё.

— Курятины много едят, — пояснил Андрей. – Даже не курятину, а эти проклятые «ножки Буша»! В окорочках, между прочим, копится самая дрянь...

— Читала, читала, — иронично сощурилась Настя. – Но я в это не верю.

— Наверно, ты никогда не видела, как их держат на птицефабрике, — сказал Андрей. – Промышленная курица это не то же самое, что её деревенская товарка. На птицефабрике

бройлеры живут скученно, их кормят суррогатами, пичкают искусственными витаминами, колют антибиотики, отчего организм птиц теряет восприимчивость к ним, в результате курица — больная, ослабленная, в её мясе масса патогенных бактерий...

— Но при чём тут эти девочки? — не поняла Настя. — Я думаю: они просто ещё не научились сдерживать свои эмоции, вот и ведут себя так...

— Они ведут себя так, потому что курицы, — Андрей окинул соседок жалеющим взглядом. — Каждый человек, в принципе, есть то, что он ест. Знаешь, мы привычно смотрим на мясо как на белок и другие питательные вещества. А ведь это не так. Мясо это, как ни жестоко звучит, прежде всего животное, которое прожило какую-то жизнь, и она отпечатана в каждой его клеточке. А какая такая жизнь в огромном промышленном курятнике? Икубаторская курица существо конвейерное, которое не знает, что такое свежий воздух, зеленая травка, первый дождь... У неё скучная однообразная еда, тусклое существование, они даже лишены вполне естественной потребности в спаривании с петухом: кочетов, как правило, в таких курятниках не держат. У курицы имеется два яичника, правый со временем отмирает. И, знаешь, что интересно? Медики выяснили: такая же проблема возникает и у тех дам, которые любят курятину.

— Неужели? — поразилась Настя. — Никогда бы не подумала!

— А вот ещё есть такая болезнь остеопороз, — продолжал Андрей. — Как ни включишь телевизор, там реклама про кальций — покупайте, мол, его, употребляйте, а то ваши кости быстро изнасятся и станут ломкими. А раньше такой проблемы не было. Потому что люди, во-первых, ели настоящую курятину, во-вторых, даже самая тёмная деревенская старуха знала: потолки яичную скорлупу и ешь её, запивая ключевой водой — никакого остеопороза не будет. А сейчас? У курей в рационе мало минералов, у них склонность к остеопорозу и, более того, они передают её через своё мясо людям. А уж что о скорлупе-то говорить? В ней и сальмонелла может быть, и все другие прелести...

Андрей считал, что склонность к пище на скорую руку — все эти фаст-фуды, куриные сосиски, цыпленка-гриль, продающиеся нынче чуть ли не на каждом углу, причина многих проблем человека со здоровьем. Через пищу передаются и некоторые особенности тех животных, мясо которых мы едим.

— Ты ведь знаешь: курицы, как и все птицы, обожают чистить перышки, прихорашиваться, — напомнил он. — В промышленном курятнике у птиц появляется прямо-таки болезненное желание выглядеть лучше своих товарок. Курицы без конца чистятся, оципываются — так сказать, наводят марафет. Вот и те женщины, которые любят их окорочка, тоже начинают пристально следить за своей внешностью и не жалеют косметики, чтобы прикрыть бледную кожу, розовые пятнышки на ней, прыщики... Всё это, между прочим, тоже результат поедания курятины.

— Всё! — сказала Настя. — Никогда больше не стану есть её. Послушаешь тебя, так окорочка опротивеют навсегда!

— Запугал, да? — рассмеялся Андрей. — Ничего, не бойся! Есть ещё пеструшки в наших селеньях... В «Какао», между прочим, привозят настоящую деревенскую курятину. Качество отличное. Просто надо знать, что ты ешь, только и всего.

Девочки-курицы продолжали весело и бестолково квохтать, хихикать и прихорашиваться: не стесняясь окружающих, они, как по команде, вынимали из сумочек

маленькие зеркальца, гляделись в них, поправляя прически, подкрашивая губы и ресницы. Та девица, что сидела посередине, самая яркая и нарядная, чуть полноватая, с высокой грудью, очевидно, была в компании старшей: она постоянно одёргивала то одну, то другую подругу; при этом говорила коротко, но её внушительный голос звучал громко и властно. Девушки ей не перечили, и когда она, поглядев на Настю, оживилась и что-то им сказала, они одобрительно закивали и хихикнули.

— Пойдём отсюда, — попросила Настя. — Я хочу показать тебе одну клумбу. На ней расцвела самая настоящая чёрная роза. Представляешь?

— Нет, — честно сознался Андрей. — Чёрное — это вообще-то отсутствие всякого цвета, чёрное — это ничто. Наверное, эта роза тёмно-лиловая, до того тёмная, что кажется почти чёрной.

— Не умничай, — одёрнула его Настя. — Мне совершенно не хочется говорить о спектре цвета, тем более, применительно к этой розе. Она просто чудо как хороша!

— Тогда её там уже нет, наверное, — сказал Андрей. — Клумба всё-таки, часовой к ней не приставлен... Каждый может сорвать цветок.

— А вот и нет! — засмеялась Настя. — Эта роза заколдованная. Все только смотрят на неё, и никому не приходит в голову мысль сорвать её.

Андрей не поверил, но решил об этом Насте не говорить. Ему захотелось продолжить разговор о еде, к которой многие относятся как к набору питательных веществ, дающих человеку определённую физическую энергию. Но он-то считал: то, что мы едим, — это не просто топливо для организма, не то же самое, что, допустим, бензин для автомобиля или трактора; пища влияет не только на тело человека, но и на его душу.

Он вспомнил, как сакачи-альянская старуха Дачи выставила простое угощение на стол: рыба, овощи, зелень; всё — своё, не покупное, впрочем, рыбу бабушка уже не могла ловить сама, брала её у соседей. И Дачи, и Дашка жаловались: мол, в последние годы навводили всяких запретов на лов, определили нанайцам квоты на кету, симу и других лососевых — не больше десяти «хвостов» на человека. Что же это делается-то? Аборигены привыкли есть рыбу, она, считай, их этническая пища; без неё они болеют, плохо себя чувствуют — рыба у них в крови и плоти должна быть, как же без неё-то?

Андрей понимал этих старух. В каком-то смысле человек, несомненно, соединяется с той пищей, которую ест. Она становится его частью. У еды тоже есть душа, и когда два организма сливаются, то получается что-то вроде симбиоза.

— Нанайцы любят кету, — говорил он Насте. — И, как ни странно, лучшие качества этой рыбы передаются им. Кета — одна из самых настойчивых и упорных рыб: ничто и никто не может остановить её ход во время нереста, она целеустремлённо двигается к тому месту, где появилась на свет из маленькой икринки. Лосось любит свою родину, и его жизнь всегда кончается там, где он родился. Это благородная сильная рыба, она не умеет хитрить, изворачиваться, привыкла двигаться прямо и добиваться своего.

— Считаешь, этими качествами обладают и люди, которые любят лососину? — спросила Настя.

— Да, конечно, — кивнул Андрей. — Нанайцы многим кажутся наивными, молчаливыми, бесхитростными, но посмотри: они настойчивы и упорны, преданы друг другу, живут спокойно, помогают соседям, младшие уважают старших...

— Прямо идиллия! — саркастически усмехнулась Настя. — При этом, правда, ты забываешь: среди них много алкоголиков, неустроенных в жизни людей — перебиваются, чем могут...

— Не без этого, — согласился Андрей. — С тех пор, как нанайцев заставили создавать колхозы и садить картошку, что-то в них действительно изменилось. Они, к тому же, были непривычны к водке, а тут, пожалуйста, старший белый брат принялся их спаивать: вот тебе белоголовка — давай взамен шкурку соболя. А чтобы уж совсем приучить их к цивилизации, принялись учить есть тушёнку, сгущенку и всякие другие консервы. Что-то нарушилось в этих людях...

— Послушаешь тебя, так устои жизни может перевернуть обыкновенная бутылка водки или баночка консервов, — не согласилась Настя. — Согласись, ты слишком упрощаешь всё!

— Не знаю, — Андрей вздохнул. — Возможно, упрощаю. Просто мне хочется, чтобы ты поняла одну простую вещь: природа и человек взаимосвязаны. Один умный человек сказал: «Человек не ткёт полотно жизни, он лишь нить в этом полотне. И всё, что он делает с полотном, он делает и с собой тоже».

— Кто это?

— Да так, один индеец, — отозвался Андрей. — Звали его Сиэтл, и он был вождём племени дануониш. А всё это он написал президенту Соединенных Штатов в середине девятнадцатого века, когда белые стали выгонять индейцев с их территорий.

— Нанайцев никто никуда не выгонял...

— Неужели? — Андрей сделал вид, что остолбенел: встал, как вкопанный и замер с открытым ртом; через минуту перевёл дыхание и рассмеялся:

— Я дар речи потерял, дорогая! Вспомни: город юности — Комсомольск-на-Амуре построен на месте гольдского стойбища. А Хабаровск? Когда-то давным-давно тут было большое нанайское стойбище. Примеры могу продолжить. Спорь — не спорь, а мы изменили жизнь малых народов. Одно лишь не смогли изменить — их привычку к простой естественной пище...

— Забавно, — Настя не сдержала улыбки. — Вот уж истинная правда: специалист подобен флюсу. Так, кажется, говорил Козьма Прутков? Ты даже историю разбираешь с гастрономической точки зрения.

Они заспорили, и это не было похоже на обычные пререкания или жаркие диспуты — скорее, напоминало совместный поиск истины. Им нравилось задавать неожиданные вопросы, подначивать и высмеивать друг друга, но это делалось как бы играя и шутя, без того ожесточения, когда во что бы то ни стало хочется доказать свою правоту. Уступая один другому, возвращаясь к не совсем точным ответам и заново разбирая их, Настя и Андрей продолжали держаться за руки, и ничто не смогло бы разъединить их.

С центральной улицы, шумной и яркой, они свернули в проулок и дворами вышли на бульвар. Здесь тоже в обе стороны двигался народ, катались на скейтбордах беззаботные подростки, франтовато выделяли кренделя вокруг огромных пышных клумб велосипедисты, на них незлобиво покрикивали юные и не очень юные мамы, толкающие перед собой коляски с малышами. На деревянных скамейках царил демократия: рядом со степенными пенсионерками восседали усталого вида мужчины в деловых пиджаках и галстуках, бок о бок с ними – беспечные парни и девчонки, распивающие пиво, а скраешку – личности бичеватого вида, что-то клюющие из замызганных пакетиков. И никто никому не мешал!

— Сейчас ты увидишь эту розу, — пообещала Настя. — Чёрную. Настоящую! Только знаешь что, зажмурь глаза, а то будет неинтересно.

— А как же...

— Дай руку! – прервала его Настя. – Я тебя поведу.

Он послушно закрыл глаза и, влекомый Настей, поплыл в призрачной тьме. На какое-то мгновение ему вспомнилось, как Ниохта почти так же водила его где-то там, в иных мирах, а может, всего-навсего в подzemелье, — осторожно, бережно, нащёптывая какие-то слова. Но аями обычно говорила по существу, а Настя – милые, глупые нежности: осторожно, котик, а тут постарайся не попасть в ямку, зайка мой любимый, не хитри, зажмурься крепче, лисёнок ненаглядный...

«Лисёнок ненаглядный» почему-то рассмешил его: может, он слишком ясно представил себя эдаким хитреньким остроносом лисом с пушистым хвостом, который подметает окурки, обертки от жвачек и прочий мусор, — эдакий хвостатый красавчик, мягко перебирающий лапками по асфальту, с гордо выпяченной грудкой и наостренными ушками. Андрей не сдержался, прыснул в кулак и открыл глаза.

Оказалось, что вовремя открыл. Перед ним была клумба, пестрая от самых разнообразных цветов, а посередине на высоком стебле гордо возвышалась настоящая чёрная роза. Она была до того чёрной, что даже не верилось, будто это подлинный цветок.

— Тушью раскрасили, что ли? – усомнился Андрей.

— А ты внимательно посмотри, — посоветовала Настя.

Он присмотрелся и увидел на лепестках розы пчелу, которая озабоченно пыталась проникнуть внутрь цветка. Но там уже были другие пчёлы, и ей пришлось дожидаться, когда одна из её товарок, нагруженная нектаром, не выбралась наружу.

— Пчёл не обманешь, — сказала Настя. — Ну что, убедился? Чёрные розы всё-таки бывают!

Не один Андрей с восторгом глядел на розу. Вокруг клумбы, как зачарованные, стояли другие люди.

— Экая красота, — умильно прошептала маленькая кругленькая старушка. — Как бы какой фулиган не сорвал её!

— Что вы? – отозвалась её соседка, поблескивая круглыми линзами очков. – Вглядитесь: красота – страшна, к ней даже притронуться боязно. Ни один хулиган не посмеет нарушить её.

Андрей видел, как из середины цветка вылетела очередная пчела, на место которой тут же устремилась другая. Лепестки розы, на вид твердые, мягко сгибались под тяжестью насекомых; они казались лакированными, на них яркими жемчужинами поблескивали капельки воды – видимо, совсем недавно клумбу поливали.

— Потрясающе, — признался Андрей. – Я считал, что чёрная роза – это метафора, на самом деле таких цветов не бывает. Оказывается, ошибался...

— Приятная ошибка? – спросила Настя и сама же ответила: Иногда так приятно ошибаться!

Но чем больше Андрей вглядывался в цветок, тем таинственнее он ему казался. Аспидная чернота завораживала, притягивала, как глубокий омут, гипнотизировала, будто это был непроницаемо темный глаз опасного и диковинного существа; чудилось: в глубине его острого зрачка чернота уплотнялась, и в эту холодную беспросветность хотелось пробиться, слиться с ней, — это походило на внезапное, ничем не мотивированное наваждение. Так бывает только в тяжелом, тревожном сне.

Андрей проследил за движениями пчелы, которая, расталкивая других пчёл, ввинчивалась в нутро цветка – она будто постепенно растворялась в нём, теряя четкие очертания. Он снова подумал, что чёрный цвет – это, по сути, ничто, тьма, поглощающая свет. Но как же она прекрасна и таинственна! И там, в её глубине, упорные и трудолюбивые пчелы находят нектар, которого не должно быть: ничто не может содержать что. Или всё-таки ничто – это всё, а всё – ничто?

Он почувствовал, как от этих мыслей тяжелеет голова, на затылок будто положили булыжник, и всё вокруг подернулось легкой дымкой, медленно поплыло, закружилось, — и он, пытаясь не потерять равновесия, покачнулся. Но Настя крепче сжала его ладонь, потеряв била:

— Что с тобой?

Он встряхнул головой, неловко улыбнулся:

— Всё нормально. Засмотрелся я на эту розу, — он отвёл взгляд от клумбы. – Понимаешь, даже удивительно. Мы говорили с Марго о тёмной материи, наполняющей весь космос, и о темной энергии, которая движет вселенными. Я подумал, что в каждом человеке всё это тоже есть, но мы привыкли считать чёрное чем-то плохим, дьявольским, поглощающим всё чистое и светлое. Как-то не хочется признаваться, что в тебе содержится нечто тёмное, инфернальное, невнятное, что не поддается никакой логике и порой толкает в омут страстей, заставляет совершать невысказанно дурацкие и дерзкие поступки, и ты сам не знаешь, как к этому относиться, вернее – знаешь: всё это не назовёшь добропорядочным, но без этого жизнь пресна и скучна, как диета для похудения, когда считаешь каждую калорию.

— Между прочим, недавно одна знакомая открыла мне свою жуткую тайну, — вспомнила Настя. – Она сидит на кефирной диете. И все думают: вот молодчина, хватает же силы воли! А девушка-то что делает, когда рядом нет посторонних? Забирается на

антресоли, достает из запасов банку тушёнки, открывает её и с наслаждением съедает, всю! А утром на виду у всего офиса с благостным видом потягивает из стакана кефир...

— А похудела хоть?

— Немножко. Почти незаметно. Но вообще-то, непонятно, зачем она решила ещё больше похудеть – и без того костлявая.

Андрею было скучно говорить о какой-то девице и её диетах. К тому же, Настя его невольно перебила, и он так и не закончил свою мысль.

— Так вот, — сказал он. – Говорили мы, значит, с Марго о тёмной материи и всяком таком. И вдруг приходишь ты и предлагаешь поглядеть на эту чёрную розу. Когда я увидел её, то знаешь, о чём подумал? О том, что она выросла из самого космоса...

— Фантазёр! – изумилась Настя. – Ой, какой же ты у меня фантазёр! И я тебя за это люблю...

Вообще-то, она его любила не за это. Она и сама не знала, за что именно его любит. Просто он был для неё самым своим из всех людей, это даже и не объяснишь, если вы по-настоящему ни разу не влюбились.

За разговорами они незаметно дошли до набережной, упакованной в нарядную брусчатку и гранит. С реки дул лёгкий сырой ветер, немного пахло тиной и рыбой, которую жарили на больших противнях в прибрежном кафе. А вот пышные букеты в красивых целлофановых пакетах, увитые разноцветными ленточками, ничем не пахли: роскошные цветы, равнодушные и холодные, казались произведением искусства, а не живыми настоящими растениями. Их продавали бойкие девицы, все, как на подбор, с густо подведенными ресницами и ярко покрашенными большими губами.

Андрею не нравились ни эти девицы, ни их товар. И потому, когда одна из цветочниц подбежала к нему, ласково улыбаясь и протягивая букет, он даже отшатнулся.

— Кавалер, подарите своей даме цветы!

Ему не было жалко денег. С тех пор, как он стал работать в «Какао», они у него водились. Но помпезный, вычурный букет определённо не понравился Андрею.

— Будьте джентльменом, кавалер!

Андрей, конечно, знал: женщины любят, когда им дарят цветы. Букет для них значит нечто большее, чем красивая композиция. Композиция, составленная, в принципе, из женских и мужских половых органов растений: все эти тычинки, пестики... Так ярко и страстно, безмятежно и наивно никто на Земле не демонстрировал то, что принято скрывать, — и в этой красоте и пышности таилась сама любовь.

Настя наверняка хотела, чтобы он купил букет у этой вульгарной цветочницы, заученно тархтящей привычные фразы. Всё-таки он не так часто дарил ей цветы.

— Денег нет? – нагло спросила цветочница. – Эх, кавалер...

И тут он разглядел в букете скромную белую ромашку, а рядом с ней какой-то дивный пушистый цветок, похожий на желтый одуванчик. Среди холодных роз, надменной восковой калы и лакированных карликовых гладиолусов они выглядели сиротливо и как-то неприкаянно, такие свежие, яркие и настоящие.

— Сколько? – спросил он.

Девушка назвала сумму, и Андрей, не задумываясь, отсчитал деньги.

— Достань мне ромашку, и цветок-одуванчик, и, пожалуй, вот этот фиолетовый колокольчик, — сказал он. – А остальное можешь деть куда хочешь. Нет, ещё, пожалуй, вот эту зелёную веточку дай. На ёлочку похожа. Как она называется? Спаржа? Надо же! Я привык к спарже в другом виде...

Насте понравился простой, но яркий букетик, тем более, что нести его было удобно – он не стеснял движений, как это бывает, когда руки заняты пышной охапкой цветов. И цветочница тоже осталась довольна: на её взгляд, парень был настоящим лохом; ну, кто же платит за весь букет, чтобы выбрать из него самые простенькие цветы? Однако она не могла не заметить: букет у Андрея получился оригинальный, и некоторые женщины невольно притормаживали шаг, чтобы разглядеть его в руках Насти.

Одна из встречаемых дам тоже невольно замедлила движение, но она глядела не столько на цветы, сколько на саму Настю: её взгляд придирчиво скользнул по фигуре девушки, задержался на ногах, снова поднялся к торсу и переметнулся к лицу – женщина словно оценивала спутницу Андрея. При этом она опиралась на плечо высокого, солидного мужчину, который шёл неспешно, но в его чётком шаге невольно ощущалась строевая выучка.

Увлечённый разговором с Настей, Андрей не сразу заметил эту даму, а, заметив, невольно подобрался. Это была Надежда. Сделать вид и пройти мимо, будто они не знакомы, он не мог, но, с другой стороны, она была в обществе незнакомого ему мужчины, а он сам – с Настей, и это обстоятельство Андрея смущало. Однако, поравнявшись с парой, он, больше не раздумывая, поздоровался.

— Приветик, — откликнулась Надежда. – Гуляете? Мы тоже. Вот, Михаил Алексеевич вывел меня подышать свежим воздухом.

— Здравствуйте, — Михаил Алексеевич протянул руку Андрею и ласково глянул на спутницу. – Ей сейчас полезно дышать свежим воздухом, есть много фруктов и думать о прекрасном...

— Да ну тебя! – зарделась Надежда. – Ещё перечисли витамины, которые ты меня заставляешь по расписанию пить!

— А как же! – прямодушно кивнул Михаил Алексеевич. – Наш будущий ребёнок должен быть здоровым. Стране нужны крепкие защитники.

Надежда, однако, не склонна была продолжать эту тему и, поскольку её разбирало любопытство – что за девушка рядом с Андреем, она и перевела разговор в нужном направлении. При этом, будучи женщиной сметливой и не желающей давать повод мужу повод хоть в чём-то её заподозрить, начала издали:

— Андрей, ты, как ушёл из нашей харчевни, совсем зазнался: ни разу не появился, никто ничего о тебе не знает, только всякие слухи ходят – мол, на новой работе и платят тебе больше, и машину купил, и даже жениться успел, — она улыбнулась Насте. – Это вы, наверное? Скрывает он вас от всех...

Настя смутилась и, не зная, что ответить, засмеялась. Андрей же, напротив, сохраняя полную невозмутимость и серьёзность, отрапортовал:

— Платят достойно. Машину не купил. Зачем она мне? Боюсь я машин! А Настю – правда! — скрываю. Чем меньше свидетелей, тем лучше.

— Что? – не поняла Надежда. – Загадками говоришь!

— Да никаких загадок! – Андрей был серьёзен. – Нам, маньякам, светиться нельзя. Главное, чтоб ни один следователь не доказал связь с жертвой. Потому и приходится скрывать её от всех...

Надежда, оценив шутку, коротко хохотнула и поддержала игру:

— И что же? В конце концов, от тела ведь приходится избавляться...

— Зачем? – ухмыльнулся Андрей, нарочито плотоядно облизывая губы. – Хорошо приготовленное тело молодой красивой женщины – объедение для понимающих людоедов. Волшебное! Особенно в собственном соку...

Настя, изумлённая такими шутками, просто дар речи потеряла. Михаилу Алексеевичу, похоже, было всё равно. Он равнодушно оглядывал проходящих мимо и думал о чём-то своём.

Надежда с досадой поморщилась: всё-таки Андрей сумел уйти от прямого ответа на вопрос, и это ей было неприятно. Хотя, с другой стороны, какое ей теперь до него дело? У каждого из них своя жизнь, и он не обязан отчитываться ей, да и девушку, похоже, тяготит весь этот разговор. «А она ничего, — подумала Надежда. – Симпатичная, скромная и, похоже, любит Андрюшу, вон как преданно смотрит, и за его руку держится, будто тонущий за спасательный круг. Интересно, давно у них роман?»

Пока она мучительно раздумывала, как бы поприличнее об этом спросить, Михаил Алексеевич подманил девушку-цветочницу, ту самую, у которой Андрей купил букетик.

— Сколько это стоит? – он ткнул указательным пальцем в букет с калой и, услышав цену, изумился: Так дорого? Не может быть! На рынке в два раза дешевле.

— Зато, извините, вам туда ходить не надо, — парировала цветочница. – Букетик свеженький, прямиком из оранжереи, простоит долго.

— Да он общипанный какой-то! – Михаил Алексеевич явно пытался сбросить цену. – Вот тут, сбоку, чего-то не хватает, будто вынули цветок или даже два...

— Это так задумано, — нашлась продавщица. – Ну, ладно, я вам уступлю, — и назвала другую цену, которая, видимо, Михаила Алексеевича устроила, поскольку он полез за кошельком. Цветочница же заговорщически подмигнула Андрею: не выдавай, мол, секрета.

— Во! – довольный Михаил Алексеевич протянул Надежде букет. – Глянь, какой пышный! А насчёт общипанности я специально сказал. Чтоб сэкономить. Зайдём сейчас в круглосуточную аптеку, купим тебе витаминчиков...

Надежда букет взяла, но как-то вдруг поскуचना. Расчётливость и домовитость мужа, видимо, не всегда ей нравились, особенно если эти качества демонстрировались при посторонних.

Цветочница, отойдя на безопасное расстояние, вдруг обернулась, скорчила рожицу и выпалила:

— Сам ты общипанный!

— Дурочка, — пробурчал Михаил Алексеевич.

— Не обращай внимания, — Надежда подхватила его под руку и кивнула Андрею с Настей. – Пойдём мы, пожалуй... У нас четкое расписание: свежий воздух – полтора часа, дальше – классическую музыку дома слушаем: полезно будущему ребёнку, — она грустно улыбнулась. – И цветы ему полезны. Мать любит на них, получает положительные эмоции, которые передаются плоду... Э! Да что говорить? Вы об этом в журнале «Девять месяцев» можете сами прочитать. Михаил Алексеевич мне его выписал. Полезное чтение...

Муж, однако, утомлённый долгим прощанием, нетерпеливо дёрнул её за руку, кивнул Андрею с Настей и решительно двинулся вперёд – Надежда, прилипнув к нему, вынуждена была подстроиться под его шаг. «Вот и всё, — подумал Андрей. – Как говорится, уходя – уходи. Но почему я даже не разволновался? Всё-таки у нас что-то было... А что, собственно, было? Может, Надя меня любила. Но я... Что я? Не знаю. Вернее, знаю, но не хочу признаться даже сам себе. Мне просто нужна была женщина. Ну, не резиновую же куклу покупать, в самом деле... Мерзко поступал? Тоже не знаю. Потому что ничего, в сущности, не обещал. И нам в постели было хорошо, а всё остальное так ли уж важно? Вру. Конечно, важно. Но не для меня. Я не выдумывал любовь. Зачем её выдумывать? Она либо есть, либо её нет. Но я благодарен Надежде... Да, именно: благодарен! И это всё? Господи, какие глупости лезут в голову... Я какое-то чудовище! Потому что пытаюсь оправдать себя. Надо же, препарирую чувства, как какой-нибудь естествоиспытатель-педант...»

— О чём задумался, детина? – весело спросила Настя.

— Да так, — он неопределённо повел плечом, — о всяком разном. Например, о таком: а не выпить ли нам по чашечке кофе в «Хижине»? Там подают великолепные пирожные из густых сливок, йогурта и шоколада.

— С ума сойти! – восхитилась Настя. – Прямо как в Париже...

— А давно ли вы, сударыня, из Парижу?

Они снова шутили, смеялись, и пили крепкий кофе, и лакомились изумительными воздушными пирожными, и опять бродили по парку, усаживались под пёстрые зонтики уличных кафе, брызгали друг на друга водой из фонтанов; занимались, с точки зрения здравомыслящего человека, всякой ерундой, например, Настя набирала в рот апельсинового соку и, целуя Андрея, поила его – сок на удивление был прохладен и чуть-

чуть благоухал переспевшей земляникой: ею пахла губная помада Насти. Ему нравился этот мягкий, солнечный аромат, напоминавший о знойном мареве июля, быстрых прозрачных дождях и высоком голубом небе без единого облачка.

Незаметно они вышли к Комсомольской площади, на которой высился памятник партизанам гражданской войны; вокруг него – лавочки, между лавочками – клумбы с астрами, петуньями и портулаком. Подростки катались на роликовых коньках, кучковалась тут и молодёжь постарше: кто-то пел под гитару, кто-то громко обсуждал вчерашний футбольный матч, другие не пели и не фанатели – просто разговаривали, пили пиво, курили и наблюдали за маленькими пони, которые возили малышей в ярких расписных тележках. У самой большой клумбы пританцовывал толстый веселый клоун, а его напарник-фотограф зазывал желающих сфотографироваться. Всё как всегда. И даже Сергей Васильевич Уфименко, внимательно разглядывавший растрескавшийся асфальт у себя под ногами, тоже был уже вроде примелькавшейся детали этой площади.

По своему обыкновению Сергей Васильевич, не замечая никого вокруг, что-то бурчал себе под нос. Андрей хотел подойти к нему поздороваться, но как только подумал о том, что Уфименко непременно заведёт долгий и нудный разговор о подземельях, так и расхотел демонстрировать свою учтивость.

Настя тоже не горела желанием общаться с Уфименко. И потому они, не сговариваясь, обошли Сергея Васильевича и ринулись вниз — к старой аллее, засаженной яблонями; она заканчивалась площадкой, от которой к бульвару вела широкая лестница. По левую сторону лестницы росли высокие ивы, в их зарослях Андрей однажды увидел самого настоящего лося. Впрочем, он не был уверен, что сохатый был настоящим. Всё-таки тогда Андрей находился под впечатлением явления ему Ниохты, в общем, скажем так, был взволнован, и в таком состоянии ему могло привидеться что угодно, не только лось.

— А вон там, — показал Андрей Насте, — однажды гулял лось. Большой, красивый, и на его боку была нарисована спираль со звёздами...

— Концептуалисты, что ли, в Ха завелись? – удивилась Настя. – Обычно они так прикалываются. Но откуда лось-то взяли? И вообще, не слышала я, чтобы кто-то из художников подобные акции устраивал. Ха всё-таки провинциальный город...

— А может, это было виденье? – усмехнулся Андрей. – Или этот лось заплутал в параллельных мирах, и вышел в наш – подкрепиться ветками ивы. Смотри, какие они тут густые и зеленые!

Он, конечно, знал: лось тогда явился ему не случайно. И ещё он чувствовал: что-то подобное должно случиться и сейчас. Воздух словно бы уплотнился, откуда-то сбоку повеяло острой пряной зеленью – кажется, так пахнет аир перед грозой. Солнце уже скрылось за горизонтом, но сумерки ещё только начали сгущаться, и в блекло-фиолетовых тенях то там, то тут вспыхивали первые светляки, робкие и бледные. А может, это и не светляки были?

Андрея охватило странное неясное чувство тревоги. Будто где-то рядом его подстерегает опасность, и она грозит не только ему, но и Насте. Однако ничего особенного он не замечал, разве что навстречу поднималась веселая троица парней. Они о чём-то шумно разговаривали, размахивали руками и, казалось, не обращали на Андрея с Настей никакого внимания, но, поравнявшись с парой, один из парней, коренастый, с глубоко посаженными глазами, вдруг хрипло спросил:

— Курить есть?

— Нет. Не курю, — ответил Андрей.

— Здоровье бережешь? – осклабился парень.

Андрей почему-то отрешённо подумал: коренастый с глубоко посаженными глазами, да к тому же и хрипатый – это ж, можно сказать, типичный образ хулигана. И фиксы у него блестят. Видно, выбили ему зубы в драках. А нос-то, нос – кривой и чуть припухший. Ну, точно: вылитый хулиган!

— Что молчишь? – продолжал парень. – С тобой разговаривают!

Андрей понял: его, что называется, разводят – слово за слово, парень прицепится к какому-нибудь выражению, которое и его друзьям не понравится, они решат: их не уважают, и проучат лоха.

— Дайте нам пройти, — встряла Настя. – Что вы пристаёте?

— А к тебе, детка, ещё никто и не начал приставать, — отозвался второй парень, высокий накачанный блондин.

— Значит, не куришь и не пьёшь? – уточнил коренастый.

— Тебе-то какое дело? – разозлился Андрей.

— За базаром следи, пацан, — посоветовал третий, невзрачный и какой-то весь линиялый. – Не нарывайся на ответную грубость.

— Ха! Не курит и не пьёт – значит, здоровеньким умрёт, — удовлетворенно хмыкнул блондин. – Ты, бля, почему нас не уважаешь?

Андрей молчал. Любое его слово эта троица всё равно истолкует превратно. Он чувствовал, как внутри него закипает ярость, — это был плохой признак: он мог потерять контроль над собой – в таком состоянии без всякого страха бросался на обидчика, мутузил его почём зря и, получая сдачи, только ещё больше распался, ничто и никто не мог его остановить. В школе пацаны, зная эту его особенность, старались Андрея не трогать, особенно после случая с Комбатом – здоровым парнягой из десятого класса. Андрей тогда ходил в седьмой класс, а этот Комбат обложил данью, считай, всех мальчишек: собирал со всех деньги, якобы для городского «общака». Андрей его не побоялся и сказал: «Воров, убийц и насильников не поддерживаю!» — «Чтооо? – изумился Батаня. – Да я тебя, чмо ходячее, замочу щас за такие слова...» Он легко бросил Андрея на пол, но тот изловчился, схватил борова за ноги и повалил его. Комбат рассвирепел и, ухватив соперника, принялся колотить его как отбивную. Андрей, однако, сумел зубами вцепиться в горло грозе всей школы и, наверное, перегрыз бы его, если бы подбежавшие учителя не растащили драчунов.

Ярость разливалась по жилам, в груди, в районе солнечного сплетения, будто огонь загорелся – жар ударил в голову и на мгновенье ослепил Андрея. Ему показалось, что он какая-то неведомая сила приподнимает его над землёй, наполняет тело чем-то тяжелым как свинец. Видимо, происходящие в нём перемены заметила и троица молодчиков. Невзрачно-линиялый испуганно уставился на Андрея и вдруг замахал руками:

— Ты что, ты что? Шуток не понимаешь!

— Во даёт! – присвистнул коренастый и попятился. – Ё-мое, ты фокусник, что ли? Да брось ты! Не хотели мы тебя трогать...

В зарослях ивы глухо зашумел ветер, над кронами деревьев сверкнула молния, раздался громкий хлопок, будто электрическая лампочка перегорела. Андрей невольно повернул голову в ту сторону и увидел, как из темной глубины зарослей выходит большое животное. Оно даже не выходило, а выплывало – одним махом, почти не касаясь ногами земли, надвигалось всей массой гигантского тела на остолбеневших парней. Воздух вокруг него мерцал и переливался алмазной пылью.

— Что за чёрт? – блондин, не отрывая взгляда от видения, нащупал на шее крестик и вцепился в него. – Бесовщина какая-то!

— Да мы ничего не хотели, — пролепетал невзрачно-линялый. — У нас на бутылку не хватало, всего-то рублей двадцать. Жалко, что ли?

— Смолкни! – цыкнул коренастый. — Надо ноги делать!

Андрей, однако, легко – даже сам удивился, насколько легко – подлетел к нему, резко саданул в грудь, и коренастый, будто мячик, отскочил от удара, упал на ступеньки и покатился. Его кореша, не оглядываясь, сиганули вниз. Тёмное животное, неизвестно откуда взявшееся, резво помчалось за ними. Это был крупный лось. На его правом боку тускло светилась спираль. Та самая, которую Андрей уже видел.

Коренастый, пересчитавший ребрами десятка два каменных ступеней, тихо постанывал. От страха он обмочился, и, жалкий, несчастный, скорчился в углу лестницы. Скорее всего, он ожидал, что Андрей непременно подойдет к нему, чтобы хотя бы пнуть на прощание.

— Прошу: не трогай, — парень вздрогнул и подобрал под себя ноги. — Мы не знали, что ты такой...

— А если бы знали? – Андрей почувствовал: буря внутри него улеглась, от ярости и следа не осталось; он всегда быстро отходил и не мог долго держать зла.

— Больше никогда... слышишь?... никогда никого первым не трону. Я за свои слова отвечаю, — парень поморщился от боли. — Надолго запомню этот день...

— Ладно, — махнул рукой Андрей. — Поверю. Передавай привет своим корешам!

Настя всё это время провела в полном оцепенении, она даже кричать не могла – горло перехватил спазм, будто заморозил. Но она видела, как Андрей странно преобразился: в один момент он словно стал выше и крепче, его лицо окаменело, глаза засверкали, и от всего его тела внезапно повеяло силой – Настя ощутила эту упругую, звенящую волну. А лось, выскочивший из ивняка, вообще поверг её в немой трепет: она никогда не видела таких больших животных, да ещё в светящемся ореоле, и с переливающимся клеймом на шкуре: пиктограмму спирали Настя почему-то приняла именно за тавро, может быть, сделанное при помощи какого-то фосфоресцирующего состава.

— Давай уйдём отсюда поскорее, — попросила она. — Я так напугалась!

— Не бойся, я с тобой, — успокоил её Андрей. — Никогда ничего не бойся.

— А что это с тобой было? — спросила она. — Мне показалось: ты как будто стал другим. Знаешь, такой страшный, злой... Никогда тебя таким не видела.

— Все мы иногда бываем другими, — неопределённо ответил Андрей. — Лучше, конечно, оставаться самим собой. Но если вынуждают...

Он не закончил. Замолчал. Пусть Настя понимает его слова, как сама захочет понять. Наверняка она испугалась бы, если бы узнала о его способности оказываться где-то за пределами ясной и понятной реальности; врать же он не хотел и не мог. Андрей считал, что любовь исключает ложь: солгать — значит, не доверять, а не доверять — значит, не любить, или любить меньше, но любить меньше — это всё равно, что не любить. Любовь либо есть, либо нет. Её не бывает больше или меньше, она вообще ничем не измеряется. Как только вздумаешь вымерить её, она погаснет совсем, и сразу станет труднее дышать. Любовь — как чистый воздух горних высей; она открывает второе дыхание, без неё всё серо, скучно и неудобно; гаснет её огонь — гаснет истина, и окружает тебя тьма, в которой прячутся чудовища.

Он откуда-то твёрдо знал: рано или поздно Настя сама откроет *вход*, и, может, тогда ей тоже явятся не только светоносные драконы, и придётся победить свою лярву, и ощутить восторг и ужас бесконечного пространства, и понять самую простую из всех простых истин: ход времени не имеет никакого значения. Оно бесконечно движется по одному и тому же кругу, любой его момент связан со всеми остальными — нет ни прошлого, ни настоящего, ни будущего — есть только Любовь. Время и расстояние — всего лишь иллюзия: не двигаясь с места, можно оказаться в любом моменте времени и в любой точке пространства. Безумцы твердят об этом миру не одну тысячу лет, но здравомыслящие люди лишь смеются в ответ.

Андрей меньше всего хотел походить на последнего безумного шамана. Он выбрал вот эту жизнь, полную радостей и неожиданностей, такую простую, совсем не волшебную — обычную, в общем-то, жизнь. Человеческую. Но в нём осталась и та, другая жизнь, невидимая большинству. Подобно темной космической материи, она пронизывает любого из нас, но не всякий способен осознать и принять её. Для этого нужно так много и так мало — любить. И тогда просыпается душа...

— О чём ты думаешь сейчас? — Настя прижалась головой к плечу Андрея.

Он погладил её волосы, остановился и посмотрел смеющимися глазами прямо в её глаза:

— О жизни. О том, как она прекрасна!

А высоко над ними сияли вечные звёзды, и среди них плыла зыбкая тень лося с золотыми рогами.

ЭПИЛОГ

Чикуюэ Золонговна каждое утро ходит к одинокой старушке-соседке Кэку: никого у неё нет, ни детей, ни близких родственников; сколько ей лет, сама не знает, отвечает: «Много!»

Приболела она, ещё кое-как может выползти на крылечко своего хлипкого домишки, а чтоб сходить за хлебом или за водой к колодцу – и речи нет: слаба, любое движение даётся ей с трудом. Хорошо, Чикиуэ Золонговна ещё в силе, приглядывает за вековухой, помогает ей по хозяйству.

Но недавно что-то с Кэку случилось. Выберется она на крылечко, пожмурится на утреннее солнышко, чихнёт да и примется теревить свой ветхий халат: намнёт-намнёт подол, ухватит скрюченными пальцами самый низ и оторвёт узкую полоску ткани. Эту ленточку старуха раздирает на ещё меньшие клочочки, выбирает из них цветные нити и подкидывает вверх: если дует ветер, они попадают в его струю и плывут подобно осенним паутинкам над соседскими дворами, цепляются за ветви деревьев и повисают на проводах.

Старушка, полузакрыв глаза, покачивается и что-то шепчет себе под нос. Сколько Чикиуэ Золонговна ни прислушивалась, так ни слова и не поняла, разве что разобрала одно – «чока».

— Буйкин-атарди*62, — решила Чикиуэ Золонговна. Кэку, наверное, казалось: на этом свете осталось лишь её тело, ещё живое и не желающее умирать, а душа уже вылетела из него и превратилась в птенца-чока.

Так со старыми людьми иногда случается: будто бы ещё тут, в нашем мире, живут, но уже и в другом присутствуют. Их называют ойбонгойни, что означает: младенцем стать.

Чикиуэ Золонговна жалела Кэку. Весёлая, вечно вся в хлопотах и заботах, приветливая и радушная, соседка была ей всё равно что родня: в горе не бросит, в беде поддержит, радость разделит, и никогда они не считались, кто для кого больше сделал. А теперь она буйкин-атарди...

Во дворе Кэку у самой калитки росла ива. Когда-то давным-давно соседка уронила тут прутик, а он возьми да укоренись, и в рост пошёл, да так быстро! Кэку не стала выдирать его из земли. Так и получилось: у кого-то черёмухи, амурская сирень да дикие яблоньки у калиток, как стражи, стоят, а у Кэку – обыкновенная фотоха*63, правда, раскидистая, пушистая, и листья у неё красивые – мелкие, покрытые с изнанки серебристым пушком: подует ветер, качнет дерево, оно и заиграет–запереливается легким металлическим холодком. Под такой ивой хорошо в жаркий полдень сидеть: в тени прохладно, и оводы с мошкой не донимают – почему-то облетают стороной.

Наверное, фотоха была морсо*64 Кэку. Правда, морсо это всегда невидимое дерево, появляющееся с рождением человека и падающее от дряхлости с его смертью. Оно растёт где-то рядом, переплетаясь ветвями с морсо других людей, особенно тех, кого мы любим, и в этом лесу деревьев-душ светло, радостно и спокойно. А над ним, как над подростом, возвышается вечное омиа-мони – небесное древо жизни, уходящее вершиной в бесконечное пространство.

Кэку, поди-ка, уже представляет себя почкой на ветви омиа-мони. Ей тесно в желто-коричневой полураскрывшейся оболочке почки, и она рвётся из неё, потому что поскорее желает стать чока. Но на самом-то деле старуха раздирает подол своего халата, и узкие ленточка ткани падают на землю как отщелучившиеся чешуйки...

Чикиуэ Золонговна знала, что и ей самой придёт время снова вернуться на омиа-мони, но она не хотела быть при этом ойбонгойли. Хорошо, если бы вход в другой мир открылся для неё сразу, чтобы долго не мучиться и никого не изводить своей беспомощностью.

Собирая утреннее угощение для Кэку, Чикую Золонговна то и дело глядела в окно: не вышла ли соседка на крылечко? Но старушки пока видно не было. В её дворе гуляли три пёстрые курицы и большой огненно-красный петух – вся живность, которую она ещё позволяла себе держать. Петя почему-то покинул пеструшек и с недовольным видом топтался у крыльца; время от времени хлопая крыльями, он громко кукарекал и тряс головой. Обычно петух вёл себя так, если у Кэку в доме был кто-то посторонний: кочет не переносил чужих людей, и старательно дожидался удобного момента, чтобы исподтишка клюнуть чужака в ногу.

И точно, отворилась дверь и на крыльце показалась почтальонша Шура. Чикую Золонговна, увидев её, вспомнила: сегодня же тот день, когда Кэку приносят пенсию. Она давно ждала этих денег. Зачем-то они ей нужны были, хотя, в общем-то, старушке на хлеб хватало, да и соседи жалели её – кто рыбки подбросит, кто пирожками угостит или картошки принесёт.

Петя, завидев Шуру, подбоченился и, наклонив голову, громко забормотал свои петушиные угрозы. Почтальонша прижала к животу сумку и, не решаясь сойти вниз, замахала на него. Позвать на помощь хозяйку она, видно, стеснялась.

— Ну, погоди-ко! – сказала Чикую Золонговна. – Ишь, какой храбрец! Со слабой женщиной драться...

Она выскочила на улицу, проворно вбежала во двор соседки и шуранула Петю подхваченной по пути хворостинной. Тот недовольно кукарекнул, куры поддержали своего султана истощным кудахтаньем. Но Чикую Золонговна прикрикнула: «Кыш!» — и куриное семейство метнулось к сараюшке.

— Ой, спасибо-то вам какое! – обрадовалась Шура. – Страсть, как пугаюсь этого забияку. Прошлый раз так хватил за колено – синяк неделю не сходил, — и без всякого перехода затараторила: Хорошо, что вы к бабке Кэку пришли. Она, как деньги получила, куда-то засобиралась, едва шевелится, болеет ведь, а слушать ничего не хочет: пойду, мол, идти мне надо, не скажу, куда, какое кому дело. Уж вы бы с ней поговорили, что ли. Она вас слушается, — и вдруг ахнула, хлопнула себя по лбу. – Ай! Болтаю-болтаю, совсем забыла... А ну, пляшите!

— С чего это?

— Вам сразу два письма. Одно, смотрите, какое важное: казенное, из музея никак — особый штамп, адрес на компьютере напечатан... А это – обычное, но марки красивые, никогда таких не видела. И где люди их покупают? Ну, что ж вы не пляшете-то?

Чикую Золонговна знала, что Шура от неё не отстанет – традиция в селе такая: пришла весточка – пляши. Пришлось притопнуть и прихлопнуть для вида.

— Вот, получите! – Шура протянула конверты и напонила: — А вам пенсия по графику через два дня. Ждите. Побежала я дальше...

Чикую Золонговна сначала вскрыла казенное письмо. Точно: из краеведческого музея! Эдуард Игоревич сообщал, что открывается новая экспозиция – шаманская, и в ней будут представлены уникальные экспонаты. Он просил мастерицу приехать в город дня за два до открытия: только она сможет обновить тамбурный шов на одном старинном халате;

кого ни просили – не получается. Проживание в гостинице, обеды-ужины музей оплачивает, работу – тоже.

— Ишь, как заманивает: «гарантируем оплату реставрационной работы», — хмыкнула Чикую Золонговна. – Как будто меня только деньги интересуют! А, может, не надо мне никаких денег. Может, я для души всё это сделаю...

Она поворчала, недовольная официальным тоном письма, но всё-таки была польщена: не забывают о ней в городе Ха, чуть что – зовут старушку на помощь. Надо, ох, надо молодых учить искусству нанайской вышивки и шитья! Уйдут старые мастера, кто девчонкам покажет хитроумные приемы, натаскает по особенностям кроя, покажет, как краски из трав, кореньев и плодов готовить.

Второе письмо было от Марго. Чикую Золонговна даже удивилась: надо же, вспомнила, нашла время, чтобы поблагодарить за прошлый приём, так и написала: «приём», как будто она, обыкновенная пожилая нанайка, какая-нибудь важная птица, вроде принцессы или кого там ещё, — изволит принимать визитёров. Ну, Марго слова в простоте ни скажет, ни напишет – обязательно ей надо что-нибудь эдакое вывернуть. Она и про Сергея Васильевича в послании поминала: дескать, господин Уфименко тоже велел кланяться госпоже Киле, помнит и любит её. Правда, любит не так, как Марго, которой он, оказывается, предложил руку и сердце. Между прочим, Андрей тоже скоро перестанет холостяковать: женится на Насте, свадьба через две недели. Недавно Марго его видела: счастливый, доволен вкусной и здоровой жизнью, нет-нет, вы не подумайте, что он миллионером стал – просто он находит удовольствие в самом существовании, которое прекрасно само по себе, и дал же Бог человеку такую благодать – просыпаться и засыпать с мыслью, что он счастлив.

А ещё Марго писала, что Сергей Васильевич нашёл-таки те подземные ходы, в существование которых никто не верил. Возможно, это будет самое замечательное открытие века: Уфименко уверен, что под землёй сохранились какие-то древние формы жизни, даже подумать страшно, какие именно, это фантастика! Правда, для амурских шаманов тайны никогда не существовало: они знали дорогу в другие миры, водились с сущностями, которых называли духами, но на самом деле это, конечно, не духи, а нечто иное. Может, все наши мысли и чувства никуда не пропадают, а превращаются в что-то иное, живущее рядом с нами? Или это то, что мы называем душами? Сергей Васильевич пока и сам не знает ответов, но она, Марго, уверена: Земля – это не просто космическое тело, как тому учили в школе, это, может быть, живой организм, который хранит энергию всех существ, когда-либо живших на планете.

— Значит, опять хотят приехать искать *вход*, — решила Чикую Золонговна. – Ну, никак он не даёт им покоя! Вот, пишет: «Надеюсь, скоро увидимся».

Дверь за её спиной тихонечко скрипнула. Чикую Золонговна обернулась: на пороге стояла Кэку, опираясь о косяк.

— Куда это ты направилась? – спросила Чикую Золонговна, заметив на Кэку фиолетовую кофту и почти новую черную юбку, которую соседка надевала только на выход.

— Э! И не спрашивай! – Кэку слабо улыбнулась. – Нашло на меня что-то: изорвала свой халат. Наверное, хотела чока стать, — она смущенно опустила глаза. – А тут просыпаюсь, открываю глаза: солнце светит, воздух так и играет-переливается, укропом с

огорода пахнет – видно, ночью гроза была, а я и не слышала. Смотрю: красиво-то как! И дышится вроде легче. А халат у меня никакой. Какая же я нанайка без настоящего халата? Надо пойти купить сатина, сшить обнову...

— Ишь, чего удумала: пойти! – покачала головой Чикүэ Золонговна. – Никуда ты не пойдешь. Иди ложись, отдыхай. Если хочешь, я сама схожу в сельпо, куплю материал, потом помогу халат тебе сшить...

— Не такая я уж и беспомощная, — не сдавалась Кэку. — Ещё недавно желала, чтобы вход открылся, в буни хотела. Но мне сон приснился: будто села я в оморочку*, плыла-плыла по Амуру, потом какой-то человек, не вижу я его, говорит: «Переходи на Гассинское озеро, тебе к реке Пихца попасть надо...»

— Так и сказал? – забеспокоилась Чикүэ Золонговна. — Да полно тебе! Ты, наверно, ослышалась. Рано тебе Пихцу во сне видеть...

Кэку тихонько засмеялась, будто тростник зашелестел под порывом ветра, слегка махнула рукой и, уронив взгляд вниз, неожиданно твёрдо сказала:

— Кто по Пихце во сне плывёт, тому из этого мира в другой переходить надо. Я не хуже тебя это знаю. Но послушай, что дальше было. Поплыла я по Пихце, вода – ласковая, на солнце серебрится, из неё сазаны выпрыгивают, так и просятся сами мне в руки, никакой удочки не надо. Только и глядеть на них не хочется, тоскливо мне. Вдруг гляжу: летит огненный шар, от него искры во все стороны брызжут...

— Голоа*! — воскликнула Чикүэ Золонговна. — Тавасо*! Только большой шаман может быть голоа!

— Вода забурлила, будто кипятилок, — продолжала рассказывать Кэку. — Я испугалась, кричать хотела, раскрываю рот – только хриплю, да что же это такое? Вдруг, гляжу, реки нет, оморочки нет, сижу я у какого-то камня. Большой камень, мхом весь зарос, а внизу дырка в нём проделана. Не иначе, думаю, дёкасо* это. Из дырки махонький человек вышел, такой маленький, меньше куклы, но на моих глазах растёт, растёт – и вот уже старик стоит, смотрит строго, говорит: «Иди домой! Зачем сюда явилась? Возвращайся туда, откуда пришла!» Сказал – и пропал, а камень наклонился и дырку закрыл, я, может, и протиснулась бы в неё, очень меня тянуло в дёкасо, будто магнитом, но отверстия-то не стало. Поняла: рано мне уходить, ещё не всё сделала тут...

— Как же! – ободрила её Чикүэ Золонговна. — Скоро картошку копать надо, морковь дёргать, рыбу на зиму солить. Конечно, не всё ещё сделала. И халат свой новый ещё не расшила. Работы много у тебя, Кэку.

— Много, — кивнула Кэку и задумчиво спросила. — Откуда тот огненный шар взялся? Нет у нас больше шаманов.

— Последний шаман есть всегда, — не согласилась Чикүэ Золонговна. — Ты один раз комоко* была, а он всегда комоко. Кто-то должен связывать наш мир с невидимыми мирами. Пусть этот человек не считает себя шаманом, но он всё равно умеет открывать вход. А если умеет открывать вход, то помогает людям, он и сам не знает, что помогает, так получается. Комоко спит, думает: видит сон, а это не сон, это правда. Он знает не зная, и делает не делая.

— Всё так! — подтвердила Кэку. — Я, как проснулась, лучше себя почувствовала. Хорошо, что пенсию сегодня выдали. Можно ткань на халат купить. Ты мне поможешь орнаментом его расшить?

— Конечно, — обнадёжила её Чикуюэ Золонговна. — Самыми лучшими узорами твой халат украсим, Кэку. Не волнуйся!

Соседка умиротворенно вздохнула и ушла к себе в дом. А Чикуюэ Золонговна в тот же день узнала: в пещере, которую считают священной, случился обвал. Большой камень, сорвавшийся с сопки, перекрыл вход в неё. Люди говорили, что из города должна приехать какая-то экспедиция ученых, которая попытается всё восстановить. В Сакачи-Аляне вроде бы постановили построить какой-то этнографический комплекс, и пещера будет в него входить.

А ткань для халата Кэку бабушка Чикуюэ привезла из города Ха. Она всё-таки помогла Эдуарду Игоревичу, и на открытии экспозиции ей вручили от музея почётную грамоту — красивую, в деревянной рамке; можно повесить на стенку как картину.

Чикуюэ Золонговна заходила в гости к Андрею с Настей, гостинцы для них привезла — соленую черемшу, вяленую кету, пакетик сушеных ягод черёмухи. Поговорили о том — о сём. Андрей между прочим сказал: ему частенько снится Сакачи-Алян; наверное, соскучился по настоящей природе — чтобы был берег реки, чистый песок, свежий воздух, зеленые деревья, никогда не угоравшие, как городские, от выхлопных газов автомобилей. И какие-то люди всё время снятся — и знакомые, и вовсе ему неизвестные: приходится им помогать, утешать, смеяться и плакать вместе с ними. Иногда, просыпаясь, он чувствует себя страшно уставшим, будто прошёл пешком несколько десятков километров или какую-то тяжёлую работу сделал. Но встанет с постели, разомнётся, выпьет чая и, глядишь, всё проходит. А тут недавно Настя его озадачила. «Ты, — говорит, — так смеялся во сне! Я даже проснулась. Поняла: тебе снится что-то очень весёлое. Хоть раз возьми меня в свой сон. Обещаю: во всём тебя слушаться в нём буду, помощницей стану...»

— Комоко, — сказала Чикуюэ Золонговна.

— Что? — переспросил Андрей.

Чикуюэ Золонговна смутилась. Она совсем не хотела произнести это слово вслух. Но как же получилось, что сказала? Трудно объяснить, что оно значит.

— Не обращай внимания, — сказала она. — Это я хотела спросить: и что же ты ответил Насте?

При этом она лукаво подмигнула сидевшей рядом с ними Насте, а та ответила за Андрея:

— Он сказал: «Ладно, детка, я возьму тебя в свой сон!» Но только знаете, что он ещё заявил? Чтоб я ничего не боялась. Мол, мир гораздо удивительнее, чем мы его себе представляем. А я в этом была всегда убеждена.

Чикуюэ Золонговна подумала, что Настя пока ещё ничего не знает, всё у неё впереди. А ещё подумала: хорошо, что эта девушка любит Андрея, а он любит её. У них обязательно всё получится, потому что они нужны друг другу. Но, подумав так, она почему-то

одёрнула саму себя: «Ох, какая я старая и скучная! Даже мысли у меня самые обычные, ничего нового в них нет. Наверное, я забыла, что такое любовь...»

Она вздохнула. А Настя сочувственно улыбнулась:

— Соскучились, наверное, по дому?

— Да, — сказала Чикуэ Золонговна. — Как бы хорошо человек ни путешествовал, ему всегда хочется вернуться туда, где он живёт. К тому же, меня старуха Кэку ждёт. Я ей обещала помочь халат сшить.

Когда она ехала обратно в Сакачи-Алян, снова случилось необычное происшествие. На дорогу вышел малыш в белых одеждах. Он улыбался и что-то лопотал себе под нос. Водитель чертыхнулся и затормозил автобус: «Что за наваждение! Этот пацан тут прописался, что ли? Который раз вижу его тут. И, главное, непонятно, откуда берётся и куда пропадает: вот он был – и нету...»

Чикуэ Золонговна знала, кем был малыш. Она закрыла глаза, благоговейно сложила ладошки вместе и прочитала про себя древнюю благодарственную молитву. Если ребёнок не покинул этот мир, значит с Землёй всё пока в порядке. Значит, на ней есть любовь. И есть последний шаман, который, может быть, и не хочет называться так, но который знает: от того, как он живёт, о чём думает и мечтает, зависит, что будет с планетой и всеми её мирами.

А, может быть, подумала Чикуэ Золонговна, в этом смысле каждый человек может быть шаманом – избранником духов?

Она открыла глаза, поглядела в окно. Там, где только что стоял малыш, ветер лениво гонял по асфальту желтый березовый лист.

Примечания:

- *1 сэвен (другое написание: сэвэн) — деревянный божок
- *2 юкола — сушеная красная рыба
- *3 камлать — значит, исполнять ритуальный шаманский обряд
- *4 ямха — пояс
- *5 омоль-ямха — ремень, который делается из кожи лося
- *6 кангора-ямха — железные побрякушки в виде конусов, которые подвешиваются на железных кольцах к ремню
- *7 толи — шаманские медные круги
- *8 сеон — дух
- *9 хала — род
- *10 эму-хала – в значении: однофамильцы
- *11 мэрген — богатырь
- *12 янгпан — то же, что и шаманский пояс
- *13 дучиэкен — нанайский музыкальный инструмент ("нанайская скрипка")
- *14 "изделие №2" — для молодых читателей: так в СССР именовали презервативы
- *15 сиуринку — то есть шаман-врачеватель
- *16 нигмантэй-саман — шаман, совершающий помимо лечения больных обряды при поминках
- *17 касасаман — шаман, провожающий души умерших в загробный мир
- *18 буни — здесь в значении: загробный (потусторонний) мир.

- *18 хурбу – жилище аборигенов.
- *19 мелузины – мифические полулюди-полурыбы. В сказаниях о них очевидно влияние древнегреческого мифа о сиренах.
- *20 шуликун – в славянской мифологии мелкий демон. Слово «шуликун» некоторые исследователи связывают с тюркским словом «шулюк» (пиявка), другие – что оно происходит от слова «шульгай» (злой дух), третьи выводят его из древнерусского прилагательного «шуй» (левый). В славянской мифологии мир нечистой силы связан с левой стороной.
- *21 эргэни – двойник, душа живого существа; некоторые исследователи рассматривают представления древних нанайцев об эргэни как символ единства человека и природы.
- *22 Наны-мароко – мифический богатырь.
- *23 Бо Эндули – высшее божество, оно вечно и бессмертно (нанайск.)
- *24 Муцеляни – планета Земля, по представлениям приамурских аборигенов колоссальное живое существо.
- *25 Егда – персонаж «удэхейской» легенды, записанной В.К. Арсеньевым и приведенной в его брошюре «Лесные люди – удэхейцы» (1926 г.)
- *26 Конгоро – металлические конусообразные трубочки.
- *27 Миф о Шанвае, Шанкао и Шанко записал в стойбище Сикачи-Алян американский учёный Бертольд Лауфер, в конце 19-начале 20 века работавший в составе Северо-Тихоокеанской экспедиции на Амуре.
- *28 Муравьёвский утёс назван в честь генерал-губернатора Н.Н. Муравьёва-Амурского, много сделавшего для развития Дальнего Востока в 19 веке. Долгое время, при советской власти, этот утёс назывался Амурским. Теперь на нём стоит восстановленный памятник, поставленный Н.Н. Муравьёву-Амурскому благодарными потомками ещё до революции.
- *29 ачия(н) – металлические или костяные побрякушки, бляшки, нашиваемые на подол женского халата в качестве украшений
- *30 покто – верхняя женская рубаха (тканевый однослойный халат)
- *31 кочоа – маньчжурский орех.
- *32 кэку – кукушка. Согласно нанайской мифологии, дух Хадо сотворил доброе дерево, кукушку – кэку и топто – ночную птицу, кукушину сестру. Топто заменяет кукушку ночью: крик этой птицы более нежный, мягкий.
- *33 амбал(н) – чёрт.
- *34 хэри бэгди – лапки лягушки. Этот орнамент вышивался на отделочной полосе подола.
- *35 бусяку – то же, что и чёрт.
- *36 чифяку – ласточка. По нанайским поверьям, если испражнения этой птицы попадут на голову человека, то его станут мучить головные боли. Однако эта птица способна, согласно мифам, приносить женщинам души их будущих детей.
- *37 пурепта – вместилище души будущего ребёнка, которое, как полагали нанайцы, находится на темени женщины., соскучились Замужняя женщина, кстати, обычно обвивала голову двумя косами, что имело магический смысл: таким образом она защищала пурепту от злых духов.
- *38 Нанайсал илгачи балана, хадо-хадо минган айнанисал хамаси агбинкини (нанайск.) – переводится примерно так: У орнамента нанайцев долгая история развития, его истоки уходят в эпоху неолита.
- *39 А-та-та! Эй, найсал исихачи биэсину! Гудиэлэ, дёнгомариа дичичитэниэ... — «Ах-ах-ах! Ко мне люди пришли! Бедненькие пришли в такую даль...»
- *40 цовал – дословно: гомон.
- *41 пуйк – вон отсюда!
- *42 сомати – особое состояние человека, сходное с анабиозом.
- *43 Ватель – знаменитый французский кулинар.
- *44 келе – чёрт.

- * 45 хато-охто — растение гастродия высокая, иначе именуемое как «нанайский женьшень», ценное лекарственное сырьё.
- *46 экэни – в значении: подруга.
- *47 чэктэрить – разбрызгивать.
- *48 накан – устройство для обогрева жилища. На накане, как на русской печи, нанайцы спят, сидят, занимаются рукоделием.
- *49 такто – амбар.
- *50 сенкура – багульник.
- *51 нгова – сирена. Считалось, что это существо ловит человека, чтобы сварить его и выделать его кожу. Злой мифологический персонаж.
- *52 Чагдян чалбан – белая берёза
- *53 Эта версия принадлежит выдающемуся русскому теософу 19 века Е. Блаватской.
- *54 Кази— галены – вполне вероятно, название произошло от ульчского «уйси кэси гэлэу» («верхнего бога о счастье просить»). Исследователь Дальнего Востока России, выдающийся российский этнограф И. А. Лопатин впервые описал кази-галенов в книге «Гольды», изданной во Владивостоке в 1922 году. Он считал кази-галенов особым культом. Очевидно, звуковую транскрипцию словосочетания «кэсиэ гэлэури» — прошение о счастье — И.А. Лопатин не совсем точно повторил в написании по-русски.
- *55 потача – прямоугольник.
- *56 кирадама – ромб.
- *57 хэучилэмэ – наклонные полосы, напоминающие неправильный ромб.
- *58 хэсиктэ – чешуйка.
- *59 элта – лицевая сторона.
- *60 доко – изнаночная сторона.
- *61 Дюлин – большая каменная фигура, входящая в природный этнокультурный памятник Дёлома-мама близ с. Сикачи-Алян. Дюлин – это домашний дух-охранитель. В каждом нанайском жилище был свой сэвен-дюлин. По поверью, дух-охранитель мифической Дёлома-мама вместе с ней и её дочерьми превратился в каменные фигуры. Этнокультурный памятник Дёлома-мама до сих пор особо почитаем нанайцами.
- *62 Буйкин-атарди – дословно: давно умершая.
- *63 Фотоха – ива
- *64 Морсо (morso) – дословно: душа-дерево; впервые этот термин употреблён в работе И.И. козьминского «Отчёт об исследовании материальной культуры и верований гаринских гольдов» (1929 г.). У каждого человека имеется три души, одна из них – душа-дерево.
- *65 оморочка – лодка.
- *66 голоа – шаманский огонь. Считается, что дух шамана может путешествовать самостоятельно, в то время, как его хозяин находится у себя дома.
- *67 тавасо – буквально: с огнём.
- *68 дёкасо – невидимое пространство, в котором, как считалось, шаман размещает души больных или старых людей; они хранятся тут до тех пор, пока им не настанет пора отправляться в нижний мир.
- *69 комоко – сновидец, переходящий из одного мира в другой.